

ИГОРЬ

БУНИЧ

Пятисотлетняя
война в России

ИГОРЬ

БУНИЧ

ПЯТИСОТЛЕТНЯЯ ВОЙНА

МЕЧ ПРЕЗИДЕНТА

ЛОМ ПРЕЗИДЕНТА

КЛЫКИ ПРЕЗИДЕНТА

В РОССИИ

**ОБЛИК
Санкт-Петербург
1996**

ББК 84.Р1

Б91

И.Л.Бунич

Б91 Пятисотлетняя война в России. Книга вторая.
СПб. «Облик», 1996.— 640 с.

Первые годы «демократического» развития России ознаменовались небывалыми потрясениями, подтвердившими старую истину: «свобода, независимость и процветание не приносятся “на блюдечке с голубой каёмочкой”». Жестокая борьба номенклатурных кланов, отчаянные попытки любыми способами вернуть страну в коммунистическое стойло, противостояние региональных элит центру, этнические конфликты,— все это является ничем иным, как новыми страницами Пятисотлетней войны, продолжающей пылать на огромной территории России.

Написанная в свойственном автору «лихом» стиле, книга читается с захватывающим интересом от первой до последней страницы.

ISBN 5-85976-021-3

Набор: Е.Афанасьева.

Корректурa: Ю.Кашин.

Оригинал-макет: Г.Мачинцев.

© НПП «Облик». Содержание. 1996.

© «Брайт Лайт». Оформление. 1996.

Перепечатка, копирование и размножение любым другим способом как отдельных глав настоящего издания, так и всего издания, возможны только с разрешения НПП «Облик».

ВОЙНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

МЕЧ ПРЕЗИДЕНТА

Всем тем, кто погиб НИ ЗА ЧТО
в октябрьские дни 1993 года

*«Господь! Неужто это чудище
С врагом сражалось нашей ратью,
А воздь был только рукоятью
Его меча, слепой, как мы».
Даниил Андреев «Апокалипсис»*

Танк вздрогнул от запускаемого двигателя, выплюнул выхлопом голубоватый дымок и грозно повел своим мощным 125-мм орудием.

На танки, подобные этому, возлагались большие надежды, а потому все послевоенное время, то есть в течение полувека, они постоянно совершенствовались, впитывая, подобно губке, лучшие инженерные решения и высокие технологии из самых разных областей науки как фундаментальной, так и прикладной.

Композитная броня, рассеивающая смертоносную кумулятивную струю, но в то же время непроницаемая и для бронебойных снарядов. Гироскопическая башня, лазерный прицел, цифровые процессоры целеуказаний, радары поиска и фиксации цели, работающие в автоматическом режиме, мощные, форсированные двигатели, позволяющие развивать скорость

до 70 км/час. Эти танки с одинаковой легкостью шли через снега и пески, болота и размытые горные дороги. Их боевые характеристики были доведены до возможного максимума на многочисленных полигонных испытаниях и проверены в реальных боевых условиях: в огне Афганистана, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии.

Десятки тысяч этих танков, сконцентрированных на линии водораздела между Западом и Востоком, вдоль границ ГДР и ФРГ, Австрии и Чехословакии служили предметом вечной головной боли у стратегов НАТО, понимающих, что остановить этот танковый вал, если он накроет Западную Европу, обычными средствами будет невозможно; это заставляло постоянно отказываться от соглашения о неприменении первыми ядерного оружия, давая дополнительные козыри советской пропаганде.

На многочисленных оперативно-командных и штабных играх советских Вооруженных сил отрабатывались различные варианты кинжальных танковых ударов по Западной Европе с быстрым выходом к Ла-Маншу и побережью Атлантического океана.

Современные тренажеры и имитаторы давали возможность отработать тактические приемы использования танков прорыва в любых условиях, в том числе и в крупных городах с многомиллионным населением.

В огромном количестве штабных методик и наставлений было предусмотрено практически все: оптимальное расположение танков для поддержки атаки здания рейхстага в Бонне, здания Национального собрания в Париже, здания Европейского парламента в Брюсселе и даже здания парламента в Лондоне

с особым указанием, что на башне Биг Бен могут быть развернуты специальные группы, вооруженные базами и гранатометами. Компьютеры, обеспечивающие работу тренажеров, могли в доли секунды представить каждое из зданий в любой проекции, выделить наиболее опасные этажи и отдельные окна, подлежащие обстрелу из танковых орудий в первую очередь.

Все эти методики и наставления ждали своего часа в сейфах секретных отделов штабов различного уровня, готовые переключаться в боевые подразделения в нужный момент, диктуемый реальной обстановкой.

Когда же этот момент настал, нужного наставления не оказалось даже в Генеральном штабе. Пришлось импровизировать на ходу. Не было ни фотографий здания, ни схемы подходов к нему через паутину улиц гигантского города, ни компьютерных проекций; не было даже простого плана на обычной синьке, хотя это, возможно, было самое крупное здание парламента в Европе, если не в мире. Даже в кошмарном сне никто никогда не предполагал, что здание придется когда-нибудь штурмовать войскам при поддержке танковых орудий, шквального огня бронетранспортеров и боевых машин пехоты, заглушающих непрерывный грохот автоматных очередей.

В перекрестии сотен прицелов стояло величественное белое здание Верховного Совета РСФСР, увенчанное башней с огромным барельефным изображением герба погибшей империи и часами, стрелки которых остановились в 10 часов 3 минуты утра 3 октября 1993 года, когда в гигантское здание ударил первый танковый снаряд...

ШЕЛ ЯНВАРЬ 1992 ГОДА...

Сноп огня вырвался из танкового орудия. Тысячеголосо ахнула толпа, запрудившая площадь Свободной России. Гром выстрела ударил по барабанным перепонкам, посыпались стекла в соседних домах. Где-то в районе четырнадцатого этажа здания Всероссийского парламента вырастает причудливый белый цветок с остроконечными лепестками, огромный и страшный,— рокот накрывает площадь.

Через пустые глазницы окон валят клубы черного дыма, летят какие-то бумаги, оседая на площадь стаей причудливых птиц, водопадом осыпаются стекла с нижних и верхних этажей.

Снова залп из танковых орудий, совпавший с яростным лаем скорострельных пушек бронетранспортеров...

На ультракоротких волнах все, кто имел включенными ультракоротковолновые диапазоны своих приемников, могли слышать истерические крики бывшего вице-президента страны, а ныне параллельного президента Александра Руцкого. Сидя под массивным столом для совещаний, почти в полной темноте, Руцкой кричал в микрофон: «Помогите! Я вас умоляю! Помогите! Они убивают всех... Женщин и детей... Расстреливают... Я вас умоляю, помогите! Летчики, поднимайте самолеты! Бомбите Кремль! Там банда... Преступная банда! Они убили здесь уже 500 человек! Я умоляю вас!»

Хасбулатов молча сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Накурившись, он был внешне спокоен. Такова воля Аллаха. Он поднял его, ссыльного чеченца, на небывалую высоту в фактически чужой и враждебной стране. Он снова бросает его в бездну.

Взрыв грохнул где-то в соседнем помещении.

Послышались крики. Сначала просто неразличимый вой, а затем вопль: «Носилки! Помогите раненым!» Снова грохот и звучная дробь автоматных очередей.

ШЕЛ ОКТЯБРЬ 1993 ГОДА.

Не прошло еще и двух полных лет демократического развития суверенной России, а в центре Москвы уже били танки.

Где-то в темном кабинете, откуда истерически звал на помощь Руцкой, среди вороха разбросанных по столу бумаг, лежал приказ об аресте и расстреле президента Ельцина, об аресте всех членов его семьи в лучшем духе старых коммунистических традиций.

Сквозь треск помех работающей на прием рации прозвучал знакомый голос:

— Руцкой, сдавайся!

Бывший вице-президент всхлипнул в микрофон:

— А если сдамся, то расстреляете? А? Убьете?

— Там посмотрим,— сказал голос.— Что с таким пидаром и козлом делать? Ты же застрелиться обещал.

— Х.. вам! — зло завопил Руцкой.— Не дожидетесь, е.. вашу мать, чтобы я застрелился. Я еще всю правду расскажу про вас всех!

Вместо ответа из рации неожиданно грянула песня: «Дождливым вечером, вечером, вечером, когда пилотам, прямо скажем, делать нечего...» Слезы текли по щекам Руцкого.

— Виктор,— продолжал он истерически кричать в микрофон,—ты меня слышишь, е... твою мать?! Ты за все мне ответишь, тварь!

— Отвечу,— согласился голос.— Ты выйди, дурак, на балкон. Там 10 дивизий, которых ты ждешь, пришли к тебе присягать. Долго они ждать будут?

Давай, сдавайся. Мы знаем, где ты сидишь. Сейчас из танка тебя приголубим так, что и хоронить будет нечего. Ты понял?

Неожиданно ожил стоявший на полу селектор. Голос Сергея Парфенова, как всегда спокойный, доложил: «“Альфа” в здании».

Руцкой схватил трубку радиотелефона и, тяжело дыша, стал набирать код из четырех цифр. Никто не отвечал. Снова раздался голос Парфенова: «У них приказ стрелять на поражение, если мы окажем сопротивление. А потом поди разбери, оказывали мы сопротивление или нет».

Наконец, телефон ответил, и Руцкой, захлебываясь, срывающимся голосом закричал:

— Валера, это ты, е... твою мать? Ты что, скрылся? Помоги, погибаем. Что?

— Сдавайся, Саша,— мягким голосом посоветовал председатель Конституционного суда России Валерий Зорькин.— Не получилось на этот раз. Сдавайся.

— Как сдаваться,— орал в трубку Руцкой.— Валера, я только что послал с белым флагом — располосовали людей. Потом подошли и в упор добились. Ведь тот же Ерин дал команду: свидетелей не брать. Они знают, что у нас звукозаписи есть, видеозаписи, начиная со второго числа: кто давал команды, когда давал команды, где стреляли, как убивали людей. Неужели ты не понимаешь, мы — живые свидетели! Они нас живыми не оставят. Я тебя прошу, звони в посольства. Посади человека, пускай звонит в посольства...

— Саша,— все также мягко проворковал Зорькин.— Мне Черномырдин и Ерин гарантировали твою личную безопасность...

— Врет Черномырдин! Врет Ерин! — завизжал Руцкой.— Я тебя умоляю, Валера! Ну, ты понимаешь! Ты же верующий, е... твою мать! На тебе же будет грех!

— Что я могу сделать? — в голосе председателя Конституционного суда появились нотки раздражения.— Начни переговоры...

— Валера,— тяжело дыша, путаясь в словах, кричал Руцкой.—Они бьют из пушек. Из пушек! Если бы ты сейчас увидел, на что сейчас...

— Вы сами не стреляйте,— посоветовал верховный юрист страны.

— Да не стреляем мы! — со злостью заорал Руцкой.— Ты посмотри — тишина. Вот я отнимаю трубку от уха, послушай,—тишина!

— И чудненько, Саша,— ответил Зорькин.— И они не стреляют. Я вижу по телевизору. Вот и начните переговоры...

— Идет перегруппировка,— перебил его бывший вице-президент. — Танки разворачиваются в боевой порядок. Будут бить залпами. Я тебя прошу, звони в иностранные посольства, пускай иностранные послы едут сюда.

— Ну, ты понимаешь,— уже со злостью сказал Валера,— что я буду позориться — звонить в посольства. Я снова позвоню Черномырдину и Ельцину и предупрежу их о персональной ответственности...

— Черномырдин и Ерин врут,— снова сорвался на визг Руцкой. — Не надо им звонить! Ты лучше связывайся, как я тебе, е... твою мать, сказал, с иностранными посольствами! Посади человека, пускай связывается! Ну неужели мировое сообщество даст расстрелять свидетелей?! Ведь надо разобраться по-

том будет. Ведь они убийцы, ты понимаешь или нет? Руслан, скажи ему... Але! Валера! Але! Падла, бросил трубку! Сука! Руслан, позвони ты... Ну что ты сидишь, как мудака? Убьют же нас всех сейчас, Руслан!

Но Хасбулатов молчал.

Может быть, именно сейчас, в момент, когда стало уже совершенно ясно, что все его планы рухнули, в просветлении наркотического покоя, он вдруг, с полной остротой, осознал, что произошло.

Его обыграли в наперсток с такой же простотой, с какой обыгрывают на площади у Курского вокзала впервые приехавшего в столицу дубового провинциала, пожелавшего слегка поразвлечься и проигравшего за 10 минут все: и наличные деньги, и шмотки, и даже дом в Орловской области. Даже жену с детьми.

Как же он так, как глупая муха, попался в паутину? Казалось, все было продумано до мелочей.

Всем надоевший, малограмотный и вечно пьяный президент. (Видел ли он сам президента пьяным? Вроде нет. Да, пили вместе, но все было в полном ажуре, как говорится. Но показывали видеозапись, и не одну, сделанную людьми Баранникова, и еще раньше — свердловским КГБ по приказу Андропова. И столько показаний и рассказов. Начиная со знаменитой статьи в «Правде», якобы перепечатанной из итальянской «Републик», до рассказа Вошанова, как Ельцин, прилетев на встречу с госсекретарем США, был настолько пьян, что был не в состоянии выйти из самолета. Встречу отложили, сославшись на внезапную болезнь. «Не верь ничему, чего не видел собственными глазами», — гласит мудрая кавказская пословица. Поздно она ему вспомнилась!)

Цвет нации, собравшийся в Верховном Совете и вокруг него, открыто призывающий его, спикера, спасти страну, свергнуть оккупационное правительство, которое, развалив страну, разрушив экономику и доведя до крайней нищеты народ, ныне продолжает проводить антинародную политику, уничтожая последние остатки русской государственности.

Хасбулатов хорошо знал, что это не так. Он стоял рядом с Ельциным, когда развалился Советский Союз, ограбленный до нитки смывшейся с исторической сцены КПСС. Он был в числе тех первых лиц нового российского руководства, которые пришли в ужас при виде того наследства, которое им оставила, сбежав, преступная партия коммунистов, успевшая напоследок еще раз засунуть страну на три десятилетия вперед в финансовую кабалу Запада.

Будучи экономистом по образованию, Хасбулатов лучше других понимал, что меры, предлагаемые группой Гайдара, сулят хоть долгий и мучительно трудный, но выход из того смертельного тупика, в который загнали страну бредовые идеи Ульянова-Ленина и последующие 70 лет политического и экономического маразма.

Именно ему, экономисту, представителю гордого, репрессированного народа, президент вручил руководство Верховным Советом России, хотя многие советовали этот Верховный Совет разогнать и назначить новые выборы еще тогда, в 1991 году, сразу после провала коммунистического путча.

Не обманывая самого себя, он понимал, что Ельцин, «вручил» ему Верховный Совет, заставив после провала августовского путча в страхе замолкнуть визгливую коммунистическую трясину парламента,

которая категорически не хотела нацмена Хасбулатова, пытаясь протащить на этот пост своего прямого ставленника, молодого юриста, авантюриста из Омска Сергея Бабурина, имеющего, помимо всего прочего, и прекрасные рекомендации от КГБ.

Но победа никогда не бывает полной, а тут ее не было и вообще. Была иллюзия победы, вылившаяся в опасную эйфорию, которая, в свою очередь, привела к полной безответственности на всех уровнях. К той самой безответственности, что на Руси всегда называлась «вольницей», а ныне стала называться демократией. Веками в России слово «свобода» служило только антонимом «тюремного заключения», а близкое по значению слово «воля»,— синонимом полной анархии и безответственности.

До сих пор никто толком не понимает значения английского слова «либерти», считая, что это не более, чем тип американских транспортных судов, в большом количестве переданных по лендлизу в годы Второй мировой войны.

Там, где этого слова не понимают, свобода либо не приживается и уходит непонятой, провожаемая автоматными очередями, либо приводит к последствиям, которые не способен предвидеть ни политолог, ни астролог.

Разделение властей немедленно привело к хаосу власти. Вернее, никакого разделения властей не было, а произошло то, что могло произойти только в России: разделение правящего номенклатурного аппарата.

Веками Россией правил несокрушимый бюрократический аппарат. «Не я правлю страной,— заметил

как-то в порыве откровенности Император Николай I, — а сотни столоначальников».

После переворота 1917 года новый партийно-бюрократический аппарат, превратившийся на океанах народной крови в мощную цитадель партийной номенклатуры, привык править страной безотчетно и безответственно, имея в виду только собственные внутриэлитные интересы.

Разделенный после августовского путча 1991 года на две части, аппарат сразу же почувствовал дискомфорт от наличия еще какого-то параллельного аппарата, обладающего практически теми же полномочиями власти и не меньшим аппетитом.

Название тут не имело большого значения: какая ты власть, исполнительная или законодательная: главное — власть. А слово это в нашей стране всегда понималось однозначно: безраздельное господство над богатствами страны, ее народом и полное агрессивное нежелание что-либо менять в этом отношении.

Таким образом, вместо одной номенклатурной цитадели в послепутчевой России их возникло две, мгновенно погрязнувшие в острейшей конфронтации друг с другом по тривиальному вопросу: кто из них главнее и кто должен всем распоряжаться.

На освещенной авансцене все это вначале выглядело почти академической дискуссией: какой должна стать будущая Россия — парламентской или президентской республикой? А за кулисами сразу же началась ожесточенная война, ведущаяся без всяких правил и даже без намека на какое-либо подобие политического и дипломатического этикета.

Коммунисты, придя в себя от кратковременного

августовского шока, увидев, что никто не только не собирается их запрещать, но и даже хоть как-то ограничивать их деятельность, быстро оправились и стали громко требовать политической реставрации в стране, затем с прогрессирующей наглостью перешли к конкретным действиям по всему широкому фронту внутривластной и хозяйственной жизни страны.

Отлично понимая, что старая марксистско-ленинская идеология, с помощью которой они в течение семидесяти лет грабили и истребляли народ, себя полностью изжила, коммунисты, за неимением ничего лучшего и подчиняясь своему генетическому инстинкту людоедства, быстро сомкнулись с многочисленными националистическими, профашистскими и откровенно фашистскими полупартиями-полубандами, которые, как поганки после дождя, буйно проросли на всем пространстве посткоммунистической России.

Даже ленинская «Правда», еще недавно бетонно-официальный форум «самого верного в мире учения», даже не сбросив с себя коммунистических орденов и не изменив шрифта, стала печатать статьи о кровожадных жидках, упивающихся кровью невинных христианских младенцев, а затем уходящих от ответственности с помощью золота и продажных адвокатов. В качестве примера приводилось дело Бейлиса.

Можно себе представить, что сказал бы основатель этой газеты, прочитав эту статью. А прочел бы обязательно, ибо каждый рабочий день у него начинался с чтения именно «Правды». Наверное, он бы не сказал ничего, а просто, по своей привычке, приказал бы Феликсу Эдмундовичу расстрелять всю редакцию газеты, добавив: «С наборщиками тоже разберитесь, батенька. Не замешан ли кто?»

Сам же основатель газеты «Правда» продолжал и в посткоммунистической России возлежать в своем помпезном мавзолее. И каждый час, под бой кремлевских курантов, гвардейцы кремлевского полка, печатая шаг, заступали на «пост № 1», а два научно-исследовательских института со штатом в 1600 человек продолжали работать над телом и мозгом незабвенного вождя мирового пролетариата.

Несмотря на многочисленные публикации, показавшие истинный — звериный и человеконенавистнический — образ Ленина, Дзержинского и их сообщников, ленинские «истуканы» продолжали десятками стоять в крупных городах, непререкаемыми символами непререкаемого божества возвышаться у гор- и сельсоветов, украшать официальные залы и начальственные кабинеты.

Что касается Феликса Дзержинского, то, если не считать его памятника на Лубянской площади, попавшего под горячую руку разъяренной толпы в августе 1991 года, его имидж почти не пострадал. Портреты железного Феликса продолжали украшать официальные кабинеты славных продолжателей его кровавых дел, все еще гордо именующих себя «чекистами».

Родная партия как бы исчезла, но ее боевой отряд, оставшись беспризорным, совсем не спешил отказываться от методик и задач, завещанных покойной родительницей.

Они, как всегда, оставались в тени, их не было видно, но во все поры посткоммунистического общества доносилось их жадное и хищное сопение, выдающее нетерпеливое желание снова кинуться на ненавистный народ и улиться, по привычке, его кровью.

Коммунистические бонзы — секретари обкомов и горкомов, родовая аристократия советского периода, поняв гениальный замысел своего последнего генсека Михаила Горбачева, вовремя успела перебраться в Советы или скрыться за широкой спиной президента Ельцина.

Годами они вырабатывали в себе полное презрение к собственному народу, называемому сквозь зубы населением, и в новых условиях собственного официального краха и развала «любимой Родины» — Союза Советских Социалистических Республик, во все не желали отказываться от своих «законных» прав и привилегий, а, напротив, делали все, чтобы еще на порядок поднять роскошь собственного бытия, не оглядываясь при этом, даже для приличия, на судьбу родины, не говоря уже о народе, в который раз обманутом и ограбленном.

В таких условиях разделение властей и не могло привести ни к чему другому, как к созданию двух мощных, чисто феодальных кланов, один из которых группировался вокруг президента, делая отчаянные попытки въехать в рынок с огромным военно-промышленным комплексом на спине.

Этот комплекс, составляющий 90% всего национального промышленного хозяйства, не желал ничего даже и слушать о каких-то конверсиях, продолжая заваливать погибающую страну горами оружия, которое уже не находило сбыта ни за рубежом, ни в собственной стране. Глухой непробиваемой стеной стояли гордые бароны ВПК, вещая с трибун многочисленных симпозиумов и конференций всех уровней, временами переходя в открытый плач, о снижении государственных субсидий, о гибели всей славянской

культуры, которая, по их мнению, не сможет существовать, не имея перед собой рельефный образ врага, а не расплывчатый жидо-масонский призрак.

Они требовали четкой военной доктрины, пусть не такой прекрасной, как у почившего СССР, стремившегося ко всемирному коммунистическому будущему, то есть к мировому господству, но хотя бы такой, которой и в мирное время необходимо было бы две-три тысячи танков в год и соответствующее количество прочего оружия.

Другими словами, они требовали себе львиную долю государственных расходов, решительно отказываясь перестраивать производство, чтобы выпускать вместо чудовищных подводных лодок, тысяч танков и ракет, какие-то рыбацкие катера, холодильники, утюги, чайники или детские игрушки. Даже фермерская мини-техника, способная вывести страну из хронического сельскохозяйственного кризиса, вызывала у них дрожь омерзения.

Разве можно сравнить изящный многопрофильный мини-трактор с ракетным комплексом тройного лазерного наведения, которому, благодаря его мобильности, нет аналога в мире? И правительство продолжало бросать в жадную пасть ВПК триллионы, галопируя инфляцию, вздувая цены на все, чтобы иметь возможность выкупить у ВПК очередное чудовище, способное уничтожить быстро и эффективно все что угодно, но бессмысленное и никому не нужное в реальных условиях.

Десятки, сотни тысяч высококвалифицированных рабочих и инженеров, цвет научной и технической мысли нации, загнанные преступным коммунистическим режимом и его безумной идеологией в тупик

военного производства, с удивлением (что случилось?) и надеждой (что делать?) смотрели на своих директоров.

Директора всегда появлялись перед народом вкупе с местным председателем совета, бывшим секретарем обкома или каким-нибудь вельможным депутатом из бывших завоцделов того же обкома. Суть их обращений к народу обычно сводилась к следующему: хотели Ельцина, хотели демократов, вот и подавитесь теперь ими! Какой же выход они видели из создавшегося положения? Только один: возвращение к старым добрым временам Советского Союза с его военно-полицейской идеологией, позволяющей при полном молчании народа конфронтировать со всем миром и жить в свое удовольствие.

Гордые бароны ВПК быстро сколотили собственную партию, которую возглавил поначалу Аркадий Вольский, бывший генерал КГБ и ответственный работник ЦК, для которого идеалом руководителя являлся Юрий Андропов, что и понятно, поскольку именно Андропов слепил из мелкого партчиновника Вольского достаточно крупного функционера, чтобы претендовать на высшие государственные должности в посткоммунистической России.

Хитрый и расчетливый Вольский, назвав свою партию «партией центра» (этакие мирные центристы), отлично понимал, что по нынешним временам любая попытка реставрации (это легко сказать: «восстановим Советский Союз», а как это сделать?) может легко привести его с удобного и мягкого кресла партийного лидера на жесткие нары «Матросской тишины», где более года промаялись некоторые его дружки как по работе в КГБ, так и в ЦК.

Как настоящий стратег, Вольский решил действовать из недостижимого для противника штаба руками «полевых командиров», избрав на эту роль вице-президента Руцкого, амбициозного, но очень недалекого человека, и спикера парламента Руслана Хасбулатова, не менее амбициозного, чем Руцкой, но в отличие от него, гораздо более образованного и наглого.

Руцким Вольский прикрылся как щитом, сделав его лидером собственной партии, а на Хасбулатова еще в середине 1992 года спустил целую свору председателей региональных советов, директоров промышленных гигантов и тому подобную публику.

Эта публика совместно с мощной коммунистической фракцией, назначенной в Верховный Совет еще до августа 1991 года по так называемому «списку КПСС», быстро превратила законодательный орган в рупор тех, кто страстно желал вернуться во вчерашний день — к столь милому их сердцу тоталитаризму. Главное, что влекло их в прошлое — естественные преимущества «закрытого общества», когда никто ничего не знал об их делишках, а интересующимся давали срок либо за клевету, либо за шпионаж.

Под каким «соусом» возвращаться к такому простому и надежному режиму, большинству было совершенно безразлично. Не получится с марксизмом, можно попробовать вернуться верхом на национализме, откровенном фашизме или даже какой-нибудь клерикальной идеологии: смеси православия, идей «Белого братства», антисемитизма и устава КГБ.

Обрастая все более странными группировками откровенно маразматического толка, Верховный Со-

вет резко изменил курс на конфронтацию с правительством и, особенно, с президентом, считая именно Ельцина источником всех бед страны как нынешних, так и прошлых.

Устно и в печати президента обвиняли в том, что в прошлом он был партработником высочайшего ранга (для тех, кто видел в коммунизме величайшее зло России); что он — алкоголик, допившийся уже до белой горячки (для интеллигенции, чтобы пришла в ужас); что, к тому же, он еще и еврей (для всех остальных) и посланец сатаны, антихрист (для наиболее передовой части населения, влюбленной в мистику).

Таким образом, с одной стороны, Кремль, во всей красоте своей средневековой причудливости, со всеми символами военно-клерикальной империи далекого прошлого и военно-полицейской державы вчерашнего дня, и, с другой стороны, огромный, суперсовременный Белый Дом превратились в нарицательные символы двух ветвей власти, сцепившихся в непримиримой борьбе.

Все попытки вывести страну из средневекового маразма, куда ее загнали «бессмертные идеи» Ленина-Сталина, привели к новой, но типично средневековой ситуации: политической поляризации государственной олигархии вокруг даже не короля и парламента, как, скажем, в Англии и Франции в середине XVII века, а вокруг нерешительного короля и могущественного феодала, претендующего на трон.

Нечто подобное можно увидеть во Франции XV века в конфронтации короля Людовика XI и герцога Бургундии Карла Смелого, хотя Людовик XI больше напоминает Хасбулатова, а Карл — Ельцина. Но тогда победил король!

Практически весь 1993-й год власти не занимались государственными делами, а только боролись друг с другом. Предоставленная на произвол стихий, страна медленно тонула в трясине чиновничьей коррупции и криминального беспредела, наслаждаясь телепередачами, где противоборствующие стороны разве что не крыли друг друга матом публично.

БОРЬБА СТАЛА ВСЕМ, ЦЕЛЬ — НИЧЕМ.

Цель просто никто не знал и не видел. Главным стало сокрушение противника. Ни одна из сторон не могла выскочить из своего врожденного большевизма. Только сокрушение!

В одном из своих последних публичных выступлений на так называемом Всероссийском совещании всех уровней, Хасбулатов, призывая Советы сплотиться в борьбе с президентом, устало признался: «Вы знаете, откровенно говоря, иногда я смотрю на себя со стороны и думаю: я это или не я, потому что вокруг такая нелепость, как будто мы попали в совершенно иррациональный мир. И я ловлю себя на такой мысли: нет, это не я, потому что я, нормальный человек, не мог участвовать в этих ненормальных делах. Но нас впутали в какой-то дьявольский круг, и мы, действительно, в этом дьявольском круге бегаем, бегаем и никак не можем из него выпрыгнуть...»

Хасбулатову, видимо, почаще следовало бы смотреть на себя со стороны, потому что в том же самом выступлении, вспоминая обещание президента к сентябрю навести порядок в стране, спикер заявил: «Примерно месяц назад, вы знаете это превосходно, президент объявил, что в августе проведет “артподготовку”, а в сентябре “перейдет в наступление”. Ну,

прямо скажем, мы тогда отнеслись к этому с достаточной долей иронии: дескать, снова президент сказал что-то неудачное». Тут Хасбулатов мерзко ухмыльнулся и изрек: «Может быть, был в каком-то особом настроении...» И щелкнул себя пальцами по горлу, демонстрируя известным жестом, в каком именно настроении был президент. Опять был пьяным в стельку.

Далее, осудив пьянство как таковое, спикер прозрачно намекнул, что пьяница-президент должен уйти со своего поста по-хорошему, и сорвал аплодисменты зала, заявив: «Раз, мол, пьет? — наш мужик! Но если “наш мужик”, так пусть мужиком остается и занимается мужицким трудом, а не государственным».

Затем Хасбулатов открыто призвал армию к неподчинению своему Верховному Главнокомандующему, каковым, естественно, являлся президент, и фактически раскрыл свои карты, обратившись к собравшимся со следующим призывом: «Я хотел бы обратиться с этой высокой трибуны к руководителям нашей страны, ко всем гражданам, к рабочим, крестьянам, интеллигенции, воинам армии, правоохранительным органам. Будьте бдительны, не дайте себя втянуть в авантюру, не дайте вовлечь себя в выполнение преступных замыслов...»

Хасбулатов знал, что говорил. Его информаторы, работающие в ближайшем окружении президента Ельцина, давно предупредили спикера, что на столе президента лежит еще неподписанный указ о разгоне Верховного Совета, назначении новых выборов всех ветвей власти, включая и президента, на 12 декабря и временном введении в стране прямого президентского правления.

В этом обращении, если его исследовать, заключаются все ошибки и самого Хасбулатова, и тех, кто за ним стоял, в оценке сложившейся в стране обстановки.

Как бы тяжела эта обстановка ни была, подавляющая часть населения с ужасом и содроганием вспоминала недавние времена «нормальной и духовной жизни», ностальгия по которой, вполне понятно, стучала в сердца бывших обкомовских секретарей пеплом Клааса.

Совещание закончилось 18 сентября. Все стали с нетерпением ждать реакции президента. И она, наконец, последовала.

21 СЕНТЯБРЯ 1993 ГОДА, ВТОРНИК,

19:30.

Евгений Савостьянов, начальник Управления Министерства безопасности по Москве и Московской области, сидел в комнате отдыха, примыкающей к его огромному кабинету, и, помешивая ложкой остывший чай, с интересом посматривал то на часы, то на экран небольшого переносного телевизора, стоявшего на одной из полок массивной стенки рядом с бюстиком Дзержинского.

Бюстик достался Савостьянову в наследство от его предшественника, генерала Прилукова, чья яркая чекистская карьера оборвалась в августе 1991 года, когда почти все руководство бывшего союзного КГБ отправилось либо в тюрьму, либо под следствие с подпиской о невыезде, ибо, как говаривал еще покойный Андропов, «с нашей работы в отставку не уходят, а сразу отправляются в крематорий».

Именно в те, послепутчевые, дни Савостьянов и появился на Лубянке, заняв свою должность, которую по штату КГБ должен был замещать генерал-лейтенант, а то и генерал-полковник.

Евгений Савостьянов был наиболее странной личностью, появившейся на политической сцене после прихода к власти президента Бориса Ельцина и распада СССР.

Физик по образованию, научный работник одного из академических институтов столицы, диссидент-фрондер по убеждениям, лейтенант запаса ракетных войск, с интеллигентным лицом, обрамленным аккуратно постриженной черной бородкой,— образ типичного антисоветчика тех времен. Савостьянов стал активным членом тогда еще «ненормальной» «Демроссии», входя в ее координационный совет.

Там он близко познакомился с Гавриилом Поповым и, видимо, произвел на будущего мэра столицы достаточно сильное впечатление. Настолько сильное, что став мэром Москвы и пожелав иметь в КГБ и МВД своих людей, Попов добился назначения Савостьянова на занимаемую должность, а начальником МВД столицы назначил Мурашова, также одного из координаторов «Демроссии».

Если назвать назначение Савостьянова весьма странным, то это значит — не сказать о нем фактически ничего. КГБ изначально создавался не как государственный институт тоталитарной системы, а как некий тайный орден, секретное военно-политическое общество, по сравнению с которым даже орден иезуитов выглядит детской забавой.

Даже рядовые сотрудники при приеме в КГБ должны были пройти через продуманную систему

фильтров, совершенно исключая попадание в КГБ не то что случайных людей, но и тех, у которых возникли бы какие-либо вопросы, хотя бы к самим себе, от сознания того, чем им приходится заниматься, и кому все это нужно.

Что же касается руководящего состава, то все 70 лет не было практически ни одного исключения из правила: руководство либо «спускалось» из ЦК КПСС, либо тщательно карабкалось по крутой и скользкой от крови и грязи служебной лестнице, рискуя каждую секунду сорваться прямиком на тот свет.

И тут, на одну из самых почетных и важных должностей в КГБ присылают мало что шпака и чужака, да еще какого-то диссидента из «Демроссии», которая с момента своего основания служила для КГБ не более как объектом самого тщательного наблюдения, а ее члены рассматривались в качестве потенциальных клиентов следственных изоляторов и трудовых лагерей.

На небольшом столике перед Савостьяновым лежала изящная папка из красного кожзаменителя с ярлыком какого-то симпозиума по проблемам квантовой механики.

Начальник управления МБ по Москве и Московской области раскрыл папку, вытащил из нее несколько листков ксерокопий, скрепленных изящной пластмассовой скрепкой голубого цвета, и еще раз просмотрел содержание документов, увенчанных старым грозным грифом: «Совершенно секретно. Особой важности».

«Отпечатано в двух экземплярах.

1 экз.— президенту. 2 экз.— в спецархив.

Копий не снимать! Передаче по радио и системам проводной связи не подлежит! Только через старшего офицера МБ, допущенного к группе документов ОВ/ГВ».

То, что несмотря на столь грозные грифы, с документа все-таки сняли ксерокопию (возможно, и не одну), говорило о том, что в условиях полного государственного хаоса и отсутствия дисциплины избежать утечки самой секретной информации не представляется возможным.

Документ был подписан заместителем министра Николаем Галушко, а Савостьянов был одним из его авторов. Датирован документ был июнем 1993 года и составлен таким образом, что сам министр безопасности генерал-полковник Виктор Баранников о нем не знал ничего (до нужного момента, конечно). Озаглавлен документ, по старой советской традиции, был просто и доходчиво: «Меры по дальнейшему укреплению Российской государственности. Анализ и рекомендации».

После краткого резюмирования положения во внутривнутриполитической, хозяйственно-экономической и культурной жизни страны, состояния ее вооруженных сил, науки и образования, анализа обострившихся социальных и межэтнических проблем и всего лишь одного абзаца, касавшегося положения страны на международной арене, в документе, в частности, говорилось:

«...Все вышеизложенное приводит только к одному выводу: ни в экономическом, ни в моральном отношении страна оказалась совершенно не готова к столь резкому переходу от

жесткой тоталитарной системы управления к классической демократии западного образца...

Разделение властей на исполнительную, законодательную и судебную привело к острому противостоянию этих ветвей власти даже без короткого периода полезного государственного сотрудничества...

Свобода слова, печати и собраний привели общественную жизнь страны в состояние полного хаоса. Безответственность всех средств массовой информации еще более обостряет положение в стране, провоцирует межнациональные конфликты, лихорадит хозяйственную жизнь и выставляет страну за рубежом в негативном и смешном свете...»

В разделе «Рекомендации» указывалось:

«Таким образом, попытка перехода от тоталитарного строя к демократическому без переходного периода “относительно мягкой автократии”, с нашей точки зрения, не увенчалась успехом.

Именно шок этого резкого перехода привел к развалу СССР, а продолжение следования подобным путем неизбежно приведет к развалу Российской Федерации, ибо понятие “демократии” как “вседозволенности” стимулирует безответственные элементы в регионах, стремящихся к постоянному расширению собственной власти...»

Далее с некоторой долей патетики, без которой КГБ просто не умел составлять свои сводки, говорилось:

«Во имя спасения того, что еще осталось от нашей страны, во имя обеспечения будущего Российского государства и предотвращения гражданской войны следует незамедлительно вытащить страну из демократического хаоса и сделать это таким образом, чтобы ни у кого не оставалось ни тени сомнения в решимости властей навести порядок...»

К документу был подколот проект указа президента о роспуске Верховного Совета и о ликвидации советов по всей стране как института власти. Проект также был составлен в июне 1993 года и лежал на столе президента неподписанным.

Савостьянов еще раз посмотрел на часы. Было 19 часов 54 минуты. На экране телевизора высветилась надпись: «Заявление президента Российской Федерации».

20:00

На экране появился Борис Ельцин, сидящий, как всегда, на фоне российского «триколора», держа перед собой несколько листов отпечатанного на машинке текста. Хотя Савостьянов видел эту видеозапись уже дважды накануне, он решил прослушать ее еще раз.

Одно дело — гонять эту кассету на видеомагнитофоне, чтобы дать последние рекомендации по редакции текста, другое дело, — когда она звучит уже на всю страну и будет, как и задумано, повторена в эфире несколько раз.

Президент выглядел спокойным и собранным. Он принадлежал к типу тех людей, кстати, типично рус-

скому, которые всегда ВЕСЕЛЕЮТ именно ПЕРЕД ДРАКОЙ, битвой и другими событиями, связанными со смертельным риском. Перед любым «лихим делом», как говаривали в старину.

«Уважаемые сограждане! — начал президент.— Я обращаюсь к вам в один из самых сложных и ответственных моментов, накануне событий чрезвычайной важности.

В последние месяцы Россия переживает глубокий кризис государственности. В бесплодную и бессмысленную борьбу на уничтожение втянуты буквально все государственные институты и политические деятели.

Прямое следствие этого — снижение авторитета государственной власти.

Уверен, все граждане России убедились, что в таких условиях не только нельзя вести труднейшие реформы, но и поддерживать элементарный порядок.

Нужно сказать прямо: если не положить конец политическому противоборству в российской власти, если не восстановить нормальный ритм ее работы, то не удержать контроль над ситуацией, не сохранить наше государство, не сохранить мир в России.

В мой адрес потоком идут требования со всех концов нашей страны — остановить опасное развитие событий, прекратить издевательство над народом властью.

Уже более года предпринимаются попытки найти компромисс с депутатским корпусом, с Верховным Советом.

Россияне хорошо знают, сколько шагов навстречу делалось с моей стороны на последних съездах и между ними.

Но даже если о чем-то удавалось договориться, через короткое время следовал категорический отказ выполнять взятые на себя обязательства.

Мы с вами надеялись, что перелом наступит после апрельского референдума, на котором граждане России поддержали президента и проводимый им курс. Увы, этого не произошло.

Последние дни окончательно разрушили надежды на восстановление какого-либо конструктивного сотрудничества...

Наступило время самых серьезных решений».

Президент глотнул воды из фарфоровой чашки. Савостьянов подавил вздох и приготовился слушать дальше.

«Уважаемые сограждане!

Единственным способом преодоления паралича государственной власти в Российской Федерации является ее коренное обновление на основе принципов народовластия и Конституции.

Действующая Конституция не позволяет сделать это. Действующая Конституция не предусматривает также процедуры принятия новой Конституции, в которой был бы предусмотрен достойный выход из кризиса государственности.

Будучи гарантом безопасности нашего государства, я обязан предложить выход из этого тупика, обязан разорвать этот губительный порочный круг».

Президент явно волновался. Он снова выпил воды, а Савостьянов усмехнулся, подумав, что было бы здорово, если бы Ельцин именно сейчас демонстративно выпил стопку водки.

Между тем, покончив с преамбулой, Ельцин перешел к главному в своем заявлении:

«Учитывая многочисленные обращения в мой адрес руководителей субъектов Российской Федерации, групп депутатов, участников Конституционного совещания, политических партий и движений, представителей общественности, граждан России, мною предпринято следующее:

Облаченный властью, полученной на всенародных выборах в 1991 году, доверием, которое подтверждено гражданами России на референдуме в апреле 1993 года, я утвердил своим указом изменения и дополнения в действующую Конституцию Российской Федерации...»

Далее президент выразил надежду, что в новый парламент придут новые люди, которые будут «более компетентные, более культурные, более демократичные», пообещал досрочные президентские выборы после начала работы нового Федерального собрания, а затем чеканным голосом, которым в старые времена зачитывали текст смертных приговоров, перешел к самой сути своего заявления:

«В соответствии с указом президента, который уже подписан, с сегодняшнего дня ПРЕРЫВАЕТСЯ осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. Заседания съезда более не созываются. Полномочия народных депутатов прекращаются.

Конечно, их трудовые права будут полностью гарантированы. Депутаты вправе вернуться на предприятия и в учреждения, где они прежде работали до

избрания депутатами России, и занять прежние должности. В то же время каждый из них вправе вновь выставить свою кандидатуру для выборов в Федеральное собрание.

Полномочия органов власти на местах сохраняются. В связи с этим, обращаюсь к местным руководителям: используйте все законные возможности для обеспечения общественного порядка.

Хочу отметить особо: Конституция Российской Федерации, законодательство Российской Федерации и субъектов Российской Федерации продолжают действовать в полном объеме, с учетом изменений и дополнений, введенных указом президента.

Гарантируются установленные Конституцией и законом права и свободы граждан Российской Федерации».

Савостьянов даже слегка привстал с кресла. Это уже было интересно! В его варианте пленки куска о «продолжении конституционных гарантий» не было. Напротив, хотя явно и не говорилось, но сильно намекалось на то, что в стране введено чрезвычайное положение.

Значит, кто-то внес в последний момент эти изменения. Математический ум новоиспеченного чекистского генерала мгновенно просчитал возможные варианты, вытекающие из фактически объявленного государственного переворота с сохранением конституционных гарантий. Возможно, что так даже и лучше.

Заключительная часть заявления Ельцина была насыщена патетикой:

«Обращаюсь к руководителям иностранных держав, к зарубежным гражданам, к нашим друзьям, которых немало по всему миру.

Ваша поддержка значима и ценна для России. В самые критические моменты сложнейших российских преобразований вы были с нами.

Призываю вас и на этот раз понять всю сложность обстановки в нашей стране. Те меры, на которые я, как президент Российской Федерации, **ВЫНУЖДЕН** идти — **ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ** защиты демократии и свободы в России, защиты реформ еще слабого российского рынка.

Эти меры необходимы, чтобы защитить Россию и весь мир от катастрофических последствий развала российской государственности, от воцарения анархии в стране с огромным **АРСЕНАЛОМ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ**. Других целей у меня нет.

Уважаемые сограждане!

Наступил момент, когда общими усилиями мы можем и должны положить конец глубокому кризису российской государственности...

Общими силами сохраним Россию для себя, для наших детей и внуков. Спасибо».

Савостьянов выключил телевизор. Выбрал среди ксерокопий документов указ Ельцина еще без даты и подписи.

Указ был озаглавлен «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», где в еще более резкой форме, чем в телевизионном заявлении, говорилось о разгоне президентом Верховного Совета.

Пикантность ситуации заключалась в том, что эти ксерокопии информатор Лубянки обнаружил в секретариате Хасбулатова, где они, невзирая на грозные грифы и требование «Копий не снимать!», лежали в папке, на которой рукой спикера было начертано «До

особого распоряжения необнародовать»: Громоздкое слово «необнародовать» было написано слитно. У Хасбулатова всегда были проблемы с русским языком.

Взяв красный фломастер, Савостьянов написал на ксерокопии: «№ 1400, опубликован 21 сентября 1993 года».

20:30

Председатель Верховного Совета РСФСР, или «спикер парламента», как он любил себя называть и радовался, когда его так называли другие, слушал выступление по телевизору президента страны не очень внимательно. Он давно знал его содержание.

У него была своя разведка, ловко действующая не только в коридорах исполнительной власти, но и во многих других кабинетах президентского аппарата.

У него была своя гвардия, подчинявшаяся только ему, но числившаяся в кадрах элитных частей «охраны высших должностных лиц государства».

Могущественные министры заискивали перед ним, ища его дружбы и покровительства.

Даже спесивые и неприступные от сознания собственной исключительности вчерашние обитатели крупных партийно-номенклатурных кабинетов смотрели на него с теплотой в холодных стеклянных глазах, с надеждой, что именно он поможет им вернуть былое величие и власть.

Даже гордые и агрессивные националисты, увенчанные портупелями, пластмассовыми крестами, в начищенных до блеска сапогах и с подобием военной выправки, для которых он недавно был «чурка» и «чечмек», этнически неполноценный чечен, стали

вдруг смотреть на него как на отца нации и бурно выражать ему свое восхищение.

Спасаясь от милиции после очередных уличных беспорядков, они все бежали теперь к Белому Дому, и депутаты брали их под свою защиту. Они бежали к нему в поисках спасения и выхода. Они признавали за ним роль «отца нации», хотя этот императорский титул он решил демократично разделить со всем Верховным Советом.

Ехидные газеты спрашивали, что «если у нации коллективный отец, то на кого подавать алименты?». Он этого не слышал.

Что ни говори, а имя Хасбулатова уже третий год не сходило со страниц газет и журналов, с теле- и радиосообщений, занимая достойное место в информационном потоке мировых новостей, явно опережая в этом отношении президента Ельцина, не говоря уже о его окружении.

Те силы, которые некогда «кооптировали» молодого чеченца в ЦК ВЛКСМ, видели в нем своего и надежного человека, поскольку протащили его в новый Верховный Совет РСФСР кандидатом от Грозненского университета. Как это тогда делалось, все хорошо знают, но следует признать, что Хасбулатов сам участвовал в избирательной кампании, выступал много и убедительно, и своего соперника, второго секретаря обкома КПСС, победил в упорной борьбе.

Во вновь избранный Верховный Совет РСФСР пришел совершенно неизвестным человеком. Связей с руководством «Демократической России» у него не было, опыта работы в Верховном Совете — также.

Когда же после нескольких раундов голосования Борис Ельцин с перевесом в четыре голоса был все-

таки избран Председателем Верховного Совета РСФСР, то он и поддерживающие его «демороссы» решили, что первым заместителем Ельцина должен стать представитель одной из национальных автономий России.

Ельцину указали на знаменитого и известного Рамазана Абдулатипова, за которого и коммунисты, и представители большинства автономий проголосовали бы без колебаний. Но Абдулатипов — слишком известный деятель из аппарата ЦК КПСС. Ельцина это не устраивало. Ему нужен был человек попроще, не изуродованный известными методами работы, принятыми в аппарате ЦК КПСС.

Кандидаты в заместители Ельцина, предлагаемые почти наобум, дружно отменялись коммунистическим съездом или заваливались «демократами», пробившись в новый Верховный Совет. Еще у многих в памяти свежи воспоминания о тех голосованиях, которые вытеснили с телевизионных экранов все эстрадные и сатирические программы.

Имя Хасбулатова возникло во втором туре голосований. «Демократы», которые о Хасбулатове ровным счетом ничего не знали, посмотрели на его результаты «поименных голосований», которые, с их точки зрения, оказались неплохими. Выяснилось также, что и коммунисты против Хасбулатова ничего не имеют, основываясь на какой-то собственной информации. Аналитики Ельцина, бывшие работники аналитического отдела КГБ, также дали профессору Хасбулатову хорошую аттестацию, особо подчеркивая те качества, которых у профессора зарубежной экономики как раз не было: скромность, неамбициозность, прекрасная исполнительность, преданность боссу.

В то время, как еще в бытность свою секретарем так называемого «большого» комитета комсомола МГУ, Руслан Хасбулатов прославился как злобный интриган с полным отсутствием каких-либо идей, а также чувства преданности и товарищества, что «аналитикам» не могло быть не известно. Кроме того, электронной системы подсчета голосов еще не было, участники съезда уже изнемогали от тяготы заполнения бюллетеней, и, в результате, предложенная кандидатура Хасбулатова прошла.

Видимо, в качестве одного из заместителей председателя Хасбулатов вполне подходил, но никто тогда и не предполагал, что он превратится в самостоятельного политического деятеля.

Неожиданный бунт шестерки заместителей Ельцина во главе со Светланой Горячевой и Владимиром Исаковым, написавших резкое антиельцинское письмо и опубликовавших его в «Правде», стал поворотным моментом в политической карьере Хасбулатова.

Неизвестно, кто надоумил Хасбулатова не подписывать знаменитое письмо, но он поступил именно так, и этот поступок превратил его в героя для всех демократов и их сторонников по всей России.

Когда же Ельцин уходил в президенты России, у него просто не было уже другого выбора, как предложить кандидатуру Хасбулатова на освободившийся пост Председателя Верховного Совета.

Коммунисты, перестроив свои ряды и порядком струхнув от всего, что потенциально могло произойти, выдвинули в противовес Хасбулатову также никому пока не известного Сергея Бабурина, молодого и нахального декана юридического факультета Ом-

ского университета, числившегося в агентуре КГБ под конспиративным именем «Николай».

В течение нескольких дней шло голосование, решающее, кому быть на посту Председателя Верховного Совета: Хасбулатову или Бабурину? Ни один не мог набрать нужного числа голосов.

Возможно, что Лубянка говорила по прямой связи с Омском, сравнивая кандидатуры, и никак не могла прийти к оптимальному решению. Ведь выдвигалось же предложение сделать Хасбулатова председателем, а Бабурина — первым заместителем. Не согласились, а тандем был бы замечательный.

В разгар борьбы за место Председателя Верховного Совета грянул августовский пугч, в ходе которого коммунисты и те, кто оказался рядом с ними, оказались настолько сильно скомпрометированными, что когда президент Ельцин, спрыгнув с танка, появился перед притихшими депутатами, объявив о запрете Коммунистической партии и конфискации ее имущества в казну, Хасбулатов был безропотно выбран председателем в первом же туре голосования.

Подброшенный таким образом президентом Ельциным на один из важнейших государственных постов, воссев на этом посту в отблеске президентской харизмы, Хасбулатов какое-то время еще играл роль преданного президентского оруженосца.

Вот, вроде, уже Ельцин всерьез воспринимает спикера как равноправного партнера, как ГЛАВУ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ. Президент ведет с ним какие-то переговоры, заключает соглашения, вот уже они выходят под овацию зала втроем: Ельцин, Хасбулатов и Зорькин — руководители страны, триумвират, когорта равных.

«Что-то верный Руслан начал рычать на президента и покусывать его», — замечает пресса, сравнивая спикера с его тезкой, знаменитой владимовской овчаркой из охраны концлагеря.

И вот уже люди говорят, что верят только Хасбулатову и удивляются, почему президентом является Ельцин, а не он, если Ельцин — даже не депутат.

И не юрист. («А ваш председатель, уважаемые депутаты, не только экономист, но и юрист».)

Покусывает он президента вначале мягко: «Ну, президент не прав. Это мы отменим», «Ну, конечно, Козырева надо снять с работы», «Снимем Попова и Явлинского, если плохо будут себя вести».

И вот в речах Хасбулатова зазвучали мысли о приоритете и верховенстве законодательной власти во властной триаде, о том, что депутаты — это венец творения, что им подвластно все. Он сотворил этот странный псевдопарламентский мирок с собственной микрожизнью, принципиально замкнутой на себе.

Так ребенок создает между двух табуреток целое королевство, где он даже не король, а некое высшее божество, способное заменить короля в любой момент, когда тот ему чем-нибудь не понравится.

В этом маленьком придуманном мирке лишними были и избиратели, и президент. В этом микромире верили, что стоит им отправить президента в отставку, и он уйдет; что стоит им объявить о восстановлении СССР, и он восстановится; что можно внести что угодно в текст Конституции, и не только бумага все стерпит, но и все заработает немедленно; что стоит объявить самих себя пожизненно несменяемыми, и все с этим согласится.

Депутаты крикливы и скандальны. Им не знакома не только парламентская, но даже казарменная этика. Они нападают на Хасбулатова, обвиняя его в том, что он — «ельцинский агент влияния», грозя выкинуть его со спикерского поста простым голосованием в любой момент.

Справа и слева летят обвинения в «нерусскости». От этого никуда не деться. Из нерусского русским не станешь. Даже у Сталина это не получилось, а о Хасбулатове и говорить нечего. Действительно, почему парламент — уже не советский, а русский, — должен возглавлять чеченец? Пусть едет себе в Чечню и там возглавляет что хочет!

«Хватит с нас кавказцев!» — с нескрываемым раздражением бросил как-то с экрана телевизора символ и патриарх русской демократической интеллигенции академик Лихачев, имея в виду Хасбулатова.

Если такое мог сказать Лихачев, можно себе представить, что мог бы сказать тот же Бабурин, получи он возможность высказать Хасбулатову все, что он о нем думает.

Но само упоминание о родной чеченской республике приводило спикера в дрожь.

Захвативший в Чечне власть после развала Советского Союза Джохар Дудаев, в прошлом лихой авиационный генерал советских ВВС, объявил бывшую российскую автономию независимой суверенной республикой и, как следствие этого, отдал приказ об отзыве из Верховного Совета России всех депутатов, избранных от Чечни.

Естественно, Хасбулатов наотрез отказался выполнять этот приказ, но его статус «народного депу-

тата» как бы повис в воздухе. Более того, взбешенный Хасбулатов не придумал ничего умнее, как отдать приказ о выселении всех чеченцев, проживающих в московских гостиницах, хотя никакого юридического права на это не имел, поскольку не обладал по закону никакими исполнительными полномочиями и грубо влез в прерогативу московского правительства.

Чеченцы остались в Москве, но мстительный генерал-президент Дудаев лишил Хасбулатова чеченского гражданства. А о российском гражданстве Хасбулатов хлопотать не хотел, считая это ниже собственного достоинства. Да, надо заметить, что никакой процедуры получения российского гражданства гражданами отколовшихся автономий и даже республик, по существу, не было.

Таким образом, во главе «ПЕРВОГО РУССКОГО СВОБОДНОГО ПАРЛАМЕНТА» оказался человек, который формально не был ни депутатом, ни русским, и никаким другим подданным.

«Политический БОМЖ»,— определил Хасбулатова ненавидящий его Михаил Полторанин.

«Пришелец, не имеющий никакого права даже заниматься делами России»,— вторил ему пресс-секретарь президента Вячеслав Костиков.

Руслан Имранович очень хорошо понимал то положение, в которое он попал, становясь заложником очень многих или совсем не контролируемых, или очень слабо контролируемых им сил.

Выходом было бы подать в отставку. Но даже одна мысль: снова вернуться на уровень пусть даже и профессора престижного института — была совершенно невыносима. Это было хорошо понятно каж-

дому, кто из дерьма рядовой «совковой» жизни сумел пробиться в сказочное «зазеркалье» номенклатуры. Путь назад был хуже смерти.

Ведь у него уже все почти как у Ельцина: и собственная охрана, и выезд, и личный самолет, и президент в импичменте.

А кто его может заменить? Ведь не зря в Верховном Совете изо дня в день муссируется тема: пост президента в России следует отменить как «себя не оправдавший» и превратить Россию в парламентскую республику, где истинным главой государства будет несменяемый спикер несменяемого парламента, о котором пресса не будет иметь права говорить ничего, кроме хорошего. Как о покойнике...

Но мартовский съезд, на котором пытались согнать с должности президента путем тайного голосования, показал Хасбулатову, насколько непрочны и его собственное положение, когда разъярившиеся депутаты неожиданно поставили вопрос о его собственной отставке.

С этого времени Хасбулатов стал нервничать и совершать гораздо больше ошибок, чем до сих пор.

Одной из этих ошибок была попытка собрать вокруг себя всех недовольных происходящими в России переменами и выступить в поход против Ельцина под знаменем Объединенной оппозиции.

А со стороны все уже видели неизбежность печального конца.

«Если та грязная волна, в которую так опрометчиво бросается Хасбулатов в последней надежде найти потерянную точку политической опоры, подхватит его и выбросит на берег, то он, судя по всему, останется никчемной, малопривлекательной фигурой,

в которой никто не нуждается, и которая ничего не содержит», — отмечал журнал «Новое время» еще в июне 1993 года.

«Люди не читают тех изданий, которые пишут обо мне плохо», — как-то заметил Хасбулатов. Не читал их и он сам. А зря.

Потому что, поругивая Хасбулатова, а часто и просто издеваясь над ним, газеты вопрошали с некоторой смесью удивления и любопытства: «А на что, собственно, он рассчитывает? Неужели он не понимает, что соотношение сил таково, что его просто прихлопнут как муху, да еще спишут на него все грехи президента и его окружения, именуемых исполнительной властью».

Нет, не понимал. И уже не было у него другого выхода, как драться с президентской ратью до конца.

Взрыв «одиннадцати чемоданов» опального вице-президента Руцкого, обвиняющего все президентское окружение в коррупции, спровоцировал серию ответных ударов, в результате которых сам вице-президент «де факто» был лишен своего поста, погубив при этом и министра госбезопасности Баранникова.

Именно «одиннадцать чемоданов» Руцкого позволили президенту и его сторонникам динамично захватить инициативу и пообещать мощное сентябрьское наступление, поскольку история с «чемоданами», благодаря глупости самого Руцкого и изумительной способности Хасбулатова попадаться на любую наживку, превратилась в бумеранг, бьющий по очень многим лицам как в России, так и вне ее, но совсем не по тем, для кого этот удар предназначался по плану Хасбулатова.

Пришлось вновь отступить с занимаемых пози-

ций прямо в объятия тех, кто жил мечтами о реставрации «славного коммунистического прошлого». А они уж окончательно охмурили Хасбулатова, как ксендзы Козлевича, перечисляя свистящим шепотом номера дивизий и отдельных спецназовских полков, танковых бригад и соединений штурмовой авиации, готовых по получении условного сигнала немедленно взяться за оружие и выступить на защиту Верховного Совета и неувядающей социалистической Конституции во имя восстановления СССР и советской власти.

Перечислялись и фамилии генералов и министров (нынешних и бывших), банкиров (наших и зарубежных) и предпринимателей, тайных советников и обиженных фаворитов, готовых на все во имя спасения родины «от ельцинской диктатуры и сионистского ига». Главное, не упустить время, когда следует подать условный сигнал.

Как говаривал Ленин: «Сегодня — рано, завтра — поздно!»

И все со страхом смотрели на Кремль, удивляясь долготерпению президента. Что ни говори, но, несмотря на все фанфаронство, напоминающее временами поведение школьников 6-7 класса в отсутствие учителя, включая и знаменитый крик «атас» стоящего на стреме, президента в Верховном Совете побаивались.

У всех в памяти осталось истерическое заявление депутата Астафьева о том, что в разгар мартовского съезда на территорию Кремля введен спецназ. Многих пробрала дрожь.

А депутат Исаков, потребовавший импичмента Ельцину, говорил эти слова с выражением такой

смертной тоски в глазах, как будто спецназовцы уже волокли его в пыточный застенок. Депутат подчеркнул, что голосование по этому вопросу должно быть обязательно тайным, чтобы, упаси Бог, президент не дознался, кто и как по этому вопросу голосовал.

Но после реплики депутата Астафьева даже самые храбрые решили на всякий случай воздержаться даже при тайном голосовании.

Ведь достаточно было одного движения президентских бровей, чтобы надоевшего ему депутата Слободкина, взяв за руки и за ноги, просто выкинули за дверь конституционного совещания, как в достопамятные времена Ивана Грозного.

Правда, в отличие от тех времен, его не посадили на кол и даже дали возможность, отдышавшись, дать на ходу пресс-конференцию. Но в зал больше не пустили, выкинув вслед и его проект новой советской Конституции.

Страх пронизывал Верховный Совет неоднократно. Чуть ли не ежедневно то один, то другой депутат, неожиданно взяв слово, делал заявление о том, что президент (или кто-нибудь из его окружения, а окружение президента, в целом, считалось еще хуже самого президента) тайно посетил одну из элитарных воинских частей, вроде дивизии имени Дзержинского, где согласовал с командованием список депутатов, подлежащих, как обычно заявляли депутаты, «интернированию».

Президент молчал. Его молчание истолковывалось как слабость и нерешительность, столь явно продемонстрированные Ельциным в марте.

Это дало повод отставному генералу Филатову опубликовать в газете «День» призыв к русскому

народу, «который должен поступить с президентом, как поступил египетский народ с изменником Анваром Садатом». То есть расстрелять президента в упор из автоматов, забросав предварительно гранатами.

Это дало повод депутату Илье Константинову с трибуны съезда возглавляемого им Фронта Национального Спасения объявить о начале «народно-освободительной войны против оккупационного режима Ельцина». А самого Ельцина публично вздернуть на Красной площади.

Это и дало повод кокетливой Сажи Умалатовой заявить, что президента следует повесить за ноги, вниз головой.

Это дало повод лидеру «Трудовой Москвы» Виктору Анпилову не согласиться со всеми перечисленными мерами, поскольку, по его мнению, президента следует отдать на растерзание толпе.

Это дало повод и самому Хасбулатову заявить, что «закон и палач» встанут на пути любой попытки президента вырваться из порочного круга путем разгона Верховного Совета.

Все они знали, что говорили, поскольку ксерокопии проекта президентского указа уже по тайным каналам «приплыли» из канцелярии Ельцина в канцелярию Хасбулатова. Поэтому их совместные действия уже очень напоминали попытку остановить идущий танк с помощью заливистого собачьего лая.

16 сентября президент Ельцин, как было официально объявлено, отправился в Балашиху, где квартировалась знаменитая своим участием в многочисленных дворцовых переворотах дивизия имени Дзержинского.

Президент эффектно появился на телеэкране в красном берете спецназовца в окружении старших офицеров дивизии, министра обороны Грачева и министра внутренних дел Ерина.

Демонстрируя свою высочайшую подготовку главе государства, солдаты разбивали лбами кирпичные кладки, крушили ногами бетонные заборы, а ребром ладони — стеллажи двухдюймовых досок.

Налюбовавшись зрелищем и явно придя в отличное расположение духа, президент поделился с офицерами новостью: он принял решение вернуть в правительство Егора Гайдара. Пока — на должность вице-преьера в правительстве Виктора Черномырдина.

Если бы президент прямо перед телекамерами плюнул в лицо Хасбулатову и съездил по уху Руцкому, то вряд ли эффект был бы большим, чем от этого заявления.

В подобных условиях возвращение Гайдара в правительство было особо символично, являясь, по сути, открытым объявлением войны, ибо президент открыто продемонстрировал, что намерен идти дальше по пути реформ, а не возвращаться в коммунистический маразм прошлого.

Объявление войны, обставленное соответствующим образом, — президент в берете спецназовца, окруженный силовыми министрами и офицерами дивизии имени Дзержинского, — было воспринято однозначно, по крайней мере, в лагере противоборствующей стороны, сгруппировавшейся вокруг Верховного Совета.

«Спокойные первые две недели сентября на российской политической сцене, — отметила пресса, —

казалось, не оправдывали президентских предсказаний о боевом сентябре, в течение которого должен был быть окончательно решен вопрос о власти».

Но буквально в течение трех-четырёх дней, открывших вторую половину месяца, обнаружилось, что спокойствие было лишь видимостью. Сражение началось и перешло в такую фазу, которая делает невозможным не только мир, но и перемирие...

События недели последовали одно за другим с такой скоростью, что трудно понять, что явилось детонатором взрыва. Пожалуй, все-таки им стало назначение на пост вице-преьера Егора Гайдара...

Одновременно был отстранен от руководства экономикой страны Олег Лобов... Замена Лобова на Гайдара была справедливо воспринята противниками курса на реформацию экономики не только как «показ флага» со стороны президента, но и как крушение их собственных попыток остановить эту реформацию путем введения в правительство «троянского табуна».

Шаги, сделанные оппозицией практически одновременно с возвращением на политическую сцену Егора Гайдара, означают не что иное, как объявление гражданской войны.

Верховный Совет, «патриоты», коммунисты в практически одинаковых выражениях заявили, что они открыто берут курс на реставрацию советской власти и восстановление СССР. Надо признать, что в нынешнем положении для них действительно нет иного пути — все прочие имеющиеся у них возможности полностью себя исчерпали.

Еще недавно лексикон «непримиримой оппози-

ции» включал в себя такие термины, как «парламент» (как с легкой руки прессы стали называть у нас Верховный Совет или даже пресловутый съезд народных депутатов), «парламентская республика», «суверенитет России». Оппозиционеры клялись в своей приверженности демократии и рынку. Теперь с маскировкой покончено...

На субботнем совещании советов всех уровней панегирики советской государственной системе звучали в выступлении едва ли не всех ораторов, а один из них, срывая аплодисменты зала, даже выкрикнул знаменитый лозунг: «Вся власть Советам!»

Со всей решительностью присоединился к реставраторам и Руслан Хасбулатов, провозгласивший: «Советы — это и есть народ!» Выступивший в тех же стенах «вице-спикер» Александр Руцкой не менее энергично воздал хвалу советской власти, почти слово и слово повторив в этом Геннадия Зюганова, который также призвал к возрождению Советского Союза «через Советы»...

Хасбулатов, забывший, что его подпись стоит под постановлением Верховного Совета о денонсации Союзного договора, развертывал свои проекты обратного преобразования СНГ в Союз...

Было заметно, что оппозицию во всем ее спектре охватила паника, близкая к истерике, поскольку весь ее политический спектр от откровенных фашистов генерала Стерлигова и коммунистов Геннадия Зюганова до разных там «христианских демократов» и «кадет» Ильи Константинова вдруг хором завопили о реставрации Советского Союза и тоталитарного режима «через Советы».

В Верховном Совете стали ждать следующего

хода президента. Что это будет за ход — многие знали: утечка информации из «кругов, близких к президенту», работала четко и почти без перебоев.

Вопросом оставалась дата, когда президент решится на публикацию своего указа, и как все это будет преподнесено стране. Уже давно была продумана тактика обороны как идеологической, так и силовой, если придется.

Вся оборона идеологическая была построена на незыблемости и святости Конституции, которая не предусматривала никаких процедур разгона Верховного Совета, кроме самороспуска. Считалось, что и Запад, а в первую очередь — Соединенные Штаты, в ужасе отшатнутся от Ельцина, узнав о нарушении им Конституции — слова, которое в США произносится почти с такой же святостью, что и имя Божие.

Нет хуже преступления, чем нарушение Конституции. «Плохая она или хорошая,— говорили теоретики-юристы, вроде Валерия Зорькина,— но другой Конституции у нас нет».

Кстати говоря, напоминали многие, именно на этой Конституции клялся Ельцин, принимая присягу президента под благословением Патриарха.

Силовое сопротивление было построено на принципе, что армия также присягала стоять на защите конституционного строя...

Последние дни Верховный Совет жил фактически на казарменном положении, питаюсь всевозможными слухами и домыслами, напоминая потревоженный муравейник.

Сегодня, 21 сентября, Хасбулатов еще утром собрал экстренное заседание президиума Верховного

Совета. Темой обсуждения стала напряженная ситуация, сложившаяся во взаимоотношениях исполнительной и законодательной ветвей власти.

В 17 часов 30 минут состоялось новое заседание президиума Верховного Совета: Обсуждалась все более тревожная информация о предстоящем указе президента.

Депутат Иона Андронов предложил не ждать указа, а уж тем более, не ждать каких-либо силовых действий в отношении Верховного Совета, «но форсировать события», самостоятельно перейдя к активным действиям во имя спасения «конституционного строя». На это Хасбулатов, закрывая заседание, ответил: «Нам не надо спешить. Нам надо подождать. Мы не можем поддаваться на чью-то удочку».

И ВОТ ЧАС НАСТАЛ.

Долго маневрировавший президент, наконец, развернулся и дал по парламенту бортовой залп.

На экране телевизора, как ни в чем не бывало, замелькали пестрые обертки «Сникерсов», яркие пачки американских сигарет и назойливые клипы разнообразных, расплодившихся в последнее время, инвестиционных и промышленных фондов, желающих выудить как можно больше ваучеров у запутавшегося вконец населения...

Хасбулатов почувствовал, как бешено заколотилось его сердце.

Час настал. Теперь необходимо ввести в действие давно продуманный план. Теоретически он был неуязвим, если смотреть на этот план с точки зрения действующей Конституции.

Кстати говоря, президент своим указом не вводил чрезвычайного положения, не отменял конституционных гарантий и вообще не делал ничего.

А просто разгонял Верховный Совет с непринужденностью абсолютного монарха, для которого никакие законы не писаны, а парламент имеет свободу действий только до провозглашения: «Такова воля короля, милорды!» После чего разгоняется.

Включив селектор, Хасбулатов приказал президиуму вновь собраться на экстренное совещание, немедленно подготовить чрезвычайную сессию Верховного Совета и немедленно оповестить всех о созыве внеочередного («очередного внеочередного», как однажды сострил Шахрай), X-го съезда народных депутатов.

Если Ельцин хочет войны, он ее получит!

В этот момент в его кабинете появились Воронин и Руцкой.

21:00

Изгнанный из Кремля и с занимаемой должности бывший вице-президент Руцкой слушал заявление президента в бывшем кабинете Владимира Шумейко, который тот занимал в бытность свою одним из заместителей Хасбулатова.

Если Хасбулатову удалось пробиться наверх именно из-за своей безвестности и кажущейся безобидности, то полковник Руцкой, напротив, сразу обратил на себя внимание кипучей энергией, напористой агрессивностью и умением быстро изменять политический курс в зависимости от обстановки.

Руцкой появился на политической сцене весной 1991 года, когда в России началась президентская

кампания. Еще существовал Советский Союз, еще существовала КПСС, и, хотя она уже дышала на ладан, но оставалась пока единственной организованной силой. Союзные власти во главе с Горбачевым, президентом СССР и генсеком КПСС, вели яростную кампанию против Ельцина.

Именно в это время Руцкой с трибуны съезда объявил о создании фракции «Коммунисты за демократию», расколов тем самым партию Полозкова и оказав весьма внушительную помощь «демороссам». Более того, Руцкой осмелился громогласно заявить, что основанная им фракция полностью поддерживает Верховный Совет РСФСР и его председателя (каковым тогда был Ельцин), осуждает деятельность средств массовой информации, порочащих Ельцина и решительно поддерживает «введение в республике института президентства».

Само название фракции Руцкого «Коммунисты за демократию» (или «Хищники за вегетарианство», как острили в политических кругах) настолько шло вразрез с политикой умирающей КПСС, что подобное предательство не могло остаться незамеченным. На мятежного полковника обрушился весь набор карательных мер, на которые еще была способна родная партия.

Если это и было предательство, то уже, по меньшей мере, не первое. Руцкой, как и многие другие еще безвестные политики, вышедшие из военной среды, тяготел к известному обществу «Память», поскольку, даже сражаясь в Афганистане, был уверен, что сражается с мировым сионизмом.

Возможно, Руцкой так и погряз бы в борьбе с сионизмом до победного конца и даже занял бы мес-

то генерала Филатова в газете «День», если бы генерал Шапошников не порекомендовал бы его Ельцину в качестве «офицера связи» на случай «непредвиденного развития событий».

Ельцин, который неожиданно-негаданно очутился во главе «Демократической России» и шел к своей цели напролом, по принципу «Все или ничего», очень нуждался в армейской поддержке в случае «непредвиденного развития событий», которое, надо сказать, было вполне предвиденным.

Как часто с ним случалось (и случается), Ельцин толком не понял того, что ему порекомендовал главком ВВС, а поскольку как раз в этот момент будущий президент России занимался подбором кандидатуры вице-президента, то и решил сделать им Руцкого.

В окружении президента Ельцина было, мягко говоря, не очень уютно. Окружение наполовину состояло из старых партийно-номенклатурных вельмож такого ранга, что их и «товарищами» страшно было называть. Естественно, что они смотрели на новоиспеченного генерала как на выскочку, взятого в их круг неизвестно за какие услуги, да и неизвестно за чем.

Руцкой ежился от их презрительно-надменных взглядов, которые приобретаются только долгими годами работы в аппарате или секретариате ЦК КПСС. Вторая же половина президентского окружения состояла из разных профессоров политэкономии, научного коммунизма, социалистического права, народного хозяйства и тому подобного.

Ребята эти были сравнительно молодыми, но считали себя шибко умными, а на Руцкого смотрели как

на фельдфебеля, по какому-то недосмотру очутившемуся в президиуме Академии наук.

Попадать в высшие органы государственного управления с должности командира полка, особенно в нашей стране, смертельно опасно. Тут даже речь идет не о неизбежной «кессонной» болезни при столь стремительном взлете по служебной лестнице, от которого вечно кружится голова и звенит в ушах, а о специфике принятия решений и ответственности за них.

Когда генерал Дудаев объявил о независимости Чечни, взоры всех обратились к Руцкому, прося у него оптимального совета как у государственного мужа высочайшего ранга.

Что мог посоветовать Руцкой, чьи знания и опыт не простирались далее кабины бомбардировщика? Высадить в Чечне десант, обеспечив этому десанту плотное воздушное прикрытие. Захватить правительственные здания и жизненно важные объекты в Грозном, как в Кабуле. Арестовать и «пристрелить при попытке к бегству» Дудаева. А для начала ввести в Чечне чрезвычайное положение. Указ о чрезвычайном положении мог отдать только президент Ельцин, что он и сделал, так как все остальные его советники отмолчались, давая понять, что ничего умнее просто невозможно придумать.

Великолепная интрига одновременно подставила президента и вице-президента. Руцкой попытался апеллировать к тому факту, что все с ним были согласны. Простите! Посмотрим протоколы. Где наше согласие? Вы — единственный среди нас профессиональный военный, вы высказали свое мнение и,

мало того, убедили в нем президента — человека сугубо штатского, как и все мы.

Как бы ни менялась в высших эшелонах российской власти идеологическая окраска режима, он всегда был и, можно с уверенностью сказать, всегда останется византийским. И никакие экономические реформы этого не изменят...

Уже получена восьмикомнатная квартира в доме «улучшенной планировки», построенном по проекту еще бывшего председателя Совмина и члена Политбюро ЦК КПСС Николая Рыжкова, уже с помощью начальника своего аппарата бывшего генерала КГБ Стерлигова (соседа по этажу) приватизируются по остаточной стоимости сказочные особняки, уже братья вызваны в Москву и включены в «семейное дело», перед которым открываются такие возможности, о которых раньше можно было лишь прочитать в сказке об Али-Бабе и сорока разбойниках...

Но и эти перспективы казались мелкими от сознания того, что всего один шаг отделяет его от поста президента в случае «смерти президента, болезни и других причин, делающих невозможным президенту выполнение его обязанностей».

Именно тогда у Руцкого довольно часто стали проскакивать высказывания типа: «Если бы я был президентом, то я принял бы совершенно другое решение...» Подобное было заявлено достаточно громко, чтобы быть услышанным.

Когда в Барнауле, с подачи Руцкого, со всей страны собрались руководители военно-промышленного комплекса, то они узнали от вице-президента, а он — от них, что если говорить откровенно, в Кремле засели изменники, прислужники мирового империа-

лизма, которые уже погубили СССР, а теперь стремятся погубить и Россию путем лишения ее самого дорогого, что у нее есть — военно-промышленного комплекса.

«Погибнет армия — погибнет и Россия!» — цитировались патетические слова фельдмаршала Кутузова, сказанные после Бородинского боя. А армия, безусловно, должна погибнуть, если на нее перестанут тратить 90% государственного бюджета.

А реформы, как бы топорно они ни были запущены Егором Гайдаром, отчетливо демонстрировали желание нового кремлевского руководства вывести, наконец, Россию из состояния войны и попытаться проверить, на что окажется способным огромный экономический потенциал страны в условиях мирного времени. Подобное желание само по себе было равносильно государственной измене.

Бароны ВПК с некоторой настороженностью смотрели на Руцкого. Больно глуп. Но, по большому счету, зачем на самом верху нужен умник? У всех была острая ностальгия по временам, когда все высшие посты в партии и государстве занимал Леонид Брежнев, которому ничего и нужно не было, кроме очередного ордена к очередной дате.

Конечно, пока события не приняли действительно необратимого характера, нужно срочно осуществить простой план. Скомпрометировать окружение президента путем открытого саботажа всех решений правительства по конверсии и прочим пунктам экономической реформы, включая и одну из ее основ — приватизацию.

Сделать это теоретически не так уж сложно. Президент, видя вокруг себя сплошной саботаж по всей

вертикали от местного до Верховного Совета, от рядового предприятия до Центрального банка, естественно, вынужден будет принять какие-то меры. Но что он может предпринять?

Распустить съезд и Верховный Совет он не имеет права. Выгнать с должности вице-президента — также не имеет права. Значит, ему ничего не останется, как во имя спасения собственной программы и, можно сказать, самого себя, предпринять какие-то неконституционные шаги. И вот тут-то ему и крышка.

Верховный Совет ставит вопрос об «импичменте», и президентом становится Руцкой, который повернет страну на старый курс, разгонит этих умников из президентского окружения и через лозунг «Вся власть Советам!» (а в Советах сейчас сидят лучшие товарищи, перебравшиеся туда из обкомов, крайкомов и горкомов КПСС) попытается если не восстановить Советский Союз, то хотя бы навести порядок для начала в России старыми и проверенными в течение последних 70-ти лет методами.

Руцкой знал план только до этого места, хотя он и имел продолжение: через некоторое время Верховный Совет должен был упразднить должность президента как «не оправдавшую себя»; Руцкого устранить (метод устранения должен был соотноситься с конкретной обстановкой и поведением самого генерала) и вернуться к проверенной годами системе коллективной безответственности.

Конечно, глупо было бы предполагать, что «материалы» Барнаульского совещания не дошли до сведения президента Ельцина, хотя и в очень обтекаемом виде, благодаря стараниям составлявшей сводку специальной службы информации президента. Но и

этого было достаточно для принятия президентом ответных мер.

Ельцин был связан Конституцией и существующими законами настолько, что фактически не мог предпринять против Руцкого никаких быстрых и решительных легальных мер. Ответный удар президента пришелся через голову Руцкого по его аппарату, откуда был изгнан генерал КГБ Стерлигов, основавший в отместку «Русский национальный собор», который номинально считаясь антисионистским, в действительности пытался объединить все антиельцинские силы.

Самого же Руцкого бросили «на укрепление сельского хозяйства», что по многолетней практике, введенной еще коммунистическими вождями, означало жесточайшую опалу, выход из которой могла обеспечить лишь труба крематория.

И хотя Россию в мирное время трудно чем-либо удивить, но и то все с изумлением начали взирать на разгорающуюся войну между президентом и вице-президентом, чего никогда не случалось в истории стран, где имеются указанные должности.

Не то, чтобы все вице-президенты так уж сильно любили своих президентов и проводимый ими курс. Но в случае несогласия с патроном, вице-президент открыто об этом заявлял, после чего уходил в отставку и, в качестве частного лица, мог бороться с президентом сколько его душе угодно, придерживаясь, разумеется, рамок закона.

Руцкой же в отставку уходить не собирался, нагло заявив, что он, как и Ельцин, избран народом. На это злой на язык Полторанин съязвил, что возьми Ельцин на выборы в качестве вице-президента ведро с керосином, то и оно бы прошло на харизме самого Ельцина.

Между тем, «брошенный» на сельское хозяйство Руцкой, хотя у него и не было времени заниматься подобными мелочами в горниле зреющего заговора, все-таки успел нанести удар и по зарождающемуся фермерскому хозяйству, заявив публично, что «введение фермерства на Руси — историческая ошибка», в то время как рабовладельческий колхозный строй — это все, что нужно исконно русскому человеку.

Одновременно с этим, Руцкой на корню зарезал идею создания земельного банка, после чего был с сельского хозяйства снят и остался сам по себе, поскольку президент уже не рисковал давать такому ОТКРОВЕННОМУ ДИВЕРСАНТУ какие-либо поручения. А именно на президентских поручениях, как известно, конституционно основывалась сама должность вице-президента.

Поручения прекратились, но должность осталась, и Руцкой не проявлял никакой готовности с ней расстаться. Как в известной сказке: кот исчез, а улыбка осталась светиться на дереве.

И все это делалось практически без какого-либо противодействия со стороны президента, мягкость и долготерпение которого, как водится, были приняты за слабость.

Но источники Руцкого, пробравшиеся в ближайшее окружение президента, докладывали ему, что президенту известно очень много, гораздо больше, чем он дает понять не только в редких публичных выступлениях, но и в разговорах со своими сотрудниками, не доверять которым у него, кажется, нет никаких оснований.

В частности, из секретного делопроизводства канцелярии Ельцина, откуда утечка информации шла

постоянно, Руцкому был передан документ, предназначенный, если судить по грифу, только для президента. На документе была виза Ельцина. Подписи же не было никакой, и можно было с одинаковой долей вероятности предположить, что он родился в недрах ведомства генерала Баранникова или составлен каким-то анонимным аналитическим центром, финансируемым президентом.

Руцкой склонялся к мысли, что документ составлен на Лубянке, поскольку по своему содержанию он представлял из себя антологию его поступков и изречений за последние несколько месяцев, включая доверительные беседы с некоторыми людьми без свидетелей, порой даже в саунах. В частности, приводилась его фраза, сказанная в подпитии одному командующему военным округом в Сибири о том, что президента «давно нужно держать в клетке в зоопарке и показывать детям в качестве олицетворения демократии».

С одной стороны, конечно, было не по себе, что вся твоя деятельность находится «под колпаком» у президента, и что «чекисты», по своей традиции, полакейски семят за власть держащими, но, с другой стороны, эта бумага явно подбивала президента на действия, а именно его действий и ждали заговорщики, чтобы, заманив президента в конституционно-законодательный капкан, там его и прихлопнуть.

В марте, когда президент совершил маневр, достойный самого хитрого византийского императора,— прочитал указ, не написав его,— начался великий переполох. Мало тех, кто тогда понял, что Ельцину нужен был взрыв, вспышка от которого ос-

ветила бы многие темные углы и помогла бы найти хотя бы теоретический выход из тупика, а за неимением такового — показать место, где этот тупик можно было взорвать с минимальными потерями для себя и страны.

Глубокой ночью Руцкой в сопровождении председателя Конституционного суда Зорькина приехал на телевидение. Генерал был очень возбужден — близился его час. Аж подпрыгивая от нетерпения, он объявил указ президента, которого он не читал, антиконституционным, ставящим под сомнение способность президента занимать свою должность.

Они долго ждали реакции Ельцина, делая все возможное, чтобы дестабилизировать положение в стране по всем параметрам, раздувая анархию и безвластие. Руцкой лично летал в Тирасполь, где сорвал все усилия правительства по мирному урегулированию конфликта, доказывая сбитым с толку лидерам Приднестровской республики, что для них единственным выходом остается война.

Те, считая, что Руцкой передает мнение правительства, а, возможно, и самого президента (ведь Руцкой — вице-президент), в самый решительный момент ожесточенных боев обнаруживают себя брошенными на произвол судьбы. Командующий 14-й армии генерал Лебедь, как бы ему и ни хотелось, не бросает свои танки на Кишинев, как обещал Руцкой, оказывая приднестровцам фактически только моральную поддержку и даже задерживая оружие, которое заговорщики шлют самопровозглашенной республике.

Руцкой, угрожая подвергнуть Тбилиси бомбардировке с воздуха, раздувает конфликт на Северном

Кавказе, где, в отличие от Приднестровья, не удается сдержать поток хлынувшего туда оружия, растекающегося через Абхазию по всему региону, охватывая пламенем войны и Кавказ, и Закавказье. На фоне этой войны совершенно беспомощными выглядят усилия президента погасить огонь, поднося воду в стаканах. Но шланг надежно перекрыт заговорщиками.

Готовясь к своему дню, заговорщики организовали даже нечто вроде политической партии, во главе которой в качестве «вице-председателя» находился Руцкой, а за его спиной маячили молчаливые лица Вольского, Владиславлева и Лепицкого — зловещих фигур, выдвинутых на поверхность тектоническими усилиями десятков тысяч бывших освобожденных парторгов секретных заводов и институтов, так называемых партхозактивов всех уровней, сомкнувшихся с разгромленными структурами некогда всемогущих политорганов армии, флота и КГБ. На эту зловещую организацию был нацеплен ярлык партии «Гражданский союз», без зазрения совести объявившей себя «центристской». Никто не возражал, как никто не возражал, когда Хасбулатов объявил себя главой «представительной власти».

Партия Руцкого-Вольского опиралась не только на мощь самого крупного в мире военно-промышленного комплекса, повисшего на стране, как гиря на ногах утопленника, но и на огромные деньги КПСС, которые товарищ Вольский совсем недавно, будучи начальником одного из ведущих отделов ЦК (промышленного), переводил за рубеж через созданное им совместно с полковником КГБ Веселовским совместное предприятие с фирмой «Сибабеко».

Кстати говоря, именно Вольский и познакомил Руцкого с Борисом Бирштейном, не думая, что закладывает под своего «камикадзе» мину замедленного действия.

Как и полагалось, вельможи из бывшего ЦК КПСС не желали рисковать, выдвинув на передний край Руцкого, молчаливо режиссируя его действия в ожидании случая, когда удастся провести эту перспективную пешку в ферзи. А не удастся, так это тоже не беда — всего лишь потеря пешки. Плох тот гроссмейстер, который не рискует пешками, сохраняя в безопасности главные фигуры.

Мартовское разочарование, когда не удалось подвести под импичмент Ельцина из-за трусости «народных депутатов», не отрезвило Руцкого. Неужели он не заметил своих дружков, смертельно напуганных видом президента и трех силовых министров, митингующих перед огромной толпой на Васильевском спуске? Неужели до него не дошли слухи о «стягивании к Кремлю спецназа», на что «народные избранники» ответили легкой трусцой к кабинкам для тайного голосования, чтобы, Боже сохрани, никто никогда не узнал сделанного ими выбора? Почему-то все это не отрезвило Руцкого.

Последовавший за тем апрельский референдум, подтвердивший не только полномочия президента, но и его курс на реформы, и косвенно показавший Верховному Совету, что его дни сочтены, был для заговорщиков взрывом бомбы на благотворительном балу.

Победа президента на референдуме, оглушив заговорщиков, тем не менее, отчетливо показала им, что их время уходит. Необходимо было начать дей-

ствовать еще более динамично, чтобы вынудить президента на новые ответные меры.

Агрессивный и нетерпеливый Руцкой предложил старый проверенный вариант: быстрый арест президента и примерно дюжины лиц из его команды, объявление президента опасно больным, изоляция его в какой-нибудь «частной» престижной клинике, его быстрая смерть там и последующие умеренно пышные государственные похороны.

Вольский и прочее руководство «Гражданского союза» пытались обуздать закусившего удила генерала. Не то, чтобы им этот план не нравился — очень даже нравился, если бы в нем не было изначального пункта: арестовать президента. Это легко сказать, а поди арестуй.

«Проститутки!» — охарактеризовал товарищей по партии Руцкой пока про себя, но вскоре ему представится случай повторить это определение на весь мир.

Пока руководители «Гражданского союза», почувяв приближение лихих событий со стороны своего обезумевшего сопредседателя, предпочли юркнуть, до поры до времени, в тень, сам Руцкой решил довести план заговорщиков до конца, тем более, что в конце тоннеля в качестве приза стояло кресло президента.

Сама логика событий неумолимо влекла генерала в объятия Хасбулатова, уже ставшего, в свою очередь, заложником «Фронта национального спасения», который после провалившегося референдума не менее остро почувял опасность.

Пока Руцкой проводил тайные совещания с лицами, которые могли бы ему в этом помочь, а командовать ими он готов был «лично», президент на-

рушил молчание и, появившись в Доме Российской прессы, объявил о своем намерении «при любых обстоятельствах» провести этой осенью парламентские выборы, даже если для этого ему придется назначить их самому.

На вопрос одного корреспондента: чем сейчас занимается вице-президент Руцкой? — президент пожал плечами: «Не знаю. Наверное, членские взносы собирает в своем “Гражданском союзе”».

Таким образом, президент открыто заявил, что нынешний государственный кризис может быть разрешен, говоря казенным языком, только путем выхода за пределы «советского конституционного пространства».

Надо сказать, что никто на это заявление президента никак не отреагировал: не было ни бурного ликования в стане его сторонников, ни яростной вспышки злобы в лагере противников.

Даже «непримиримая оппозиция» не собиралась на очередные хулиганские митинги с красными знаменами и проклятиями «Бени Элькина».

Даже Валерий Зорькин не появился на экране телевизоров, чтобы заявить о неконституционности президентских высказываний.

Только Хасбулатов, давая интервью журналистам, как бы между прочим заметил: «...никаких выборов осенью, конечно, не будет».

Только у Руцкого неожиданно отобрали его любимый белый «мерседес» и личного врача. А затем просто не пустили в Кремль, опечатав кабинет.

Руцкой собрал пресс-конференцию и, ерничая в своем духе, заявил, что у него в сейфе лежит граната с вынутой «чекой». Пусть кто-нибудь влезет.

В ответ почти все газеты стали интересоваться, на какие шиши вице-президент строит дачу с подземным гаражом и теннисным кортом? И откуда у него часы марки «Роллекс»?

Руцкой, потеряв самообладание на заседании Верховного Совета, которое напрямую транслировалось на всю страну, взорвал свои «11 чемоданов компромата», обвиняя все правительство, а в первую очередь любимца президента, вице-преьера Владимира Шумейко, в коррупции и антигосударственной деятельности.

Правительство же, создав специальную следственную комиссию, в свою очередь, обвинило Руцкого в мздоимстве, в преступных связях с международным аферистом Бирштейном, которому, по уверению комиссии, Руцкой продал полстраны и заработал на этом 3 миллиона долларов, хранящихся в Швейцарском банке. Демонстрировалась подпись Руцкого под целой серией финансовых документов самого подозрительного вида. Везде речь шла о миллионах долларов.

Скандал разгорался, все более принимая характер грязной кухонной склоки. В разгар этих скандалов Руцкой умудрился два раза выступить по общенациональному телевидению, но ничего не продемонстрировал, кроме своей глупости и того факта, что рыльце у него действительно в пуху.

Многим запомнилась его реакция, когда журналист Караулов упомянул всуе особу Бориса Бирштейна. «О Борисе Иосифовиче,— со всей искренностью объявил Руцкой,— ничего плохого сказать не могу!»

Попутно выяснились различные мелкие делишки, вроде вызова за границу в своей свите во время

официального визита крупного мошенника, на арест которого уже был выдан ордер. То вдруг выяснилось, что разрешение на пистолет у Руцкого «липовое». А это обнаружилось при аресте целой банды «чистоделов», подделывающих все что угодно, вплоть до президентских указов.

Все ломали головы: зачем вице-президенту Великой России потребовалось делать себе «липовое» разрешение на пистолет, если ему ничего не стоило зарегистрировать его в обычном порядке? Зачем ему понадобилась лишняя головная боль?

Сухие милицейские сводки все более настойчиво отмечали, что «двор» вице-президента эстетически все больше стал напоминать уголовную «малину», где самыми приличными выглядели мрачноватые ребята в камуфляже, но без погон.

Именно в это время на авансцене возник двадцативосьмилетний Дмитрий Якубовский — личность темная и таинственная. Поговаривали, что он — полковник и чуть ли не генерал, курировавший одно время в администрации президента все правоохранительные органы с подачи Шумейко, а потом, запутавшись в темных делах все с тем же роковым Бирштейном, сбежал за границу, где работает в одном из принадлежащих последнему банков вместе с полковником Веселовским.

Якубовский, доставленный в Россию чуть ли не на личном самолете президента, обнаружил пленки, на которых были якобы записаны телефонные разговоры между ним, Якубовским, министром безопасности Баранниковым, генеральным прокурором Валентином Степанковым и самим Бирштейном.

Разговоры напоминали плохо поставленный фильм из жизни московских уголовников конца 40-х годов, обсуждавших на «малине» варианты введения в заблуждение доблестных работников МУРа.

Руцкой в переговорах фигурировал как «усатый», иногда как «усатое голенище», Ельцин — как «пахан». Шумейко прозрачно назывался «Филиппычем», а Хасбулатов — «черным» или «Хазом». Кроме того, в разговорах назывался какой-то таинственный «лысый», который собирался «замочить» «усатого» и самого Якубовского, если тот не сдаст «Филиппыча».

Кроме того, генеральный прокурор Степанков просил Якубовского в виде личного одолжения организовать покушение на известного адвоката Макарова, который якобы нашел документы, убийственные для Руцкого.

Хотя вся эта история была, как говорится, вырублена топором и сшита белыми нитками, а академический спор на тему: «Кто больший вор: Руцкой или Шумейко?» — выглядел несущественным на фоне общего и повального разграбления страны из-за отсутствия какой-либо власти, всем становилось уже достаточно ясно, что война на истощение переходит в стадию войны на истребление.

Приняв решение больше не оправдываться, поскольку любое его появление на экране телевизора демонстрировало только беспомощность человека, прижатого в угол уликами, Руцкой начал длинную и долгую поездку по стране, правильно сообразив, что многое, если не все, по русской традиции, будет зависеть от позиции, занятой армией. Именно армия, а не КГБ, который, подобрав под себя свои многочисленные щупальца, сидел настороженно оби-

женный, отслеживая обстановку с некоторым, ранее ему не свойственным, испугом.

Руцкой мотался по стране, постоянно совещаясь с представителями краевых и областных советов и командующими округами. Он уже имел на руках копию проекта указа президента о роспуске Верховного Совета и назначении новых выборов.

Генералы, озабоченно кивая и смущенно улыбаясь, слушали Руцкого, опустошая бутылки армянского коньяка советского разлива. Вздыхали: «Какие разговоры, Саша. Поможем, конечно. Поддержим. Только сам понимаешь, раньше времени высовываться резону нет. А как станешь первым, сразу приказ по Вооруженным силам в качестве Верховного, так, мол, и так. Когда этот указ ожидается? В сентябре? И отлично, войска вернутся из лагерей, закончатся каникулы в училищах».

В подпитии несколько раз выступал в Домах офицеров перед «активом». Ругал последними словами президента, еще пуще — «окружение», внешнюю «проимпериалистическую» и внутреннюю «колониальную» политику.

— Через два месяца я стану президентом, — твердо обещал офицерам Руцкой, — и положу этому конец.

— А куда денется нынешний президент через два месяца? — как-то поинтересовался кто-то из «актива».

— Выброшу в окно! — пообещал Руцкой и сам от души рассмеялся.

Выступления были фактически открытыми. Их снимали на видео, записывали на пленку, отчеты публиковались в местной прессе. И, естественно, информация поступала во все места, где в ней были заинтересованы.

Увы, Руцкой никогда практически не был генералом, а будучи командиром авиаполка, главным образом, только по слухам (не положено) знал, чем и как живет высший эшелон армейского руководства.

Еще в августе 1991 года, когда всю действовали армейские политорганы, парткомитеты и парткомиссии, ГКЧП проиграл, главным образом, из-за трусости и нерешительности генералов, просто игнорировавших приказ министра обороны и директиву Генерального штаба, придерживаясь древнего армейского принципа: «Не торопись выполнять приказ, ибо его отменят». Что и случилось.

И хотя с тех пор не прошло еще и полных двух лет, фактически прошла целая эпоха. Командующие давно превратили вверенные им округа в некое подобие гигантских коммерческих предприятий и анонимных акционерных обществ со смешанными капиталами, процветающими из-за наличия большой и практически бесплатной рабочей силы.

Руцкой со своими планами и идеями восстановления СССР, могучих Вооруженных сил и мирового противостояния явился для них чуть ли не призраком из какого-то далекого прошлого, когда едва ли не ежегодно проводилась всеармейская инвентаризация и прочие страшные вещи, о которых генералы хотели бы забыть навсегда.

Поэтому, наряду со словами «Саша, дорогой, ты ж понимаешь, что я всей душой за...», подробные отчеты о беседах с Руцким с приложением видеокассет и тому подобного неслись, обгоняя вице-президента, с фельдъегерями секретной переписки в Москву и ложились на стол министра обороны генерала армии Павла Грачева, а оттуда — на стол президента.

Что касается бывшего КГБ, то и он, по обыкновению, знал все, но помалкивал, не докладывая ничего даже своему министру Баранникову, обиженно ссылаясь на то, что ему запретили заниматься политическим сыском.

А ничем другим, как известно, бывший комитет заниматься не то, чтобы не умел, а просто не любил.

«Он через два месяца будет президентом?» — широко улыбнулся Ельцин, прочитав сводку, принесенную генералом Котенковым, недавно вернувшимся из Кувейта, где, если верить его собственным словам, пробыл двое суток на сорокоградусной жаре в шерстяном костюме, спасая Якубовского от цепких когтей Виктора Баранникова и Валентина Степанкова, чьи подчиненные провели уже обыск в кабинете Полторанина и подбирались к Шумейко.

Президент вытянул руку, сжатую в кулак, посмотрел исподлобья на бывшего генерала КГБ, возглавлявшего ныне его личное правовое управление, и, как всегда медленно произнося слова, сказал:

— Через два месяца он у меня будет... — тут президент запнулся и продолжил: ...в говне по уши.

— Я и так уже по уши в говне, — огрызнулся Руцкой, когда доброжелатели не преминули в тот же день передать ему слова, сказанные президентом.

Вице-президент был зол, поскольку только что вернулся из прокуратуры, где давал показания по наветам комиссии Калмыкова-Макарова о своих долларовых счетах в Швейцарском банке.

«Он у меня сам попадет в говно, — пообещал генерал, — когда я ему устрою всеобщую забастовку шахтеров и металлургов».

С этой целью вице-президент собирался лететь в Воркуту.

Подобное пламенное сотрудничество президента и вице-президента явно просилось в книгу Гиннеса как очередное русское чудо.

Но тем не менее, через голову Баранникова, на стол президента легла бумага, где все последние действия Руцкого и Хасбулатова расценивались как подготовка к государственному перевороту.

У президента, как у всякого правителя России, желающего дожить до блаженного восьмидесятилетнего возраста, было несколько собственных служб, дублирующих Лубянку. И не только дублирующих, но и внимательно за ней наблюдающих.

Одна такая служба называлась «Правовым управлением» при администрации президента и возглавлялась генералом Котенковым, другая — нечто вроде «летучих отрядов безопасности», возглавлялась генералом Степашиным, занимающим пост председателя комитета Верховного Совета по обороне и безопасности.

Было еще несколько подобных служб, тихо существовавших под вывесками разных аналитических и исследовательских центров. Именно эти службы и начали в свое время отстрел «гвардейцев Хасбулатова» по подворотням, когда спикеру неожиданно пришлось в голову, что он — кардинал Ришелье. Ришелье был умнее.

В сводке, которую получил президент, обстановка суммировалась следующим образом:

«После проведения апрельского референдума, в провале которого Хасбулатов был почему-то твердо уверен, он был явно растерян и подавлен, явно пу-

гаясь перспективы созыва очередного съезда народных депутатов, который откровенно собирался вновь поставить вопрос о снятии спикера с занимаемой должности в связи с, мягко говоря, служебным несоответствием.

И сильным, и, вместе с тем, слабым качеством Хасбулатова является полное отсутствие у него каких-либо твердых принципов и убеждений, кроме желания любой ценой сохранить за собой свой пост, сосредоточив в своих руках как можно больше власти.

Таким образом, он является человеком, подчиняющимся инстинкту. В данном случае, инстинкту властолюбия, заглушающему в нем даже инстинкт самосохранения. Если еще вчера Хасбулатов считал себя твердым сторонником президента, демократом, борцом против коммунизма и «ненавистного центра», то сегодня открыто смыкается с непримиримой оппозицией, обнимаясь с Зюгановым и ему подобной публикой, начав произносить страстные речи по поводу возрождения Советского Союза и руководящей роли коммунистов.

Далее в документе говорилось о двух параллельно развивающихся заговорах: конституционном и военном.

Один заговор предполагал сбросить президента с помощью конституционной удавки, которую будет постепенно затягивать Верховный Совет. Душой заговора был более осторожный Хасбулатов.

Второй — предполагал организацию массовых уличных беспорядков с постепенным втягиванием в них частей внутренних войск и армии, «а ля 1917 год» со штурмом Кремля, бегством или пленением президента «народом».

К такому плану склонялись Руцкой и уличные вожди, представленные весьма пестро: от отставного генерала Макашова до лидера так называемой «Трудовой Москвы» Анпилова.

Оба плана уже в общих чертах отрепетированы почти в реальной обстановке. Однако быстрое сползание Руцкого в сторону Хасбулатова повлекло за собой необходимость согласования двух планов в один с элементами того или другого. Чем, собственно, сейчас и занимаются заговорщики.

Единственно, что на все это мог ответить министр безопасности генерал Виктор Баранников, это то, что его жена никогда не занималась спекуляцией двадцатидолларовыми сумочками. Возможно, это было и правдой. Но с должности он полетел.

Затем наступила очередь Руцкого.

Пешку, дошедшую до седьмой горизонтали, уже как-то неудобно называть пешкой. Она становится чрезвычайно опасной, и если ее невозможно быстро уничтожить, то нужно нейтрализовать.

Это было необходимо, поскольку в итоге всех планов, а о некоторых из них не знал и сам Руцкой (будем объективны), президентом все равно становился он.

Поэтому президент решил, что заодно уже пора (давно пора!) выгнать с должности и Руцкого, на что он (президент) права по Конституции не имел.

Но поскольку уже несколько последних месяцев Руцкой и Шумейко, бывший зам Хасбулатова, а ныне фаворит президента, охрипли от взаимных обвинений в казнокрадстве, грозя подать друг на друга в суд на клевету, но упорно этого не делая, Ельцин

издал указ об отстранении обоих от должности до окончания следствия, возложенного на прокуратуру.

Владимир Шумейко, фигурирующий в пленках Якубовича для пущей ясности как «Филиппыч», естественно, с готовностью на это согласился, подчеркнув, что сам просил президента о подобной мере.

Руцкой же, фигурирующий в тех же пленках в более зашифрованном виде как «Усатый», о котором так беспокоился «Лысый», напротив, подчиниться этому указу наотрез отказался, назвав его незаконным.

Последовало быстрое разъяснение, что «отстранение» от должности не является «снятием» с должности, а всего лишь временная мера для пользы следствия, после окончания которого вице-президент, коль прокуратура ничего не найдет в его действиях криминального, сможет вернуться на работу. Хотя, впрочем, никаких поручений у президента для него нет. Все кончились.

Но все законно.

Указ застал вице-президента в аэропорту, когда тот готовился лететь в Воркуту, чтобы поднять шахтеров против своего патрона.

Указ президента лишал его возможности пользоваться спецсамолетами правительственного авиаотряда. Но вице-президент всегда смело шел навстречу опасности и заявил, что полетит за свой счет, хотя в недавних теледебатах с Гайдаром утверждал, что получает всего 63 тысячи рублей без налогов.

В Воркуте его встретили примерно так, как некогда в Тушино встречали Лжедмитрия II — Тушинского вора. Без восторга, но с некоторым почтением: может, и вправду царь или станет царем, шут его знает?

Поэтому поднять шахтеров одной матерной руганью в адрес президента не удалось, а ответить на их претензии из-за полного незнания вопроса — тоже.

Вернувшись в Москву, Руцкой, которого, как известно, в Кремль и Совмин было не велено пускать, окончательно поселился в Верховном Совете, в бывшем кабинете Шумейко, что само по себе было очень символично.

В преддверии указа президента проводились совещания с так называемым «президиумом Верховного Совета» — самозванным органом, не предусмотренным Конституцией, но существующим по традиции. Оказалось, что в России труднее всего отказаться от разных «президиумов». Все равные неудержимо хотят все-таки быть «равнее» других...

Обсуждалось несколько вариантов реакции на действия президента, которому решили (отчаянно трусая) отдать инициативу действий, чтобы «он сам себя подставил».

Большая надежда возлагалась на Соединенные Штаты и страны Европейского сообщества, где Конституция почиталась наравне с Иисусом Христом, а иногда и выше. Увидев столь наглое попрание президентом основного закона, мировые демократы публично вынуждены будут его осудить, поскольку в противном случае будут смешно и жалко выглядеть перед собственными народами. Так уверял советник Хасбулатова по вопросам международных отношений Иона Андронов.

Кто-то вспомнил, что совсем недавно Маргарет Тэтчер, находясь с неофициальным визитом в Москве, с недоумением воскликнула: «Как? Разве вы еще

живете по старой коммунистической Конституции?» И заявила, что ключ к разрешению российских проблем лежит, в первую очередь, в принятии новой Конституции. Это дало повод Хасбулатову раздраженно отреагировать: «Всякая заезжая бабенка еще будет нас учить!»

Один из заместителей Хасбулатова, Агафонов, робко предложил, если президент разгонит «парламент», подчиниться силе, покинуть Белый Дом и включиться в досрочные выборы, которые после подобного указа президента можно будет легко выиграть и, таким образом, завершить переворот совершенно легальным путем. Досрочные выборы парламента и президента в итоге обернутся тем, что в стране будет новый президент, скорее всего — Руцкой, а непобежденный, но незаконно разогнанный парламента останется почти на 100% старым. Почти, потому что новые выборы выкинут из него все остатки демократической шелухи, вроде Якунина, Молодцова или Шейниса.

Конечно, останься у кого-нибудь в «президиуме» хоть капля здравого смысла, не подавленная инстинктом, план Агафопова был оптимальным и вел к желаемому результату наиболее коротким и прямым путем с минимальной долей возможности шумного скандала.

Первым, естественно, запротестовал Руцкой. Он офицер, и само понятие «капитуляция» для него хуже смерти. В конце концов, у него есть пистолет, и он скорее пустит себе пулю в лоб, чем подчинится хоть какому-либо указу этого подонка.

Подумайте, о чем вы говорите? Как можно выполнять указ человека, который этим самым указом

сам ставит себя вне закона! Нет! Нужно открыто призвать к сопротивлению, вывести на улицы народ и, наконец, покончить с этим преступным режимом.

Он сам испарится куда-нибудь в Израиль, когда увидит марширующие колонны верных нам полков, спешащих на защиту Конституции и Верховного Совета!

Он, Руцкой, уверен, что произойдет именно так.

Но даже если произойдет не так, он не намерен униженно покидать парламент по первому окрику человека, которого он считает преступником, погубившим СССР и все завоевания советского народа, сделавшим Россию посмешищем в глазах всего мира!

Все остальные, зараженные пафосом речи отстраненного от должности вице-президента, склонялись также к решительному сопротивлению...

Несмотря на всю готовность, прослушав речь президента, Руцкой почувствовал сильное волнение. Это не было столь знакомое ему волнение перед боевым вылетом. Скорее, это была растерянность человека, захваченного врасплох, несмотря на все предупреждения. Где-то в глубине души он надеялся, что у Ельцина все-таки не хватит духа подписать этот указ.

Он вышел из шумейковского кабинета и поспешил к Хасбулатову. По всему Белому Дому, как по огромному боевому кораблю, звучал металлический голос принудительной трансляции: «Всем народным депутатам срочно собраться в зале заседаний на чрезвычайную сессию! Повторяю...»

Этот голос, как сигнал боевой тревоги, взбудрил Руцкого. Навстречу ему по коридору, улыбаясь в бороду, шел сопредседатель «Фронта национального

спасения», народный депутат Илья Константинов, никогда не отличавшийся изысканностью манер. Увидев Руцкого, он радостно закричал: «У твоего бывшего начальника крыша поехала что ли? Он же сам себе делает импичмент!»

Подобное панибратство от всякого мелкого хулиганья коробило генерала Руцкого. Многие нардепы имели к нему старые счеты, а ныне относились как к перебежчику. А к перебежчику, пусть даже очень полезному, всегда относятся как к перебежчику. Приходилось терпеть.

«Всем народным депутатам немедленно собраться на чрезвычайную сессию!» — сиреной тревоги продолжала вещать трансляция.

22:30

Отставной генерал-полковник Альберт Макашов находился в помещении главного информационного центра Верховного Совета, пытаясь по информации, потоком бьющей с телевизионных и компьютерных экранов, составить впечатление о складывающейся в столице обстановке.

Внутренняя телесеть Белого Дома передавала пресс-конференцию Хасбулатова, который был бледен, но внешне спокоен и даже пытался шутить.

У него большой опыт подавления путчей, криво улыбаясь, уверял журналистов спикер. Заявление президента, с одной стороны, нельзя рассматривать иначе как попытку государственного переворота, но, с другой стороны, это же заявление фактически является сообщением Ельцина о том, что он слагает с себя свою должность. Такова реальность. Впрочем, заявил Хасбулатов, сейчас мы соберем сессию и все

решим. Не волнуйтесь, все будет в рамках закона и Конституции.

По каналу Российского телевидения и «Останкино» передавали еще раз, в записи, заявление президента.

На других экранах, как ни в чем ни бывало, мелькали рекламы, завывали космато-бородатые рокеры, мелькали герои бесчисленных западных телесериалов.

Уголкем глаза Макашов поймал на одном из экранов зеленеющие слова «Оплата за наличные в долларах США» и громко, не стесняясь присутствия женщин-операторов, выругался матом.

Страна оккупирована и гибнет. Вернее, уже погибла. Вся эта сволочь во главе с Хасбулатовым и Руцким сначала с энтузиазмом разваливала страну, а потом спохватилась — выход только в восстановлении СССР! Умники!

Если бы у него был в подчинении хоть один полк, которому можно доверять, на который можно было положиться! Он, не колеблясь, арестовал бы весь этот сброд депутатов (кое-кого и расстрелял бы на месте), а затем повел войска на Кремль и навел бы, наконец, настоящий порядок в стране.

Макашов был решительным и агрессивным генералом, хотя проявить себя в реальных боевых условиях ему за долгие годы военной службы возможности так и не представилось.

За плечами Макашова было высшее военное училище и две академии: бронетанковая и Генерального штаба. В военных кругах он считался признанным авторитетом по широкомасштабным операциям с применением крупных танковых и механизированных соединений.

Продолжительное время генерал служил в Западной группе войск на линии самой острой конфронтации с Западом. Красные стрелы на секретных оперативных картах, стремящиеся к океану и разрезающие Европу на шесть неравных частей, долгое время были главным стимулом его жизни. Но нацеленные на советские города ядерные ракеты с американских подводных лодок лучше любых других аргументов охлаждали пыл танковых генералов, заставив самую мощную в мире бронетанковую группировку в течении более 40 лет топтаться на месте и разваливаться без всякой пользы, если не считать денежной компенсации добрых немцев.

К этому времени Макашов уже командовал Приволжско-Уральским военным округом, территория которого была больше всей Европы. Из своего штаба в Самаре (тогда — Куйбышеве) генерал Макашов в бессильной ярости наблюдал, как сначала рухнула и развалилась Южная группа войск, дамокловым мечом висевшая над левым флангом НАТО, как начала разваливаться ЗГВ, как, терпя одно поражение за другим, убралась из Афганистана 40-я армия, как юлила и темнила родная КПСС, скрывая свое желание поскорее юркнуть в какую-нибудь щель с награбленной добычей.

Как молниеносно был разгромлен Саддам Хусейн, на которого было столько надежд, тем более, что генерал Макашов был одним из разработчиков плана блиц-крига против Кувейта, плана, будь он выполнен вовремя и без идиотских иракских импровизаций, мог нанести такой удар по престижу Соединенных Штатов, в сравнении с которым померк бы даже позор Вьетнамской войны.

Но ничего не получилось!

Не получилось по вине предателей, засевших тогда и в Верховном Совете СССР, депутатом которого был и сам Макашов, и в партийном руководстве во главе с самим генсеком Михаилом Горбачевым.

Макашов еще тогда с трибуны партконференции призывал взять штурмом здание Верховного Совета СССР и РСФСР и установить партийно-военную диктатуру.

Никто не слушал. Все обдeldывали какие-то свои делишки и посмеивались. Обнаглевшая пресса открыто издевалась над генеральскими речами, намекая на возможность судебного преследования за призывы к открытому мятежу.

Генералу повезло, что «августовский путч» был, по большому счету, внутрпартпийным конфликтом, а потому никто не собирался особо сводить счета даже с главными московскими «путчистами», не говоря уже об исполнителях из провинции.

Макашова без лишнего шума выкинули в отставку, и с тех пор генерал постоянно украшал своими тремя генеральскими звездами всевозможные коммунистические и национал-демократические митинги и тусовки, где его постоянно прочили в будущие премьеры «патриотического правительства».

Вместе со своими немногочисленными соратниками, Макашов упорно отказывался признать распад Советского Союза и роспуск съезда народных депутатов СССР. Он стал одним из организаторов так называемого «IV чрезвычайного съезда народных депутатов СССР», мистически проходившего при свечах (мстительные власти отключили свет) в колхозном клубе подмосковной деревни Вороново, на

котором председателем президиума Верховного Совета СССР была единогласно выбрана Сажи Умалатова (к женщине меньше будут приставать). Та самая Умалатова, которая считала, что президента Ельцина нужно не просто повесить, а непременно вниз головой.

Пользуясь безнаказанностью со стороны впавшей в летаргию власти, Макашов, как призрак прошлого царствования, появился в Приднестровье, чтобы, по его собственным словам, «организовать оборону».

Приднестровскую «республику» совершенно несправедливо называли и называют самопровозглашенной. В действительности, «республику» провозгласил КГБ, сделав ее президентом своего платного провокатора Игоря Смирнова, дав ему в помощники своего кадрового костолома Антифеева, ставшего при Смирнове министром госбезопасности под фамилией Шевцов, так как находился в розыске за преступления на территории Прибалтики.

Устами другого своего агента, Александра Невзорова, КГБ объявил Приднестровскую «республику» «первой освобожденной от оккупантов территорией Советского Союза» и попросил Макашова убедить заинтересованных лиц продолжить дело освобождения.

По плану, командование расквартированной в Молдове российской 14-й армии должно было «во имя защиты русского населения» двинуть танки на Кишинев, а затем обратиться к Москве с просьбой о включении Молдовы в состав России. Этот план с разными вариациями должен был затем осуществиться во всех бывших республиках бывшего СССР, где постоянно нагнеталась напряженность по поводу

положения «русского меньшинства», которое иногда более дипломатично называлось «русскоязычным».

Единственное, что могло ответить командование 14-й армии на элегантно предложение начать на развалинах бывшего Союза крупномасштабную гражданскую войну,— это показать Макашову на дверь, что оно и сделало, причем даже в не очень учтивой форме. Взбешенный Макашов стал собирать собственную армию, состоявшую из осколков всяческих прибалтийских ОМОНов, любителей приключений и разного рода уголовных элементов. Делая смотр своему воинству, Макашов обратился к ним с речью, где сказал: «Дай Бог, если я когда-нибудь буду командовать частями... чтобы у меня были такие солдаты, как в Приднестровье. Их не надо агитировать!»

Бог, на которого сослался в своей речи Макашов, услышал его желание и вскоре предоставил генералу покомандовать приднестровскими ребятами, которых «не надо агитировать».

Сегодня, 21 сентября, генерал Макашов уже говорил с Тирасполем. Батальон «Днестр» готов вылететь в Москву по первому зову.

Информация продолжала литься потоком.

Уже председатель Моссовета Николай Гончар сообщил, что на 23:00 запланировано срочное заседание президиума Моссовета, а завтра с утра начнется сессия, которая выскажет свою точку зрения на указ президента. Гончар отметил, что нужно предотвратить обострение ситуации и тем более пресечь провокации, которые могут привести к кровопролитию.

Уже председатель Конституционного суда Зорькин объявил о срочном созыве Конституционного

суда, а один из судей, Лучин, поспешил заявить, что «в соответствии со статьей 121-6 Конституции РФ в нынешней редакции президент лишил сам себя властных функций».

Информационные агентства, перебивая друг друга, сообщали новости:

«В 21:40 началось экстренное заседание Конституционного суда. Собран полный кворум. На улице перед зданием суда находится несколько автомашин с милицией. В здание суда прошли четверо гражданских лиц с автоматами...»

«В 21:00 состоялось заседание президиума Совета Министров. По его окончании премьер Виктор Черномырдин заявил, что «прежде всего нужно спокойствие», государственные учреждения должны работать в нормальном режиме. На вопрос корреспондента о возможном давлении на депутатов Верховного Совета премьер воскликнул: «Боже упаси! Никаких “чрезвычайек”! Это исключено!»

«Штаб Московского военного округа официально сообщил, что округ находится в обычном режиме. Никаких дополнительных приказов о повышении готовности не поступало».

«Пресс-центр МВД заявил, что “никаких дополнительных приказов не было”».

«Министерство безопасности ответило, что оно “вообще ничего не знает о каком-то указе президента”».

«В пресс-службе президента сообщили, что Ельцин в настоящее время находится в своей загородной резиденции, а сама пресс-служба работает в обычном режиме»...

В помещение центра быстрыми шагами вошел генерал Ачалов. Вид у него был несколько возбуж-

денный. Все средства правительственной, высокочастотной и дальней связи, имеющиеся в распоряжении Белого Дома, были отключены.

Он пытался дозвониться в Министерство обороны и в Генштаб. Ни один из известных ему телефонов — а знал он их почти все — не отвечал, включая многоканальные телефоны оперативных дежурных по направлениям.

Это означало, что в компьютер центра военной связи дана команда на полное изменение телефонных кодов. Такие команды поступают в целях защиты связи от проникновения противника только в канун неизбежной войны, либо когда по всей стране объявлено чрезвычайное положение. Но чрезвычайного положения никто не объявлял.

А ВОЕВАТЬ БЫЛО ПРОСТО НЕ С КЕМ.

22:45

Василий Липицкий не то что вошел, а просто ворвался в кабинет Руцкого. Если Вольского и Руцкого звали знаменем партии «Гражданский Союз», то Липицкого вполне можно было назвать его движущей пружиной.

Липицкий в свое время окончил исторический факультет МГУ по курсу истории КПСС, был комсомольским «вожаком» факультета, где и вступил в КПСС. На факультете заметили энергичного и «идейного» юношу и «бросили» его в филиал ЦК ВЛКСМ — так называемый Центральный штаб студенческих отрядов, откуда открывалась прямая дорога в ЦК. Но в ЦК Липицкий не попал, а вернулся в университет, где занимался исследовательской работой в русле своей самой перспективной в СССР науки.

Видимо, на этом поприще он добился-таки заметных успехов, поскольку в 1983 году был приглашен на работу в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, который слыл кузницей кадров последнего, снабжая ЦК родной партии беспощадными интриганами, прожженными циниками и беспринципными карьеристами.

«Если ты собираешься делать свою карьеру в коридорах Института марксизма-ленинизма, то должен обладать интуицией и нюхом немецкой овчарки и гибкостью кобры», — вспоминал как-то один из президентов молодых среднеазиатских республик, познавший эту науку на собственной шкуре.

Но как бы то ни было, Липицкий сразу почувствовал, что паровозом его грядущей карьеры станет не «добрейший» Иван Кузьмич Полозков, а прямой, как бульдозер, и напористый авиационный полковник. И Липицкий стал его ведомым, особенно после того, как провалился на выборах в Верховный Совет в 1990 году.

И вот час настал. Пройдет еще немного времени, и Руцкой станет президентом, открывая дорогу к власти «Гражданскому Союзу» — своей родной партии.

Однако, следует заметить, что руководство «Гражданского Союза» оценивало реальную обстановку несколько иначе, чем это делал Руцкой, имея все основания полагать, что лихой «вице» может наломать таких «дров», и половины которых будет достаточно, чтобы отправить все руководство партии за решетку.

Едва заявление Ельцина было передано средствами массовой информации, как руководство «Гражд-

данского Союза» отправило в Белый Дом Липицкого, дабы напомнить Руцкому, что тот является сопредседателем партии, о чем опальный вице-президент, судя по его недавним высказываниям в адрес партийных коллег, видимо, слегка забыл.

Руцкой встретил Липицкого без особого энтузиазма. Без ожидаемого: «Вася! Как я рад! Иди ко мне в вице-президенты!»

У Липицкого, конечно, в данной ситуации хватило бы ума отказаться от этой чести, но приятно было бы такое выслушать и напомнить позднее, когда станет ясен исход нового кризиса.

В этот момент по внутренней трансляции объявили, что закончилось заседание президиума Верховного Совета, на котором решили, что президент Ельцин должен быть отрешен от должности за совершение государственного переворота, и его полномочия переходят к Руцкому.

Липицкий от души пожал руку Руцкому и хотел что-то еще сказать, но снова был прерван громкоговорителями, объявившими, что буфеты и прочие службы Белого Дома переходят на круглосуточный режим работы.

Руцкой нервно посмотрел на часы и наклонился к селектору, поинтересовавшись, прибыли ли генералы Громов и Родионов. Ему ответили, что нет, не прибыли. «А Тулеев? — спросил Руцкой. — Звонили в Кемерово?» Ему ответили, что Тулеев уже здесь. Впустить? Пусть подождет, приказал Руцкой и что-то хотел сказать Липицкому, но в этот момент в кабинет вошел Виталий Уражцев, бывший полковник из ГлавПУРа, юрист и журналист, председатель Всероссийского общества «Щит», основанного еще

во времена перестройки для защиты прав военно-служащих.

Уражцев, личность весьма одиозная, был одним из немногих, кого арестовали и отправили в Балашиху еще во времена августовского путча. При аресте он отмахивался от «чекистов» топором и, по его версии, был зверски избит, связан и брошен в кузов грузовика, что, однако, не помешало ему ровно через сутки снова появиться в Белом Доме свежим и здоровым, одетым в свежевыглаженный костюм и белую рубашку с галстуком.

Из окружения Ельцина Уражцева очень быстро оттеснили, поскольку искусством интриги он, как и Руцкой, владел на уровне полковника, что было явно недостаточно.

Разочарованный полковник выбрал единственный путь, который оставался, чтобы кое-как сохраниться на политической поверхности, — путь уличного вождя. Да и тут он был не очень заметен, поскольку у него хватило ума все-таки как-то дистанцироваться от таких митинговых звезд, как Анпилов и Константинов.

Тем не менее, а может быть и именно поэтому, в случае кризиса противостояния властей, Уражцеву было на первом этапе поручено окружить Белый Дом толпами людей, чтобы, с одной стороны, продемонстрировать народную поддержку заговорщикам, а с другой, — сбить охоту у властей исполнительных сломя голову кинуться на штурм оплота законодательной власти.

Уражцев не терял ни минуты. Подобная задача была по плечу любому офицеру, а тем более — такому прирожденному организатору, как он.

К Белому Дому уже подтянулось достаточно людей, чтобы их могли заметить, хотя еще не настолько, чтобы имитировать всенародную поддержку.

Несколько десятков разновозрастных мужчин, главным образом пенсионеров и отставников, уже встали у входа в Верховный Совет, размахивая красными знаменами, выставив самодельные лозунги: «Вся власть Советам!», «Да здравствует КПСС!», «Диктатора под суд!» и тому подобное.

Несколько парней помоложе, сваливая в кучу турникеты и таская откуда-то доски, начали сооружать у входа какое-то подобие баррикады.

«Людей! Побольше людей! — приказал Руцкой, выслушав сообщение Уражцева.— Действуй, Виталий! Сейчас многое от тебя зависит».

Уражцев вышел, и в кабинет с некоторой робостью вошел генеральный прокурор Валентин Степанков.

Услышав об указе Ельцина, Степанков почувствовал себя плохо, как и любой человек, очутившийся, подобно барону Мюнхаузену, между лязгающими пастями льва и крокодила, которые, желая сожрать друг друга, могли мимоходом проглотить и его, даже не заметив этого.

Косо взглянув на Липицкого, Степанков уселся в кресло напротив мятежного вице-президента, всем своим видом демонстрируя готовность благожелательно выслушать все, что тот ему захочет сказать.

— Вот что, Валентин,— начал Руцкой, глядя на полированную поверхность своего стола.— Значит, так. Надо уголовное дело возбудить против гражданина Ельцина за попытку совершения государственного переворота с целью..,— Руцкой посмотрел на

лежащую перед ним бумагу,— ...с целью свержения существующего конституционного строя. Как ты?

У Степанкова засосало в животе. Хорошенькое дело! Возбудить уголовное дело против президента страны! А если у этих все провалится? Затопчут сапогами. А если эти выиграют? Никак не представить точного расклада сил в стране. Кто за кого? Попадешь в сообщники... Либо к Ельцину, либо к Руцкому...

— Александр Владимирович,— сглотнув слюну, ответил генеральный прокурор.— Тут главное, чтобы все было законно, юридически безупречно. Не нужно спешить. Во-первых, необходимо решение Конституционного суда о незаконности указа. Во-вторых, решение съезда об отстранении главы государственной власти от...

— Какой съезд? — удивился Руцкой.— Когда есть поправка к 121-й статье...

Все эти поправки к Конституции, которые последнее время Верховный Совет лепил, как пирожки, юридически в стране не действовали, а многим правовым структурам вообще не были известны.

— Нужно, чтобы все было по закону,— продолжал настаивать Степанков.— Съезд должен обязательно вынести свое решение. Если и вы начнете беззакония чинить, то отправьте в Кремль наряд и...

Руцкой проникновенно посмотрел на генерального.

— Валя,— вздохнул он.— Сдается мне, что ты чего-то крутишь. Понимаешь, как важно, чтобы ты нас официально поддержал в борьбе с захватившими власть преступниками...

— Я всей душой,— согласился генеральный.— Но мне нужны юридические, повторяю, юридичес-

кие обоснования для возбуждения уголовного дела. Я не могу возбуждать никаких дел, кроме проверочных, на основании телевизионной передачи, кто бы ее ни вел. Получу решение съезда, заключение Конституционного суда, текст указа и тогда — пожалуйста: соберу коллегию, и все, что надо, возбудим. А то попадем впросак, как в марте. Шум подняли, а выяснилось, что никакого указа не было...

Руцкой мгновение помолчал, по-прежнему глядя в стол.

— Хорошо,— сказал он.— Ты, наверное, прав, Валентин. Все, что надо, получишь очень скоро. Иди в зал. Скоро начнется сессия.

На выходе генеральный прокурор столкнулся с входящим в кабинет из жужжащей, как улей, приемной народным депутатом Сергеем Бабуриным, напоминающим, благодаря фасону бороды и усов, что-то среднее между Мефистофелем, каким его изображали на русских провинциальных подмостках начала века, и персонажем порнографических открыток того же времени.

В этот момент в кабинет ворвался запыхавшийся заместитель Хасбулатова Юрий Воронин, в прошлом ответственный работник ЦК Компартии Татарстана и руководитель Госплана республики:

— Давайте в зал. Все уже собрались. Надо действовать быстрее.

22 сентября, среда, 00:04

Сергей Бабурин, сидя на своем месте в зале заседаний, видел и чувствовал, что Руслан Хасбулатов сильно нервничает, хотя и хочет изо всех сил казаться совершенно спокойным. Объявив об открытии

очередной «внеочередной» чрезвычайной сессии Верховного Совета, спикер обратился к Руцкому:

— Александр Владимирович, прошу на ваше место.

«Ваше место» — это пустующее кресло президента Российской Федерации.

Стараясь не глядеть по сторонам, Руцкой поднялся в президиум и занял место президента. Так сбываются мечты.

Бабурин усмехнулся. Впрочем, сардоническая усмешка всегда была как бы приклеена к его лицу, выдавая, если верить Фрейдю, сильную закомплексованность, вызванную какими-то нарушениями в органах внутренней секреции.

Сергею Бабурину было едва за тридцать, но это был человек, известный не только по всей стране, но и в мире. Особенно в Ираке, куда он несколько раз ездил, чтобы утешить Саддама Хусейна после поражения в Кувейтской авантюре, намекая ему, что еще далеко не все потеряно, и прося в долг до лучших времен. Саддам охотно давал. Тем более, что деньги в свое время были получены от КПСС, о которой иракский диктатор сохранил самые лучшие воспоминания.

Сергей Бабурин по образованию был юристом, закончив совсем недавно Омский Университет. Короткое время проработал в парткоме, а затем был назначен деканом юридического факультета, явно обозначив себя в качестве напористого и стремительного карьериста, идущего к цели самыми короткими и оптимальными курсами подобно управляемой по проводу торпеде.

Для этого были все основания. Еще в студенческие годы Сережа был завербован местным КГБ, и

его «куратор», майор Горбунов из 5-го отдела тамошнего Управления КГБ, присвоил ему оперативный псевдоним (а в просторечии — кличку) «Николай».

Юридические факультеты, как отмечалось, — это вотчины КГБ, так что в самом этом факте нет ничего удивительного и даже, учитывая специфику СССР, пожалуй, и ничего особо предосудительного. Сколько таких «Николаев» работало и училось бок о бок с Бабуриным — известно одному Богу, ибо даже в КГБ никто не имеет права знать обо всей агентуре.

Но одно дело — информатор секретной полиции, без которых ни одна спецслужба существовать не может, другое дело — провокатор политической полиции. Тут нужны другие качества, и ими Сергей Николаевич Бабурин был наделен с избытком. А поскольку пути секретной службы неисповедимы, неисповедимы и пути провокаторов.

Бабурин был внедрен в демократическое движение Омска, ибо КГБ, естественно, был заинтересован в освещении этого движения изнутри, чтобы знать, кого брать в первую очередь, а кого — во вторую, когда придет время. Таланты Бабурина настолько раскрылись в «тылу врага», что его через «Демократическую Россию» решено было пропихнуть на выборах 1990-го года в Верховный Совет. Что и было сделано.

Попав в Верховный Совет, Бабурин почти сразу заявил, что был и навсегда останется коммунистом. Его передали в центральный аппарат 5-го управления в Москве, а там, прочитав сопроводительные документы, составленные их коллегами из Омска, решили, что лучшей кандидатуры на роль председателя Верховного Совета просто нельзя придумать.

В итоге два разных управления КГБ попали в патовую ситуацию, когда одно пропихивало на высокий пост Бабурина, а второе — Хасбулатова.

Но тут случился августовский путч, который сбил с нахального Бабурина и его перетрусивших «кураторов» немного спеси.

Уже на последнем вздохе «развитого социализма», перед самым крушением СССР, шеф КГБ Владимир Крючков придумал новый термин «агент влияния» и пытался мобилизовать на поиск «агентов влияния» все отбившееся от рук население страны. Крючков, как известно, отправился за решетку, даже не успев приступить к осуществлению своего гениального изобретения, поскольку и дураку ясно, что «агентом влияния» можно было объявить кого угодно, как когда-то «врагом народа».

Над выдумкой Крючкова посмеялись и забыли. А совершенно напрасно, как говаривал вождь мирового пролетариата.

Через некоторое время в газете «Советская Россия», где собрались публицисты так называемой «Чикинской школы», стремительно сбежавшие из социализма в национал-социализм, появилась огромная статья «Агенты влияния». Автором статьи был Бабурин, хотя для видимости он прикрылся еще тремя соавторами, никогда до этого не грешивших пером.

Прошло всего полтора года с момента августовского путча, и 33-летний «баловень Российского парламента» Сергей Бабурин подхватил жупел «агент влияния», выпавший из ослабевших рук узника «Матросской тишины» Владимира Крючкова.

«Агентами влияния», по мысли, почерпнутой

Бабуриным из аналитических шедевров Министерства безопасности, являлись Бурбулис, Гайдар, Полторанин и прочие негодяи из ельцинского окружения.

«Агентами влияния являются целые группы и движения, например, “Демократическая Россия”», — подчеркивал Бабурин, видимо, забыв, что именно на платформе «Демроссии» он и пробрался в Верховный Совет.

В статье делался намек, что «шпионами» руководит сам Ельцин. Иначе как объяснить недавний визит в Москву директора ЦРУ Гейтса и его встречу с Ельциным, если не тем фактом, что «дупло» оборудовано прямо в Кремле. Так американскому империализму удобнее.

«Гласность, демократия, права человека, — объяснял читателям Бабурин, — всего лишь словесная мишура... цели, поставленные «хозяином»... Приверженность к демократии, общечеловеческим ценностям, достижениям мировой цивилизации являются характерными признаками, присущими всем агентам влияния».

Это было, без сомнения, очень смелое заявление, если вспомнить, что оно было сделано в стране, где около 100 миллионов человек были безжалостно истреблены под яркие публикации и заявления именно такого рода.

На обломках коммунизма «славные чекисты», оставшись без родной хозяйки-партии, возмечтали своими силами построить нацистско-православное царство. И в качестве одного из первых апостолов не нашли никого лучше Бабурина.

Его пухлые щеки, усы и бородка эспаньолкой продолжали мелькать на красно-коричневых митингах разной интенсивности, в президиумах, на тайных

квартирах и официальных приемах, на встречах с писателями, где блистал эрудицией, сравнивая съезды народных депутатов с «Бородинской битвой, где не будет победителей», предсказывая «летом пожар Москвы», а осенью — «бегство Наполеона».

Мартовский съезд, на котором Бабурин сражался как гладиатор, чтобы одним ударом смести с арены и Ельцина, и своего старого соперника Хасбулатова, действительно, не выявил победителей.

Организованные ФСН весенне-летние беспорядки в Москве, хотя и не обошлись без человеческих жертв, к пожару столицы, слава Богу, не привели.

И вот наступила осень — назначенное Бабуриным время «бегства Наполеона»...

Бабурин слушал, как Хасбулатов, в голосе которого звучала скорбь, информировал собравшихся народных депутатов о том, что в стране произошел государственный переворот, подчеркнув, что кроме народных депутатов, Россию спасти некому.

Спикер сообщил об уже принятых мерах: территориям дано указание провести сессии, установить контроль над прессой, радио и телевидением, в Москву вызваны на внеочередной съезд все депутаты. Организована и оборона Белого Дома. Ее возглавил генерал Ачалов, также народный депутат,— человек опытный, бывавший в переделках и похлеще.

Еще более скорбным голосом Хасбулатов сообщил коллегам, что в здании отключена правительственная связь — это очень затрудняет руководство страной — и ставит на голосование решение Верховного Совета о «немедленном включении правительственной связи».

Бабурин автоматически нажал кнопку «За».

Все присутствующие проголосовали единогласно.

Затем Хасбулатов огласил распоряжение Центральному банку — прекратить финансирование исполнительной власти. Это вызвало бурные аплодисменты. Бабурин не хлопал, но его приклеенная усмешка стала несколько зловещей.

Все шло как-то медленно и томительно. Началась новая тягомотина. Хасбулатов стал зачитывать длинную телеграмму о том, что депутаты Октябрьского, Краснопресненского и Пролетарского райсоветов Москвы признали указ президента на своей территории недействительным.

Снова бурные аплодисменты. И, наконец, переход к главному. Ставится на голосование вопрос о лишении полномочий нынешнего президента Российской Федерации Ельцина Бориса Николаевича, посягнувшего на Конституцию страны и органы представительной власти.

В зале устанавливается напряженная тишина, отвечающая важности момента, взорванная громом почти истерической овации.

144-мя голосами при шести воздержавшихся президент Ельцин объявляется низложенным.

Тут же депутатам представляется новый президент России — Руцкой Александр Владимирович.

Переждав оглушительные аплодисменты, Руцкой занимает трибуну.

«Уважаемые сограждане! Довожу до вашего сведения, что с сегодняшнего дня в строгом соответствии с Конституцией и законами Российской Федерации я, Александр Руцкой, принимаю на себя исполнение обязанностей президента России...»

С этим заявлением Руцкой уже выступил два часа назад. Заявление было записано на кассету, которую предстояло размножить, отправив затем во все концы страны и мира.

Держа в руке брошюру с Конституцией РСФСР, Руцкой, пытаясь (тщетно) придать своему голосу какое-то подобие торжественности, приносит президентскую присягу.

Если Бабурин и умел что-то делать профессионально (или, по крайней мере, гораздо лучше других) — это появляться у микрофонов в зале, что он демонстрировал на всех заседаниях Верховного Совета и съезда.

Вот и сейчас, не успели прозвучать последние слова присяги Руцкого, а Бабурин уже стоял у микрофона. Не скрывая некоторого превосходства в тоне, Бабурин посоветовал новому «президенту» немедленно назначить своих министров во все ключевые министерства, а в первую очередь, конечно, в так называемые «силовые», то есть своих министров обороны, госбезопасности и внутренних дел — три опоры, на которых, как на трех китах, веками восседали все российские режимы на протяжении всей Пятисотлетней войны.

«Очень дельное предложение», — соглашается Хасбулатов.

Руцкой с готовностью кивает и что-то записывает в книжечку.

01:30

Виктор Анпилов появился около Белого Дома во главе относительно небольшой колонны своих сторонников из организованной им партии «Трудовая

Москва». У здания Верховного Совета шел непрекращающийся митинг.

С балкона, меняя друг друга, выступали неизменные митинговые ораторы, вроде лидера коммунистов Зюганова и неистойвой Умалатовой. Но как митинговые ораторы они и в подметки не годились Виктору Анпилову.

В России всегда, когда перестают вырывать языки за «хулиганские слова в адрес верховной власти и особенно ее представляющих», начинается нечто совершенно невообразимое. Так было во времена Бориса Годунова, Лжедмитрия, тишайшего Алексея Михайловича, Александра освободителя и последнего из Романовых. Так было даже в самые теплые дни хрущевской «оттепели», но недолго...

Поэтому задание, возложенное на Анпилова, выглядело грандиозным и заложило основу одного из самых гнусных преступлений в послевоенной истории.

В Москве, как, впрочем, и во всех крупных городах, имелось огромное количество бездомных и бродяг, официально именуемых в криминальных и социологических сводках как «лица категории БОМЖ и З», что означало Без Определенного Места Жительства и Занятий. Ибо само слово «бродяга» или «бездомный» до недавнего времени было категорически запрещено употреблять, да и в наши дни эти слова произносятся сквозь зубы и с неохотой.

Именно из них Виктор Анпилов и предложил создать партию, которую, со свойственным ему удачным цинизмом, назвал «Трудовая Москва», а позднее — «Трудовая Россия». В самом деле, набранный на вокзалах и толкучках контингент очень напоминал

пролетариев в их классическом изображении на полотнах времен социалистического режима.

Работать с подобными людьми было достаточно легко. Бомжи рады любому заработку и, в принципе, готовы на любую самую грязную и тяжелую работу, если кто-нибудь рискнет эту работу им предложить.

Имея огромные фонды, Анпилов мог нанять подобных людей на «многотысячные народные демонстрации» под любыми флагами и лозунгами. В начале каждому платили от 25 до 50 рублей. Как обычно, из толпы быстро выделились прирожденные лидеры и «особо понятливые», которые сразу стали получать больше. По мере инфляции «гонорар» повышался, и к маю 1993 года некоторые активисты уже за разовую акцию получали до 20 тысяч рублей. В толпе бомжей можно было растворить небольшие, но хорошо обученные группы профессиональных уличных бойцов, которых особо отбирала специальная служба, открытая при «Фронте национального спасения» и напечатавшая по этому случаю даже специальные анкеты для лучшего отбора.

Все бродяги имеют склонность к спиртному. Водка помогает выжить в тех нечеловеческих условиях, в которых приходилось им существовать. Это требовало дополнительных расходов, но позволяло, в случае необходимости, использовать специальные наркотики, превращающие людей в запрограммированных на сокрушение злобных роботов.

Однако была необходима и какая-то идеология. Для бродяг их главным врагом, а, вместе с тем, и воплощением наивысшей власти, всегда был участковый, а то и просто постовой милиционер.

Вид милицейской формы вызывал в них смешанное чувство страха и ярости. Милиция, как правило, с ними никогда не церемонилась, но и им приходилось порой отводить душу в рукопашных схватках, проходящих чуть ли не ежедневно в темных подвальных лабиринтах, переходах и проходных дворах гигантского загаженного, кишашего крысами и дикой уголовной шпаной «мегаполиса», в который была превращена «столица мира, сердце всей России».

Другими словами, это был замечательный контингент, генетически настроенный на столкновение с органами правопорядка.

Но этого было мало. Просто натравливать толпу на милицию, да еще за собственный счет, было бы и глупо, и вульгарно. Необходима была еще и какая-то политическая подоплека.

Рассказывать бомжам сказки о социальной справедливости, царящей повсеместно в годы коммунистического режима, было бы самоубийством. Кто-кто, а они познали эту самую «коммунистическую справедливость» лучше других на собственных шкурах. Объяснять им бесперспективность рыночной экономики в реальных условиях России? Объяснять им все преимущества парламентской республики перед президентской? Доказывать ненужность в России самого института президентства? Плакать о превращении России в сырьевой придаток Запада? Доказывать, что именно конверсия ВПК погубит Россию?

Нет. Все это было от них настолько далеко, что явно не произвело бы ни малейшего впечатления.

«С массами,— учил Ленин,— надо говорить на языке, им понятном». А потому великий вождь и

выиграл дебют своей смелой игры, когда зажег сознание масс гениальным лозунгом «Грабь награбленное!»

Новый пролетариат ничего нового, естественно, придумать не мог, а потому пустил в дело пусть старый, но вполне отработанный и редко дающий осечку метод, хотя и несколько затасканный от частого употребления.

Было доходчиво объяснено, что в данный момент в России власть захватило жидовское правительство во главе с Беней Элцером. Фамилия варьировалась на разных политзанятиях: Элькин, Эльцман и тому подобное.

Выбор простой: или ты за жидов, или — против. Если против, вступай в наши ряды и иди бить тех, кто не с нами.

Это был идеальный контингент, которым решили пожертвовать во имя светлого будущего оставшихся без власти партийных функционеров всех мастей.

В июне 1992 года Анпилов испытал свое воинство в условиях, максимально приближенных к боевым, если выражаться военным языком.

Он повел толпу на штурм телестудии «Останкино» под нехитрыми лозунгами «Бей жидов!», «Смерть жидам!», «Долой жидовское телевидение!», «Убирайтесь в Израиль!» и тому подобное.

Лихие «анпиловцы» с упоением лупили своими лозунгами и фанерными портретами великих вождей милиционеров и работников телевидения. Хором ревели: «Смерть жидам!» Плевали в лица проходящим на работу дикторшам и ведущим, чьи милостивые облики знала вся страна. Стекла студии сыпались под градом камней.

НО ВЛАСТИ НЕ СТРЕЛЯЛИ.

Несколько дней продолжалась оргия у главной телестудии страны.

На крытых, армейского типа, грузовиках беснующейся толпе подвозили водку. По этой причине и по причине полной безнаказанности ряды «анпиловцев» росли, формируясь у Рижского вокзала в колонны и двигаясь нестройными рядами к месту «боя».

Власти не только не стреляли, но и пошли на переговоры с Анпиловым, рядом с которым во всем блеске своей формы генерал-полковника находился и Макашов. Держа перед собой громкоговоритель, Анпилов ревел простые и ясные лозунги: «Пусть оккупационное, антирусское (ему приходилось в публичных заявлениях несколько ограничивать себя в эпитетах) правительство услышит могучий голос трудового народа!». «Бей жидов!» — редела пьяная толпа.

На переговорах выяснилось, что оппозиция всего-навсего требует фиксированного времени на телевидении, чтобы донести помыслы и чаяния «Трудовой Москвы» до всей России. На это требовалось столько эфирного времени, что переговоры зашли в тупик. Анпилов заявил, что в противном случае ему не удастся удержать «пролетариат» от разгрома телестудии, на которую его питомцы смотрели уже как на еврейскую лавочку где-нибудь в Кишиневе в начале 90-х годов.

НАКОНЕЦ, У ВЛАСТЕЙ ЛОПНУЛО ТЕРПЕНИЕ.

22 июня 1992 года, в 51-ю годовщину нападения Германии на СССР, также на рассвете, милиция разогнала пикеты и палаточные лагеря «анпиловцев», окруживших «Останкино». У Рижского вокзала была рассеяна спешащая на помощь толпа.

Привыкшие к безнаказанности «пролетарии» пытались оказать сопротивление, но у милиции был большой опыт обращения с подобной публикой.

Несколькими ударами резиновых дубинок толпа была приведена в чувство, а вид подъехавших «воронков» побудил ее оставить поле боя.

Сам Анпилов, как водится, в это время отсутствовал, но в тот же день собрал летучий митинг у одной из станций метрополитена и объявил, что при разгоне трудового народа были зверски убиты 7 человек, чьи трупы тайно увезли на грузовике в неизвестном направлении.

Ни фамилий погибших, ни места их работы Анпилов назвать не мог. Работать никто из «Трудовой Москвы» никогда не работал, а фамилий их Анпилов, скорее всего, и сам не знал. Очень многие в его войске были «однодневками». При разгоне этого собрания при «Останкино» обнаружилась некая тактическая новинка: десятка два старушек с лицами добрых бабушек из народных сказок подбегали к милиционерам, вопрошая: «Сынок, ты что, за жидов?»

Милиционеры зверели, но не отвечали, продолжая выполнять приказ. В России очень трудно отвечать на подобные вопросы.

Перед Первомайскими праздниками 1993 года колонна «Трудовой Москвы» была перемешана с так называемыми «офицерами» из тереховского «Союза офицеров» и примерно десятком-другим обученных уличных бойцов, натасканных различными группировками «Фронта национального спасения». Удалось спровоцировать мощные, давно не виданные в столице уличные беспорядки, в результате которых многие получили ранения, а один милиционер был убит.

Сам Анпилов в «сражении» с милицией, естественно, не участвовал, но на многолюдном митинге перед шествием хрипло орал: «Вперед, Сметем... Уничтожим!», что даже у совершенно безразличной московской прокуратуры возникло желание его допросить. Это было сложно сделать, поскольку Анпилов, будучи депутатом Моссовета, имел «парламентский иммунитет».

А между тем, надвигалось празднование 9 Мая, во время которого Анпилов пообещал продемонстрировать такое шоу, что первомайские события покажутся «елочным праздником» в детском саду.

Власти, задерганные и озверевшие от недавних событий, разъяренная милиция, потерявшая своего бойца убитым и многих ранеными,— все пообещали принять «меры», от которых никому не поздоровится.

Мэр Москвы Юрий Лужков запретил все несанкционированные митинги и шествия на День Победы, на что «Трудовая Москва» и «Союз офицеров» хором ответили, что им на все запреты наплевать. Они проведут задуманные мероприятия в любом случае.

В Москву стали срочно стягивать подразделения ОМОНа из области и соседних городов. Командиры спецназа давали короткие интервью телевизионным программам, где обещали разделаться со смутьянами какими-то новыми, еще нигде не применяемыми методами.

В итоге, наиболее буйные руководители «оппозиционных» массовок — Проханов, Лимонов, Астафьев, Павлов и Филатов, во главе с генералом Макашовым — неожиданно укатили в Севастополь

поднимать народ на борьбу против украинских оккупантов, оставив Москву полностью в распоряжение Анпилова и Терехова. И в этот момент Анпилов... исчез.

8 мая Анпилов был вызван в городскую прокуратуру, где должен был дать показания о кровавых беспорядках 1 мая. Анпилов доказывал, что первомайские события были спровоцированы оккупационными властями, вызвавшими стихийное возмущение трудового народа. Поскольку переубедить его не удалось, а задержать в связи с неприкосновенностью было нельзя, Анпилова отпустили. После чего он и исчез.

Как выяснилось позднее, Анпилов шел на встречу со своим «активом» из бомжей, которые, памятуя о первомайских днях, когда многим из них пришлось отведать милицейских дубинок и кулаков, потребовали на 9 мая, то есть на завтра, деньги вперед.

В итоге Анпилов, забыв главную заповедь вождя о том, что трудовой народ никогда не должен лицезреть своего фюрера иначе, как на трибуне, напился с «активом» до такого состояния, что был обнаружен только через сутки избитым и в состоянии глубочайшей похмельюги. От нового вождя мирового пролетариата несло, как от ликеро-водочного завода.

Был у Анпилова очень тяжелый разговор с «куратором», полковником Воробьевым. Врал и извинялся, но в итоге все рассказал, как на духу.

Полковник посочувствовал: «Тяжелая у тебя работа, Виктор Иванович, с таким контингентом надо всегда ухо держать востро. Еще хорошо отделался, могли убить запросто. Я эту публику знаю».

Вместе придумывали версию, дабы обвинить во всем «оккупационное правительство». Версию кое-как состряпали, но долго не могли придумать: на кой ляд это все понадобилось «клике Ельцина»?

Порешили так: власти-де решили, что похищение Анпилова «спровоцирует массовые столкновения трудового народа с ОМОНОм, которые перейдут в бойню с объявлением по всей стране чрезвычайного положения и установления кровавой диктатуры Ельцина».

Сажи Умалатова, единственный оставшийся в стране человек, имеющий право присваивать звание Героя Советского Союза, предложила удостоить этим званием Анпилова по представлению «трудового народа».

Едва узнав об указе президента и получив дружеское напутствие: «Давай, Витя, не подкачай!»,— Анпилов стал собирать «актив». К его удивлению, «актив» встретил это известие без всякого энтузиазма. Жизнь в экстремальных условиях, а другими словами — нечеловеческая жизнь, воспитала у бродяг шестое чувство, своего рода инстинкт, показывающий им предел, ту самую «красную черту», которую лучше не переступать.

Даже «ветераны» осады «Останкино», почуяв неладное, отказывались, отнекивались, требуя повышенной оплаты, обещая подойти позднее, но по их глазам Анпилов видел, что к Белому Дому они не пойдут, по крайней мере сегодня, ни за какие деньги. Поэтому вместо огромной толпы, которая по плану должна была запрудить центральные улицы города, Анпилов подошел к зданию Верховного

Совета примерно с сотней сторонников, половину которых составляли пенсионеры.

Наоравшись с балкона и прослушав скандирование старческими голосами: «Савецкий Саюз! Савецкий Саюз!», Анпилов прошел в здание и направился в столовую. Во-первых, нужно было перекусить. Он выскочил из дома сразу после речи президента и уже проголодался. А во-вторых, он знал, что в чрезвычайной сессии объявлен перерыв, и большинство депутатов находятся в столовой.

Однако, войдя в столовую, где нардепы, сидя по двое-трое за столиками, что-то оживленно обсуждали, жуя «таганские» сосиски и ковыряясь вилками в тарелках со шпротами, Анпилов решил не стоять в буфетной очереди, а сразу перейти к делу.

Идя между столиками, как ходили застрельщики на Новгородском вече, Анпилов стал громко призывать депутатов, чтобы те потребовали выдачи «народу» оружия. «Вооружить народ!» — это именно то, к чему, по легенде, призывал некогда Ленин. «Народ, — орал на всю столовую Анпилов, — должен получить оружие, чтобы иметь возможность защищаться от диктатуры до последней капли крови. Смерть диктатору!»

Вошедший в этот момент в буфетную Макашов, увидев Анпилова, поморщился. Он не любил этого вечно размахивающего руками фигляра и шпака и не скрывал этого, хотя им часто за последнее время приходилось действовать совместно. Кроме того, побывав на балконе, Макашов мог убедиться, что на защиту Белого Дома пришли не более полутора тысяч человек, в основном «профессионалов», для которых митинги и крики стали в последнее время

не только образом жизни, но и единственным источником дохода (кроме пенсий, у кого они были). Генерал хотел было перекусить на скорую руку, но ожившая трансляция призвала всех депутатов срочно собраться в зале.

02:15

Александр Руцкой, стоя на трибуне, переждал бурные аплодисменты, призывая присутствующих поднятием руки успокоиться. Он собрал всех в зале, чтобы огласить свои первые указы, подписанные им в качестве президента страны. Зал затих.

Согласно представлению избранников народа (кивок в сторону Сергея Бабурина) он, пользуясь властью президента Российской Федерации, отстраняет своим приказом от должности нынешнего министра обороны генерала Грачева и министра государственной безопасности генерала Галушко. На их места назначены: министром обороны — генерал Ачалов, министром безопасности — генерал (Руцкой сделал паузу) Баранников.

Легкий шумок прокатился над залом. Все обернулись в сторону новых министров, сидящих в зале.

Генерал Ачалов улыбочиво поклонился представителям народа. Его круглое лицо дышало, если так можно выразиться, лихим оптимизмом.

Генерал Баранников, напротив, сидел с невозмутимым видом, даже несколько печальным. Совсем недавно, в марте, когда на Васильевском спуске президент обращался к толпе народа, явно давая понять, что не намерен подчиняться никаким решениям Верховного Совета, поставившим на голосование вопрос об «импичменте», Баранников, вкпе

с другими силовыми министрами Грачевым и Ериным, стоял рядом с Ельциным, демонстрируя безусловную преданность.

Увидев, что чаша политических весов вдруг резко качнулась в пользу Руцкого, он сам пришел в Белый Дом и предложил свои услуги. Надо сказать, что кандидатов на место «параллельного» министра госбезопасности было много, особенно из бывших генералов КГБ, выгнанных из системы еще после «августовского путча», но Руцкой, сохранив менталитет рядового полковника, как и всякий советский человек, смертельно их боялся.

А Баранникова, как-никак, он хорошо знал и знал нечто такое о нем, что позволяло надеяться, что бывший участковый инспектор именно его, Руцкого, не сдаст, хотя бы из любви к самому себе. Все-таки опыта у Руцкого было недостаточно, чтобы понять: при кажущейся надежности круговой поруки — это самая ненадежная из основ любого фундаментального строительства.

Что касается самого Баранникова, то он, веря в счастливую звезду лихого вице-президента, многим напоминающего кинообраз Чапаева, логикой юриста увидел, что президент Ельцин своим последним указом поставил себя, с точки зрения права, в безнадежное положение.

Справедливости ради надо сказать, что Виктор Баранников был предан президенту Ельцину уже хотя бы потому, что долгая служба на высших должностях в советских правоохранительных органах научила его, что путь наверх и, что самое главное, служба наверху зависят исключительно от проявления преданности тому или иному владыке персонально.

Главное — правильно поставить на кон, то есть выбрать такого властелина.

В свое время он ставил на Алиева, потом — на Ельцина. Ельцину он понравился настолько, что, вопреки логике, президент послал его реформировать под себя КГБ, надеясь на то, что человек, не варившийся до этого во внутренностях монстра, сумеет его приручить. Это была не первая и не последняя ошибка президента Ельцина. Да, Баранников ничего не знал о «Барнаульском заговоре». Потому что ему не докладывали. Но против него был выдвинут ряд и других обвинений.

Старый КГБ, у которого не было мозгов, но был инстинкт самосохранения, именно благодаря этому инстинкту тянулся к чему угодно, что могло продлить его существование. И никакие министры не могли заставить его поступать иначе. В лучшем случае, монстра можно было заставить сидеть тихо, подобрав под себя большую часть щупальцев. Но это было Баранникову явно не под силу.

Отторгая его как постороннее тело в собственном организме, монстр заставил его работать на себя. Подпись Баранникова красовалась на секретных приказах по возбуждению уголовного преследования последней горстки народных депутатов, не разделяющих позицию взбесившегося Верховного Совета: Льва Пономарева, Глеба Якунина и Виктора Мирнова, которого хотели было взять аж под стражу по печально знаменитой 70-й статье УК РСФСР, хотя многие считали эту статью уже упраздненной. И напрасно. Она не была упразднена, а была всего лишь приостановлена. Это был такой чисто советский юридический трюк — приостановление дейст-

вия наиболее одиозных статей уголовного кодекса. Пустить их в ход было делом шести секунд.

Это устраивало Баранникова, но не устраивало президента, понимающего, что монстр, дай ему волю, проглотит и его самого со всем окружением. Он выгнал Баранникова, и пресса все правильно поняла, объявив об этой новости под забавным заголовком «Министр Баранников наступил на грабли».

Ставка на Ельцина оказалась битой. До этого все желания монстра совпадали с желаниями владык, и работать было проще.

Все, что осталось от его бывшего капитала — авторитета, генерал Баранников решил поставить на Руцкого, оценивая выигрыш как 60 против 40.

Все происходящее ныне в Белом Доме Баранникова совсем не приводило в восторг. Он был мрачен и молчалив, как игрок, который пришел в казино, чтобы сделать последнюю ставку, отлично сознавая, что он теперь — на милости судьбы.

Короткий разговор с Руцким показал ему, что от него ждут, по крайней мере, на первом этапе: надо подписать большое количество ордеров на арест. Говорить об этом было невозможно, да и не хотелось. Поэтому на лице генерала не было никакой радости от нового назначения...

04:00

В поддержке армии был уверен вновь назначенный министр обороны генерал Владислав Ачалов.

Злые языки поговаривали, что всей своей быстрой карьерой Ачалов был обязан удачной женитьбе на дочери начальника Академии бронетанковых войск, в которой он некогда учился.

Конечно, хлопоты тестя повлияли на продвижение Ачалова по службе, но не в такой степени, как это хотели бы видеть его многочисленные недруги. Особенно после провала «августовского путча».

Ну что такое начальник Академии, и на что он способен ради любимого зятя? Да самое большее — оставить его на какой-нибудь академической кафедре адъюнктом, помочь в написании и в защите диссертации, а затем пробить ему место доцента и ввести в профессоры.

Ничего подобного в карьере Ачалова не было. Вся его служба прошла в строю. Если все сейчас любят лихостью и техническим оснащением элитных воздушно-десантных частей, знаменитых «голубых беретов», то мало кто знает, что фактическим создателем этих частей был именно генерал Владислав Ачалов. Смелый и рискованный офицер, агрессивный и талантливый генерал, он лично испытывал все новые парашютные системы как для людей, так и для боевой техники, неоднократно рискуя жизнью и подавая пример своим подчиненным.

Как всякий военный, не посвященный в планы высшего партийного руководства, да и не понимающий ничего из того, что становилось известным, он стремился к одному: не позволить сепаратистам развалить страну. Он шел по огромной кровавой дуге от Баку до Вильнюса, везде терпя неудачи, уже не зная, кто ему отдает приказы, и должен ли он вообще чьи-то приказы выполнять, поскольку, как он правильно понял, уже не стало людей, которые бы имели право отдавать какие-либо приказы.

Логика событий повернула огненно-кровавую дугу в Москву, разрушив затаенную надежду на то,

что в столице ядерной сверхдержавы ничего подобного произойти не может.

Произошло. Увидев бронетехнику, забившую улицы Москвы, Ачалов сломался. Он понял, что все уже пошло прахом. Все ориентиры жизни были сметены.

Он отказался тогда заниматься штурмом Белого Дома, хотя, по его словам, там было «работы на 10 минут». Он уехал домой и предался тому, к чему у него уже давно были позывы — запил горькую, пытаясь погасить бушующий в душе пожар.

Разумеется, когда одним махом изгоняют из армии таких людей, как Ачалов, как генерал армии Моисеев, как генерал армии Варенников и многих других, при этом не только их не уничтожая, но и предоставляя очень большую свободу, свойственную демократическому обществу, то, даже не желая этого, создаются все условия для военного заговора.

Он начинает формироваться сам, порой даже вопреки желанию его участников. Обрезать связи таких людей с армией невозможно. Военный истеблишмент носит типичные признаки кастовости, как, впрочем, и всякий другой. А внутри касты всегда существовали и будут существовать отношения, слабо поддающиеся каким-либо внешним влияниям.

Поэтому, как прекрасно понимал товарищ Сталин, отстраненного от должности крупного военачальника надо расстреливать в тот же день, чтобы ни о чем потом не болела голова.

Наследникам Сталина оказалась не по плечу простая методика вождя всех народов («нет человека — нет проблемы»), но шагнувшая вперед наука позволила устраивать опальным генералам инфаркты и

инсульты почти сразу после отстранения от должности, а иногда и вместо этого мероприятия.

Ныне же простая методика далекого и не очень далекого прошлого была не то что забыта, а просто уже невозможно было обратиться к еще оставшимся специалистам без риска, что все это завтра же не появится в печати из-за того, что «специалисту» вовремя не дали квартиру или он не совсем доволен своей пенсией.

А в таких условиях, в условиях отчаянного прыжка из средневековья в современный мир, изолировать опальных военных от общества, а пуще того — друг от друга и от армии было совершенно невозможно.

Ачалов прекрасно знал настроения в армии. Прошло совсем немного времени после «августовского путча», и он уже получил возможность почти свободно разъезжать по частям и военным учебным заведениям, искренне и сердечно беседовать со многими своими бывшими сослуживцами и подчиненными.

Никто и не думал скрывать от него своих настроений. Всем хотелось выть от неслыханного унижения, которому подверглись Вооруженные силы, еще недавно державшие в страхе весь мир.

Но что делать? Взять Кремль и подавить гусеницами всех этих жидо-демократов — дело пяти минут. А что дальше? Дальше — восстанавливать СССР, утверждал Ачалов. Это дело двух недель, с учетом самых отдаленных уголков страны. Что такое все эти независимые идиотские государства, начиная с Украины? Армия-то там наша, советская, которая еще лет на сто останется советской.

Но тут же возникла куча вопросов. А кто в Москве возьмет на себя бремя военного диктатора? Нет личностей. Все мелковаты для подобной ответственности. Руцкой? Несерьезно. Варенников? Судя по его последним высказываниям, ему уже место в богадельне.

Тут недавно, выступая перед школьниками старших классов, генерал, выпущенный из тюрьмы до суда, рассказывал им об афганской войне, в который раз слово в слово повторяя идиотскую версию, составленную некогда умниками из ГлавПУРа для информации населению.

«Ограниченный контингент», по словам Варенникова, только тем и занимался в Кабуле, что сажал деревья, а иногда, по просьбе местных жителей, оказывал помощь в проведении сельскохозяйственных работ. Закончив посадку деревьев и наладив в стране сельское хозяйство, «ограниченный контингент» вернулся на Родину.

Было ясно, что генерал живет вне времени и пространства, поскольку на вопрос одного из школьников: как же, выполняя указанные задачи, «контингент» умудрился потерять 15 тысяч человек убитыми и 60 тысяч — искалеченными, истребив при этом примерно миллион местных жителей? — генерал заявил, что все это — империалистическая пропаганда.

Сам Ачалов всегда был готов к действиям и немедленно, после назначения министром обороны, пытался к этим действиям перейти, что оказалось совсем нелегким делом.

Правительственная связь была отключена, чрезвычайная линия прямой связи — тоже. В пресс-центре

еще работали телетайпы информационных агентств, но передавать свои приказы и замыслы через прессу совсем не хотелось.

Что же касается простых телефонов московской автоматической сети, то они работали, но все попытки Ачалова дозвониться до ключевых управлений Министерства обороны были тщетными: либо никто не снимал трубки, либо было наглухо занято. В нескольких академиях удалось дозвониться до дежурных. Те молча выслушивали приказ: всем слушателям и командному составу с табельным оружием следовать на защиту Белого Дома,— отвечали, что все доложат командованию и вешали трубку. Ачалов слишком долго служил в армии, чтобы не знать, что не так реагируют на приказ, отданный лично министром обороны.

Получив такой приказ, дежурный имеет полное право сам поднять академию «в ружье», а начальник академии, где бы он ни находился, обязан в течение 15 минут доложить о выполнении приказа непосредственно министру обороны. Но никто ничего не докладывал и никто не маршировал к Белому Дому с оркестром и табельным оружием. Было досадно, поскольку у Ачалова был собственный план, который он даже в принципе не желал согласовывать с «президентом» Руцким, которого презирал не меньше, чем Хасбулатова.

План заключался в быстром захвате Кремля, Генштаба, ГРУ и государственного телевидения. Далее должен был следовать арест Руцкого и Хасбулатова, проведение через остатки Верховного Совета (или без него) закона о чрезвычайном положении с «временной» передачей ему, Ачалову, диктаторских пол-

номочий. А далее, как ему казалось, все уже было бы делом техники. Все, вплоть до воссоздания Варшавского пакта и Берлинской стены.

Сейчас, убедившись в том, что никто совсем не спешит выполнять его приказы и свои обещания, Ачалов, стремясь к активным действиям всей своей динамичной натурой, решил начать эти действия с помощью тех ничтожных сил, которые уже находились в его распоряжении. Правда, чисто теоретически, поскольку он даже не знал их точного состава, а также и того, насколько на эти «силы» можно было положиться.

Речь шла о «Союзе офицеров» подполковника Терехова, а у того никак нельзя было толком узнать, каков состав этого «Союза», хотя бы в Москве. Терехов талантливо темнил, давая понять, что под его знаменами собралась чуть ли не целая армия, но на многочисленных собраниях «Союза» Ачалов видел только престарелых ветеранов, сидевших, опершись на стариковские палки, в мешковато сидящей форме старого образца. Последние участники Великой войны, на которых обрушилась очередная национальная, по их мнению, катастрофа, готовые на все во имя возвращения старых времен. Готовы-то были на все, но сделать уже, увы, могли очень мало. Говорили, и то с трудом, символизируя навсегда уходящую эпоху великого безумия.

А молодежи почти не было. «Они же на службе,— многозначительно говорил полковник Терехов.— Не хотят «светиться». Порядки-то ныне какие? Выгонят из армии в шесть секунд».

Подполковник Терехов знал, что говорил. Его самого уже разок турнули из армии. Но времена были такими, что подполковник подал в суд на министра обороны генерала армии Павла Грачева... и выиграл процесс. Случай для России невероятный, даже если обозреть всю тысячу лет ее фиксированной истории. Такие вот настали времена в период «диктатуры» президента Ельцина.

Слегка запыхавшись, полковник влетел в кабинет Ачалова. Его привез из дома специально посланный рассыльный. Лидер «Союза офицеров» был обременен женой и тремя дочками, но несмотря на это, а может быть, именно поэтому рвался в бой как никто. Он всех призывал к решительным действиям, яростно критикуя все течения и группы, слившиеся во «Фронт национального спасения», за любовь к говорильне и нерешительность в действиях.

Уважал Терехов только генерала Ачалова, от которого шла мощная энергия действия, хотя, ради справедливости, нужно заметить, что генерал Ачалов до сих пор «действовал» не больше, чем остальные. Но он тоже входил в «Союз офицеров» кем-то вроде почетного председателя.

Ачалову тоже не резон был сильно «светиться»: как-никак — народный депутат. При любом его неосторожном поступке пресса поднимала дикий вой, задавая один и тот же академический вопрос: действует ли генерал-десантник по собственному почину или выполняет приказ Хасбулатова, чьим подчиненным ныне является?

А с Терехова все было, как с гуся вода. Человеком он был стремительным и безответственным, да

и склочным, к тому же, со склонностью к примитивной интриге, как и положено бывшему политработнику. Если кто-нибудь, видя лихой вид и удаль подполковника Терехова, решил, что он заработал две подполковничьи звезды в каком-либо крутом «спецназе» в диких и мрачных ущельях Афганистана или джунглях Анголы, то он жестоко ошибался бы. Ибо свои звезды жаждавший действий подполковник заслужил на ниве политработы.

Тем временем рухнул Советский Союз, армия раздробилась по республикам, были упразднены политические органы, а Военно-политическую академию кто-то не без чувства юмора переименовал в Гуманитарную. Другими словами, из-под 38-летнего подполковника Терехова выдернули привычный мир и отняли непыльную работу по оболваниванию личного состава, что было невыносимо для человека, у которого вся жизнь была четко расписана вплоть до получения третьей генеральской звезды генерал-полковника.

В 1991 году Терехов зарегистрировал созданный им «Союз офицеров» как «общественный клуб, занимающийся социальной защитой военнослужащих». Но никакого клуба, конечно, не получилось, да никто его и не собирался создавать.

Идея создания «Союза» заключалась в том, что через него Терехов обязался поставлять «Фронту национального спасения» профессиональных боевиков, главным образом, из офицеров, недовольных крушением коммунистического режима и происходящими в стране переменами. Из этой идеи, возможно, что-либо и могло бы получиться, будь подполковник Терехов действительно военным. Но полит-

работник, да еще с академическим образованием, единственное, на что способен в реальных условиях нашего сегодняшнего бытия — либо пригреться в тени Зюганова, либо стать профессиональным провокатором, поскольку такой человек больше просто ни на что не способен.

Если юридическое наступление на запуганное демократией военное ведомство в целом развивалось успешно, то с «Союзом офицеров» дела шли плохо. Контингент состоял из пенсионеров (что, в принципе, приятно, но не в таком количестве!) и, как следовало ожидать, из таких же бывших политработников, как и сам Терехов. Даже еще хуже.

В основном, это были выпускники знаменитого на всю армию Львовского политического училища, кующего кадры политпросветработы в частях: начальников клубов и редакторов армейских многотиражек. Все были лихими говорунами, но «боевики», конечно, из них были никудышные. Были, разумеется, и другие, готовые к уличным боям и вроде бы умевшие их вести, но было их до смешного мало.

Чтобы немного поднять боевую подготовку своего «Союза», Ачалов передал Терехову свой, если так можно выразиться, стратегический резерв: 15 лично ему преданных офицеров-десантников, в число которых, главным образом, входили капитаны и майоры из экспериментальной части по испытанию десантного вооружения.

Нечего и говорить, насколько это были лихие ребята, презирающие любую опасность и саму смерть. Ачалов набирал в свое время команду испытателей из курсантов-добровольцев и с гордостью мог сказать, что практически не ошибся ни в одном

кандидате. Но и как всякие военные профессионалы, а тем более, столь молодые (самому старшему едва минуло 30 лет), они слабо разбирались в политике, но привыкли доверять своему генералу и идти за ним, куда бы он ни приказал.

На этот раз он приказал идти в «Союз офицеров». Будучи представителями очень элитарной части, эти офицеры с презрением смотрели на трусливых львовских «балалаечников», снисходительно — на старичков в старомодных мундирах, и без всякого восторга — на самого Терехова.

От их взглядов у Терехова развился острый комплекс неполноценности. Ему очень хотелось доказать этим молчаливым людям, что он тоже кое-что может, кроме как болтать речи-лозунги на патриотических митингах...

И вот час настал. Стараясь не смотреть в холодные льдинки глаз генерала Ачалова, подполковник Станислав Терехов, переведа дух, доложил новому министру обороны о своем прибытии.

— Без приказа ничего не предпринимать, — приказал Ачалов. — Стягивай своих людей к зданию. Распредели между ними посты внешней и внутренней охраны, — генерал помолчал и добавил: И никакой самодеятельности.

Перед глазами Ачалова еще стояло многотысячное шествие «Союза офицеров» в День Победы 9 мая. Он уже представлял, что если хотя бы половина придет сейчас к Белому Дому, то дело можно считать выигранным. Но глаза генерала оставались холодными и пустыми.

06:00

Холодные и пустые глаза генерала Ачалова стояли перед мысленным взором Александра Руцкого, когда он, нервно нажимая кнопки итальянского телефонного аппарата, пытался дозвониться до штаба 14-й армии, дислоцированной в Приднестровье. Штаб находился в Тирасполе, и Руцкому срочно нужно было переговорить с командующим армией генерал-лейтенантом Александром Лебедем.

Если генерал-полковник Ачалов люто ненавидел Руцкого, то справедливо будет заметить, что и Руцкой не сильно любил советника Хасбулатова по военным вопросам и прогнозированию региональной политики. И не столько не любил, сколько побаивался.

Во-первых, это был тот генетический страх, который любой полковник, кем бы он ни был, всегда должен испытывать перед генерал-полковником, а не следует забывать, что, когда Руцкой был еще никому неизвестным полковником, генерал Ачалов уже был заместителем министра обороны.

Во-вторых, Руцкой и Ачалов в памятные августовские дни 1991 года оказались по разные стороны баррикад, и попадись тогда Руцкой в лапы Ачалова, то даже не хочется думать, что тогда могло бы произойти с несчастным авиационным полковником, вздумавшим поиграть в большую политику. Вынужденный сейчас назначить Ачалова министром обороны, Руцкой действовал не по своей воле, а как бы выполнял волю Хасбулатова и его ближайшего окружения, для которых Ачалов был свой брат-депутат.

Руцкой, тем не менее, когда решался вопрос о назначении, обратил внимание президиума Верховного Совета на ряд недостатков товарища Ачалова, среди которых, по мнению Руцкого, было слишком сильное пристрастие бывшего десантника к крепким напиткам. Это вызвало кривые улыбки всех, даже самого Руслана Имрановича. В России подобная слабость никогда не считалась недостатком — кто пьян да умен, два достоинства в нем. И кроме того, что также было всем хорошо известно, сам новый президент (равно как «параллельный» президент в Кремле) тоже был совсем не дурак выпить. Чтобы не сказать большего.

Но Руцкой хотел сказать совсем не об этом. Обостренным инстинктом авантюриста он чувствовал, что со всеми, включая и его, и президиум, и самого Руслана Имрановича, сделает Ачалов, если они победят. А если проиграют, то все на них и свалит. Но о проигрыше думать совсем не хотелось, а выигрыш во главе с Ачаловым сулил очень мрачные перспективы. Виделось что-то совсем ужасное, вроде расстрела во дворе при свете автомобильных фар...

Поэтому Руцкой постоянно думал о том, чтобы заменить Ачалова кем-нибудь, кто был бы ему ближе по статусу и не так люто его ненавидел. И, конечно, первым приходил на ум генерал Лебедь. Именно он в августе 1991 года, вопреки приказу Ачалова, повел своих десантников не на штурм, а на защиту Белого Дома. По этому поводу по столице ходили самые темные слухи, но именно боевые машины десанта, которыми Лебедь окружил здание Верховного Совета, отбили охоту у генерала Ачалова это здание штурмовать.

В отличие от других, активно сделавших себе карьеру на августовских событиях, генералу Лебедю эти события особой славой и пользой не принесли. Более того, генерала тихонько выпихнули из Москвы якобы с повышением: на пост командующего 14-й армией в Молдове. Назначение, прямо скажем, было не из веселых, и, видимо, кое-кто в Москве надеялся, что генерал Лебедь либо сложит в Молдове свою буйную голову, либо будет настолько скомпрометирован, что ему останется только завывать на митингах, как генералам Макашову и Стерлигову.

Однако не произошло ни того, ни другого, а скорее наоборот.

Молдова — бывшая Молдавская Социалистическая Республика, как и многое другое в нашей стране, была создана гением товарища Сталина, который, в свойственной ему грубой манере, отнял летом 1940 года у Румынии Бессарабию и присоединил к ней кусочек Украины. Вождь всех народов все делал на века, и сломать сделанное им оказалось чрезвычайно трудно, требуя новых потоков крови. Когда рухнул Советский Союз, и его бывшие республики одна за другой объявили о своем государственном суверенитете, в Молдове сразу же открыто заговорили о воссоединении с Румынией, хотя ни Бухарест, ни Кишинев не были готовы к такому шагу.

Более того, саму идею объединения сравнительно обеспеченной Молдовы с Румынией, ограбленной до нитки коммунистическим режимом Чаушеску, никто особенно серьезно не воспринимал. Однако подобные разговоры, а также принятый в Кишиневе закон о государственном языке (касавшийся только руководящих работников и занятых в сфере об-

служивания, что составляло менее 3% населения) послужили поводом для бывшей партноменклатуры и активных агентов КГБ объявить русскоязычную полосу земли, зажатую между левым берегом Днестра и украинской границей, независимым государством.

Все это было сотворено под незатейливым лозунгом «Нам грозит румынизация!» и «Не хотим в Румынию!» Захватившие власть в Тирасполе авантюристы, во главе с бывшим агентом КГБ Игорем Смирновым, развернули, как и положено бывшим коммунистам, трескучую и демагогическую кампанию по обработке левобережного населения, где наряду с происками мирового сионизма и намеками на то, что румыны — это итальянские евреи, изгнанные в свое время из страны за пристрастие к ритуальным убийствам христианских младенцев, использовались и более утонченные приемы: всех незнающих румынского языка вышлют в Россию или на Украину с конфискацией имущества, а то и расстреляют. В Кишиневе уже подготовлены соответствующие списки.

Начались митинги протеста, забастовки, организации отрядов самообороны. Затем появились параллельные органы власти, которые в обстановке нагнетания истерии провели незаконный референдум об отделении от Молдовы, создав территорию, объявленную «первой освобожденной территорией СССР».

Но на этом подобные истории никогда не заканчиваются, ибо любой идее сепаратизма, особенно если за этой идеей стоит страстное желание коммунистической номенклатуры сохранить в новых условиях свою власть и привилегии, обязательно нужны жертвы, ибо, как еще указывал Ленин, «кровь и разъединяет навсегда, и спаивает навсегда».

Попытки молдавских властей навести порядок в левобережье привели к открытому сопротивлению, быстро переросшему в спорадические военные действия с ежедневной их эскалацией. Назначенный командовать «силами самообороны» кровавый психопат Костенко, контуженный в Афганистане, получив от новых тираспольских властей людей и оружие, действуя по проверенной в Афганистане методике, начал с того, что стал вырезать молдаван, имевших несчастье жить на левом берегу Днестра. Это быстро привело к известной бендерской трагедии.

В этих условиях 14-ая армия, попав в самое пекло, пыталась соблюсти хоть видимость нейтралитета. Армейские военные склады осаждали истеричные женщины, руководимые некой Андреевой — обладательницы громового голоса, которая появлялась на людях не иначе, как с кобурой на боку. Со складов 14-ой армии исчезали не только автоматы и пулеметы, но гранатометы, ракетные установки «Алазань», а позднее — и боевые машины пехоты и десантные танки.

Постепенно нейтралитет 14-ой российской армии во внутреннем конфликте Молдовы становился все более призрачным: ее оружием оснащались группы людей, называвших себя казаками, хотя, в большинстве случаев, это были искатели приключений с уголовным прошлым, с нарушенной психикой, одержимые желанием стрелять, грабить и убивать.

В разгар этих событий Лебедь был назначен командующим 14-ой армией. Своей главной задачей он считал остановить военное безумие и кровопролитие, от которого, по специфике такого рода конфликтов, страдало почти исключительно мирное население.

ние. И он остановил войну, сделав при этом несколько очень резких заявлений в адрес трусливых и бесхребетных московских политиков. Но защищая жителей Приднестровья от военного безумия, генерал Лебедь, хотел он этого или нет, вместе с ними защитил и самозванный режим в Тирасполе, который он сам, разобравшись в обстановке, назовет «бандитским».

Сущность «тираспольского режима» обнажилась в первые же месяцы затишья. Самозванные лидеры Приднестровья не спешили вести переговоры с Кишиновом о своем статусе в рамках Молдовы. Зато лихорадочно создавали свои погранвойска, таможенные пункты и министерства, каковых было создано семнадцать. Новоявленные вожди быстро пересели в новенькие «мерседесы», обзавелись особняками, роскошными кабинетами и личной охраной.

Разведка 14-ой армии быстро представила командарму материалы, приоткрывающие Александру Лебедю закулисную жизнь тираспольской верхушки. Оказалось, что они отнюдь не были уверены в победе и заблаговременно заготовили себе пути для отступления: валютные счета в иностранных банках, заграничные паспорта и теплые места в различных «темных» фирмах Европы, что самое интересное — в Румынии! Источником же их доходов была спекуляция оружием и бензином, которые они по бешеным ценам перепродавали... правобережным националистам в Кишиневе! Причем все это делалось и в ходе боевых действий. Очень быстро стало ясно, что все затеянное бандой авантюристов во главе с Игорем Смирновым под лозунгами защиты русского народа, независимости и прав человека делалось исключительно во имя личного обогащения.

Более того, через некоторое время генерал Лебедь неожиданно провел пресс-конференцию, на которой журналисты узнали нечто совершенно ошеломительное: «силовыми» министерствами самопровозглашенной республики руководят люди, выдающие себя не за тех, кем они являются на самом деле. Министр госбезопасности В.Шевцов на самом деле — Антюфеев, а министр внутренних дел Н.Матвеев — знаменитый прибалтийский чекист Гончаренко. Оба в свое время еле унесли ноги из Латвии, где на них открыты уголовные дела. Таких в Приднестровье, прячущихся под чужими фамилиями, пояснил командарм, около пятидесяти. Все они занимают руководящие должности и все повязаны темным и кровавым прошлым, порой, чисто уголовным.

— Стоит ли удивляться,— задал генерал вопрос журналистам,— разгулу преступности и произвола на этом многострадальном клочке земли, объявленном независимым государством?

— Жулики и преступники всех мастей,— подвел итог пресс-конференции генерал Лебедь,— всегда сбегаются туда, где у них меньше всего шансов быть пойманными... Подчиненная мне разведка не спит, и на основе добытых ею данных я смею утверждать: Приднестровье и его столица Тирасполь в наши дни — одна из основных «малин» отпетой уголовной братии. Почему ими не занимается прокурор и министр безопасности, догадаться несложно. Такая преступность и называется организованной, потому что преступники тесно переплелись и породнились с теми, в чьи обязанности входит ее дезорганизация...

В ответ на подобное заявление генерала, кроме шельмования Лебеда в местной печати, приднестров-

ские «власти» ответили созданием батальона «Днестр», находившемся в подчинении министра внутренних дел, беглого «прибалта» Матвеева-Гончаренко. Батальон, составленный из откровенных уголовников, готовился к выполнению главной задачи: захвата штаба 14-ой армии и ареста ее командования.

Но подобная глобальная задача была пока батальону «Днестр» явно не по плечу.

Поэтому батальон «Днестр», откровенно ориентированный на террористическую деятельность, начал свою боевую подготовку с нападения на военнослужащих 14-ой армии. Их начали хватать на улицах без всякого повода, избивали, глумились, срывая береты. Одного офицера арестовали и отправили в местную комендатуру. Поднятая по тревоге рота десантников окружила, по приказу Лебеда, комендатуру и потребовала освобождения офицера. Освободили. Генерал предупредил, что если власти не прекратят произвол, то он пресечет его сам, решительно и жестоко. Его уже хорошо знали, а потому сильно перепугались, и батальону «Днестр» было приказано никак себя не проявлять до лучших времен, наступления которых они с нетерпением ждали.

Именно в это время в Тирасполь зачастили именитые московские гости. Сперва Алкснис и Бабурин, затем Макашов и Павлов, а затем и сам Руцкой. Надо сказать, что вся эта злобно-уголовно-чекистская шпана, сбившаяся в стаю вокруг «президента» Смирнова, не произвела на Руцкого сильного впечатления. Впечатление на вице-президента России произвели два человека: местный банкир Загрядский, занимавший когда-то пост зама Смирнова, но «проко-

ловшийся» на попытке нейтрализовать коменданта Тирасполя, полковника Бергмана, взяткой в 3 миллиона рублей, а потому и «переведенный» в директора банка.

Вторым был сам генерал Лебедь. Его решительность, принципиальность, умение все называть своими словами и действовать далеко за пределами своих полномочий, а если надо, то и вопреки полученным инструкциям, еще в августе 1991 года произвели на Руцкого сильное впечатление, а сейчас и подавно. На осторожный зондаж Руцкого, как командарму нравится происходящее в Москве и в стране, командарм, помрачнев, зло сказал, что будь его воля, он очень многих в нынешней Москве поставил бы к стенке. Не уточняя, впрочем, кого именно.

Руцкой принял эти слова к сведению, но далее углублять эту тему не стал. Кстати, и «президент» Приднестровья Смирнов в разговоре с Руцким очень хорошо отзывался о Лебеде: прекрасный генерал, что он здесь прозябает? Ему нужно более широкое поприще. Смирнову, конечно, очень хотелось, чтобы Лебедя куда-нибудь перевели.

После возвращения Руцкого в Москву «банкир» Загрядный перевел на известный ему московский счет 2,5 миллиарда рублей, ибо всем приднестровцам напомнили, «чем они живы». Вместе с тем, из Тирасполя в адрес Белого Дома стали поступать в брезентовых мешках посылки, в которых, нежно прижавшись друг к другу, благоухали смазкой автоматы Калашникова. Не все же торговать оружием на сторону. Надо и о патронах позаботиться. Посылки в Москву сопровождал сам министр безопасности Шевцов-Антюфеев, который, продолжая борьбу с Ле-

бедем, объявил, что штаб 14-ой армии вообще и комендант Тирасполя полковник Бергман в частности,— работают сразу на четыре иностранные разведки.

Недаром один из жителей Тирасполя признался журналистам: «Мы оказались опрокинутыми в 37-й год!» — и просил не называть его имени.

Разыскиваемый преступник Антюфеев не только совершенно легально прибыл в Москву, но и не постеснялся дать интервью корреспонденту «Литературной газеты». На вопрос, знает ли он способ стабилизации положения в Приднестровье, ответил, что все очень просто — «надо лишь вывести из обращения определенное количество людей».

Видимо, Антюфеев прибыл в Москву не только для наблюдения за «посылками» Верховному Совету, но и для получения консультаций от вышестоящего командования, поскольку вернувшись окрыленным в Тирасполь, он нанес по генералу Лебедю, казалось бы, неотразимый удар.

Оказывается, как сообщали расклеенные по городу листовки, командующий 14-ой армией, ко всем своим недостаткам, еще и еврей, и его настоящая фамилия — Шваннер. В листовке разъяснялось, что все фамилии, имеющие смысловое значение, являются всего лишь обратным переводом с еврейского в целях маскировки. Еврейского языка, разумеется, никто в местной службе безопасности не знал, а потому свято верили, что еврейский и немецкий языки — это одно и то же. В качестве примера приводились две наиболее зловещие фамилии: Сахаров — Цуккер, Лебедь — Шваннер. Ну, а о полковнике Бергмане, имевшего предками немцев, и говорить не приходилось. Всем должно было стать ясно, что всю

воду мутит в Приднестровье жидо-сионистская банда Шваннера-Бергмана.

Упреждающий удар был просто необходим, поскольку стало известно, что в руки разведчиков 14-ой армии попали документы бывшего КГБ, из которых явствовало, что всю власть в Тирасполе захватили офицеры действительной службы и офицеры действующего резерва этой почтенной конторы. Кроме того, что также никого не радовало, поползли слухи, что Лебедь-Шваннер — гражданин России и резидент Израиля, куда, кстати, из Тирасполя шли пиломатериалы, решил баллотироваться в Верховный Совет независимого государства, гражданином которого он не является. Но поскольку это государство никем не было признано и как бы не существовало, то на подобные условности никто не посмел бы обратить внимание.

В итоге, несмотря на все старания местного оскорбленного «правительства», генерал Лебедь, не проводя никакой предвыборной кампании, без всякого труда собрал вдвое больше голосов, чем нужно, и стал «парламентарием» приднестровской «республики», чего местные власти не чаяли увидеть и в страшном сне.

Генерал появлялся на заседаниях «парламента» в камуфляжной форме рядового десантника и в надвинутом на глаза кепи. Выступая с трибуны, он всенародно зачитывал сенсационные разоблачения своей разведки, касавшиеся настоящего и прошлого народных вождей Тирасполя и проводимой ими политики. «Заповедник для преступников... руководство, занятое набиванием только собственных карманов... Мне противно охранять сон и покой подобного жулья!»

Эхо генеральских разоблачений пронеслось по всем радиоволнам и страницам иностранных газет, наглухо закрыв преступной банде и без того не слишком открытую дверь в мировое сообщество, куда они стремились пробраться всеми правдами и неправдами...

Шел уже октябрь 1993 года.

В конце концов Руцкому удалось дозвониться до Лебеда. Не тратя времени на предисловия, вице-президент прямо спросил командарма: не хочет ли тот занять пост министра обороны в «новом правительстве»?

— Но у вас уже есть Ачалов,— возразил всезнающий Лебедь.

Руцкой вздохнул:

— Ачалов — отставник, а вы на службе.

Помолчал и добавил:

— Кроме того, именно вам я больше доверяю.

— А что Грачев? — поинтересовался Лебедь.

С нынешним министром обороны, Грачевым, Лебедь служил в Афганистане, зная его со времен Рязанского десантного училища.

— Грачева я отстранил от должности,— сообщил Руцкой.

— И он отстранился? — продолжал выяснять подробности Лебедь.

— Отстранится,— жестко сказал Руцкой.— Или под суд пойдет. Впрочем, под суд пойдет в любом случае.

— Товарищ Руцкой,— неожиданно ответил генерал.— Я никак не могу принять ваше предложение.

— Почему? — немного растерялся вице-президент.

— Потому что,— ответил генерал Лебедь,— я не хочу, чтобы, когда я приеду на побывку в родной город, бабы плевали мне в лицо и моим солдатам — тоже.

— Вот как,— начал было Руцкой, но в трубке уже запищали короткие гудки.

Побагровевший Руцкой несколько мгновений сидел, тупо глядя на телефонный аппарат, и вздрогнул от пронзительного звонка. Номер этого телефона был известен очень ограниченному числу людей, а потому аппарат не был подключен к определителю абонента. Руцкой секунду поколебался: стоит ли брать трубку самому или пусть это сделают в секретариате. В этот момент ожил селектор на столе, и голос дежурного сказал: «Александр Владимирович. Тирасполь на проводе».

Первой мыслью Руцкого было, что генерал Лебедь, одумавшись, хочет извиниться за свое, мягко говоря, не совсем корректное поведение и выразить свое согласие с предложением «президента». Руцкой взял трубку.

— Товарищ Руцкой, здравия желаю,— проговорил незнакомый голос,— докладывает полковник Колосков из Тирасполя...

Руцкой вспомнил. Отставной полковник Колосков — старый чекист, награжденный в свое время именным пистолетом — был советником министра госбезопасности Приднестровья Шевцова-Антюфеева. Полковник Колосков был большим специалистом по борьбе с сионизмом, сражаясь с ним так ретиво, что в итоге ему пришлось скрыться в Тирасполе. Его давно знали под фамилией Колосков, но никто не мог поручиться: настоящая это фамилия или нет.

Видимо, в Тирасполе нашли способ подслушивать телефонные переговоры 14-й армии, поскольку Руцкому сразу же стало ясно, что Колосков в курсе его разговора с Лебедем.

— Поздравляю с избранием на высокую должность,— продолжал Колосков.— У нас царит ликование, и даже Днестр готов выйти из берегов от радости.

— Не утоните,— буркнул в ответ Руцкой и бросил трубку.

Строго говоря, обнаглевшие приднестровцы позволили себе вопиющее нарушение протокола. Поздравление президенту по случаю избрания на должность обычно приносит президент, а не безвестный советник министра, пусть даже государственной безопасности. Подобная фамильярность всегда раздражает, не суля ничего хорошего в будущем. Особенно с учетом того специфического положения, в котором оказался вице-президент Руцкой. Недаром сразу после переворотов короли и президенты первым делом обычно ликвидировали своих сообщников по заговору. Но не менее часто случалось и наоборот, о чем следовало поразмыслить.

Сдержав вздох и подавив в себе раздражение, вспыхнувшее от разговора с генералом Лебедем и полковником Колосковым, Руцкой достал из кармана пачку «Мальборо»,— уже вторую за последние 6 часов — вынул сигарету и закурил, жадно затягиваясь.

С Лебедем сорвалось, но зато на помощь из Тирасполя уже готов вылететь полным составом батальон «Днестр». Днестр от радости готов выйти из берегов. Двух толкований эта фраза не имела.

07:30

Министр безопасности Николай Галушко сидел в своем кабинете на Лубянке, задумчиво помешивая остывший чай в стакане с массивным подстаканником с эмблемой ВЧК-КГБ, изображающей щит и меч. Символ был весьма красноречивым. Всю свою историю возглавляемое ныне Галушко ведомство, прикрывая щитом партноменклатуру, рубило и глушило мечом собственный народ, не заметив в этой вдохновенной борьбе гибели того государства, безопасность которого это ведомство было обязано защищать.

В 1987 году, Галушко стал председателем КГБ Украины, продержавшись на столь высоком посту до самого августовского путча 1991 года.

Во время путча его лучший друг Леонид Кравчук — член Политбюро ЦК Компартии Украины, ведавший идеологией, став на волне горбачевских реформ председателем Верховного Совета Украины,— отдал приказ об аресте председателя КГБ Галушко. Кравчук стремился не отстать от Москвы, где был арестован председатель КГБ СССР Крючков. Галушко обвинили в активном соучастии в ГКЧП, что было святой правдой. Кроме того, Кравчук, в одночасье превратившийся в «самостийника», обвинил Галушко в том, что тот — «агент Москвы» и член радикальной депутатской группы «Союз».

Но, в отличие от Крюčkова, которому бежать было некуда, Галушко не дал себя арестовать и сбежал в Москву. Казалось бы, по царившим тогда в Москве настроениям беглый председатель КГБ Украины должен был либо быть арестованным, либо,

в лучшем случае, отправлен в отставку и в небытие с шансами выплыть только на каком-нибудь полуфашистском митинге года через полтора.

На Лубянской площади сиротливо стоял постамент, с которого совсем недавно краном стащили «железного Феликса», накинув ему на горло петлю стального троса, а место председателя КГБ занимал «добрейший» Вадим Бакатин, публично поклявшийся очистить КГБ от всех, хоть как-то запятанных в борьбе со свободой и демократией.

Но то ли потому, что сам Бакатин был некогда первым секретарем Кемеровского обкома КПСС и знал Галушко по совместным боям с международным сионизмом и идеологическими диверсантами, то ли по какой-то другой причине, но Галушко был снова взят в Центральный аппарат и некоторое время тихо работал в секретариате сперва у Бакатина, а затем и у Баранникова. Из секретариата он так же незаметно был переведен в заместители министра и, как «профессионал», умело вел интригу против «мента» Баранникова, стука на него своему старому кемеровскому другу Виктору Черномырдину, а через него — президенту.

Расстроганный Ельцин, выгнав Баранникова, назначил именно Галушко исполняющим обязанности министра безопасности, хотя сам очень хотел видеть на этом посту своего очередного фаворита, Степашина — бывшего милицейского политработника, сделавшего неслыханную карьеру на волне липовой демократии, пройдя за неполных два года путь от подполковника до генерал-лейтенанта. Но Черномырдин убедил президента, что Степашин «дела еще не знает», а Галушко — профессионал.

А в глазах президента, когда эти глаза упирались в нового исполняющего обязанности министра безопасности, искрился какой-то немой вопрос, который перевести в смысловое значение можно было словами «справится или нет?»...

Галушко действительно был «крутым» профессионалом. Когда журналисты пришли в Центр общественных связей Министерства безопасности, чтобы хоть что-нибудь написать и рассказать о новом исполняющем обязанности министра, их встретили обычными настороженными взглядами и почти гробовым молчанием. Журналистов спросили, а почему их вообще интересует личность Галушко? На кого они работают? Личность руководителя Министерства безопасности может интересовать только противника. «А ведь мы с вами, товарищи, не собираемся помогать в этом противнику, как “агенты влияния”?»

Представители прессы, успевшие уже отвыкнуть от подобных диалогов коммунистических времен, обнаглели настолько, что попросили фотографию Галушко для публикации в газетах. Это вызвало чуть ли не истерику в Центре общественных связей. Понимают ли они, о чем просят? Фотографию Галушко! Американцы не пожалели бы миллиона долларов за фотографию Галушко. Создавалось впечатление, что исполняющего обязанности министра собираются в ближайшее время забросить в империалистический тыл в качестве разведчика-нелегала.

Устав от подобного маразма, журналисты отправились в архив бывшего Верховного Совета РСФСР, где и обнаружили целую пачку фотографий Николая Галушко и в фас, и в профиль. Вскоре, однако, личность нового исполняющего обязанности прорвала

информационную блокаду, и его улыбчивое лицо, украшенное толстыми очками, стало мелькать на экране телевизора и в газетах. Обычно он сидел ошую президента в купе с другими силовыми министрами Ериным и Грачевым, всегда скромно улыбаясь и преданно поглядывая на своего благодетеля Виктора Черномырдина, который, как премьер, сидел одесную президента. Ельцин тоже благосклонно поглядывал на нового исполняющего обязанности, иногда пытаясь, правда, выяснить: чем нынче это ведомство занимается?

Хвастаться было совершенно нечем. Ведомство досталось Галушко в довольно потрепанном виде. Больше всего досталось родному 5-му управлению, которое на переходный период переименовали в Управление по защите конституционного строя. Не стало любимых отделов, занимающихся привычной борьбой с сионизмом, с творческой интеллигенцией, с инакомыслием и многим другим, с чем бороться можно было бесконечно, ничем не рискуя, но регулярно получая зарплату, и резво шагать вверх по служебной лестнице.

Управление ликвидировали, но его личный состав остался в наличии, маясь по кабинетам и не зная, чем заняться. Творческие муки сотрудников вскоре привели к новому переименованию управления. Название получилось звучное: Управление по борьбе с терроризмом. Но переход от борьбы с изучающими иврит евреями и читающими Солженицына придурковатыми интеллигентами на борьбу с терроризмом превратился в очень мучительный процесс сразу по нескольким причинам.

Первая из них заключалась в том, что террористы, как правило, были вооружены и, не задумыва-

ясь, пускали оружие в ход, а получать пулю во имя любой идеи, а уж тем более — без всякой идеи, никому не хотелось. Совсем не для этого все стремились идти работать в КГБ, используя собственные силы и блат родителей.

Второй причиной было то, что большинство военизированных группировок, которые без стеснения декларировали терроризм как составную часть своей деятельности, были в свое время созданы именно КГБ и находились под покровительством ведомства в качестве «дочерних фирм». В старые времена их подкармливали деньгами — не ахти, конечно, какими большими. А ныне все были посажены на хозрасчет, что в условиях «рыночной экономики» позволяло этим группировкам не только безбедно существовать, но и кое-что отчислять и своим благодетелям. Поэтому трогать эти группировки было так же неразумно, как и стрелять в собственных детей, кормящих своего родителя.

Всю ночь Галушко совещался с Ельциным, который мимоходом поздравил его с производством в генерал-полковники и утверждением в должности министра. Около шести часов утра он прилетел вместе с президентом и его окружением в Кремль на вертолете, а оттуда отправился к себе на Лубянку первый раз в новом качестве: полноправного министра безопасности.

Однако он знал и другое. Ему уже было известно, что указом новоявленного президента Руцкого он, Галушко, отстранен от должности, а министром безопасности назначен вновь Виктор Баранников.

Представители нового министра уже пытались проникнуть на Лубянку. Нельзя было поручиться, что

и сам он не пожалует сюда с минуты на минуту в сопровождении целого батальона «спецназа», вызванного откуда-нибудь из-под Москвы или из провинции.

Когда президентский вертолет приземлился на Ивановской площади в Кремле, Ельцин, угрюмо взглянув на Галушко, спросил:

— Надеюсь, вы все поняли?

Галушко понял даже больше, чем предполагал президент.

Практически ни один из его предшественников на этом посту, начиная с 1917 года, не умер своей смертью или не был выгнан с должности с грандиозным скандалом и со всеми вытекающими из него последствиями. Его не беспокоила ни судьба самого Ельцина, ни судьба страны и даже ни судьба вверенного ему ведомства. Его беспокоила собственная судьба. Он прекрасно понимал, что будет с ним лично, если Баранникову вновь удастся усесться в кресле министра, а Руцкой и Хасбулатов будут управлять страной. Из Киева еще можно было бежать в Москву. Из Москвы же бежать некуда. Разве что в Багдад, Пхеньян или Гавану. Да и там его появлению никто не обрадуется, и быстро выдадут, обменяв на запчасти к танкам или на пару цистерн с нефтью.

Министр снял трубку одного из телефонов.

— Евгений Вадимович,— спросил он.— Как двигаются дела?

Выслушав ответ Савостьянова, Галушко вздохнул:

— Желательно побыстрее.

08:15

Александр Баркашов — лидер партии «Русское Национальное Единство» — успел только снять с охранной сигнализации помещение штаб-квартиры партии, находящееся в здании Свердловского райсовета столицы на Петровке, 22, как услышал телефонные трели, доносящиеся из его еще закрытого кабинета.

Как и большинство людей, Баркашов не любил ранних телефонных звонков, справедливо считая, что они никогда не приносят приятных известий, особенно в такой день, как сегодня.

Баркашов был хорошо осведомлен о том, что произошло в стране за последние 12 часов, и в течение ночи успел проконсультироваться со многими лидерами правых, ультраправых и откровенно фашистских группировок, к числу которых принадлежала и возглавляемая им РНЕ. Все: и «Память» Васильева, и «Отечество» Корчагина, и Русская партия Стерлигова, и «Республиканцы» Лысенко, да и он сам — единодушно решили не ввязываться в конфронтацию между одинаково ненавистными «жидами» Ельцина и «придурками» Руцкого, Хасбулатова. Пусть грызутся между собой. Наш час еще не настал! Но он грядет.

Войдя в кабинет и взяв трубку, Баркашов поморщился. Он ждал этого звонка, но надеялся, что именно сегодня его не будет...

Телефонный звонок, раздавшийся в его штабе утром 22 октября, прозвучал набатом и дал понять Баркашову, что его время настало. Он стал быстро соображать, как объяснить совету «соратников» столь

резкую перемену планов. Ведь еще ночью было решено ни во что не ввязываться, а спокойно наблюдать, как обе стороны будут уничтожать друг друга морально и физически.

После недолгого раздумья выход был найден. «Нам предоставляется уникальная возможность раздобыть, и притом совершенно бесплатно, сколько угодно оружия из запасов Белого Дома». Это для совета. А с остальными можно не церемониться. Приказ вождя давно уже никто не смел обсуждать в РНЕ.

09:10

Сергей Бабурин никогда не чувствовал ранее такого прилива творческого вдохновения. Когда было объявлено о продолжении сессии Верховного Совета, он попросил слово одним из первых. В зале собралось около 120 человек. Все выглядели возбужденными и энергичными, несмотря на то, что многие провели бессонную ночь. На пустующих местах и на галерке собралось много посторонних людей, среди которых выделялась большая группа коммунистов во главе с Геннадием Зюгановым, который, не будучи депутатом, последнее время просто не вылезал из Белого Дома, инстинктом чувствуя приближение того самого хаоса, в котором коммунисты, как стервятники, всегда устраивают себе черное пиршество. Рядом с ним, что-то возбужденно рассказывая, сидел лидер фракции коммунистов в Верховном Совете Иван Рыбкин — бывший 2-ой секретарь Волгоградского обкома КПСС, взлетевший в свое время вверх на знаменитой революции «вторых секретарей», инспирированной Михаилом Горбачевым.

Бросалось в глаза большое количество людей в камуфляже без знаков различия. Все они были, как правило, среднего или даже почтенного возраста, и «камуфляж» на них выглядел как-то странно, наподобие современной маскировочной сетки на пушке Бородинского боя.

Лидер «Фронта Национального Спасения» Илья Константинов сидел, откинувшись в кресле, скрестив руки на груди. Временами он теребил бороду, выдавая свое возбуждение.

Аудитория обязывала к сильному, в духе момента, выступлению, и Бабурин не разочаровал ожидания слушателей.

Темой его выступления было оглашение документа, именуемого «Законом о внесении изменений и дополнений в УК РСФСР», полностью отвечающего потребности дня. В новом законе, представленном Бабуриным на суд народных депутатов, предусматривалось в качестве ответственности за действия, направленные на насильственные изменения «конституционного строя», лишение свободы на срок от 6 до 12 лет, а если действия имели тяжкие последствия или были совершены должностным лицом — лишение свободы на срок от 10 до 15 лет или смертную казнь с конфискацией имущества.

Таким образом, президент Ельцин уже подпадал под расстрел с конфискацией имущества, что вызвало овацию в зале.

Театрально наклонив свой лик провинциального Мефистофеля, Бабурин переждал овацию и радостные крики народных избранников, а затем приступил к прочтению второго документа, который был не менее жестким, чем первый.

Оба документа депутаты приняли единогласно под громкие аплодисменты как свои собственные, так и присутствующих в зале гостей.

Сорвав еще раз аплодисменты, Бабурин, не снимая с лица своей демонической улыбки, сел на место, уступив микрофон самому Хасбулатову.

Остыв от аплодисментов, депутаты заметили, что в зале нет нового президента, Руцкого. Как бы отвечая на немой вопрос, спикер сообщил, что Александр Владимирович занят важнейшими государственными делами, которые мешают ему принять участие в работе парламента.

Далее Хасбулатов с возмущением поведал, что отключена внутренняя телестанция Белого Дома, но он уже послал депутата Лисова в «Останкино» напомнить телевизионщикам об их конституционном долге. Тем более, что, по его данным, часть сотрудников телекомпании выступила против своего продажного руководства и готова плодотворно сотрудничать с Белым Домом. А кто еще не определился, того немного протрезвят только что принятые закон и постановление. «Мало кто захочет быть расстрелянным с конфискацией имущества»,— рассмеялся Руслан Имранович, вызвав здоровое оживление в зале.

«Сегодня,— подчеркнул Хасбулатов,— главная задача руководителей Верховного Совета — максимально быстро созвать внеочередной съезд народных депутатов, на котором можно было бы отстранить президента от должности. В фойе Белого Дома начата регистрация депутатов».

10:00

Основной ставкой, которую делал Руцкой, приняв участие в этой, мягко говоря, аванюре, была уверенность, что его поддержит все (или, по крайней мере, большая его часть) мировое сообщество. На чем основывалась эта уверенность, сказать трудно. Однако, каким бы узким ни был кругозор бывшего летчика, он все-таки знал, что вся Европа живет по старому римскому правилу: «Пусть гибнет мир, но торжествует закон!» Он знал также, с каким почти религиозным чувством американцы относятся к своей Конституции. Из этого совершенно не вытекало, что американцы столь же свято будут относиться к любой другой конституции, включая «брежневскую», по которой продолжала жить свободная Россия. Но Руцкой был уверен, что так оно и будет.

Просматривая пришедшие сообщения по линии ИТАР-ТАСС и других информационных агентств, Руцкой мог убедиться, что его надежды оказались несбыточными.

Оказалось, что в отличие от августа 1991 года, когда лидерам большинства зарубежных стран потребовалось некоторое время, чтобы осмыслить бурные события в Москве и выступить с неофициальной реакцией, на этот раз они определились очень быстро. Это объяснялось, главным образом, тем, что за час до выступления Ельцина по телевидению министр иностранных дел России Андрей Козырев пригласил послов семи ведущих стран Запада: США, Японии, Германии, Франции, Великобритании, Италии и Канады — и сообщил им о намерении президента распустить съезд и Верховный Совет с назна-

чением новых выборов президента и парламента на 12 декабря.

Одними из первых на события в Москве откликнулись Соединенные Штаты. Президент США Билл Клинтон заявил о полной поддержке Бориса Ельцина. Решение российского президента о роспуске парламента одобрили Франция, Великобритания, Япония, Германия, Испания, Норвегия, Швеция, Чехия, Нидерланды, Австралия, Казахстан, Эстония, Молдова и Туркмения.

Прочитав слово «Туркмения», Руцкой какое-то мгновение не мог сообразить, о каком государстве идет речь. А потом понял подлый прием подачи информации: в список государств мира воровски включили и страны СНГ, чтобы список казался солиднее и длиннее.

Не определил свою позицию Китай. В Пекине официальный представитель Министерства иностранных дел отказался ответить, кого — Ельцина или Руцкого — китайское руководство считает президентом России.

Патриарх русской православной церкви Алексей II, находящийся в США, воздержался от комментариев, сославшись на недостаток информации.

Все телеграфные агентства отмечали, что единственным человеком за пределами России, выступившим с открытым осуждением Ельцина, оказался пока Михаил Горбачев. Бывший президент Советского Союза, совершающий поездку по Италии, назвал действия Ельцина «безрассудными и антиконституционными». Горбачев заявил, что прерывает итальянское турне и срочно возвращается в Москву.

Корреспонденты передавали из Вашингтона:

«По мере появления новых сообщений о мерах, предпринимаемых противниками Бориса Ельцина для его устранения, интонация американской администрации становится определеннее. А после того, как президенты США и России провели 15-минутную телефонную беседу, полная поддержка Ельцина со стороны США стала свершившимся политическим фактом.

Строго говоря, гарантии, которые потребовал Билл Клинтон, содержались уже в самом публичном заявлении российского лидера. Для Белого Дома принципиально важно было получить однозначное «да» всего на два вопроса. Первый: состоятся ли вскоре выборы в парламент? Второй: будут ли они честными и демократическими? Ответы Ельцина были не только положительными, но и убедительными. По мнению госсекретаря Уоррена Кристофера, последние события делают еще более настоятельным решение сената США в пользу скорейшего предоставления экономической помощи Москве. Эксперты в Вашингтоне полагают, что международное признание Александра Руцкого в качестве президента России вряд ли осуществимо как в ближайшее время, так и в обозримой перспективе...»

— Сволочи! — прошипел сквозь зубы Руцкой и только усилием воли заставил себя читать дальше.

«Официальная реакция Лондона на меры, принятые Ельциным, не оставляет сомнений, на чьей стороне правительство Великобритании. По словам высокопоставленных сотрудников аппарата премьер-министра Джона Мэйджера, «Ельцин — реформатор, поэтому мы поддерживаем его, и у нас нет оснований медлить с признанием этого». В том же духе

высказался министр иностранных дел Дуглас Хэрд. «Президент Ельцин полностью прав,— заявил он.— Его демократический мандат намного убедительнее, чем у парламента. Съезд постоянно пытался мешать реформам. Сейчас еще только начало, но шансы Ельцина выглядят неплохими».

Через все это совершенно явно проступал сговор международного империализма против наиболее здоровых сил России. Сговор, начавшийся в 1989 году и продолжающийся до сих пор.

Но это было еще не все. Корреспондент ТАСС передавал из Парижа:

«Прошло немногим более двух часов после выступления Бориса Ельцина по российскому телевидению, как последовала первая реакция Парижа. В отсутствие президента Миттерана, который находился в Польше, министр иностранных дел Ален Жюппе отметил, что именно Ельцин был избран главой государства законным и демократическим путем и одержал победу на апрельском референдуме. Жюппе выразил надежду на победу российских реформаторов, которые готовы снова провести выборы. Однако, премьер-министр Эдуард Балладюр занял более осторожную позицию, заявив о необходимости подождать развития событий в России».

В сводку из Франции попало также и интервью газете «Фигаро», данное Александром Солженицыным. В свое время писатель потряс весь мир своим «Архипелагом ГУЛАГ» и нанес такой удар коммунистической системе, от которого она так и не сумела полностью оправиться. Высланный из страны по приказу старцев из Политбюро, Солженицын с тех пор жил в Америке и, несмотря на все происходящие

в России перемены, демонстративно отказывался вернуться на Родину, время от времени пересылая в Москву советы через мировые информационные агентства. За день до выступления Ельцина он, оказывается, сказал (уж не был ли предупрежден?): «Ельцин должен был распустить парламент, который настоящим парламентом не является и достался в наследство от старого режима... Борис Ельцин — человек искренний и мужественный. Он продемонстрировал эти качества, когда одним из первых покинул Коммунистическую партию, и во время августовского путча. Но в дальнейшем Ельцин совершил много серьезных ошибок, главной из которой было то, что он не покончил с существовавшей тогда политической системой...»

В словах писателя явно сквозила надежда, что вскоре президент эту ошибку исправит.

Не лучшие вести доходили и из так называемых стран СНГ. Истерические призывы Хасбулатова и Руцкого к восстановлению СССР, конечно, не могли не сказаться на взглядах местных президентов и председателей, теперь горой вставших за Ельцина.

В Казахстане президент Нурсултан Назарбаев официально заявил, что «процесс реформ в России, наталкивающийся на серьезные противоречия, требовал определенных и решительных мер. В связи с этим действия президента Ельцина воспринимаются нами как один из путей выхода из политического тупика».

В Белоруссии председатель Верховного Совета Станислав Шушкевич оценил указ Бориса Ельцина как «верный шаг». В Молдове президент Снегур сообщил, что относится к действиям президента Ель-

цина положительно, считая, что он поступил «мудро и справедливо».

Президент Украины Кравчук, тот просто пришел в восторг от указа Ельцина, заявив, что все это нужно было делать «на полгода раньше».

Конечно, трудно было ожидать, что бывшие друзья Ельцина по Политбюро ЦК КПСС поступят иначе и хором не поддержат своего дружка, с кем вместе они разваливали СССР. Но все равно было досадно.

Слава Богу, совсем иные отклики идут из разных краев России.

В Кемерово уже прошло заседание Малого областного совета. Глава местной администрации М.Кислюк оценил указ президента и его обращение к народу как выход «за рамки правового пространства». Правда, он осудил и Верховный Совет за поспешные действия по отстранению Ельцина от должности.

Зато в Челябинске Малый совет облсовета объявил указ Ельцина «неконституционным и не подлежащим исполнению на территории Челябинской области. Челябинский областной комитет по защите Конституции и Советской власти обратился к местным средствам массовой информации с призывом выступить на защиту конституционного строя».

Во Владимире Малый совет, заседавший всю ночь, назвал указ Ельцина «антиконституционным, направленным на узурпацию власти», и призвал Ельцина отказаться от реализации указа.

В Благовещенске председатель Амурского областного совета Белоногов расценил указ Ельцина как «противоречащий Конституции».

Во Владивостоке глава администрации Приморского края Е.Наздратенко, мечтавший о власти наместника, обрушился на обе ветви власти и заявил, выступая по радио: «...по вине центра Приморье оказалось в сложной ситуации. Фактически правительство отделило край от России. Если в стране будет продолжаться политическая вакханалия, мы примем решение, что должны самостоятельно поработать, пока в Москве разберутся, кто главнее и важнее».

А в Санкт-Петербурге, оказывается, успел высказаться только академик Дмитрий Лихачев. Престарелый патриарх русской демократии распространил следующее сообщение: «Война властей не может служить базой для управления государством, а мы, граждане, не можем ждать, наблюдая, когда же одна из ветвей власти победит другую в схватке. Поэтому президент поступил правильно, взяв инициативу в свои руки и назначив выборы. Я уверен: в данном случае все устроится. Господь хранит Россию... Надо предоставить народу право самому определить свою судьбу. А ссылки на брежневскую Конституцию, по крайней мере, наивны».

В принципе, картина складывалась следующим образом: все дальнее и ближнее зарубежье поддерживает Ельцина, но Россия — совсем наоборот. Имеются сведения, что практически все советы откажутся признавать указ № 1400, подписанный 21 сентября. А советы — это сила!

В кабинет влетела раскрасневшаяся Сажи Умалатова:

— Александр Владимирович, надо выйти к народу. Там, на площади, собралось уже несколько

тысяч. Они готовы защищать наше дело. Нет отбоя от добровольцев!

Именно в этот момент выходить к народу Руцкому совсем не хотелось, тем более, что он отлично знал, какой *НАРОД* ныне привели на площадь Анпилов и Уражцев.

Пообещав вскоре выйти на балкон, Руцкой, достав справочник, стал звонить в посольство Соединенных Штатов, которое находилось тут же, на Краснопресненской площади. Если бы не плотные шторы на окнах, Руцкой мог бы видеть в окно здание посольства.

На обычные звонки отвечал дежурный, как правило, русский, работающий по найму и получающий зарплату и в посольстве, и в КГБ. Но особый справочник давал возможность дозвониться непосредственно до посольских работников, включая самого посла.

Как президент России, Руцкой мог дозвониться непосредственно послу, но не стал этого делать, а попытался связаться с пресс-атташе. Кто-то поднял трубку и ответил по-английски. Английского языка Руцкой не знал, а потому по-русски попросил господина Джозефа Козецкого, которого знал лично. После ответа параллельный президент побагровел и бросил трубку. «Господин Руцкой, мы не уполномочены вести с вами никаких переговоров».

Бросив справочник в ящик стола, Руцкой встал и упругой походкой направился на балкон Белого Дома общаться с народом.

11:00

Сопредседатель «Фронта Национального Спасения» Илья Константинов вернулся в зал заседаний

Верховного Совета возбужденный от только что произнесенной с балкона речи. В общем-то, это была даже не речь, а набор лозунгов на тему «Наше дело правое — победа будет за нами!»

Роль народного трибуна очень нравилась Константинову, но в его пламенных речах всегда чего-нибудь не хватало. Не было в них погромной лихости, свойственной речам Виктора Анпилова, не было макашовской чугунности, подтвержденной трехзвездными генеральскими погонами, не было экзальтированной истеричности Сажи Умалатовой.

Со стороны всегда казалось, что Константинов кого-то уговаривает как школьник, который очень хочет получить пятерку, не зная толком, о чем говорит. Не помогало ему и наигранная развязность, и столь же наигранная бравада, порожденная полной безнаказанностью. Бабурин относился к нему со снисходительной вежливостью, генерал Макашов — как к слишком говорливому выскочке из низших чинов, Хасбулатов — с известной подозрительностью, а что касается Баркашова, то тот откровенно считал Константинова евреем и не скрывал этого.

Это было обидно, поскольку сам Константинов не любил евреев с рождения. Однако, это ничего не доказывало. Владимир Вольфович Жириновский тоже не любил евреев, но его, тем не менее, все — до президента включительно — считали евреем, а баркашовцы даже демонстративно покидали зал, когда в нем показывался Жириновский.

К Константинову они так жестоко не относились, но в их тайных списках Илья числился кандидатом на интернирование и последующую высылку в Израиль.

Немалую роль тут играло то, что Константинов не был москвичом, а был ленинградцем. Этот город, хотя и переименованный ныне в Санкт-Петербург, все равно оставался рассадником крамолы и форпостом космополитизма, где все, казалось, совершенно четкие понятия были перевернуты с ног на голову.

Во времена великого горбачевского отступления Константинов появился на городской политической сцене, выступая на митингах «Демократической России» под крылышком знаменитой «тетушки Салье», которую партия перебросила в арьергард своих отступающих колонн.

Таким образом, Константинов въехал в политику на «демплатформе», точно так же, как и его суровые коллеги по Верховному Совету: Бабурин, Павлов, Исаков и многие другие, которыми дремлющий КГБ успел нафаршировать аморфно-субтильное демократическое движение. Каждый просто должен был доказать своей энергией и многими другими качествами, что оказался достойным оказанного ему высокого доверия.

В разгар всех этих событий Константинов неожиданно перебежал от тетушки Салье в Христианско-демократическую партию Виктора Аксючица. Злые языки поговаривали, что он это сделал вовсе не из идейных побуждений, а из желания быстро и практически бесплатно получить автомашину, которыми снабжали Аксючица растроганные до слез христианские демократы Запада. Так это или нет — в принципе, не имеет большого значения, но справедливости ради необходимо отметить, что ХДС была гораздо ближе Константинову по духу, нежели интеллигентно-иудейское окружение Марины Салье,

идейной платформой которой было что-то вроде салонного антикоммунизма, если можно так выразиться.

Сквозь эти мутные волны Константинову удалось пробиться на выборах в Верховный Совет, используя еще хорошо работающую антикоммунистическую риторику и затасканное от частого употребления слово «народ». Историческим кумиром Константинова был предпоследний русский царь Александр III, и Константинов даже внешне пытался походить на всероссийского самодержца, хотя ростом был почти наполовину меньше оригинала, но тем не менее, носил бороду, которую носил его кумир, еще будучи наследником престола.

Однако, если первым правилом императора Александра III было обеспечение строгого полицейского порядка в России, у которой, по его словам, единственными союзниками были лишь ее «армия и флот», то Константинов, напротив, с первых же дней своего пребывания в Верховном Совете делал все возможное, чтобы тем или иным способом дестабилизировать обстановку если не по всей России, то уж, по крайней мере, в Москве.

Что касается родного города Петербурга, то там Константинов предпочитал практически не появляться, поскольку у его избирателей накопилось к нему столько вопросов, что только совершенно не работающая процедура отзыва депутатов позволяла ему сохранять свой мандат.

Во всяком случае, всякие разговоры о будущих выборах, а уж тем более — о досрочных, вызывали в нем вполне понятное чувство раздражения, быстро переходящее в ярость, как всегда бывает у склон-

ных к хулиганству натур при осознании собственной не только безнаказанности, но и неприкосновенности.

Конечно, не следует забывать, что крушение империи повергло в шоковое состояние многих людей, заставив их быстро изменить свои взгляды, сформированные в период, когда им казалось, что они ведут борьбу с КПСС, хотя, как позднее выяснилось, эту борьбу КПСС оплачивало из собственных средств.

Поистине титанические усилия и бесконечные компромиссы Константинова (ему гораздо тяжелее было сесть в один президиум с Зюгановым, чем Зюганову с ним; тому это было безразлично — лишь бы сидеть в президиуме) привели к тому, что 24 октября 1992 года ему удалось собрать на учредительный съезд «Фронта Национального Спасения» почти все партии и группировки, которые к этому моменту удалось создать различным отделам КГБ и подпольным обкомам. Тут был и «Совет патриотических сил», и «Русский национальный собор», и Национально-республиканская партия Николая Лысенко, в свое время выгнанного из «Памяти» за бытовой антисемитизм, и Русская партия Корчагина, и Партия Русского Национального Единства, и, разумеется, коммунисты всех мастей и оттенков: от ярко-красного до темно-коричневого.

«Цветом нации» назвал Константинов собравшихся в зале.

В президиуме «цвет нации» представляли: генерал Макашов, Сергей Бабурин, Геннадий Зюганов, Владимир Исаков, Александр Проханов, Александр Стерлигов, Сажу Умалатова, избранная председателем президиума Верховного Совета СССР, и осколки

былой группы «Союз»: полковник Алкснис и Светлана Горячева. Там же восседали Лысенко с Баркашовым и, естественно, сам Константинов. Охрану несли мрачные парни в камуфляже, но без каких-либо знаков различия. В зал была допущена пресса.

Начал учредительный съезд генерал Макашов по военному просто и звучно. Встав в президиуме, генерал зычно скомандовал:

— Кто не поддерживает Ельцина и правительство — прошу встать!

Радостная улыбка озарила суровое лицо генерала, когда полуторатысячный зал поднялся по его команде. Сидеть остались только некоторые представители прессы, которую в президиуме называли «желтой».

«Желтая пресса и сионофильское телевидение дорого заплатят», — пригрозил Николай Лысенко, зорко следя из президиума за не встающими по команде Макашова.

После такого начала, придуманного Макашовым, сразу стала ясна та общая платформа, на которой могут объединиться красные и коричневые. Поэтому, выступая с речью, Константинов говорил прямо и жестко:

— Необходимо создать движение, способное изменить ход истории в нашей стране. Мы должны немедленно приступить к подготовке акций, которые могли бы оказать влияние на ход предстоящего съезда народных депутатов. Одна из главных задач — отставка президента. Россию надо защищать, а защищать некому, потому что мы — это Россия!

Закрывая съезд, Константинов сказал, что созданный «Фронт» должен рассматриваться как «освобо-

дительное движение», главной задачей которого является «народно-освободительная революция против временного оккупационного правительства и клики Ельцина».

Подобная лихая резолюция, объявленная Константиновым, совершенно неожиданно вызвала реакцию президента, ранее почти не замечавшего истерических криков оппозиции. Последовал указ о роспуске организационного комитета «Фронта Национального Спасения» и о его запрещении. Организаторы «Фронта», как и водится в демократическом обществе, которое они поклялись уничтожить, указу не подчинились и, проведя парочку шумных митингов, подали протест в Конституционный суд.

Рассмотрев протест, Конституционный суд во главе с Валерием Зорькиным, который совсем недавно вывел из-под удара Коммунистическую партию, признал указ президента «неконституционным», ограничивающим свободу граждан на объединение по политическим, религиозным и прочим признакам. Самому Валерию Зорькину идеи «Фронта» были куда более близкими, чем какие-то непонятные рассуждения о демократии, которую он никогда в глаза не видел, а потому и знать не хотел. Он поступил бы именно так, даже если бы не получал никаких «рекомендаций», а поскольку «рекомендации» все-таки были, он вывел из-под удара «Фронт» с еще большим энтузиазмом.

Для Константинова наступили великие дни. Своего собственного контингента у него, как, скажем, у Анпилова или Терехова, не было, но как и положено сопредседателю, он координировал все фракции «Фронта», собирая их на площадях, формируя колонны

при шествиях и резервируя места в зале при собраниях.

Его одутловатое лицо со всклоченной бородой мелькало то слева от Анпилова, то справа от Терехова, то над потускневшим погоном Макашова, то на фоне иезуитской улыбки генерала Стерлигова или наглой ухмылки Хасбулатова.

Он работал как каторжник, чтобы добиться координации партий, группировок и разных осколочных сообществ, номинально сведенных его энергией в единый фронт, но продолжающих считать только себя проповедником истинного «учения», а всех остальных — еретиками.

Он сражался как лев на мартовском съезде, чтобы накрыть «импичментом» президента Ельцина, а когда это не удалось, делал все, что в его силах, чтобы сорвать апрельский референдум.

Неудачи, следовавшие одна за другой, озлобили Константинова, но мало повлияли на его энергию.

Шаг, сделанный президентом, поначалу привел Константинова в восторг. Ельцин сам подставлялся под мощный удар со стороны своих противников. Но вслед за радостным возбуждением наступила апатия. Илья Константинов хорошо понимал, что, по меньшей мере, последние полтора года он мчитесь куда-то, как на плоту по горной реке, не зная, куда она ведет, и не откроется ли за ближайшим поворотом бездонный водопад, способный поглотить все планы и надежды.

Конечная цель виделась весьма туманно, и он не знал, как видят эту цель те, кто раскрутил маховое колесо, которое уже невозможно остановить, ибо его

уже крутит колесо истории. Он даже не мог ответить на простейший вопрос: те, кто крутят колесо,— за Ельцина они или нет?

12:00

Министр внутренних дел России Виктор Ерин прямо у себя в кабинете на Огарева, 6, без особого видимого интереса смотрел на экран телевизора. Две мобильные телепередающие установки МВД, разъезжая по периметру Белого Дома, освещали обстановку в зоне мятежного парламента. Немногочисленные ополченцы, приведенные ночью Анпиловым, грелись у костров. Некоторые спали прямо на асфальте. Спадало нервное напряжение, порожденное маниакальной уверенностью, что ночью непременно произойдет штурм здания с применением бронетехники и специальных химических средств.

С балкона Белого Дома, многократно усиленные электроникой, гремели голоса народных депутатов и «не облеченных народным доверием» политиков. На обширной площади собралось уже не менее 8000 человек. Часть из них задорно скандировала: «Ельцин — вне закона! Ельцин — вне закона!» Другие пели: «Руцкой, смелее — гони Бориса в шею!»

На некоторое время наступила гнетущая тишина. На трибуне появился сам Руцкой, встреченный оглушительными рукоплесканиями. Мятежный «вице» с надрывом закричал в микрофон:

— Эта банда, развалившая страну, просто так не уйдет! Они понимают, что будут отвечать за развал страны и экономики!

Дальнейшие слова потонули в громких криках одобрения. Слышались лишь отдельные слова Руцкого,

призывающего собравшихся быть готовыми к борьбе и жертвам.

Руцкого на балконе неожиданно сменил депутат-демократ Виктор Шейнис — профессор, да, к тому же, еще и еврей. Надо было иметь немало мужества, чтобы просто появиться перед собравшейся аудиторией-толпой.

Его встретили оглушительным свистом, в котором потонули крики: «Бей жидов!»

Камера монитора наехала на знаменитого писателя Эдуарда Лимонова, окруженного небольшой группой людей и явно дававшего интервью какой-то хрупкой девушке, державшей в руке небольшой диктофон. Некогда изгнанный из СССР как диссидент-антисоветчик, Лимонов вернулся самым оголтелым коммунистом-державником, дав понять всем сомневающимся, как часто КГБ в слепом угаре вел огонь по своим.

Идеалом Лимонова стала аллегория России не в виде высокой статной женщины в сарафане и снопом в руках, а в виде девушки в пилотке, в сапогах, плащ-палатке и, конечно, с автоматом Калашникова. Сам Лимонов также, где мог, появлялся с автоматом Калашникова, хотя в некоторых писательских кругах утверждали, что лихой прозаик никогда в жизни из автомата не стрелял и для него является непосильной задачей собирать и разбирать это самое популярное в мире средство для убийства людей.

— Вы тоже собираетесь сражаться в Белом Доме до последнего патрона, как и вице-президент Руцкой? — девушка поднесла микрофон ближе к Эдичке.

— Ничего подобного, — почти завопил тот. — Думаю, что придется делать вторую революцию.

Сейчас парламент и Руцкой уберут банду Ельцина и его оккупационное правительство, а потом нам придется убирать и парламент, и Руцкого. То, что происходит сейчас — это очередная номенклатурная игра. Руцкой уводит Россию от оппозиции, украв лозунги “Фронта Национального Спасения”...»

На экране возникла фигура генерала Стерлигова в штатском. Тонкие губы лидера русского «Национального собора» кривились в саркастической усмешке. Он явно не одобрял происходящего. К нему подлетели несколько человек с микрофонами. Величественным жестом руки генерал дал понять, что не намерен давать никаких интервью, и пошел куда-то вдоль пандуса, обходя кучи мусора и перешагивая через обрезки труб и ржавые радиаторы парового отопления, которые, по замыслу их создателей, должны были изображать баррикады, способные остановить танковую атаку...

У правого крыла здания несколько офицеров вели запись добровольцев для защиты Белого Дома. У каждого на груди поблескивал орел на фоне звезды — знак тереховского «Союза офицеров». Сам Терехов на небольшой площадке у одного из выходящих на площадь подъездов проводил смотр уже записавшихся ополченцев. Их было человек сорок — главным образом, запасники и даже отставники. Некоторые пришли в сохранившейся военной форме, но сохранить былую выправку удалось немногим. Строй выглядел очень комично, но подполковник Терехов был вполне серьезен.

— Товарищи,— обратился к строю адъютант Гуманитарной академии.— Армия, как и народ, не может больше исполнять преступные указы Ельцина.

Это относится и к приказам низложенных Верховным Советом министров Грачева и Ерина. Признаются действительными только распоряжения парламентского министра обороны Ачалова и министра внутренних дел Дунаева. Офицеры действительной службы, нарушившие это, будут предаваться суду. Для этого сейчас создаются специальные трибуналы.

В этот момент к Терехову подошел его заместитель подполковник Кузнецов и что-то сказал. Терехов кивнул головой и продолжал:

— Необходимо срочно формировать взводы, роты и батальоны. Подразделения будут укомплектованы короткоствольными автоматами Калашникова. Сейчас этот вопрос решается.

Было видно, как волна оживления прошла по строю волонтеров. Оружие! Им дадут оружие!

Установленные на балконе громкоговорители продолжали надирать: «Просьба разобратся на десятки, выбрать командиров и записаться у офицеров...»

В камере неожиданно появился экзотически разряженный казачий сотник: заломленная набекрень фуражка, бекеша, расшитая позументом, нагайка в сапоге и тяжелая, метровая шашка на боку. Не было только коня, а без коня все это тоже выглядело комично. Он вел за собой десятка полтора столь же экзотических бородачей, одетых по-разному. Не у всех «казаков» была возможность справить себе настоящую униформу.

У Ерина была связь с мониторами, но он молчал, терпеливо ожидая. И, наконец, увидел то, ради чего и сидел перед экраном.

Огромное знамя со стилизованной свастикой

колыхалось над строем людей в камуфляже и со свастикой на рукаве. Здоровенные, не улыбочивые парни застыли в строю, подняв руки в нацистском приветствии. Никто не слышал при этом, что они восклицали: «Слава России!» или «Хайль Гитлер!»

Ерин наклонился к микрофону:

— Семнадцатый! Вот эти кадры передай в службу общественных связей и в «Останкино».

Женский голос ответил:

— Все будет сделано, Виктор Федорович.

Генерал-полковник Ерин родился в январе 1944 года. В милицию попал по комсомольскому набору. Работал в Казани участковым милиционером, а после окончания высшей школы МВД перешел в систему уголовного розыска. В андроповские времена пытался бороться с партийно-мафиозными бандами, свившими себе очень теплое гнездышко в Татарстане. Особого успеха он, конечно, не добился, но обратил на себя внимание Андропова в его смертельной схватке с тогдашним министром внутренних дел Щелоковым. Был переведен в Москву в управление БХСС МВД СССР, где был начальником сперва отдела, потом — управления — до 1988 года, а затем стал заместителем министра внутренних дел Армении. В 1990 году при создании службы криминальной милиции был сперва переведен в Москву, где через своего старого друга Баранникова познакомился с Ельциным.

После августовского путча с сентября по декабрь 1991 года занимал должность первого заместителя министра внутренних дел СССР, а после распада СССР и создания чудовищного монстра путем слияния

Министерства внутренних дел и КГБ в единое Министерство МБВД (безопасности и внутренних дел) стал снова первым заместителем министра, каковым был назначен Виктор Баранников.

Гигантский неуправляемый монстр, к счастью, просуществовал всего полтора месяца, а затем снова распался на две части: Министерство безопасности и внутренних дел. И на этот раз Ерин стал министром. Попутно он успел побывать руководителем оперативного штаба «по восстановлению правопорядка в районах ингушско-осетинского конфликта», хотя многие считали именно его вдохновителем этого конфликта.

Дело в том, что на Министерство внутренних дел в свое время была возложена задача настолько дестабилизировать обстановку на северном Кавказе и в Закавказье, чтобы местные народы и народности, захлебнувшись в крови, поняли, что у них нет другого выхода, кроме как снова безропотно отдаться под высокое покровительство России и даже в самых блаженных мечтах не мыслить о какой-либо самостоятельности.

Видимо, это была единственная задача, с которой Министерство внутренних дел свободной России кое-как справилось. Круговорот бесконечных войн и межнациональной резни захлестнул всю территорию Кавказа от Терека до иранской границы.

Но пока решались подобные глобальные задачи «геополитического» характера, преступность в самой России, а особенно в Москве, совершенно вышла из-под какого-либо контроля властей, захлестывая даже высшие этажи власти и уж совершенно затопив жизнь простых обывателей.

Министр Ерин, воспитанный в щелоковско-андроповских органах, был, пожалуй, наименее компетентным человеком для борьбы с преступностью в условиях даже зачаточной рыночной экономики, но он, без сомнения, обладал качествами, которые в данный момент были гораздо важнее для тех, кто выдвинул его на пост министра и держал на этом посту.

Качеством этим была так называемая «клановая честность» или, выражаясь словами товарища Сталина, «личная преданность».

Как и многие его предшественники и нынешние коллеги, генерал-полковник Ерин служил не народу, не стране и, конечно, не Конституции — он служил вождю. И служил так, что вождь мог не сомневаться в его преданности и в том, что генерал-полковник выполнит любой приказ, как бы ни был жесток и противозаконен этот приказ.

Вождем, в данном случае, был президент Ельцин, поскольку никого другого, хоть отдаленно напоминающего вождя, Ерин не видел, и был совершенно прав.

И сегодня он должен был продемонстрировать президенту свою преданность.

13:20

Генерал армии Павел Грачев также с интересом поглядывал на экран телевизора, где мелькали кадры событий на площади у Дома Советов, а иногда и внутри гигантского здания. Генерал был хмур и озабочен. Только появление на экране огромного знамени со свастикой привело его в хорошее расположение духа. Он откинулся на кресле и громко рас-

смеялся, сказав присутствующему в кабинете начальнику Генерального штаба генералу Колесникову:

— Ну, молодцы! А?

Однако, вид знамени со свастикой совсем не порадовал генерала Колесникова. Наблюдая события с какой-то непонятной улыбкой, он при виде свастики побагровел, закашлялся, достал большой платок и стал тщательно протирать очки.

Реплика Грачева заставила его вздрогнуть и вопросительно взглянуть на министра.

Но министр уже согнал с лица улыбку и сказал:

— Через час у меня встреча с президентом. Возможно, получу маршала.

И он снова засмеялся, в то время как генерал Колесников оставался мрачным.

Той ситуации, которая зарождалась у Белого Дома, генерал Грачев не только не боялся, но даже, в некотором отношении, она его радовала.

Для армии нет ничего хуже томительных будней мирного времени, особенно если это мирное время проходит в той обстановке, какая ныне существует в России, когда армию, можно сказать, смешали с грязью, повесив на нее все: от поражения в Афганистане до обвинения в том, что она ничем другим не занимается, кроме как куёт кадры для уголовного мира.

«Армия превратилась в одну огромную уголовную зону»,— в разоблачительном угаре писали демократические газеты, комментируя то крупную кражу, совершенную генералами, то зверское убийство, совершенное солдатами. Армия превратилась в «мальчика для порки» и для правых, и для левых политиков. Армии чуть ли не ежемесячно урезают

ассигнования, «режут» заявки, замучили конверсией, заставляют лизаться с американцами и натовцами, ставя их в пример, хотя по многим показателям они нам даже в подметки не годятся.

Это даже хорошо, что представится возможность показать кое-кому из крикунов, что они без армии. И что такое армия!

Карьера генерала Грачева если и имела аналог, то только в эпоху революционных войн во Франции и гражданской войны в России.

Закончив Рязанское воздушно-десантное училище, Павел Грачев, благодаря безусловному личному мужеству и врожденным качествам строевого службиста, довольно быстро делал карьеру в условиях унылого брежневского застоя, как и тысячи его однокашников. Перелом в его карьере, как и у многих, произвела Афганская война, которую Грачев начал подполковником в должности заместителя начальника штаба воздушно-десантной дивизии. К уходу наших войск из Афганистана он уже был генерал-майором и Героем Советского Союза, занимая должность заместителя командующего армией и командующего всеми воздушно-десантными частями в Афганистане.

После вывода войск генерал-майор Грачев был назначен на должность командующего воздушно-десантными войсками, на которую его рекомендовал лично генерал Ачалов, уходя на повышение.

Накануне августовского путча по указанию тогдашнего министра обороны маршала Язова вместе с другими сотрудниками Министерства обороны и с коллегами из КГБ Грачев изучал варианты введения

по всей территории СССР чрезвычайного положения. Ранним утром 19 августа по телефонному указанию генерала Ачалова он поднял по тревоге Тульскую и Курскую дивизии и приказал им высадиться под Москвой на знаменитом аэродроме Кубинка. Ачалов приказал Грачеву взять под охрану Госбанк, Госхран, радио и телевидение. От самого маршала Язова поступил приказ подготовить «объект» для содержания большого количества «спецконтингента» — задержанных и интернированных политиков.

Грачев специальной шифрограммой привел подчиненные ему по всей стране войска в состояние полной боевой готовности, но неожиданно, вместо того, чтобы поддержать ГКЧП, выступил против них. Говорят, что сделал он это под влиянием тогдашнего главкома ВВС генерал-полковника Шапошникова, шокированного тем обстоятельством, что в хаосе государственного переворота неизвестно к кому перешло управление ядерным оружием страны. Все о нем просто забыли... Десантники Грачева быстро и четко ликвидировали все мечты ГКЧП, захватив или изолировав все командные пункты путчистов, включая и КП тогдашнего начальника Генштаба, генерала армии Моисеева.

Это и определило дальнейшую карьеру Грачева, который менее чем за год прошел путь от генерал-майора до генерала армии. Путь, который у многих генералов занимает всю жизнь, но и ее, в большинстве случаев, явно не хватает. И даже нескольких жизней не хватило бы, а тут всего за год. В генералы армии Грачева вывел Ельцин к большому неудовольствию большинства тогдашних высших руково-

дителей Вооруженных сил, которым вскоре пришлось выразить свое неудовольствие в отставке. Недаром на большинстве митингов оппозиции отставки требовали отдачи Грачева под суд с неменьшим рвением, чем самого президента Ельцина.

Несмотря на бодрый и даже веселый вид, Грачева сильно беспокоил тот факт, что пост «параллельного» министра обороны Верховный Совет возложил на Ачалова. Он хорошо знал Ачалова, ценил его несомненные достоинства, знал и недостатки, кое-что слышал и о пороках, присущих бывшему командующему воздушно-десантными войсками. Но лучше всего Грачеву была известна настырность Ачалова, что в сочетании с его вулканической энергией могла сокрушить все преграды на пути опального генерал-полковника.

И начальник Генерального штаба Михаил Колесников, и оба заместителя Грачева, генерал-полковники Валерий Миронов и Борис Громов, и главком ВВС Петр Дейнекин, и главком ракетных войск стратегического назначения генерал-полковник Игорь Сергеев, и главком военно-морского флота адмирал Феликс Громов — все уже докладывали министру о том, что Ачалову тем или иным способом удалось выйти на них с предложением перейти на сторону Верховного Совета. Другими словами, им предлагалось выйти из подчинения Грачева — этого, по словам Ачалова, «сопливого Бонапарта» — и перейти в подчинение к нему, Ачалову, которого они все знали по прежней службе, когда давали священную присягу, «не щадя самой жизни» служить Союзу Социалистических Республик.

Были сведения, что Ачалов нашел способ давления

на командующих округами, добрался до начальников академий и училищ, уговаривая, рассылая угрозы и посулы, спекулируя на высоких чувствах любви к Родине и на мелком тщеславии тех, кто мечтал о личной карьере.

Отрадно было то, что все, кто уже подвергся ачаловской обработке, сами инициативно и быстро докладывали об этом Грачеву. Начальник Генштаба поэтому и находился в кабинете министра, рассказывая, как Ачалов обрабатывал его лично, призывая плюнуть на противников и вспомнить о долге перед Родиной, попавшей, уже который раз в своей истории, в сети мирового сионизма.

Грачев, рассматривая собственные ногти, слушал начальника Генерального штаба, стараясь не глядеть ему в глаза. Было очевидным, что Колесников докладывает далеко не все, а главное — не совсем то, что думает.

— Ну, и ты ему на все это что ответил? — поинтересовался министр, перекладывая бумаги на своем столе.

— Я ему говорю: «Слава, перестань дурить, не занимайся ерундой», — генерал Колесников натужно покраснел.

— А потом? — спросил Грачев, поднимая глаза на начальника Генерального штаба.

— Паша, — спросил Колесников. — Ты мне что, не веришь?

— Верю, — отозвался Грачев и вздохнул.

— Ты что думаешь? — Колесников аж задохнулся от возмущения. — Что я, под это фашистское знамя встану? Что я, вот так себя опозорю под конец службы!

— Ладно, успокойся,— приказал Грачев.— Соберем коллегию, все обсудим.

Колесников увидел знамя со свастикой десять минут назад на экране телевизора в кабинете министра. На что бы он ссылся, если бы его не увидел?

Еще ранее главком ВВС генерал Дейнекин докладывал Грачеву, что Руцкой давит на него, «как трактор». Со времен августовского путча, сорванного совместными усилиями Шапошникова, Грачева, Дейнекина и, конечно, Руцкого, они все стали как бы лучшими друзьями, способными на фоне личностных отношений рубить друг другу правду-матку в глаза.

Руцкой просил Дейнекина объявить, что военно-воздушные силы страны перешли на его, Руцкого, сторону и будут бомбить Кремль, если президент Ельцин не отзовет свой указ № 1400 и не сложит с себя полномочия, как предусмотрено Конституцией. Другими словами, Руцкой предлагал Дейнекину практически тот же вариант, с помощью которого военно-воздушные силы давили на ГКЧП в августе 1991 года.

— На это,— докладывал Дейнекин Грачеву,— я ему культурно ответил: «Саша, прекрати этим делом заниматься, у меня президент один и министр один, и наши с тобой личные отношения ни в коем случае на это повлиять не могут».

Что касается генерал-полковника Бориса Громова, который, некогда командуя 40-ой армией в Афганистане, был начальником Грачева, а ныне его первым заместителем, то тут можно было не беспокоиться. В августовские дни, когда Громов занимал

пост заместителя министра внутренних дел знаменитого Бориса Пуго, Грачев и Шапошников, по старой дружбе, вывели бывшего командарма из-под огня, отговорив его буквально в последнюю минуту от тех необратимых глупостей, которые тот собирался натворить.

Хорошо зная Громова, Грачев понимал, что он с удовольствием разогнал бы всю эту хулиганскую банду в Белом Доме, а вместе с ними и тех, кто засел в Кремле, установив в стране жесткий порядок военной диктатуры. Если бы мог. Но Грачев понимал, что ни Громов, ни он сам не смогут уже в нынешнем состоянии страны обеспечить на столь огромном пространстве порядок военной диктатуры. Даже не принимая во внимание реакцию мира, любая попытка установления диктатуры неизбежно приведет к расколу страны и к такому излому ее территории, что ядерные ракеты, которыми эти территории буквально наспигованы, сами по себе взлетят, превращая в пепел не американские города, как было задумано, а свои собственные.

Нет ничего страшнее русских гражданских батальей, многократно разгоравшихся на протяжении всей Пятисотлетней войны, под каким бы соусом они ни подавались. Будь то «смутное время», или бесконечные крестьянские войны, или та гражданская война, которая разгорелась после 1917 года, когда у России, к счастью, еще не было ядерного оружия. А будь оно, можно не сомневаться, что обе стороны пустили бы его в ход, ни секунды не колеблясь.

И потому раздражало то, с какой легкостью Руцкой идет на разжигание гражданской войны в стране, будоража главкомов угрозами и искусами.

В данной обстановке Грачев почел бы за благо вообще ни во что не вмешиваться и оградить армию от поползновения обеих враждующих сторон, снова схлестнувшихся в смертельной борьбе за власть.

Не вмешиваться, чтобы снова не подставить армию, как это сделали горе-политики в августе 1991 года, пытавшиеся с помощью армии сделать то, с чем должен справиться милицейский наряд.

Армия еще не пришла полностью в себя от августовского шока, и вот на нее снова алчно смотрят политики с нутром авантюристов и авантюристы, которым захотелось поиграть в большую политику.

Но если на вершине пирамиды военной иерархии Грачев более менее мог быть уверен в том, как поведут себя главкомы и высшие работники аппарата Министерства обороны, то за нижестоящих командиров даже он не мог поручиться не только перед президентом, но и перед самим собой.

В России звания и должности отбирают с гораздо большей легкостью, чем дают. Он сам не так давно одним росчерком пера превратил генерала-авантюриста Дмитрия Якубовского в лейтенанта и отлично понимал, что точно также могут поступить (и поступят!) с ним самим, если что-либо случится с его патроном. Он ни на минуту не забывал, что «президент» Руцкой уже отстранил его от должности и назначил на эту должность Ачалова. Это только первый шаг. Далее последует увольнение из армии, лишение воинского звания, назначение различных расследований, конец карьеры, когда перечеркнут всю его службу и забудут даже о «Золотой звезде», полученной в Афганистане.

Уже сейчас в оппозиционной прессе появляются статьи каких-то беглых прапорщиков о том, как они от имени министра обороны торговали «мерседесами» и поставляли ему девочек. Уже интригующе показывают кадры, снятые из-за глухого забора операторами телевидения, многоэтажных генеральских дач с подземными гаражами и теннисными кортами, банями и площадками для гольфа (чтобы не отстать от мировой моды).

Еще свежи разоблачения бывшего государственного контролера Юрия Болдырева о тех ужасающих случаях коррупции и казнокрадства, которые тот обнаружил в Западной группе войск генерал-полковника Бурлакова, где имя министра обороны всплывало чуть ли не на каждой странице. Болдырева удалось погнать с должности, и саму должность ликвидировать за ненадобностью. Но пока есть «харизматический» лидер — это президент Ельцин, который нужных и верных ему людей способен защитить от всех наскоков. Значит, и мы должны защитить его ото всех, кто всеми правдами и неправдами хочет сделать пост Ельцина вакантным или попросту его уничтожить.

14:30

Президент России и Верховный Главнокомандующий ее Вооруженными силами Борис Николаевич Ельцин, по его собственным словам, не умел жить без риска. Рутинная работа наводила на него скуку и заставляла мозг лихорадочно искать пути обострения обстановки. Привычка весьма странная для президента страны, хотя будучи долгое время первым секретарем Свердловского обкома КПСС, Ельцин

этой привычки не имел, а напротив, делал все возможное, чтобы никоим образом не обострять отношения с кремлевскими старцами, и даже по их команде снес знаменитый на весь мир Ипатьевский дом — последнее пристанище несчастной семьи императора Николая II, где эта семья и сам император были безжалостно расстреляны по личному приказу Ленина.

«Об этом я жалею до сих пор»,— признавался Ельцин в частных беседах, хотя было не совсем ясно, о чем он сожалеет: о расстреле царской семьи или о сносе дома инженера Ипатьева.

В то же время в Свердловске был построен огромный двадцатипятиэтажный небоскреб, где разместился местный обком КПСС. Здание, возвышающееся над всем городом и получившее в народе меткое название «член КПСС», было помпезнее любого другого пристанища обкома на всей территории СССР, превосходя их и по размерам, и по безвкусице исполнения. Злые языки поговаривали, что Ельцин, будучи строителем по профессии, строил здание обкома по своему собственному проекту. Огромное здание местного обкома должно было символизировать особую важность Свердловска и Свердловской области, где сконцентрировалось около 40% военной промышленности бывшего СССР. Город и область производили все: от стратегических ракет и боевых самолетов до бактериологического оружия. Именно во времена Ельцина собака, убежавшая со стенда одного из сверхсекретных институтов, инициировала вспышку в городе сибирской язвы.

Помимо этого, область была заполнена секрет-

ными и подземными городами либо вообще не имеющими названий, либо скрывающимися под индексами, вроде Свердловск-42 (а таких «свердловских» было более двухсот).

Если в чисто феодальной структуре административного деления РСФСР каждая область вполне могла считаться герцогством (или «вотчиной первого секретаря», как однажды глубокомысленно заметил Михаил Горбачев), то Свердловская область вполне могла считаться «Великим герцогством» или, говоря по-русски, великокняжеской территорией, а ее первый секретарь — великим князем. Однако, в связи с некоторой удаленностью великого княжества от центра, Свердловский властелин оставался некоторым образом в тени на фоне князя Московского или Ленинградского. Он не был даже ни членом, ни кандидатом в члены Политбюро. Однако, ему было позволено построить самое большое в стране здание обкома, что в иерархизированном до абсурда тоталитарном коммунистическом царстве никак не могло быть простой случайностью. Центр внимательно следил за наделенными беспредельной властью первыми секретарями обкомов, не позволяя им демонстрировать свое величие и блеск своего двора, способных хоть немного затмить сияние кремлевских звезд.

Кроме всего перечисленного, в распоряжении Ельцина находился гигантский по размерам, так называемый «Приволжско-Уральский военный округ» и особо вышколенный контингент КГБ, привыкший действовать в таком режиме, о котором уже давно забыли изнеженные и разложившиеся «чекисты» Москвы и Ленинграда.

Таким образом, Борис Ельцин занимал положение, которое вполне позволяло подняться и на следующую ступеньку партийной пирамиды, то есть стать генеральным секретарем и получить власть, которая не снилась никаким султанам и эмирам из сказок Шехерезады.

И его бунтарский дух, и любовь к риску никак не проявлялись вплоть до 1987 года, когда переведенный в Москву на должность первого секретаря МГК КПСС и включенный в качестве кандидата в члены Политбюро Ельцин вдруг стал демонстрировать воинственное инакомыслие, никогда не виданное на столь заоблачных партийных верхах. И хотя сегодня речь Ельцина на том октябрьском пленуме ЦК КПСС, посвященном 70-летию Октябрьской революции, читается как невинная рождественская проповедь, тогда он из-за нее вылетел из Политбюро и из секретарей московского горкома. По заросшему тиной партийному болоту сначала пошли круги, перешедшие в столь стремительные водовороты, которые в итоге поглотили КПСС, затем Советский Союз, а теперь грозили поглотить и Россию, и самого Ельцина.

Секретарем обкома в коммунистические времена можно было стать, только имея ряд определенных качеств, которыми обычные люди не только не обладают, но даже и не предполагают, что такие качества могут существовать у людей, внешне ничем не отличающихся от других Божьих созданий. Случайный человек мог пробиться в секретари какой-нибудь цеховой «первички», но выше — никогда. А уж о первом секретаре обкома и говорить нечего. Достаточно вспомнить хотя бы несколько других

секретарей обкомов той поры: Гришина в Москве, Романова в Ленинграде, Медунова в Краснодаре, Лигачева в Омске, чтобы понять, в какой шеренге и в какой школе готовил себя Ельцин к должности первого свободно избранного президента России.

Но несгибаемая позиция перечисленных и других коллег Ельцина в обкомах, в ЦК и Политбюро на поверку оказалась простым параличом, который охватил и их, и всю страну, заведенную парализаторами в тупик, где она стала разваливаться на глазах. Огромная, отученная мыслить и работать, масса партийной номенклатуры, привыкшая следовать за вождем, в ужасе от надвигающейся катастрофы стала метаться в поисках нового вождя среди охваченных параличом руководителей КПСС, чтобы этот вождь указал им путь к спасению. Эта масса уже успела разочароваться в Горбачеве, не говоря уже обо всех остальных. Именно в этот момент Ельцин, подобно горьковскому Данко, вырвавшему себе сердце, чтобы его пламенем указать дорогу остальным, вырвал из своего сердца партийный билет прямо на последнем, XXVIII съезде КПСС, и бросил его на стол, указав дорогу остальным. В партии начался обвал, завершившийся в августе 91-го года.

Обгоняя друг друга, все спешили выйти из партии. Болото высыхало, оставив на дне только тину, которая хотя и воняла, но была уже практически безопасна, поскольку все, кому это было нужно, быстро сообразили: чтобы остаться в партии нового вождя, нужно побыстрее выйти из КПСС. Теперь будут требовать в анкетных данных не когда ты вступил в КПСС, а когда ты из КПСС вышел. Чем раньше, тем больше почета и шансов попасть на теплое место.

Харизма Ельцина, таким образом, складывалась не только из его «великокняжеского прошлого», дававшего ему право, подобно принцу Оранскому, возглавить одну из территорий разваливающейся империи, но и из-за явного желания взять в свои руки власть в период небывалого крушения, на что необходимо большое мужество. Нет ничего отраднее, как в период поражения и почти полного хаоса услышать повелительный голос: «Слушай мою команду» и сгруппироваться вокруг того, кто нашел в себе хладнокровие и смелость эту команду отдать.

В самом деле, трудно представить себе Лигачева, Романова, Рыжкова или даже Крючкова с Язовым, стоящими на башне танка и, несмотря на кажущуюся безнадежность собственного положения, с задором читающих указы, объявляющих твоих противников вне закона.

Не менее трудно было для первого секретаря обкома с такой непринужденностью «идти в народ», как говорили встарь, или стать «популистом», как любят говорить ныне. А затем из популиста превратиться в первого в тысячелетней истории России всенародно избранного президента, не оставившего ни единого шанса своим многочисленным соперникам.

Можно с уверенностью сказать, что не будь в этот момент у России такого лидера, как Ельцин, сама Россия уже вряд ли существовала бы, агонизируя в бесчисленных конфликтах, развязанных тщеславными и неумными мелкими партийными князьками и ханами. Но сохранившийся в них страх, выкованный былой партийной дисциплиной, заставил их признать Ельцина в качестве главы государства. Среди бывших РУССКИХ правителей никто не имел

больших прав на «московский стол», чем он. И это объективная истина, ибо партийная номенклатура давно перестала быть даже привилегированной аппаратно-чиновничьей верхушкой, а превратилась в сословие со всеми свойственными именно сословию предрассудками. И с точки зрения сословной, Ельцин имел преимущественные права в силу своей знатности.

Это стабилизировало обстановку наверху.

Что же касается народа, которому впервые разрешили практически свободно высказать свою волю на выборах, хотя обычно мнением народа в таких вопросах совершенно не интересовались, то для него Ельцин стал некоторой смесью бунтаря и мученика, чем-то вроде Ивана-царевича, не побоявшегося (в отличие от других) прыгнуть в кипящий котел, чтобы вылезти из него еще более сильным и красивым, а главное — более легитимным.

История на всех своих самых крутых поворотах проводит естественный отбор национальных руководителей, спасающих свои страны в тот момент, когда, казалось, их уже никто и ничто спасти не может. А развернуть такую огромную страну, загнанную в смертельный тупик бредовыми марксистско-ленинскими заклинаниями и не только развернуть, но и заставить, пусть с лязгом и скрежетом, идти по новому пути — эту задачу никто, кроме Ельцина, не мог бы выполнить. Его либо зарезали бы на следующий день, либо тихо убрали бы в психбольницу, либо скончался бы в «Кремлевке» от «простудного заболевания».

«Кто еще мог повернуть эту полурелигиозную страну, в которой сплавлены страх с гневом, а лицемерие

рие — с чувством собственного достоинства?» — резонно спросил как-то Геннадий Бурбулис, бывший преподаватель научного коммунизма, а ныне — один из ближайших советников Ельцина, которых тот перетащил в Москву из Свердловского областного и городского комитетов КПСС.

Ельцину удалось развернуть Россию в самый последний момент, когда уже казалось предрешенным, что она разделит участь Советского Союза. И удалось это сделать, в отличие, скажем, от Петра Великого, фактически без крови, без массовых казней, без обычной для России беспощадной мстительности властей нынешних властям предыдущим. Даже арестованные члены так называемого ГКЧП были вскоре выпущены из тюрьмы, а суд над ними превратился в какое-то ленивое шоу, никак не напоминающее ту железную поступь военных трибуналов, когда сами арестованные находились у власти.

Однако никто — ни сам президент Ельцин, ни его ближайшие сотрудники, помогавшие ему на краю бездны развернуть гигантскую страну, — не знал толком, куда рулить дальше. Фарватер, по которому прошла западная цивилизация, казался слишком узким и опасным для России, имевшей другие габариты. Никто не знал, сядет страна на мель на очередном повороте или подорвется на mine, которую кто-либо ей услужливо подставит на пути. А может быть, выкинется на берег, разваливаясь на куски. А другого фарватера, прорытого специально для России, для ее «особого пути», не существовало, и прорыть его не представлялось возможным.

Тем большим был искус повернуть назад.

Назад к добрым старым временам партократии,

госплана и тотального распределения, забыв, куда эти славные времена завели Советский Союз. По большому счету, те, кто боялся или просто не хотел идти вперед, и слились в непримиримую оппозицию, желая во что бы то ни стало затормозить, а то и вовсе остановить движение вперед.

А президент желал продолжать движение по избранному пути, отлично понимая, что нет ничего более страшного, чем остановка на минном поле, когда часть его уже пройдена.

Это делало схватку неизбежной, а в такой ситуации никакие писанные (особенно не им) законы не могли остановить президента Ельцина.

Можно вспомнить, как 23 августа 1991 года, когда возвращенный из фюрского плена Горбачев что-то невнятно пытался объяснить российским депутатам, Ельцин «в качестве разрядки» объявил своим указом о роспуске КПСС. Разве роспуск КПСС был конституционным? Но общество давно ждало этого, ибо нарыв давно созрел и требовался легкий укол скальпелем, чтобы его прорвало и избавило организм от опасности общей гангрены.

Разве было конституционным Беловежское соглашение? Но опоздай это соглашение на месяц, и республики СССР схлестнулись бы с Россией в войне, которую нельзя было бы назвать гражданской. Никто уже не помнит, как облегченно вздохнули те, кто всего через год стал орать о «Беловежском заговоре», погубившем СССР.

А введение президентства в России непосредственно под Ельцина было конституционно? Но его все хотели, и оно стало реальностью.

Ельцин всегда знал, когда и при каких обстоя-

тельствах с наименьшими потерями он может переступить черту, не считаясь с законами.

И сейчас он знал, что Верховный Совет под водительством Хасбулатова, формально защищенный неприступными статьями Конституции, всем надоел и всех раздражает. Более того, Верховный Совет сплотил вокруг себя все силы, готовые на все, чтобы снова оттащить страну назад — в тот самый тупик, из которого ее удалось вывести.

Представлялась прекрасная возможность прихлопнуть всех одним ударом. А вместе с тем, предметно показать, что в России есть власть, способная в любых условиях навести порядок. Даже в условиях демократического беспредела.

Слабость позиции президента Ельцина заключалась в том, что искренне не желая возвращения страны в тоталитарно-плановое вчера, он и его советники плохо себе представляли курс, по которому следовало двигаться дальше, ибо уже становилось ясно, что для того заколдованного круга, в котором билась и конвульсировала огромная страна, нет ключей, и ни один из западных рецептов сработать не может.

Страна, которую в течение 70 лет коммунисты держали в замороженном состоянии, вовсе не оттаяла, как надеялись смелые экономисты, проектируя реформы.

Привитая народу чудовищным методом массовых убийств иждивенческая психология профессиональных нищих заставляла каждую клеточку огромного российского организма снова и снова генерировать тоталитаризм в самых разных его проявлениях.

И несмотря на то, что Ельцин, впервые в русской истории, посмеивался над своими карикатурами в прессе, пытался вдумчиво разобраться в претензиях к нему справа и слева, не обращал внимания на грязные выпады и оскорбления, пытаясь поддержать в стране полную свободу печати, собраний и союзов — основы любой демократии, он оставался тоталитарным лидером, хотя и не понимал этого. Он поймет это позднее, но более дорогой ценой...

На Ивановской площади Кремля, улыбаясь в объектив телекамеры специальной бригады при управлении администрации президента, силовые министры обменивались рукопожатиями с президентом и друг с другом. Грачев и Ерин были в генеральской форме, Галушко и президент — в штатском.

Министры демонстрировали свою верность президенту, давая понять Руцкому, как опрометчиво и глупо он поступил, назначив собственных министров.

— Какое будущее вы видите для Верховного Совета? — спросил президента Ельцина голос, остающийся за кадром.

Как обычно, медленно чеканя слова (чтобы до всех дошло), с каменным выражением лица, на котором шевелились только губы, Ельцин ответил:

— Верховного Совета более не существует. Он распущен. Выборы нового парламента в декабре, вместе с референдумом по новой Конституции. Народ сам сделает выбор.

— Что вы скажете по поводу того, что Верховный Совет объявил президентом России Александра Руцкого?

Губы Ельцина дрогнули в усмешке:

— Это несерьезно.

Силовые министры почтительно молчали.

— Если Верховный Совет не подчинится вашему указу, вы намерены предпринимать какие-нибудь конкретные меры, чтобы заставить их это сделать? — допытывался голос.

— Никаких силовых мер против Верховного Совета предпринято не будет,— заверил президент.— Думаю, они сами все поймут. Конечно, если руководство Верховного Совета спровоцирует какие-либо нарушения законности и правопорядка, мы примем соответствующие меры. Но я надеюсь на их разум.

15:40

Смотря по телевизору на летучее интервью Ельцина, Александр Руцкой обратил внимание на то, что Ельцин ничего не сказал о предстоящих в декабре одновременных выборах президента и парламента. Речь шла только о перевыборах парламента и референдуме о новой Конституции.

Хасбулатов, раскурив трубку, заметил по этому поводу, что необходимо проявить инициативу и принять решение: перевыборы парламента и референдум по Конституции проводить только ПОСЛЕ новых президентских выборов. Для проведения всех этих мероприятий гражданин Ельцин должен покинуть Кремль, передать до выборов свои полномочия законному президенту Руцкому...

В этот момент погас экран телевизора, потом снова зажегся, мигнул и опять погас.

По старой советской привычке, Руцкой ударил по крышке телевизора кулаком. Эффекта не было ни-

какого. И тут только оба обратили внимание, что погасли и лампы дневного света на потолке.

Хасбулатов нажал кнопку выключателя настольной лампы. Света не было.

Быстро соединившись со службой хозяйственного обеспечения, руководители мятежа поняли, что огромное здание Белого Дома обесточено.

Через некоторое время пришло сообщение, что в здании отключена и горячая вода.

В принципе, в этом не было ничего страшного. Белый Дом, как и большинство правительственных зданий бывшего СССР, всегда подсознательно готовящихся к осаде, имел собственную электростанцию и автономную систему аварийного освещения. Аварийная система работала от аккумуляторов и поэтому долго действовать не могла. Что касается электростанции, то она была, во-первых, законсервирована, а во-вторых, у нее не было запасов солярки.

Но все это было, как говорится, не смертельно.

Хуже было с самим фактом отключения света и горячей воды. Это означало, что власти, во главе с бывшим президентом Ельциным, сознательно идут на обострение ситуации.

Они думают подобными методами сломить сопротивление, как будто речь идет о принудительном выселении жильцов из идущего на капитальный ремонт дома. Ельцин и его компания только опозорят сами себя подобными кухонными приемами и ускорят свой бесславный конец.

В это время Руцкому доложили, что телегруппа американской компании «Си-Эн-Эн» прибыла, чтобы взять у него интервью для американской и западноевропейской аудитории. Руцкой сам попросил

западных корреспондентов почаще бывать в Белом Доме и показать миру истинную демократию на фоне грубой и вульгарной диктатуры Бориса Ельцина.

Корреспонденты вели себя как-то непонятно. Без особого энтузиазма. Совсем не так, как должны вести себя западные корреспонденты, ведя репортажи из стана восставших за демократию против диктатуры. Так, скорее, берут интервью у подсудимых — опасных преступников, прорвавшись в перерыве судебного заседания через кордон полиции и сунув в клетку микрофон, да так, чтобы никто, упаси Бог, не подумал, что представляемое тобой телевизионное или информационное агентство этому преступнику сочувствует.

Насколько было известно Руцкому, ни одна из записанных им кассет с иностранными журналистами не была полностью показана на Западе. Нарочито демонстрировали его не самые удачные, вырванные из контекста выражения, снабдив их при этом либо ироническими, либо открыто издевательскими комментариями. Он уже начинал понимать, что против него ведется большая игра, где президент Ельцин — всего лишь наконечник копья, в то время как древко находится неизвестно в чьих руках.

Ведущая телекомпания «Си-Эн-Эн» Клер Шифман — хорошенькая женщина лет тридцати, говорящая по-русски с легким акцентом, но вполне прилично, была очень приветлива.

— Как может ваш президент, — набросился на нее с упреками Руцкой, — поддерживать Ельцина, после того, как тот самым грубым образом растоптал Конституцию России, ту самую Конституцию, на которой он клялся.

— Мы именно потому к вам и пришли, господин Руцкой,— улыбнулась Клер,— чтобы довести до сведения американцев, в том числе и президента США, вашу точку зрения на происходящие события.

— А потом снова все вырежете, и так все преподнесете, что я буду выглядеть круглым дураком или мелким хулиганом? — с обидой в голосе поинтересовался «параллельный» президент России.

— Господин Руцкой,— сказала Шифман.— У нас идет сейчас прямой репортаж на Америку. Поэтому вы можете говорить все, что хотите. Миллионы американцев, которые сейчас собираются на работу или уже находятся в своих офисах, включая мистера Клинтона, услышат каждое ваше слово.

Руцкой недоверчиво взглянул на американскую телевизионную бригаду.

Не считая Шифман, три человека с переносной аппаратурой явно автономного питания, поскольку отключена электроэнергия. Опять вранье!

Прямой репортаж на Америку! Рассказывайте сказки. Понесут запись Полторанину, а тот укажет, что вырезать, а что оставить.

Поэтому Руцкой начал недовольным и обиженным тоном:

— Внутри Белого Дома нет никаких бандформирований, как утверждают сторонники Ельцина, и никто не собирается организовывать провокации.

— Никто не плел никаких заговоров против Ельцина,— продолжал Руцкой, подбодренный кивками со стороны Клер Шифман, — наоборот, именно стремление ублажить президента привело к тому, что мы сегодня имеем. Есть законы и Конституция, которые просто надо соблюдать.

Руцкой перевел дух и продолжал:

— Нужно с сегодняшнего дня объявить, что самое мелкое нарушение законов и демократии должностными лицами будет строго наказываться. Только тогда в государстве будет порядок. Россия попала не просто в деликатное положение — это позор, когда пьяный президент и его окружение довели страну до такого положения. Ельцин уже трижды пытался разыгрывать такие штуки, позорил Россию, и все это ему сходило с рук.

— Но есть ли возможность выхода из ситуации? — спросила Клер.

— Есть, — ответил Руцкой. — Для этого необходимо полностью отменить вчерашний указ Ельцина, выполнение статей Конституции, одновременные парламентские и президентские выборы в период январь-март 1994 года. Верховный Совет разрабатывает новый закон о выборах в парламент, который утверждается съездом народных депутатов. Должен быть создан контрольный наблюдательный совет субъектов Федерации, который во взаимодействии с Конституционным судом будет осуществлять контроль за проведением выборов. Прошедшие дни ясно уже показали, кто есть кто. Я убежден, что сторонники Конституции и закона победят. Нас активно поддерживает провинция, меня там знают...

Руцкой помолчал немного и добавил:

— Видите, что творится. Свет отключили и отопление. И это цивилизованные методы?

Как бы в ответ на эти слова свет снова зажегся.

То ли власти передумали, то ли удалось наладить автономную энергосистему.

— Спасибо, господин Руцкой,— сказала Шифман.— Мы переключаемся на наружную камеру.

— Вы и снаружи снимаете? — спросил бывший вице-президент.

— Да,— пояснила Шифман.— Мы развернули круглосуточный монитор на крыше одного из небоскребов напротив Белого Дома.

— Да, да,— оживился Руцкой.— Снимайте. Покажите там своим, что у нас в стране творится по вине кремлевской банды. Пусть посмотрят, за кого народ...

Американцы ушли. Руцкой снова включил телевизор и опять увидел ненавистное лицо Бориса Ельцина, идущего по Тверской в окружении охраны и трех силовых министров. Время от времени к президенту подпускались корреспонденты с вопросами. Один из них спросил Ельцина: гарантирует ли тот одновременные парламентские и президентские выборы в декабре?

— Я думаю,— ответил президент,— эти выборы надо разнести по времени. В декабре провести выборы в новый парламент, а президентские, скажем, в июне.

Он улыбнулся и добавил:

— 12 июня — это у меня счастливый день.

Руцкой со злостью выключил телевизор.

12 июня 1990 года Ельцин стал президентом России, а он — вице-президентом, дав слово чести офицера, что никогда не подведет своего шефа.

16:30

Не успели уйти американцы, как Руцкого предупредили о том, что генерал Ачалов начал раздачу автоматов добровольцам, записавшимся в ополчение у представителей «Союза офицеров», стоявших у подъезда Белого Дома.

«Президент» разыскал «министра обороны» в одном из коридоров первого этажа. Окруженный группой людей в военной и полувоенной форме генерал, от которого за версту несло «букетом» из дорогих коньяков, руководил распаковкой аккуратных зеленых ящиков с металлическими ручками и стальными замками. В открытых ящиках, выложенных поролоном, матово поблескивали новенькие автоматы Калашникова — прекрасные, как и все потенциально несущее смерть.

Руцкой спросил Ачалова: кто распорядился о раздаче оружия?

— Я распорядился! — весело ответил генерал.

Рядом с ним стоял подполковник Терехов, на груди у которого висел автомат с укороченным стволом и откинутым прикладом, предназначенный для вооружения десантно-диверсионных групп.

Руцкой онемел от удивления.

— Александр Владимирович, — как ни в чем ни бывало спросил Ачалов. — Ты новость слышал? Ростропович приехал. Значит, будет стрельба.

— К нам? — глухо спросил Руцкой.

В августе 1991 года великий виолончелист, прервав свои гастроли в Германии, тоже неожиданно появился в Белом Доме, и Руцкому хорошо было известно, что он сделал это не только для того, что-

бы покрасоваться перед объективами с автоматом Калашникова в руках. Поэтому Руцкой с затаенной надеждой и спросил: «К нам?»

Ачалов рассмеялся:

— Ну, да, к нам! Держи карман шире! Будет теперь этого алкана услаждать и около него вертеться. Говорят, прямо на Красной площади даст концерт.

Вообще-то связь между приездом Мстислава Ростроповича и раздачей автоматов была очень туманной и, видимо, отчетливо выглядела только в лихой голове генерала Ачалова. Поэтому Руцкой снова настойчиво поинтересовался, кто разрешил министру обороны вооружать полупьяных ополченцев боевым смертоносным оружием.

— Ты посмотри, что творится,— сказал Ачалов, увлекая Руцкого к выходу на балкон. Охрана вице-президента еле успевала занять нужные позиции, чтобы чья-нибудь хладнокровная пуля, пущенная в окно, не оборвала столь стремительную динамику российской Вандеи.

На площади перед Белым Домом собралось уже не менее 8 тысяч человек. Сменяя друг друга, Бабурин, Анпилов, Константинов, Макашов, Уражцев и Умалатова призывали их к оружию, к восстанию, к свержению оккупационного правительства предателя Ельцина. Ораторы с не менее известными фамилиями еще меньше стеснялись в выборе выражений, красочно говоря о жидовском иге, которому именно сейчас должен быть положен конец. Так призывать к оружию и его не дать — значит погубить все дело на корню. Люди должны почувствовать, наконец, что от слов уже начался переход к делу.

— Но это не значит, что оружие надо выдавать кому угодно,— снова возразил Руцкой.— Ты что, Слава, не понимаешь, сколько в этой толпе обычных уголовников и прочего сброда?

«Савецкий Саюз! Савецкий Саюз!» — скандировала толпа, возбужденная боевыми речами ораторов.

— Мы кому угодно не выдаем,— сказал Ачалов.— Только офицерам, которые записалась к Терехову в «Союз». Нам надо же какую-то оборону наладить. Штатная охрана уже выведена из подчинения Верховному Совету, и Ерин потребовал, чтобы они покинули здание и прибыли в МВД. Как они себя поведут — неизвестно.

Генерал снова рассмеялся:

— И какой ты президент, если у тебя нет гвардии. Мы уже сформировали президентский полк. Можешь смотр произвести.

Разговаривая, они подошли к 20-му подъезду, возле которого шла раздача оружия и формировались боевые отряды. Ребята из «Союза офицеров» со звездным орлом на груди все уже были обвешаны оружием. У подъезда толпился самый разный народ. Вербовщики спрашивали: «В какой отряд запишешься?» И, получив согласие, интересовались воинским званием. Все представлялись офицерами запаса, некоторые уверяли, что они — отставники. Списки, накарябанные на каких-то мятых листках неразборчивым почерком, передавались раздатчикам оружия. Офицерам в форме автоматы выдавались даже без проверки документов. Некоторые предъявляли военные билеты. Когда их не было, сходили студенческие билеты и заводские пропуска.

Сам подполковник Терехов с видом опытного

зазывалы кричал проходящим: «Записывайтесь добровольцами. Получите автомат, как у меня». И с удовольствием хлопал рукой по своему короткоствольному вороненому красавцу. Было видно, что сам подполковник радуется автомату, как школьник. Видимо, за годы службы ему редко приходилось видеть оружие, а не то что им пользоваться. (Трое школьников 8-го класса из Калининграда Московской области, фамилии которых известны автору, приехали к Белому Дому и получили автоматы по ученическому проездному билету. Разоружены были только дома, чуть не натворив больших бед).

Мимо, чеканя шаг, промаршировал отряд баркашовцев с новенькими автоматами на груди. Вождь, как всегда, оказался прав. Удалось без всяких хлопот и «на халяву» получить столько оружия, сколько и не снилось. По короткой команде отряд остановился, повернулся «напра-во!» и поднял руки в нацистском приветствии. К 20-му подъезду уже маршировал новый отряд со свастиками на рукавах — еще без оружия.

Большая группа людей явно южного типа, именуемая обычно в сводках «лицами кавказской национальности», издавая радостные гортанные звуки, подобные клекоту орлов их родных гор, грузила автоматы и один пулемет в багажники нескольких «вольво» на глазах всего честного народа и редкой цепочки милицейского оцепления. Последним было приказано ни во что не вмешиваться, что они с удовольствием исполняли.

Руцкого, который, что ни говори, в Белом Доме был в достаточной степени новичком, довольно поздно дезертировав туда из команды Ельцина, удивило

такое количество оружия, оказавшегося складированным в здании, занимаемым мирным законотворческим органом РФ. Причем, добровольцам выдавались не только пистолеты и автоматы, но пулеметы и даже гранатометы. Ему сказали, что это штатное табельное оружие охраны Верховного Совета. Однако небольшое по численному составу милицейское подразделение, осуществляющее охрану Белого Дома, никак не могло нуждаться в таком количестве и в такой номенклатуре вооружения. В одном из ящиков, к великому удивлению Руцкого, оказались даже зенитные ракеты «Стрела», которые хотя и были менее эффективными, чем «Стингеры», но вполне могли отбить охоту у любого подлетать ближе пяти миль к роскошному зданию российского парламента.

Видимо, здесь уже давно и основательно готовились к нынешним событиям.

У Руцкого впервые появилась мысль, что он стал всего лишь пешкой в чьей-то большой игре с очень сложным сценарием, далеко выходящим за пределы той склоки, которая завязалась между Кремлем и Домом Советов.

Но эта мысль сразу куда-то улетела при виде генерала Макашова, возбужденно идущего по коридору в обществе каких-то молодцов в полувоенной форме (к счастью или к сожалению) без оружия.

Руцкого ждал еще один сюрприз. Оказывается, Макашов хотел захватить здание Государственного комитета по чрезвычайным ситуациям, где была развернута аппаратура спецсвязи. Группе Макашова удалось проникнуть в здание, вскрыть несколько помещений, после чего они были задержаны до этого дремавшей охраной. Одно из помещений оказалось

на охранной сигнализации, звонок которой и разбудил охрану, хотя еще не было и четырех часов после полудня. Макашов думал, что сейчас всем им и крышка — арестуют. Но охрана, видимо, парализованная видом трех генеральских звезд Макашова, всего лишь почтительно выпроводила их из здания.

— Вообще-то,— докладывал Макашов своему президенту и министру обороны,— взять ГКЧС — не хер делать. Дай мне, Слава, двух автоматчиков, и я тебе обеспечу связь со всем светом.

Ачалов обещал подумать, и Руцкой понял, что Макашов, как всегда, проявил личную инициативу, что всегда отмечалось в его служебных характеристиках. Так же было и в августе 1991 года, когда его войска взяли Самару и готовы были наступать дальше, вплоть до Москвы.

— Эти генералы нас могут здорово подставить,— сознался Руцкой Хасбулатову, рассказав, что творится в Белом Доме и вокруг него.

Хасбулатов, занятый подготовкой своей речи, которую он собирался произнести на завтрашнем съезде народных депутатов, отреагировал без излишней нервозности:

— Главное — за нас народ. Из регионов сообщают, что местные советы коллективно готовят ультиматум Ельцину. Либо он отменит свой указ от 21-го, либо они назначают крупномасштабную акцию гражданского неповиновения, пока он не уйдет со своего поста.

В кабинете присутствовали заместители Хасбулатова — Юрий Воронин и Рамазан Абдулатипов.

Воронин, бывший партаппаратчик из Казани, спросил Руцкого:

— Александр Владимирович, вы говорите, что эти генералы могут нас всех поставить в дурацкое положение. Я с вами согласен. Но вы уверяли нас в течение почти полугода, что армия и даже афганские ветераны — за вас, Где же армия? Почему еще ни одна воинская часть не пришла к Белому Дому? Где генералы, которые обещали вам содействие? Если вам не совсем удобно к ним идти, то назовите мне их фамилии, я пойду к ним сам и приведу их сюда вместе с их частями.

— Не надо тревожить генералов пока,— с легким кавказским акцентом вмешался Абдулатипов.— Это правильно — вначале вооружить народ, чтобы власти поняли, что народ намерен защищать свои права на свободу и демократию. Вооруженный народ — лучшее предостережение властям.

Аварец по происхождению, врач по образованию, партийный номенклатурщик по профессии, Рамазан Абдулатипов, некогда заведовавший в ЦК КПСС отделом межнациональных отношений, знал, о чем говорил.

С его легкой руки весь Северный Кавказ и Закавказье были превращены в одну зону кровавого конфликта именно на межнациональной почве, детонатор от которого всегда находился в отделе межнациональных отношений ЦК. Методика была простой и по-ленински четкой: главное — для начала вооружить народ. Причем каждый народ отдельно: ингушей, осетин, дагестанцев, чеченцев, абхазцев и так далее. И народ сам поймет, как ему бороться за свои права.

Абдулатипов, не скрывая своих связей со старыми партийными структурами бывшего Союза и вер-

ности коммунистическим идеалам, даже ныне, числясь в Социалистической партии трудящихся Роя Медведева, несмотря на это, а, может быть, именно поэтому, показывал всем образец непотопляемости, спокойно и элегантно перетекая из одной разгромленной структуры в другую.

Из Верховного Совета упраздненного СССР он перетек в Верховный Совет РСФСР, где, естественно, состоял в блоке «Коммунисты России» и даже, как известно, предлагался блоком на ту самую должность, которую ныне занимал Хасбулатов. Из Верховного Совета РСФСР Абдулатипов перетек в заместители сначала Ельцина, а затем — Хасбулатова и даже оказался одним из той знаменитой «шестерки», выступившей в начале 1991 года против Ельцина, кому это полностью сошло с рук и позволило сохранить свой пост и авторитет в глазах правительства. Подобная непотопляемость служила хорошим примером для других, полагавших, глядя на Абдулатипова, что и им удастся так же легко исполнить «гигантский слалом» на ухабах нынешней российской политики.

Это была ошибка, подобная, по словам Бисмарка, туберкулезу, невидимому в своей начальной стадии.

18:00

Вернувшись после прогулки с президентом по центру столицы, Николай Галушко немедленно позвонил Евгению Савостьянову. Начальника Управления Министерством безопасности по Москве и Московской области не было на месте.

Оказывается, он принимал корреспонденцию в Центре общественных связей Министерства, расска-

зывая, какие меры принимаются на Лубянке для поддержания правопорядка в Москве вообще и в районе Белого Дома в частности. На вопрос одного из журналистов: известно ли ему, что в Белом Доме началась раздача оружия? — Савостьянов, мягко улыбаясь в бороду, ответил, что не надо раздувать слухи. «Мы отслеживаем ситуацию», — успокоил он представителей прессы, смотревших на него встревоженными глазами. Именно в этот момент к нему подошел один из сотрудников Центра и подал Савостьянову записку, где говорилось, что его срочно вызывает министр.

Савостьянов извинился, прерывая встречу с журналистами, оставив их в тревожном недоумении, и отправился к Галушко.

Галушко сидел без пиджака с выражением лица, которое вполне можно было назвать подавленным.

— Президент хочет, чтобы все кончилось побыстрее, — с усталым видом напомнил Галушко, когда Савостьянов сел за стол заседаний, перпендикулярно стоявший к столу министра.

— Я говорил с президентом, — ответил Савостьянов, — и подтвердил ему, что необходима минимум неделя-полторы для завершения...

Галушко сделал нетерпеливый жест рукой:

— Да, да. Но ряд мероприятий необходимо начать уже сегодня.

— Сегодня-завтра, — поправил Савостьянов. — Мне кажется, что слишком спешить нецелесообразно.

— И тем не менее, — не согласился министр, — не следует переносить на завтра то, что можно сделать уже сегодня, поскольку президент ждет.

— Мероприятия, приуроченные к конкретной

дате или к прихоти конкретного лица, считались одним из главных недостатков прошлого режима,— улыбнулся Савостьянов.

На лице Галушко появилось подобие улыбки:

— Вы так и скажите президенту, Евгений Вадимович.

— Я ему это уже сказал,— подтвердил Савостьянов.

— И что президент? — поинтересовался Галушко.

— Вы знаете не хуже меня,— засмеялся главный «чекист» Москвы,— что президент всегда соглашается с каждым, кого удостоивает беседой.

— Видимо, со мной он говорил несколько позднее, чем с вами, — нахмурился Галушко.— Потому что он особо подчеркнул важность быстрого решения.

— А вы что ответили? — спросил Савостьянов.

— Я заверил президента, что так оно и будет,— вздохнул министр.

— Молча? — снова улыбнулся Савостьянов.

Как ни пытался Галушко идти в ногу со временем, его подсознательно раздражала манера Савостьянова вести разговор а таком духе, как будто оба они — генерал-полковники и прослужили в госбезопасности всю жизнь.

Конечно, не следует забывать, что Савостьянов — личная креатура Ельцина и, вообще, неизвестно кто такой, но все-таки и ему не следовало бы забывать, как положено в системе КГБ: получать инструкции не просто от начальства, а от самого министра. Правда, и Галушко не следовало забывать, что перед утверждением его на столь высоком, фактически на самом высоком российском посту, Ельцин звонил Савостьянову и спрашивал его мнение. А то

на месте Галушко мог оказаться кто угодно: и сам Савостьянов, и Степашин, и даже Галина Старовойтова.

И еще неизвестно, хорошо это или плохо: в такое время оказаться на посту министра безопасности, когда помимо тебя, по меньшей мере дюжина твоих подчиненных имеют на прямую выход на главу государства и даже об этом не докладывают. И это при условиях, когда в Белом Доме сидит Виктор Баранников, постоянно напоминающий о своем существовании звонками в Секретариат. «Думает или нет Галушко подчиниться указу законного президента России Руцкого и сдать дела ему, Баранникову. Отдает ли он себе отчет о персональной ответственности за невыполнение указа президента? Ознакомлен ли он с последним законом, принятым Верховным Советом, который предусматривает расстрел именно для таких случаев?» Судя по записи разговора, звонил не сам Баранников, а кто-то из его людей. Но трудно было предположить, чтобы сам Баранников об этом не знал.

И хотя профессиональный «чекист», памятуя о славной истории своей службы, никогда не забывает о расстреле, как о логичном завершении собственной карьеры, Галушко, как, впрочем, и все другие, подобного завершения собственной карьеры, естественно, не хотел. Но чувствовал, что поставлен в самое дурацкое положение.

Еще никогда в России не существовало сразу двух министров госбезопасности, причем срававшихся друг с другом в непонятной игре, где на кону может оказаться голова одного из них, а может быть, и обе.

Новое мышление совершенно не коснулось ни одной из голов в системе безопасности, о чем сокрушался еще Михаил Горбачев.

— Я вас попрошу,— после некоторой паузы проговорил Галушко, — лично проконтролировать все мероприятия как на стадии подготовки, так и...

Министр снова вздохнул и добавил:

— Вы понимаете?

Савостьянов кивнул головой и попросил разрешения идти.

— Минутку,— сказал Галушко.— А что с грузом?

— Все в порядке,— поднял на него глаза Савостьянов.— Тот, что послан коротким путем, уже прибыл. А тот, что послан длинным путем, ожидается дня через два-три спецавиарейсом.

— Так почему же сегодня такой сбой графика? — министр сунул в рот какую-то таблетку и запил ее водой из старомодного графина времен Виктора Абакумова.

Савостьянов внимательно взглянул на своего шефа, подбирая слова, чтобы ответить понятнее. Старое здание на Лубянке прослушивалось насквозь вдоль и поперек. Даже неизвестно кем. Всеми. Цена слова всегда стоила здесь очень дорого, а сегодня — и говорить нечего.

— Во-первых, амбиции,— как бы в раздумьи произнес Савостьянов.— Вы же знаете нашу армию. Она считает себя очень хитрой и умной, при планировании просчитывает варианты на компьютерах до пятого знака, а ведет себя всегда как слон, ловящий мышь в посудной лавке. Лавка разгромлена, а мышь, естественно, сбежала. Это не их вина, это образ жизни.

Получатель груза знает это не хуже любого другого. Все-таки — генерал-полковник. Все должно подчиняться логике войны. Это его слова. А логика войны подсказывает, что в конкретной обстановке проиграет тот, кто сделает первый выстрел. Этот выстрел будет очень громким — его услышит весь мир. И, конечно, он его делать не хочет, а потому даже хотел отказаться от гуманитарной помощи, если так можно выразиться. И отказался бы, если бы не некоторые слабости его характера, которые он не силах перебороть.

— Все это крайне заумно,— проворчал министр.— Не переиграйте. Впрочем вы несете персональную ответственность перед президентом и будете отвечать, если...

— Если вас волнует только это,— спокойно, без вызова ответил Савостьянов,— то, разумеется, вся ответственность лежит на мне, и я не собираюсь ни за кого прятаться. И прошу только, чтобы мне не мешали.

— Извините,— Галушко, смотревший до этого на полированную поверхность своего стола, поднял глаза на своего дерзкого подчиненного,— но меня волнует не только это.

Министр замолчал и стал нервно протирать очки.

— Я вас слушаю,— почтительно отозвался Савостьянов.

— Евгений Вадимович,— тихо, но очень четко произнес Галушко.— Я не знаю и не интересуюсь, какие инструкции вы получили через мою голову или даже относительно моей головы. Но я вас прошу, не подставляйте наше ведомство под удар. Я несколько не удивлюсь, если узнаю, что вся эта кутерьма

затяжна главным образом для того, чтобы уничтожить нас как один из государственных институтов. Независимо от того, кто из них победит, в проигрыше окажемся мы. А наша ликвидация — это очередная ошибка, которую совершит нынешнее государственное ведомство в череде уже очень многих ошибок. Вы меня понимаете?

Савостьянов ответил мягкой улыбкой:

— Я тоже здесь работаю. И, сознаюсь вам, мне тоже не хочется отсюда куда-нибудь уходить, а тем более — под суд за нарушение фундаментальных основ государственного права. Хотя, как вы знаете, любое право в нашей стране — это крепостное право.

— Я этого не знаю,— жестко отреагировал министр.— Можете идти.

Вернувшись к себе, Савостьянов обнаружил, что один из стоявших на его столе телефонов надрывается от звонков. Едва ли в Москве найдется двадцатка человек, которые знали номер этого телефона, связывающего начальника управления Министерства безопасности Москвы с городской АТС. Все остальные обязаны были пользоваться средствами спецсвязи или через дежурного по управлению. Так что Савостьянов мог бы догадаться, кто ему звонит, даже не слушая голоса автомата, сообщающего номер телефона звонившего.

Он взял трубку и, как ожидал, услышал на конце провода взволнованный голос Льва Пономарева — депутата от демократов, своего товарища по демократическому движению, которое группировалось в свое время вокруг Гавриила Попова — бывшего мэра Москвы.

— Женя,— спросил Пономарев.— Как дела?

— Неважно,— ответил Савостьянов.

— Ты знаешь, что Ачалов и Макашов уже раздают автоматы в Белом Доме?

По голосу было видно, что Пономарев изо всех сил старается выглядеть спокойным.

— В самом деле? — переспросил Савостьянов.

— Я тебе точно говорю,— закричал Пономарев.— Там уже все маршируют с оружием. Все: и баркашовцы, и казаки, и кто угодно.

— Интересно,— проговорил Савостьянов.— А откуда у них столько оружия?

— Ты меня спрашиваешь? — взорвался Пономарев.— Я тебя хотел об этом спросить. Вы что-нибудь думаете делать? Или будете отсиживаться, как обычно?

— Лева,— вздохнул Савостьянов.— Я тебе честно скажу, что макашовские автоматы — это последнее, что меня сейчас волнует. Все даже хуже, чем ты себе представляешь.

— А что такое? — голос у Пономарева вздрогнул.

— Непобедимая и легендарная очень хочет сказать свое веское слово и не в нашу пользу,— ответил Савостьянов.— Ты меня извини. По телефону я не хочу обсуждать такие вещи. Да, и права не имею. Но могу тебе посоветовать уехать куда-нибудь из города. Во всяком случае — отослать семью куда-нибудь подальше. Ты меня понял? Все, извини, дела.

Савостьянов посмотрел на часы. Было 19 часов 25 минут. Он протянул руку к кнопке селектора и приказал подать машину к подъезду к восьми часам.

Генерал Грачев отличался от всех своих предшественников на посту министра обороны богатой мимикой своего лица. Все его великие предшественники — от маршала Ворошилова до маршала Устинова и маршала Язова — славились тем, что на их лицах ничего невозможно было прочесть, кроме надменного самодовольства. Генерал Грачев не прошел сталинско-брежневской номенклатурной закалки, когда народу требовалось глядеть на номенклатурное начальство не иначе, как на небожителей, а потому на лице министра обороны вечно мелькали то улыбки, то недовольные гримасы. Словом, настроение генерала было всегда написано на его лице.

Новая элита только начинала формироваться, и ее повадки были много проще, чем у небожителей прошедшей эпохи, хотя и сохранилось врожденное для России презрительно-пренебрежительное отношение к собственному народу. Но тут уж было решительно ничего не поделать.

«Власть в России всегда была хорошей — ей с народом не везло», — заметил однажды один циничный историк и был, наверное, прав.

Ныне на лице генерала армии Грачева читалось глубокое раздумье в сочетании с недовольством. Генерал молчал. Молчал и сидящий против него генерал-полковник Громов, бывший начальник Грачева, а теперь его первый заместитель, один их немногих офицеров, которому Грачев еще мог доверять, правда, с некоторыми оговорками.

То, что многие старшие офицеры морочили голову бедняге Руцкому, а потом с той же ретивостью

докладывали об этом Грачеву, чтобы, не дай Бог, чего не подумали, было скорее не страшно, а противно. Любой из них мог, услышав какое-либо неосторожное слово от самого Грачева, немедленно доложить об этом и самому президенту, не забыв кое-что прибавить от себя. Доносительству учили семьдесят лет, и не счесть числа трагедий, обрушившихся на армию. Ныне трагедии превратились в фарс, еще более подогрев желание доносить друг на друга. Благо никого не арестовывают. Совесть чиста, а сигнализировать нужно.

Грачев, вернувшись после прогулки с президентом, провел переговоры по шифро-спецсвязи с командующими округами и флотами как на территории нынешней России, так и бывшего СССР. Не везде, конечно, но в большей части так называемого «ближнего зарубежья» удалось сохранить структуру единого армейского подчинения. Некоторые командующие вообще толком не понимали, что опять случилось в Москве. Какое назначение получил Ачалов? Некоторые полагали, что Ельцин снял с должности Грачева и назначил Ачалова. Правда, никто не запрашивал у Москвы разъяснений, считая, что центр даст их сам. Приходилось объяснять долго и противно, что происходит в столице. Командующие округами всегда входили в местные партийно-государственные элиты, будучи, как правило, членами бюро обкомов и депутатами Верховных Советов разных уровней. Как партия прикажет.

Ныне первые секретари обкомов перетекли в областные советы, сохранив, по большей части, бывшее влияние на командующих. И все они, это уже было ясно, встали на дыбы, узнав об указе президента № 1400.

Некоторые командующие были вполне в курсе дела. Правда, никаких директив они от Ачалова не получали, видимо потому, что у того не было связи. Но были очень раздражены происходящим. Они советовали Грачеву занять позицию самого жесткого нейтралитета и ясно дать понять обеим враждующим сторонам, чтобы они оставили армию в покое и никак на нее не рассчитывали в надвигающихся событиях.

Честно говоря, Грачев именно так бы и поступил, если бы он всего пару часов назад не пообещал Ельцину полную поддержку Вооруженных сил. Во всяком случае, все командующие округами подтвердили, что даже не шелохнутся без приказа, подписанного Грачевым лично. По их настроению можно было понять, что они не шелохнутся и получив подобный приказ. С одной стороны, это было вроде бы хорошо. Во всяком случае, все они точно также поступят и с приказами Ачалова, коль он найдет способ им этот приказ переслать. Это было хорошо, но этого было мало. Оставалось, как всегда, надеяться на Московский военный округ и на гарнизон столицы, во многие части которого уже были доставлены ачаловские приказы. Командиры звонили в Министерство обороны, требуя разъяснений.

— Без моего личного приказа,— кричал охрипшим голосом в трубку Грачев,— подтвержденного устно и письменно, не предпринимать никаких действий, даже если на вас будут падать бомбы!

Коллегия Министерства, куда, помимо начальников Генерального штаба, заместителей министра обороны и нескольких высших офицеров аппарата министерства, входили и главкомы видов Вооружен-

ных сил, выглядели так же мрачно и угрюмо, как в августе 1991 года, когда маршал Язов пытался воодушевить генералов призывами к спасению социализма и СССР. Даже еще хуже, поскольку августовские события были еще у всех свежи в памяти.

Кроме того, хотя с той поры прошло не так уж много времени, армия деградировала с такой быстротой, что ее уже нельзя было сравнить даже с армией 1991 года.

Сформированная по архаичному принципу всеобщей воинской повинности, огромная до абсурда, она превратилась в уродливый срез всего российского общества, впавшего, по меткому выражению одной американской газеты, в «состояние социального озверения».

Гигантская масса вооруженных людей, сведенных в роты, эскадрильи, дивизии и эскадры, как и все население страны, боролась за собственное выживание, пройдя за три года по тернистому идеологическому пути «от третьего Рима до третьего мира». Дедовщина, ставшая бичом армии, породила небывалое для русской и советской армии массовое дезертирство. Любой сбежавший из части солдат, будучи пойманным, ссылался на «дедовщину», независимо от того, имела она место в части или нет.

А официальная статистика — 4500 солдат и матросов, убитых в своих частях в течение еще незаконченного 1993 года — создавала для дезертирства крайне благожелательный фон в глазах набирающего силу общественного мнения.

Помимо дезертирства, были буквально провалены два последних призыва в армию. Призывники предпочитали отправиться в тюрьму или в бега, а не

явиться в военкомат. Их вылавливали чуть ли не на улицах, пытаясь заткнуть зияющие дыры некомплекта хотя бы в частях стратегического назначения. В армию хлынули целые категории хронически больных людей, признанными годными для службы, умножая число мрачных трагедий.

Едва ли в лучшем положении находился офицерский корпус. В отличие от своих солдат, идущих в армию на короткий срок в два года, где по всем правилам российского абсурда первый год считались «молодыми», а второй — «дедами», офицеры шли в армию фактически на всю жизнь.

Показатель офицерской смертности в мирное время хотя и считался официально секретным, был известен всем и примерно равнялся солдатской смертности, хотя офицеров было, разумеется, более чем на порядок меньше. И хотя причины смертности, если не считать самоубийств, были принципиально другими, чем у солдат, от этого легче не становилось. Глобальные выводы войск из восточной Европы и Прибалтики фактически в чистое поле создавали проблемы с размещением и обучением хотя бы офицерских и сверхсрочных кадров, которые, как все отлично понимали, решить было совершенно невозможно при всех благих намерениях собственного правительства и Запада.

Офицеры практически были поставлены перед вопросом, где раздобыть хлеб насущный. Денежное содержание, хотя и поднималось время от времени, совсем не могло соперничать с галопирующей инфляцией, приводя привыкший к другой жизни офицерский корпус в состояние ярости к тем, кто «развалил страну и затеял эти проклятые реформы».

Если к этому прибавить извечный квартирный вопрос и тот факт, что денежные накопления офицеров за время службы превратились в пыль, то не надо обладать большой фантазией, чтобы представить, с каким энтузиазмом офицеры и солдаты желали бы защищать президента в его борьбе с Верховным Советом, и наоборот.

Неминуемое крупное сокращение офицерского корпуса, включая и генералов, которых в Советской армии накопилось едва ли не больше, чем в остальных армиях мира вместе взятых, порождало апатию, под покровом которой вызревала лихая мысль: не разогнать ли, пока не поздно, обе ветви власти и самостоятельно выступить врачом недугов, терзающих страну.

При всей лояльности к президенту, генерал Грачев несколько раз даже в публичных выступлениях призывал политиков разного толка оставить армию в покое и не провоцировать ее навести тот порядок в стране, который она посчитает нужным.

Но армию в покое не оставляли. Пользуясь общим упадком и деградацией общества, ее постоянно будоражили то деятели типа подполковника Терехова, то неувыдаемые марксисты товарища Зюганова, то общество «Память», то священники из каткомбных церквей с горящими фанатичным огнем глазами, то авантюристы типа Дэви Марии Христос. И только демократы фактически не вели никакой работы в Вооруженных силах, пустив продекларированные военные реформы на самотек и выбрав из всех видов воздействия на армию лишь урезание ее бюджета, не считая смутных угроз ее вообще разогнать.

Президент-демократ, он же Верховный главнокомандующий, должен был служить единственным гарантом приверженности армии идеям демократии. Единственное, чем правительство могло утешить армию — это постоянное напоминание о ее подвигах в годы Отечественной войны. Но эта заезженная пластинка, непрерывно играющая в течение 50 лет, с каждым годом становилась все менее эффективной, особенно в реальностях сегодняшнего дня.

Из августовского путча армия, по выражению тогдашнего начальника Генерального штаба генерала армии Моисеева, выскочила «ошпаренной» и ни за какие блага, ордена и чины не хотела, чтобы ее снова окунули с головой в выгребную яму политической борьбы тщеславных авантюристов, подогретую расплавленным металлом «социального озверения».

Коллегия высказалась в поддержку президента, но с кучей оговорок.

Добиться у президента четких социальных гарантий и известных привилегий для кадрового состава Вооруженных сил. Ясно и четко сформулировать военную доктрину с учетом того, что Россия, как правопреемница СССР, сохраняет статус сверхдержавы. Прекратить все попытки урезывания военного бюджета и быстрыми законодательными методами обеспечить призыв в армию. И, наконец, что самое важное, принять срочные экономические меры, чтобы спасти от разрушения драгоценный ВПК.

Не вводить ни одного военнослужащего на улицы столицы, если президент не даст своего согласия по всем пунктам их требований.

А выполнение этих требований означало резкий поворот в обратную сторону от всех попыток реформировать экономическую и политическую жизнь агонизирующей страны.

Но это никого из Коллегии Министерства абсолютно не интересовало.

Всем были известны те посулы, которые давал армии Руцкой, если та поддержит его. Но на лихого «полковника» ставить боялись. Из потока его обещаний становилось ясно, что большую часть удасться воплотить в жизнь только в результате многолетних боевых действий, исход которых был, прямо скажем, проблематичным. Воевать же никому не хотелось, а по большому счету, было и нечем. Многие, если не головой, то инстинктом понимали: втянись сейчас страна в какие-либо военные авантюры, даже с так называемым «ближним зарубежьем» под флагом восстановления СССР, и страна погибнет окончательно вместе с генеральскими дачами, банями, «мерседесами», «приватизированной» и «акционированной» собственностью и охотничьими угодьями.

Поддержка же Ельцина означала и дальше сытую и размеренную жизнь, огражденную высоким забором от страны и ее проблем.

В перспективе, конечно.

В заключение наметили, какие части можно быстро использовать, если того потребует сложившаяся обстановка. Пока решили не трогать Таманскую и Кантемировскую дивизии, приведя в повышенную готовность 16-ую бригаду спецназа полковника Тишина и 218-й отдельный батальон спецназа подполковника Колыгина.

Было еще одно обстоятельство, которое все присутствующие не могли не принимать во внимание. События, последовавшие после августовского путча, относительно персональных судеб высшего военного руководства, напоминали осколки разорвавшегося снаряда, разящие кого попало, вслепую. Маршала Язова и генерала Варенникова посадили. А вот маршала Ахромеева ликвидировали, заставив всех поверить в то, что старый солдат и ветеран нескольких войн способен повеситься, как забеременевшая десятиклассница. Начальника Генштаба Моисеева — фактически главного заговорщика — с миром и почестями отпустили в отставку.

Министром обороны стал не генерал-полковник Кобец, постоянно мелькавший на экране телевизора как командующий обороной Белого Дома, которого уже все прочили на этот пост, особенно после производства его в генералы армии, а никому тогда не известный генерал-майор Грачев, который даже не значился в секретном справочнике ЦРУ «Военное руководство СССР».

Нынешние события, независимо от того, назовут их путчем или нет, также могли очень больно ударить по всем, кто проявил инициативу или ждал приказа, кто действовал решительно и кто решительно ничего не делал. Здесь пригоден был только старый, «совковый» принцип — «не высовывайся», по крайней мере до получения гарантий.

Но гарантий никаких не было, и никто не думал их давать. Грачев уже несколько раз пытался дозвониться до президента после возвращения с прогулки. Президента не было, и никто из его аппарата не знал, где Ельцин находится.

Министр безопасности Руцкого генерал Баранников сидел в выделенном ему просторном кабинете, подписывая ордера на арест. Сбоку у его стола пристроился Сергей Бабурин со списками лиц, подлежащих аресту и интернированию «за попытку антиконституционного переворота».

Списки были частично отпечатаны, частично — написаны от руки с массой помарок и исправлений. Часть фамилий была вычеркнута, а над ними были написаны новые. Депутат Иона Андронов несколько раз звонил по телефону, интересуясь, не забыли ли включить в список Бурбулиса и Козырева. Его успокаивали, уверяя, что эти двое есть во всех списках, но настырный Андронов имел информацию, что эти фамилии хотя и вносятся в список, но каким-то чудесным образом из всех списков исчезают. Вот и сейчас, диктуя Баранникову фамилии, Бабурин, к своему великому удивлению, обнаружил, что фамилия Бурбулиса в его списке вычеркнута жирными красными чернилами, а поверх нее записан какой-то Фридман. Фамилия Фридман считалась настоящей фамилией министра иностранных дел Андрея Козырева, а настоящей фамилией Бурбулиса считалась именно Бурбулис, поскольку лучше и нарочно не придумаешь. Бабурин хотел проконсультироваться с многоопытным Баранниковым, что все это значит, но подняв голову от списков, увидел, что министр безопасности смотрит на дверь своего кабинета, побледнев так, как будто увидел привидение.

Без стука и без доклада в дверь вошел начальник Управления безопасности по Москве и Москов-

ской области Евгений Савостьянов, как всегда, интеллигентно улыбаясь в свою аккуратно подстриженную бородку. Бабурин также почувствовал сильный дискомфорт и даже прислушался, не происходит ли в приемной какая-нибудь борьба, в ходе которой люди Савостьянова бесшумными стволами ликвидируют охрану Баранникова.

Но все было тихо. Через открытую дверь слышалось лишь глухое щебетание мужественных голосов, да шелканье пишущей машинки, печатающей приказы Баранникова.

— Женья? Евгений Вадимович, ты чего? — хриплым голосом спросил Баранников, опасаясь, что Савостьянов сейчас пристрелит его прямо за письменным столом.

— Сдаваться пришел? — поинтересовался менее впечатлительный и более наглый Бабурин.

Пикантность ситуации заключалась еще и в том, что всего полчаса назад Баранников своим приказом назначил Бабурина начальником Управления безопасности по Москве и Московской области. Приказ должны были соответствующим образом оформить, утвердить у Рущкого, а затем Бабурин собирался с ним отправиться на Лубянку и вступить в новую должность, с которой было бы гораздо легче проводить в жизнь тот самый замечательный закон о расстрелах, принятый Верховным Советом по предложению Бабурина. Сам составил закон — сам его и выполняй, энергично проводя в жизнь. Все было правильно и логично.

— Сережа, — улыбнулся Савостьянов, усаживаясь в кресло напротив Баранникова, — сходи куда-нибудь погуляй, проветришься. Народ там волнуется у

входа, скажи им что-нибудь, подбодри. А то погода портится, еще разойдутся.

Бабурин покраснел, но подчинился и, закусив губу, вышел из кабинета.

Подойдя к машинистке, он взял с ее стола списки, просмотрел их, зачеркнул фамилию Бурбулиса и вписал поверх «Савостьянов Е.В». Затем последовал полученному совету и отправился на балкон, с которого в этот момент перед замерзшей толпой ораторствовал товарищ Зюганов:

— Товарищи,— кричал в мегафон председатель партии Российских коммунистов и сопредседатель Думы «Русского национального собора».— Товарищи, всмотритесь в одухотворенные лица Сергея Бабурина, Альберта Макашова, Александра Проханова, Виктора Анпилова. Неужели вы не видите, что это люди с настоящим государственным умом и чистыми помыслами!

Услышав свою фамилию, Бабурин, настроение которого и так уже было испорчено, раздраженно закусил губу, придавая своему лицу провинциально-Мефистофеля совершенно злое выражение. Он не любил Зюганова, как не любят друг друга люди с одинаковыми ухватками, приобретенными в разных отделах одного и того же ведомства. Зюганову еще в системе КПСС удалось пройти славный путь от инструктора до заместителя заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС. Уже была квартира в номенклатурном доме, машина с шофером, право входить в высокие кабинеты, решать чужие судьбы. Его уже знали в лицо даже члены Политбюро.

Именно Зюганов один из первых догадался, что Горбачев и Яковлев — агенты ЦРУ, губящие пар-

тию по приказу из-за океана. Почуввав неладное, в страхе потерять завоеванные привилегии, Зюганов стал одним из инициаторов создания Российской компартии, надеясь, помимо всего прочего, осуществить мечту, свойственную всем мелким чиновникам из ЦК: стать членом Политбюро. И Зюганов стал им.

Пока РКП Зюганова становилась на ноги, лихо-радочно отписывая на себя золотишко и имущество умирающей родительницы КПСС, подоспел августовский путч, который Зюганов встретил с восторгом, о чем свидетельствует масса документов от секретариата РКП и лично от тсварища Зюганова, посланных в адрес ГКЧП и в низовые структуры своей партии.

После провала августовского путча Ельцин запретил РКП, но через некоторое время, благодаря энергичным усилиям председателя Конституционного суда Валерия Зорькина, эта преступная организация снова была легализована, дав возможность Зюганову вынырнуть из политического водоворота, увлекающего его и его идеологию в канализацию истории.

Нахальный, но не умный демагог, он, если чем и отличался от Бабурина, то лишь инстинктом хитрой осторожности, приобретенной в коридорах ЦК КПСС. Этот инстинкт, очень похожий на крысиный, почти безошибочно подсказывал Зюганову, когда нужно юркнуть в какую-нибудь щель, чтобы снова оттуда лоявиться с громкими воплями о нарушении свободы и удушении демократии. Эти крики из уст профессионального партаппаратчика Зюганова, чья партия в течение почти целого века душила свободу и демократию всеми методами вплоть до массовых убийств миллионов ни в чем не повинных лю-

дей, выглядели еще более карикатурными, чем в устах Бабурина, который, в конечном итоге, был всего лишь искалеченным коммунистической системой сибирским мальчиком с несколько повышенным комплексом неполноценности, что никак нельзя считать недостатком.

Между тем, Зюганов кончил свою речь с балкона, уступив место следующим ораторам, которые выступали непрерывно. Бабурин подошел к нему и тихо сказал: «Савостьянов в здании».

В глазах Зюганова мелькнул испуг: не задержался ли он в Белом Доме, не будучи депутатом, больше, чем нужно. Но ведь сегодня всего лишь 22 сентября, в то время как...

Сиплым шепотом спросил Бабурина:

— Зачем? Не знаешь?

— К Баранникову пришел. Не знаю зачем,— ответил Бабурин.

— Один? — спросил Зюганов, оглядываясь по сторонам с выражением тревоги на своем квадратном лице партидеолога, которому он постоянно, но тщетно пытался придать мину важного глубокомыслия.

Бабурин ничего не ответил, а только стрельнул глазами в сторону. Зюганов взглянул в этом направлении и увидел, как на балкон выходит Савостьянов в сопровождении двух человек в одинаковых черных пальто. Шеф столичного КГБ явно кого-то искал, медленно проходя по балкону за спинами вопящих в микрофоны народных трибунов. Те, кто его узнавал, как и Зюганов, начинали испуганно оглядываться по сторонам или прижиматься к стенам. Почти все помнили, что указ президента снял с них депутат-

ский иммунитет, а те, кто им никогда не обладал, имели еще большие основания для беспокойства.

Савостьянов покинул балкон и вышел на пандус огромного здания. Моросил дождь со снегом, усиливался холодный ветер. В нескольких местах на Краснопресненской площади жгли костры. За пеленой дождя тенями чернели толпы людей. С балкона надрывался громкоговоритель. Где-то исполняли гимн СССР: «Нас вырастил Сталин на верность народу!»

Савостьянов оглянулся по сторонам и, наконец, увидел того, кого искал.

В обществе нескольких офицеров на пандусе стоял подполковник Терехов. Савостьянов направился к нему и, мягко взяв под руку, увлек за собой. Несколько офицеров из «Союза» бросились было за ним, но сопровождавшие Савостьянова двое преградили им дорогу: «Спокойнее, ребята, ничего страшного».

Савостьянов и Терехов остановились шагах в десяти от них, о чем-то беседуя. Терехов сделал знак своим людям, чтобы те не беспокоились. Разговор продолжался не более трех минут.

Погрозив пальцем Терехову, на что тот сделал жест ладонью типа «все в порядке», Савостьянов и сопровождавшие его люди, перешагивая через обрезки водопроводных труб, доски и сучки деревьев, пошли к машине. К Терехову подскочили его ближайшие соратники: подполковник Федосеенко и майор Никитин:

— Что он от тебя хотел? — в голосе офицеров было больше раздражения, чем тревоги.

— Сдаваться приходил, — насмешливо ответил

Терехов.— Они сейчас все забегали, как тараканы. Спрашивал, не найдется ли для него какой-нибудь должности. Он уже к Баранникову приходил, да тот его на... послал.

— А ты что ему сказал? — спросил подполковник Федосеенко своего лидера.

— Я его тоже на... послал! — отрубил председатель «Союза офицеров».

Терехов хотел еще что-то сказать по этому поводу, но какой-то подбежавший капитан доложил, что его вызывает генерал Ачалов.

Министр обороны был пьян и мрачен. Он сидел, положив локти на стол, глядя куда-то в пространство. Терехов за годы службы хорошо научился понимать настроение начальства, а потому официально доложил:

— Товарищ генерал, подполковник Терехов по вашему приказанию прибыл!

(Встречу на пандусе Белого Дома Савостьянова с Тереховым видели многие, так что сам Савостьянов вынужден был как-то это объяснить. Выступая позднее на пресс-конференции, шеф МГБ столицы рассказал, что взял с Терехова «слово офицера» о том, что ни он сам, ни его люди не устроят в городе никаких провокаций. К Баранникову же он ходил якобы затем, чтобы предупредить о последствиях незаконной раздачи оружия. О чем они кратко поговорили в кабинете — неизвестно, но на следующий день Баранников, в истерике, прибежал к генералу Степашину, заверяя его в своей преданности президенту Ельцину. Баранников, если верить Степашину, уверял его, что пришел в Белый Дом исключительно для того, чтобы воспрепятствовать

попаданию оружия в «преступные руки». Неизвестно, чем подбодрил Баранникова Степашин, но после разговора с ним Баранников вернулся в Белый Дом на пожалованную Руцким должность министра безопасности и оставался там до самого конца, то есть до отправки в Лефортово).

— Ты вот что,— медленно проговорил Ачалов,— чтобы никаких импровизаций! Понял? Без приказа чтоб ни гу-гу. Все ясно?

Но Терехову было ясно не все.

— Вот так и будем здесь сидеть? — набылчился он.— Люди в бой рвутся, товарищ генерал. Обстановка-то какая, посмотрите! Если мы начнем, вся армия сдетонирует, и народ поднимется. Ленин о такой обстановке только и мечтал! А так сидеть что толку? Связи с округами нет. Ни с кем нет. Сидеть и ждать, пока задавят?

— Все сказал? — поинтересовался генерал.— А теперь слушай меня. Связь и все такое прочее — это не твоя забота. Я сам разберусь. Но если твои люди сделают хоть шаг без моего приказа, ты крепко ответишь за это. Понял, подполковник? Можешь идти.

Когда Терехова вернулся к своим офицерам, те окружили его, спрашивая, что случилось.

— Связь нужна,— задумчиво произнес Терехов.— Пропадем без связи. Нужно что-то делать.

Посыпались разные предложения — от захвата «Останкино» до штурма узла связи Генерального штаба. Однако, какими силами проводить эти акции, никто не знал.

— Ладно,— сказал Терехов.— Что-нибудь придумаем.

И объявил, что едет домой. Никто не возражал.

Все знали, что у подполковника была жена и трое дочерей, которых он искренне и нежно любил. В Белом Доме он уже сидел почти сутки, вызывая естественное беспокойство домашних.

На персональных «мерседесах» уехали домой и президент Руцкой, и спикер Хасбулатов, чтобы вернуться позднее на ночной чрезвычайный съезд народных депутатов, хотя уже было ясно, что кворум собрать не удастся.

Генерал Ачалов прикорнул на диване в выделенном ему кабинете. Как всякий офицер воздушно-десантных войск, генерал умел пить. Но сегодняшний коньяк был какой-то особый. Он путал мысли и валил с ног, как неочищенная «чача». Хотя сам по себе коньяк был превосходным.

Сразу же после отъезда Руцкого и Хасбулатова в Белом Доме снова погас свет. Запустить автономную станцию не удалось. Замелькали ручные фонари и свечи, запас которых обнаружили в одном из складских помещений.

На площади продолжали гореть костры, у которых дремали люди под пронизывающим ветром и налетающими снежно-дождевыми зарядами.

Замолкли вещающие почти круглосуточно громкоговорители, установленные на балконе здания-монстра.

Кончался день 22 сентября 1993 года, не принесший, казалось бы, никаких особо интересных событий. Но это было только на первый взгляд.

В воздухе уже просвистел МЕЧ ПРЕЗИДЕНТА. Но никто тогда не заметил этого. Даже сам президент.

Древнее искусство владения мечом никогда не было доступно каждому, кто имел право или привилегии носить меч.

Виртуозы боя на мечах, которых было одинаково мало на Западе и на Востоке (хотя на Востоке, конечно, чуть больше), умели наносить удар так, что ни противник, ни присутствующие свидетели не могли заметить ни полета, ни удара меча, а порой — и самого меча. Только жертва удара начинала оседать на землю, а подбежавшие к упавшему, с ужасом (или с радостью), убеждались, что голова у того отрублена, хотя еще и держится на месте — настолько тонким и изящным был разруб. А виртуоз, продемонстрировавший свое высочайшее искусство, либо тихо исчезал с места происшествия, держа подмышкой меч, который все ошибочно приняли за посох странника, либо, напротив, шумно заказывал вина всем присутствующим, которые смотрели на него с восхищением и мистическим страхом. А убитого тихо хоронили, пришив ему голову к телу суровыми нитками, чтобы он в более или менее приличном виде мог предстать перед Творцом.

Искусство владения мечом в огромной степени зависело от самого меча. Легенды сохранили нам имена нескольких мастеров, умевших ковать воистину волшебные мечи, обеспечивающие их владельцам непобедимость и бессмертие. Но не в любых руках. Совместимость руки и меча — это уже область совершенно глубокой мистики, требующей тщательного изучения...

Выкованный Лениным «Пролетарский меч» был настоящим волшебным мечом — он срубил столько голов, что ученые до сих пор не могут подсчитать

точное число. Не уважающие Ленина говорят о 60 миллионах голов, уважающие вождя уверяют, что голов было 120 миллионов. Пока шел академический спор о достижениях меча, Меч из «Пролетарского» стал «Партийным», а с августа 1991 года превратился в «МЕЧ ПРЕЗИДЕНТА».

Так, по крайней мере, считал сам Президент, хотя в действительности он не владел мечом, а был всего лишь его рукоятью...

Государственный Меч, который до сих пор красуется на визитной карточке известного ведомства, разумеется, является обобщенным понятием.

Большой Государственный Меч складывается из тысяч малых мечей, рукоятки которых сжимают руки, направляемые совсем другими головами, рук не имеющими.

В течение 70 лет Большой Государственный Меч остервенело рубил собственную страну, а десятки тысяч малых мечей — слепых, как и всякое орудие, помогали ему в этой многотрудной работе, расчленив, в конце концов, страну, как говяжью тушу. А затем началась разделка разрубленных кусков и в первую очередь — России.

Конечно, в наше время всеобщей деградации, героев этой книги «мечами» можно назвать с большой натяжкой. Это уже не «мечи» и даже не «стилеты», а, скорее, «заточки». Тем более, что руки, их державшие, больше привыкли именно к заточкам, чем к архаичным мечам, в самом названии которых сохранилось известное благородство. Но согласитесь, что назвать эту книгу «Заточки президента» было бы грубо и не очень литературно хотя бы уже потому,

что «заточки», сложенные вместе, все-таки составляли нечто среднее между «мечом» и «ломом». Такой вот наполовину «лом», наполовину «меч». «Лом президента»? Тоже не звучит. Пусть останется «МЕЧ ПРЕЗИДЕНТА», поскольку в государственных руках любой лом превращается в меч, будь то «Пролетарский меч» или «Лом правосудия».

23 сентября все «мечи-заточки» пришли в действие.

Пока в Белом Доме при свечах и аккумуляторных лампах проходил чрезвычайный съезд народных депутатов, на котором с большими речами выступили Руцкой и Хасбулатов, выдержав свои речи в лучших традициях былых партийных съездов, пока генерал Ачалов получал медицинскую помощь от вчерашнего коньяка, в который, как показал анализ, чья-то «добрая» рука подмешала сильнейший наркотик, пока, вернувшись в Белый Дом, генерал Баранников (объявивший свою встречу со Степашиным «гнусной клеветой») согласовывал с народными депутатами списки на арест (Иона Андронов вскочил с места и заорал: «Бурбулиса не забудьте включить!»). Одним словом, пока происходила вся эта рутинная «партийно-хозяйственная» работа, толпа перед Белым Домом росла, и «мечи-заточки» продолжали накалять обстановку, пытаясь довести ее до состояния неконтролируемой истерии.

Поздно вечером, перед толпою с балкона выступил генерал Макашов, в очередной раз призвав собравшихся на подвиги во имя нашей Родины — Союза Советских Социалистических Республик. Толпа послушно скандировала: «Савецкий Саюз! Савец-

кий Саюз!» В этот момент неожиданно появившийся Виктор Анпилов отпихнул генерала от микрофона и сообщил, что подполковник Терехов со своим «Союзом офицеров» взял штурмом здание Штаба объединенных Вооруженных Сил СНГ, где идет бой. Анпилов призвал всех собравшихся идти к Штабу ОВС СНГ и закрыть своими телами доблестных офицеров Терехова, чтобы никто не смог блокировать это «первое освобожденное народом правительственное учреждение».

Возможно, что по какому-то сценарию «анпиловских» бомжей решено было покрошить из автоматов именно в подобной ситуации, а затем уже разобратся с остальными.

В первое мгновение генерал Макашов оторопел. Оторопел настолько, что публично, на всю площадь, обозвал Анпилова «provokатором» и призвал собравшихся не трогаться с места. Стратегический ум генерал-полковника сразу же охватил ситуацию: Анпилов уводит толпу с площади на Ленинградский проспект в заранее расставленную ловушку, Белый Дом оголяется, и его (вместе со всеми обитателями) берут голыми руками.

Генерал Грачев уже объявил, что для его людей требуется всего час работы, чтобы очистить здание Верховного Совета «от всей нечисти».

Но Анпилов был не из тех людей, кому легко можно было заткнуть глотку. Он продолжает звать народ на штурм и неизвестно, чем бы дело кончилось, если бы не появился один из добровольных адъютантов Макашова, доложивший, что Штаб ОВС СНГ взят, и никто в помощи не нуждается.

Макашова и Ачалова просят прибыть туда и воспользоваться узлом связи для передачи сообщений в округа и гарнизоны от «законного» президента и его министра обороны.

Надо сказать, что это сообщение озадачило генерала Макашова еще сильнее, поскольку генерал-полковник отлично знал, что в Штабе ОВС СНГ никакого узла связи нет, и, в сущности, это даже и не штаб вообще, а гостиница, где останавливаются высокие военные чины, прибывающие в Москву из дальних округов и так называемого «ближнего зарубежья». (Именно в это время мэр Петербурга Собчак погнал с должности своего вице-мэра адмирала Щербакова. Разъяренный адмирал устроил пресс-конференцию, где народу, с угрозами в адрес Собчака, поведал, что Штаб ОВС СНГ — всего лишь гостиница, где он неоднократно останавливался, и словом офицера заверил всех присутствующих, что «попытка захвата здания — чистейшей воды провокация». Никто и не спорит, только провокации всегда устраивают провокаторы).

Какого черта Терехову понадобилось штурмовать именно это здание? И кто ему приказал?

Собравшейся толпе, призвав ее никуда с площади не уходить, объявили радостную новость, что Штаб ОВС СНГ взят. Последовали громкие крики восторга и «Ура!» Вдохновленная победой, площадь грянула: «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой!»

Полковник Терехов, увы, не слышал столь восторженной оценки своих героических действий. Когда его офицеры на двух микроавтобусах подъехали

к Штабу ОВС и начали разоружать охрану, состоящую из солдат, у которых на 15 человек было пять пистолетов (из них только два — с патронами), они были перехвачены нарядом патрульной милиции, у которых на всех было тоже два пистолета.

Вооруженные десантными автоматами люди Терехова, продемонстрировав «высочайшую» боевую подготовку, свойственную всем замполитам, в завязавшейся перестрелке убили патрульного милиционера капитана Валерия Свириденко и пенсионерку-домохозяйку 63-х лет Веру Малышеву, подскочившую на звуки выстрелов к окну собственной квартиры в доме № 54-а по Ленинградскому проспекту, что находился напротив штаба. После чего разбежались, но вскоре были выловлены, все, разумеется, свалив на Терехова.

Сам же подполковник Терехов, руководя сражением, успел отдать только одну команду: «Ну-ка, взять их!», имея в виду появившихся милиционеров. Однако недостаток полководческого опыта не позволил Терехову использовать преимущество внезапного нападения. Бросив свою армию на произвол ОМОНа, подполковник покинул поле боя.

Хотя по предварительной договоренности вся его группа в случае потери контакта друг с другом должна была снова встретиться в Белом Доме, Терехов, по вполне понятным причинам, в Белый Дом не явился, а вскоре в совершенно подавленном состоянии председатель «Союза офицеров» был обнаружен часовыми... на территории ГРУ.

Территория Главного Разведывательного Управления Министерства обороны — это не парк культуры, на территорию которого может попасть человек,

даже не помнящий себя от расстройства. Да и не во всякий парк культуры можно пробраться в ночное время, а уж тем более — на территорию ГРУ. Посторонний человек, обнаруженный на территории ГРУ — это ЧП огромного масштаба, требующее специального тщательного расследования.

Однако, на все вопросы: как оказался на территории Главного разведывательного управления? — Терехов утверждал, что попал случайно, а как — не помнит. «Был очень расстроен и бежал».

Ему задали вопрос, зачем он организовал нападение на здание штаба, не представляющее никакой стратегической ценности с какой бы точки зрения на это ни смотреть. Вначале Терехов упорно отвечал: «Так приказал генерал Ачалов». Спрашивайте, мол, с него. Позднее Терехов изменил свои показания и признал, что «это было сделано для того, чтобы активизировать действия нового министра обороны генерала Ачалова», который вел себя слишком пассивно.

У Ачалова спросили. Специальный следователь Генеральной прокуратуры имел возможность задать этот вопрос генералу уже утром следующего дня. Следователя не только пропустили в Белый Дом, но и допустили к министру обороны.

Ачалов был разъярен действиями Терехова, употребляя фамилию лихого подполковника только в длинных очередях матерных ругательств. Он наотрез отказался от своей причастности к этому «совершенно идиотскому и бессмысленному поступку», который следователь квалифицировал как «разбойное нападение, повлекшее человеческие жертвы». Генерал был совершенно не согласен с подобной

оценкой и добавил, что «этот мудака» (подполковник Терехов) действовал исключительно по собственной инициативе. Однако оправданий Ачалова уже никто не услышал. «Узнаю Ачалова,— прокомментировал происшедшее генерал армии Грачев.— Это типично его почерк!»

Первая боевая операция, проведенная подполковником Тереховым и его «Союзом офицеров», в результате которой были убиты патрульный милиционер и пожилая домохозяйка (кто-то ведь не поленился выстрелить по силуэту женщины в окне дома на противоположной стороне достаточно широкого Ленинградского проспекта), привели к целому водопаду необратимых событий.

Результаты этих событий, когда пылала телестудия «Останкино», а в центр Москвы снова ворвались гвардейские танковые дивизии и легендарная дивизия имени Дзержинского, которые незадолго до этого были осчастливлены личным визитом президента, хорошо известны, и нет нужды вести хронику, как мы это делали до сих пор.

Горящий Белый Дом, грохот танковой артиллерии, расстреливающей этот дом прямой наводкой, трупы людей на площади, трупы в Белом Доме, возглас Клер Шифман с боевого поста «Си-Эн-Эн» на крыше высотного дома «Боже мой!», когда американцы получили информацию о пятистах убитых в здании, вопли Руцкого, призывающего авиацию бомбить Москву, арест руководителей «парламентского мятежа» и многое другое навсегда останутся в памяти тех, кто видел, как закрывалась очередная и не самая трагическая страница в истории Пятисот-

летней войны. Новым во всем этом деле было то, что впервые русские убивали русских при стечении огромного количества зевак, пришедших на эту трагедию, как на какое-то небывалое театральное шоу.

Под пулями и осколками, восхищаясь и сопереживая, стояли женщины с колясками, пожилые люди, гуляющие с собаками, школьники целыми классами, туристы и много прочего люда, обобщенно именуемого зеваками. Торговали ларьки, работали магазины, падали чуть ли не под аплодисменты и крики восторга убитые и раненые, танковые снаряды рикошетом залетали в окна жилых домов, сыпались стекла в посольстве США, по которому с особым удовольствием палили с обеих сторон, выли сиренами «скорые помощи», не успевая эвакуировать раненых, убитых складывали на газонах. «МЕЧ ПРЕЗИДЕНТА» рубил все вокруг по-русски, от души.

Телекомпания «Си-Эн-Эн» впрямую демонстрировала очередной позор России на весь мир, и нет необходимости этот позор публично пересказывать.

Поговорим о тех «мечах-заточках», кто дал возможность «БОЛЬШОМУ МЕЧУ» обрушиться на русские головы. Поименно вспомним их, как национальных героев.

СЕРГЕЙ БАБУРИН

Первым предложил выбрать собственных силовых министров, и тем самым обеспечил полную преданность президенту со стороны существующих силовых министров, дав возможность Грачеву, Ерину и Галушко, не колеблясь, принять любые меры к Верховному Совету, который в начале событий на-

ходился в более выигрышной позиции, чем президент.

Бабурин выступил с инициативой подрасстрельных законов, поставив руководство Верховного Совета в идиотское положение и сделав его заложником событий, лишив всякой позитивной инициативы.

Бабурин лично составлял списки подлежащих аресту и делал все возможное, чтобы об этом узнали за пределами Белого Дома.

Назначенный начальником Управления госбезопасности по Москве приказом Баранникова, он приехал на Лубянку, чтобы вступить в должность, угрожая сотрудникам своим законом о расстреле, побудив их, тем самым, приложить все усилия в обратном направлении.

«Я пришел не просить о чем-либо,— объявил Бабурин на Лубянке,— а руководить вами». Фраза почти библейская при почти евангельском поступке, благодаря которому агент «Николай» сумел передать своим кураторам нужную информацию.

И получить нужные инструкции.

Ибо Бабурин первым известил всех обитателей Белого Дома, что дивизия имени Дзержинского перешла на сторону Верховного Совета, чего она, как известно, и не думала делать. (В этой связи интересно отметить, что в то же время депутат Лев Пономарев, позвонивший своему другу Евгению Савостьянову, услышал от начальника московского КГБ ту же новость: дивизия имени Дзержинского перешла на сторону Руслана Хасбулатова.) Это событие инициировало буйные беспорядки.

Сергей Бабурин с просветленным лицом сообщил с балкона ликующей толпе: «Войска отказываются

служить Грачеву! И для них лучше будет, если отсилятся в казармах. Мы сами способны арестовать всех негодяев!»

Подбадривая толпу накануне рейда на «Останкино», Бабурин орал с балкона: «С “Останкино” вопрос решен. Эту наркотическую игру средств массовой информации мы должны прекратить в течение суток. Победа будет за нами. К нам переходят воинские части и ОМОНовцы...»

Во всех речах Бабурина сквозит одна и та же тема: армия и ОМОН перешли на сторону Белого Дома, когда ничего подобного не было и в помине.

Позднее Бабурин раздавал защитникам Белого Дома ксерокопию выкладок «астролога» Павла Глобы, где на основании движения небесных светил делался безапелляционный вывод, что Ельцин вскоре умрет насильственной смертью, а Руцкого и Хасбулатова ждет резкий политический взлет. У них было время поразмыслить в Лефортово об астрологии как о точной науке.

Прохаживаясь с важным видом между мальчишками в военной и полувоенной форме, видя их испуганные и тоскливые взгляды, Бабурин успокаивал обреченных: «Осталось уже недолго, скоро этому кошмару придет конец». И был совершенно прав. Танки и десантники президента Ельцина уже окружали Белый Дом.

Сразу же после сдачи Белого Дома распространился слух, что Бабурин был схвачен и расстрелян. Затем слух видоизменился: Бабурин был зверски избит и брошен в тюрьму. Умные люди только посмеивались, и были совершенно правы. Белый Дом еще горел, когда живой и невредимый Бабурин с той

же наглой улыбкой появился на экранах телевизоров, заявив, что слух о его расстреле «был несколько преувеличен». Равно как и об аресте. Покинуть казенную квартиру народного депутата Бабурин наотрез отказался и вскоре объявился в новом парламенте, то бишь в Думе, вместе со своим старым дружкой Владимиром Исаковым.

Он основал партию «Русский национальный союз», от которой собирается выдвинуть свою кандидатуру в президенты на выборах 1996 года. Россию ждет великое будущее.

ВИКТОР АНПИЛОВ

Поставив впереди своих «бомжей» пожилых женщин, Анпилов начал уличные беспорядки в Москве, прорвал цепь разбежавшейся милиции в районе Белого Дома, а затем на брошенных милицейских грузовиках с оставленными ключами зажигания повел «Трудовую Москву» к «Останкино», имея военным советником генерала Макашова. Они ехали по улицам столицы с поднятыми красными знаменами мимо стоявших на обочине бронетранспортеров спецотряда «Витязь» дивизии имени Дзержинского, которым командовал подполковник Сергей Лысюк. С бронетранспортеров махали руками проезжающим анпиловским машинам, что еще раз подтверждало сообщения Бабурина и Уражцева о том, что дивизия восстала против «диктатуры Ельцина».

Сам подполковник Лысюк руками не махал, а слушал радиопереговоры штаба дивизии с подразделениями, ожидая, когда в эфире появится его позывной. Лысюк был «122-м». Наконец, начальственный баритон, принадлежавший кому-то, кто может в

боевой обстановке называть подполковника на «ты», изрек: «122-й! Они мимо тебя проехали?» — «Так точно», — ответил подполковник.

«122-й, — продолжал баритон, — поезжай за ними. Медленно поезжай. Ни в коем случае не обгоняй. Встань там неподалеку. Жди команды. Без команды ничего не предпринимай. Ты меня понял?»

— «Понял», — ответил Лысюк, и бронетранспортеры медленно покатали по залитым солнцем столичным улицам.

Между тем, Анпилов и Макашов подъехали к телестудии «Останкино», где Анпилов начал свой очередной митинг. Нет нужды его цитировать, поскольку, кроме слов «уничтожить», «гнездо сионистов», «захватить», «на виселицу», словарный запас «народно-рабочего вождя» состоял из одних завываний.

Между тем, Макашов инструктировал боевиков, как им действовать дальше. Генерал еще не остыл от штурма мэрии, где он дал историческую команду: «Гоните всех чиновников на... улицу! Обрежьте все линии связи!» А затем подытожил содеянное, заявив подвернувшемуся телекорреспонденту: «Отныне у нас не будет ни мэров, ни сэров, ни пэров, ни хэров».

У генерала было еще приподнятое настроение, когда, подойдя во главе анпиловской толпы ко входу в «Останкино», Макашов взял у Анпилова громкоговоритель и объявил: «Даю 10 минут на капитуляцию. Тем, кто добровольно сдастся, тому гарантирую оставить... — генерал засмеялся и закончил: — ...оставить одно яйцо!»

Генерал довольно захохотал, а от его истинно народной шутки засмеялся и Анпилов, а также все

их воинство, оцетинившееся автоматами и гранато-метами.

Отметим, что в этот момент Анпилов и Макашов находились впереди своего войска, срок предъявленного им ультиматума стремительно истекал, и Макашов выстраивал с помощью Анпилова свое войско в боевой порядок таким образом, чтобы оно попало под перекрестный огонь бронетранспортеров Лысюка, дремавших на другом конце площади.

Генерал распорядился, чтобы один из грузовиков протаранил двери телецентра, а вторые двери были бы разбиты выстрелом из гранатомета.

Приказ был столь же бездарным, как и приказ обрезать телефоны в уже захваченном здании мэрии. Грузовик не пролезал в дверь по габаритам, застрял и создал защитникам прекрасную баррикаду.

Но приказ — есть приказ. Пока готовились его выполнять, выяснилось, что Анпилов и Макашов уже покинули поле боя. И как раз, когда их машина мчалась обратно к Белому Дому, некий герой из «Союза офицеров» подошел с гранатометом к стеклянным дверям телецентра и прежде, чем быть застреленным охраной, выстрелил. В другие двери врзался грузовик. В грохоте, огне и дыму посыпались стекла и затрещали автоматные очереди.

В этот момент заработала радиостанция на БТРе подполковника Лысюка: «122-й! Кто там стрелял? Они? Вот они сами себя и благословили! Начинай, 122-й!»

Кинжальный перекрестный огонь крупнокалиберных пулеметов с БТРов отряда «Витязь» в буквальном смысле слова выкосил всю площадь. Лишь немногим удалось спрятаться в ближайшей парковой

лесополосе. Несколько очередей БТРы дали и по окнам телецентра, чтобы пустые глазницы окон стали молчаливыми свидетелями ожесточенного боя...

Анпилов же в это время уже снова выступал с балкона Белого Дома, призывая толпу сражаться с «диктатурой» до последней капли крови.

Разумеется, не своей, а их.

Когда первые отряды спецназа ворвались в Белый Дом, их взорам предстала страшная картина. Весь первый этаж и лестничные марши одного из боковых крыльев здания были забиты трупами, лежащими вповалку.

Это были «бомжи» Виктора Анпилова, расстрелянные в упор из автоматов. Они набились здесь, спасаясь от огня танков и БТРов снаружи. Танковые снаряды сюда не залетали. Подозревать в этом ворвавшихся в здание десантников из состава 106-й воздушно-десантной дивизии или 218-го батальона — нельзя. У них просто не было времени на проведение подобной акции, поскольку все их действия подчинялись логике боя.

Тот, кто заманил сюда этих несчастных, тот, безусловно, и уничтожил их. Наверняка видя, что дело напрочь проиграно, была запланирована новая гнусная провокация: подвесить на Ельцина гору трупов, чтобы — с одной стороны, присвоить себе причитающиеся этим людям деньги — с другой, избежать ненужных разборок, неизбежных после поражения, а вместе с тем и уменьшить количество деклассированных элементов на улицах столицы.

Трое суток, полностью изолировав Белый Дом от внешнего мира, власти эвакуировали оттуда трупы несчастных бродяг, «клюнувших» на громовые ло-

зунги Анпилова, и хоронили их на отдаленных кладбищах. У бомжей не было родных и их никто не искал.

Разумеется, Анпилова среди них не было. Не получив даже царапины, он скрылся после сдачи Белого Дома (еще до первого выстрела) и пытался укрыться на одной из явок КГБ в Тульской области. Выданный одним из своих сообщников местной милиции, не посвященной в подробности высокой миссии Анпилова, он был арестован и для собственной безопасности помещен в Лефортово.

26 февраля 1994 года без суда и следствия ему была дарована амнистия, и Анпилов вышел на свободу с полной готовностью снова подставить под стволы автоматов любую толпу, у которой хватит ума за ним последовать.

А если вспомнить, что еще 21 сентября именно Анпилов истерично требовал немедленно «раздать народу оружие», то страшная и кровавая роль этого человека станет понятной даже тем, кто ничего понимать не желает. Так пусть хоть побережет собственную голову.

ВИТАЛИЙ УРАЖЦЕВ

Получив разрешение на митинг 2 октября, Уражцев, вместо его проведения, направил толпу на млицейское оцепление, которое быстро рассеялось. После этого возглавляемая им толпа направилась к Белому Дому, прорвав жидкое оцепление и, таким образом, «деблокировала» здание, создав предпосылки для захвата мэрии и похода на «Останкино».

На состоявшемся по этому поводу митинге помощник Уражцева Братищев кричал народу, указы-

вая на отставного полковника: «Вы видите перед собой национального героя. Он первым повернул массы с Садового кольца и направил не на митинг, а прямо на штурм оцепления Белого Дома!»

К новому национальному герою бросились корреспонденты. Уражцев уже видел себя крупным политическим деятелем, говорил снисходительно, как и подобает настоящему победителю. Скромно признав: «Да, это я повел массы на прорыв блокады»,— он подчеркнул, что массам всегда нужен вождь, явно имея в виду самого себя.

«Сейчас важно сохранить законность»,— продолжал Уражцев, когда уже посыпались стекла из мэрии под грохот автоматных очередей. «Обойдемся без самосуда»,— обещал он, глядя, как его люди в буквальном смысле слова линчуют захваченных милиционеров и избивают работников мэрии. «Важно сохранить законность,— продолжал Уражцев, повторяя свою мысль.— Никакой расправы с побежденными. Поступим «по-благородному» с Ельциным и его генералами, когда их арестуем. Мы не должны допустить, чтобы плодами нашей победы снова воспользовались шахраи и гайдары. Мы должны лучше, чем в августе 1991 года, распорядиться тем человеческим материалом, которым мы обладаем. Враг хитер и еще опасен!»

После завершения инспирированных им кровавых событий Уражцев — живой и невредимый — скрылся. Был назначен розыск. Уражцев через газеты объявил, что ушел в подполье «для организации всенародного революционного восстания». Подполье, где скрывался Уражцев, находилось в его собственной квартире, откуда в белой рубашке с галстуком «под-

польщик» давал многочисленные телеинтервью, идущие в эфир по государственным телеканалам. Ему было не стыдно устраивать подобную клоунаду на всю страну.

21 января 1994 года Уражцев неожиданно вышел из «подполья» и появился на заседании Государственной Думы, объявив, что «ордер на его арест аннулирован», и он собирается и в дальнейшем заниматься «революционной деятельностью».

ИЛЬЯ КОНСТАНТИНОВ

«В самое сердце России проник враг,— вопил Константинов с балкона Белого Дома, когда Анпилов и Уражцев прорвали «блокаду».— Твердым шагом сметем все на своем пути. Наше дело правое — мы победим!» И отдал команду на захват мэрии.

Один из помощников Александра Баркашова вспоминает: «До штурма мэрии был образцовый порядок, а затем начался хаос. Мы, бойцы “Русского Национального Единства”, уже не принадлежали сами себе. Константинов и Макашов стали нами командовать. Генерал и “перекрасившийся еврейчик» хорошо знали, что делали — они отняли у Руцкого и Хасбулатова последний шанс победить».

Когда натравленная Константиновым толпа, ведя хаотичный огонь из автоматов, бросилась на штурм здания мэрии, из кабинета выскочил бледный, как смерть, генерал Баранников. Взглянув с балкона на происходящее, министр безопасности прохрипел: «Это катастрофа!»

Напрасно генерал Ачалов надрывался, крича через громкоговоритель: «Министр обороны приказал никому ни при каких обстоятельствах не стрелять!»

Всем оставаться на местах! Это провокация! Занять оборону согласно боевых расчетов!»

К генералу подошел улыбающийся Бабурин и с покровительственной надменностью сказал: «Теперь дело за вами, народ пришел к вам на помощь».

А бывший христианский демократ Константинов уже водружал на здании мэрии красный флаг с серпом и молотом, чтобы ни у кого не было сомнений, от чьего имени делается революция.

Сам Константинов, не получив ни царапины, скрылся. Поговаривали, что он укрылся в посольстве Ирака, и даже,— что сбежал в Сербию через Тирасполь. В действительности, Константинов никуда из Москвы не уезжал и, подобно Уражцеву, сидел дома. Был опознан прохожими, когда выгуливал собаку на Садовом кольце, и от греха подальше отправлен в Лефортово.

Сидя в тюрьме, писал стихи и публиковал их в прохановской газете «Завтра», которая тоже выдавала себя за подпольную.

25 февраля 1994 года Константинову была пожалована амнистия, и в своих первых выступлениях он объявил, что был и останется сопредседателем «Фронта Национального Спасения». Другими словами, Константинов снова готов выполнить «любой приказ Родины».

АЛЕКСАНДР БАРКАШОВ

Группа Баркашова, на которую позднее обе стороны пытались списать все, что угодно и представить ее виновной во всем, что произошло, на самом деле играла важную, но декоративно-наглядную роль. Люди Баркашова постоянно маршировали перед ка-

мерами, строились, перестраивались с неизменным поднятием рук в нацистском приветствии. Их постоянно демонстрировали по телевидению, причем таким образом, чтобы в объектив попадали не лица, а свастики как на рукавах, так и на огромном знамени.

Цель была достигнута. Возможно, что евреи были сильно напуганы подобной демонстрацией, но и русские еще не забыли, как свастика искрошила своими паучьими лапками-гильотинами 30 миллионов их соотечественников. Баркашовские парады не только оттолкнули от Белого Дома многих людей, которые в другом случае встали бы на его защиту, но, что самое главное, оттолкнули многих генералов, уже готовых отдать команду вверенным им войскам спешить на помощь мятежному парламенту. Для глаз бывших советских генералов вид свастики столь же невыносим, как для черта — вид креста. Советский генерал не поведет своих людей сражаться ни за какое дело, пусть самое благородное, если над этим делом развевается знамя со свастикой. Это понимали все, и я нисколько не удивлюсь, если это понимал и Баркашов. И тут дело совсем не в убеждениях, а в магической силе символики.

Видимо, каким-то шестым чувством авантюриста Баркашов понимал, что его втягивают в дело, чтобы подставить, используя именно символику его группировки и связанные с ней ассоциации населения. В вихревом водовороте раскрученных провокаторами кровавых событий трудно проследить за действиями отдельных людей, но за действиями группировок с некоторой погрешностью можно проследить достаточно точно.

Кроме задачи «по демонстрации флага», если выразаться военно-морским языком, все остальные действия отряда Баркашова выглядят несколько странно. Странными, если смотреть на их действия с точки зрения того, что от них ожидалось. Наличие в группировке достаточного количества офицеров КГБ и МВД, скромно именующих себя «бывшими», видимо, было основной причиной того, что баркашовцы оказались практически единственным подразделением у Белого Дома и в нем, не поддавшимся стихийному хаосу, а вопреки ему продолжающему четко выполнять поставленную перед ними задачу.

Баркашовцы предотвратили разграбление здания мэрии и гостиницы «Мир». Хотя они и задавали, если верить показаниям перепуганных женщин из аппарата гостиницы, коронный фашистский вопрос: «Нет ли здесь евреев?» И даже избили какого-то армянина, приняв его за еврея. Тем не менее, они же не подпустили разъяренную пьяную толпу к помещениям банковского синдиката «Мост», половина капиталов которого принадлежит, прямо или косвенно, еврейским банкирам. Они блокировали все этажи огромного здания, где располагались различные коммерческие конторы, добрая часть которых напрямую связана с Израилем.

В самом Белом Доме баркашовцы несли охрану спецпомещений, которыми были забиты комнаты нескольких этажей, выходящих во двор огромного здания. Когда во время боя туда проникла группа санитаров с носилками, то их оттуда выпроводили со словами: «Здесь раненых нет и не будет!»

Баркашовцы находились в здании до последнего

момента и ушли подземными переходами, карты которых, как выяснилось позднее, не было ни у работников Министерства безопасности, ни у работников Министерства внутренних дел, ни, тем более, у Министерства обороны, у которых, к великому удивлению всего мира, не было даже карты Москвы.

Таким образом, будучи совместным детищем КГБ и МВД, отряд Баркашова фактически и выполнил функции охранного подразделения, стремящегося свести к минимуму материальный ущерб, а также охранять и при необходимости уничтожить огромные залежи секретной документации, которыми были забиты несколько этажей Белого Дома.

Предполагались ли какие-либо еще задачи для баркашовцев? Видимо, да. Например, в кабинете Сергея Бабурина были найдены целые залежи нарукавных повязок со свастикой. На кого намеривались их надеть — неизвестно, но ясно то, что их надели бы на людей, не входящих в группу Баркашова, а их действия списали бы на него.

После завершения штурма Белого Дома Баркашов, естественно, исчез. Сначала пополз слух, что он убит, затем — что тяжело ранен. Затем был пущен слух, что Баркашов со своими «соратниками» расстрелян на стадионе «Асмарал». Параллельно ходил слух, что он сбежал в Сербию, укрылся в иракском посольстве, что его видели выходящим из посольства Ливии. Циники уверяли, что он укрылся в посольстве Израиля и вскоре улетит обратно в свой родной кибуц, откуда его и заслали в Россию.

Между тем, по Москве стали ходить видеокассеты с заявлением Баркашова о том, что он жив и здоров, временно находится в подполье и готов к

новым боям. Прохановская «подпольная» газета печатала широкополосные интервью с Баркашовым, где он несколько наивно пытался объяснить, что он, собственно говоря, вообще делал у Белого Дома в компании Руцкого и Хасбулатова.

А тем временем пресса, как и ожидалось, вешала на Баркашова, как говорится, всех собак, делая его чуть ли не единственным виновником кровопролития в Москве.

Он и «Останкино» штурмовал, он и мэрию захватил, он и Белый Дом поджег. Некоторые средства массовой информации даже серьезно утверждали, что весь политический кризис возник из-за Баркашова, который хотел им воспользоваться, чтобы захватить власть в стране. Смею утверждать, что если бы даже все это обреченное на провал мероприятие, названное «октябрьским путчем», каким-то образом увенчалось успехом, то Баркашова ликвидировали бы в течение недели за полной ненадобностью. Из всех мелких лидеров, принявших участие в событиях, именно Баркашов был наименее самостоятельным и, надо отдать ему должное, наиболее дисциплинированным.

В действительности, как и все вышеперечисленные «герои» бурных октябрьских событий, Баркашов никуда из Москвы не уезжал. Пока его искали в Ираке, Ливии, Израиле и Германии, он эвакуировал занимаемые его штабом помещения в здании Свердловского райсовета столицы.

Представители правоохранительных органов появились там лишь 16 октября и, даже не производя обыска, опечатали пустое помещение. Исчезло все, включая и двухметровый штандарт со свастикой, на

фоне которого так любил фотографироваться Баркашов. Исчез и председатель райсовета Семенов, оставив записку: «Не ищите. Сам позвоню».

Комментируя это событие, хорошо информированная газета «Известия» (№ 198/93) отмечала:

«Компетентным органам еще предстоит разобраться, как откровенно профашистская организация могла долгое время действовать в центре столицы. Причем вполне легально: летом РНЕ было зарегистрировано в Московском управлении Минюст РФ... Похоже, в силовых структурах существовало мощное профашистское лобби. В списках боевиков из подразделения РНЕ, «защищавших» Белый Дом, несколько десятков офицеров (некоторые, правда, бывшие) из МВД, органов безопасности и даже армейской разведки.

Может быть, именно этим объясняется странная пассивность правоохранительных органов, не удосужившихся за две недели посетить фашистский штаб. А также тем, что Баркашову позволили беспрепятственно вывезти свои документы, могущие пролить свет на пикантные взаимоотношения с властями. По информации из достоверного источника, московский штаб РНЕ переехал в район станции «Петровско-Разумовское». А большинство боевиков передислоцировалось в Красноярск».

Последнее утверждение авторитетной газеты было явной ошибкой. Никто никуда не «передислоцировался». Все как были, так и остались в Москве, переодевшись только в «цивильное платье».

У самого Баркашова оказался новый задушевный друг по фамилии Коган — один из несостоявшихся лидеров русского народа еще в Верховном Совете

СССР, а ныне открывший на Профсоюзной улице какое-то липовое агентство социальных исследований, в помещении которого Сергей Бабурин начал свою новую предвыборную кампанию. Посещал заведение и Баркашов. Видимо, вопреки советам своего мудрого деда, ему не удалось избежать непосредственных контактов с евреем.

Конец у этой истории оказался совершенно неожиданным.

В канун Рождества, 22 декабря 1993 года, Баркашов шел пешком по тихой дороге одного из московских пригородов. Было 4 часа ночи. Баркашов шел один, без телохранителей. В этот момент в него выстрелили из проезжавшей мимо автомашины. Баркашов упал в снег с раздробленным бедром. Через 10 минут другая машина (хотя по этой дороге и за год не проезжает более пяти машин) подобрала Баркашова и отвезла его в таинственную номенклатурную клинику, куда простых людей не пускают даже в приемный покой. Там он был якобы опознан и отправлен в больницу МВД.

Кинувшимся туда журналистам заявили, что никакого Баркашова у них нет. Не оказалось его и в находящейся неподалеку больнице КГБ. Пока журналисты искали Баркашова, Министерство внутренних дел официально подтвердило факт задержания Баркашова и его огнестрельного ранения. Эти факты подтвердила и Лариса Дементьева — адвокат Баркашова, которая добавила, что жизнь ее клиента находится в опасности, и что ему предъявлено обвинение в незаконном ношении оружия и организации беспорядков.

Это породило новую волну слухов и вопросов. Что делал и куда направлялся Баркашов в 4 часа ночи на этой глухой дороге? Почему он был не на машине и без охраны? Кто находился в первой машине, из которой в него стреляли, и во второй, которая отвезла Баркашова в больницу?

Первым был запущен слух, что Баркашов решил распустить свою гвардию и в качестве первого шага похитил из партийной кассы 2 миллиона долларов. Затем, что Баркашов и его люди причастны к убийству Поляничко. Нет смысла перечислять все слухи, но совсем не исключено, что именно Баркашов оказался в нашем списке единственным человеком, чьими предрассудками и административными способностями просто воспользовались.

Во всяком случае, он оказался единственным пострадавшим из всех перечисленных.

ГЕННАДИЙ ЗЮГАНОВ

Действуя в лучших традициях своей партии, товарищ Зюганов занимался подстрекательством как громогласным, с балкона Белого Дома, так и келейным — в зале заседаний и около него.

Как только запахло жареным, Зюганов из Белого Дома смылся по-английски, не прощаясь. После событий его компартия была в очередной раз запрещена. По этому поводу товарищ Зюганов поднял визг, обвиняя власти в попрании демократии и свободы, в уничтожении легальной оппозиции и прочих смертных грехах.

Наивная демократическая пресса с возмущением отмечала: «Преступники именуют себя оппозицией и желают на равных участвовать в выборах... Еще

не подведена черта под скорбным списком жертв коммуно-фашистского мятежа, еще не все его организаторы арестованы, еще витает над Россией призрак гражданской войны, а лидеры партий, сеющих ненависть, злобу, насилие, уже рвутся на выборы. Возмущены «попранием своих прав». Желают вновь предъявить обществу свои программы, кровавое воплощение которых мы наблюдали в ночь с 3 на 4 октября».

Товарищ Зюганов деликатно не назывался по имени, но приведенный выше комментарий был напечатан в ответ на зюгановскую статью «Коммунисты имеют право на место в парламенте».

Демократическая пресса, полыхающая священным гневом, явно не понимала происходящих в стране процессов, пытаясь подобными выражениями остановить товарища Зюганова. В то время как его возмущение было совершенно искренним. Он, правда, не маршировал, как Баркашов, не нападал на штаб СНГ, как подполковник Терехов, не таранил массы милицейские цепи, как Уражцев и Анпилов, не штурмовал мэрию, как Константинов, не претендовал на должность министра безопасности, как Бабурин, но его заслуги, возможно, не так эффективно выглядящие, тем не менее, огромны и требуют признания.

Именно об этом и напомнил Зюганов министру юстиции Калмыкову. Растроганный министр лично отменил указ президента о запрещении Компартии, и товарищ Зюганов, ко всеобщему изумлению, вновь обрел легальный статус, еще раз подтвердив свою непотопляемость.

В итоге, Зюганов и его приятель Иван Рыбкин,

бывший лидером фракции «Коммунисты России» в Верховном Совете и приложивший немало сил, чтобы дать президенту повод этот Верховный Совет разогнать, оказались выбранными в Думу. Причем Рыбкин стал ее председателем, а товарищ Зюганов — лидером фракции коммунистов.

Снова попав в родную номенклатурную обойму, товарищ Зюганов немедленно начал проводить в жизнь священные идеи коммунизма, поставив на обсуждение Думы, по его мнению, наиважнейший вопрос: о предоставлении депутатам привилегий, связанных с их высоким положением. А именно: министерские оклады, автомобиль с шофером для круглосуточного использования, телефоны-вертушки, ежегодное пособие в 3000 долларов, дипломатические паспорта, бесплатный проезд и пролет в любую часть мира, спецполиклиники, спецдачи и многое другое, без чего не мыслит своего существования настоящий коммунист.

Фракция Зюганова оказалась ЕДИНСТВЕННОЙ в Думе, проголосовавшей за эти привилегии ЕДИНОГЛАСНО. Все 45 депутатов-коммунистов проголосовали «за». Даже у либералов-жириновцев трое были против, равно как и у «аграриев» — трое. А коммунисты все были «за», еще раз подтвердив, что являются законным авангардом рабочего класса.

Это как раз именно те «бессмертные идеи», за которые товарищ Зюганов готов сражаться всю жизнь до последней капли НАШЕЙ крови.

«Мечи-заточки» хорошо поработали. Тем более, что они были как бы маленькими и не очень заметными людишками. Расходным материалом большой политики.

А те, кто возомнил себя крупными государственными деятелями, что, прежде всего, предполагает умение правильно представлять и анализировать обстановку, оказались полными ничтожествами, позволившими обыграть себя в наперсток. «Мечи-заточки» не только провоцировали хаос, но и дезинформировали свое любимое руководство.

Мы уже говорили о роли Бабурина, который на последней стадии событий стал председателем комитета по курированию силовых министров, снабжая их информацией, говорящей о неперемнной победе и побуждающей на дальнейшие действия 2 октября, когда уже все капканы и ловушки были расставлены, готовые захлопнуться от одного неосторожного движения (что и произошло). Интересно взглянуть, как себе представляли обстановку люди, имевшие смелость претендовать на руководство государством.

Вечером 2 октября, «президент» Руцкой давал очередное интервью корреспондентам. На вопрос: как будут развиваться события в связи с ультиматумом, который предъявлен президентом? — Руцкой в своей воинственной манере ответил:

— Если человек вне закона, какой он может ставить ультиматум?

— И все-таки за властью — сила, — предположил корреспондент «Московских новостей».

— Пусть только попробуют сюда сунуться, — зарычал в ответ Руцкой. — Они все здесь лягут. Мы будем отстаивать Конституцию до последнего патрона...

— Можно ли надеяться, — поинтересовался журналист, — что вы и Ельцин найдете общий язык?

— Это исключено, — резко заявил Руцкой. — Этот человек потерял совесть, честь и достоинство. Я никогда не соглашусь, чтобы мной руководили такие вот ублюдки... Если сюда кто-то сунется, я нарублю столько, что им и не снилось.

Весь мир слышал зажигательные призывы Руцкого всем, «кто может носить оружие, идти на “Останкино” и быть готовыми к захвату Кремля».

Затем Руцкой впал в истерику, забыв о «последнем патроне», визжал, требуя международных гарантий своей личной безопасности, ругался матом и сдался в плен.

Он шел, спокойно переступая через трупы молодых людей, почти мальчишек, погибших из-за того, что не разглядели под пышными, «а ля Чапаев», усами, за дешевой бравадой об «офицерской чести» и «последнем патроне» — трусливое и глупое ничтожество, профессионального предателя, предавшего и их молодые жизни, злобного маньяка, пытавшегося вызвать авиацию для ковровой бомбежки Москвы.

Отправленный на пять месяцев в Лефортово, Руцкой был выпущен на свободу по амнистии. И что вы думали? Он появился (единственный) на воле в полной генеральской форме (даже Ачалов, Макашов и Дунаев были в штатском) со звездой Героя Советского Союза и тут же заявил, что желает выставить свою кандидатуру в президенты на выборах 1996 года.

Нетрудно предугадать, что будет, если Руцкой станет президентом.

Обыгранный гораздо более опытными «наперсточниками», он заведет страну в очередной смертельный тупик, призовет всех сражаться до послед-

него патрона, немножко побомбит наши города за недостаток преданности, затем потребует международных гарантий своей личной безопасности и сдастся в плен. Голосуйте, люди русские!

Даже мудрый Хасбулатов 2 октября громогласно вещал с балкона Белого Дома: «С фашистом и диктатором Ельциным пора кончать. Сейчас под руководством исполняющего обязанности президента (Руцкого) готовится штурм Кремля. Кремль сегодня должен быть взят!»

Пройдут сутки, и Хасбулатов будет арестован и вместе с остальными отправлен в Лефортово. Через пять месяцев его выпустят на свободу без суда и следствия.

Министр внутренних дел Белого Дома генерал Дунаев, комментируя слова министра внутренних дел Ерина о том, что весь личный состав МВД поддерживает Ельцина, сказал: «Я не знаю, откуда Ерин взял сведения о всеобщей поддержке сотрудниками МВД Ельцина. Я созвонился со всеми начальниками главков МВД, и каждый из них заявил: «Андрей Федорович, я за вас... но вы меня пока не называйте».

Дунаев даже не знал, что накануне все начальники главков МВД были произведены в следующий чин, а министр Ерин стал генералом армии. Ему еще предстоит стать Героем России, а Дунаеву — отправиться в Лефортово (впрочем, ненадолго).

Министр госбезопасности Баранников, как и подобает человеку его должности, заявил:

— Мы очень внимательно следим за тем, кто как реагирует на антиконституционный указ Ельцина, и

смею вас заверить, что люди, его выполняющие, будут привлечены к ответственности» (по подрастельному закону Сергея Бабурина).

— Все?! — ужаснулся корреспондент.

Баранников пояснил, что он, главным образом, имеет в виду журналистов, «которые без конца врут, подавая информацию в одностороннем порядке».

Будучи спрошенным, зачем он встречался со Степашиным и Черномырдиным, где клялся в верности Ельцину, Баранников резко ответил:

— Это была очередная ложь. Никому ни в чем я не клялся... Это мерзкая подтасовка.

Баранникова первым выпустили из Лефортово, когда у него поднялось артериальное давление. А затем амнистировали вместе с остальными.

Отпустили и подполковника Терехова, который решил больше политикой не заниматься, а продолжить научные исследования в области государственного права. Слава Богу, что он пока не собирается баллотироваться в президенты.

В Белом Доме был задержан и тут же отпущен, вместе с именованным пистолетом, полковник Колосков, прибывший 28 сентября на защиту Белого Дома вместе с батальоном «Днепр». Сам батальон как прилетел в Москву, так спокойно и улетел, как будто прибыл на туристическую экскурсию. Правда, потерял пару человек в перестрелке.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

«Ворон ворону глаз не выклюет!» — это старое правило, применяемое почти без исключения в постсталинских аппаратных разборках, восторжествовало и на этот раз. Во время принятия новой Конституции и «общенационального примирения» всем участникам октябрьских событий была дарована амнистия. Заодно она пожалована и всем участникам августовского путча.

Спрашивается, а кто ответит за сотни убитых, раненых и искалеченных, за огромный материальный ущерб? За моральный ущерб, когда наша страна уже в который раз была выставлена на потеху всему свету? На такую потеху, что даже президент США Клинтон не прервал своей поездки в отпуск в Сакраменто и только посмеивался, читая сводки из Москвы. (В отличие от президента Буша, который в августе 1991 года не спал ночей, ожидая информации из Москвы.)

Кто ответит? Да никто.

Кто ответил за миллионы и миллионы убитых, по трупам которых шагали учителя товарища Зюганова? Никто не ответил. А о таких мелочах, как какие-то полторы тысячи убитых и искалеченных, и говорить-то стыдно. Ибо у наших руководителей простая психология: мы все рождаемся на свет только для того, чтобы, когда прикажут, умереть за тех, кто отдал приказ.

После амнистии в стране, которая уже прожужжала уши всему миру, что стала правовым государством, сложилась уникальная юридическая ситуация: целая гора трупов есть, а виноватых нет.

Мне жаль мальчишек, которые так любят носить портупеи и «камуфляж», чью юношескую доблесть и обостренное чувство справедливости так любят эксплуатировать маститые злобные и амбициозные авантюристы и хитрые провокаторы, бросая их на смерть и скрываясь затем за их окровавленными трупами, успевая при этом еще что-то откусить от пропитанного чужой кровью политического пирога. Мне, повторяю, одинаково жаль этих мальчишек, которые пытались взять «Останкино» и защищали Белый Дом, как и тех, кто от них так же доблестно отбивался и погиб, штурмуя Белый Дом.

Об их трупы с одинаковой непринужденностью вытерли ноги как те, кто использовал их доблесть и молодые жизни, чтобы вскарабкаться на новую ступеньку власти, так и те, кто боялся соскользнуть с уже занятой ступеньки.

Мне жаль нашу страну, где даже кандидатами в президенты могут быть такие люди, как Руцкой, Бабурин или Зюганов, не говоря уже о Жириновском с его «Последним броском на юг» и «Последним поездом в тундру». А это значит, что нас ждут новые аппаратные разборки за перераспределение собственности покойной КПСС.

Конечно, можно было закончить эту книгу какой-нибудь эффектной фразой типа «Белый Дом горел всю ночь. Красно-коричневое зарево вставало над Москвой и всей Россией». Но это чушь.

Октябрьские события в Москве открыли дорогу новой эпохе, небывалой даже в искалеченной истории нашей Родины. Это эпоха ПОЛИТИЧЕСКОЙ КЛОУНАДЫ. Клоуны превратились в политиков, а политики — в клоунов.

Но КЛОУНАДА — это особый жанр, который, как хорошо известно, кроме чисто развлекательной, несет в себе и другие функции. Когда на политической авансцене визжат, воют, ругаются и дерутся клоуны, отвлекая на себя внимание общества, в глубине затемненной сцены происходит либо смена декораций, либо смена актеров.

Либо и то, и другое.

Будьте внимательны! Не дайте следующему отделению со смертельными трюками застать вас врасплох.

ЛОМ ПРЕЗИДЕНТА

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Меня часто упрекают в том, что в своих книгах я ни на кого не ссылаюсь. Видимо, критикующие не понимают, что я пишу для массового читателя, а не докторские диссертации.

Эту книгу я хочу начать прямо со ссылки... на самого себя. Заканчивая хронику «Меч Президента», я предостерегал о начале новой (хорошо забытой старой) страницы в истории Глобальной войны в России — эпохи политической клоунады. «Когда на политической авансцене, — предупреждал я своих читателей, — визжат, воют, ругаются и дерутся клоуны, отвлекая на себя внимание зрителей, в глубине затемненной сцены происходит перемена декораций, смена актеров и подготовка к следующему акту. Будьте внимательны! Не дайте следующему действию со смертельными трюками застать вас врасплох».

Я написал эти слова в декабре 1993 года, когда в воздухе еще стояло гулкое эхо танковых залпов по помпезному зданию Белого Дома в центре Москвы. Эхо было настолько гулким, что возникало опасение — оно в любой момент может перерасти в бесконечную оглушительную канонаду из тысяч артиллерийских и танковых стволов, усиленную ревом установок залпового огня и свистом авиабомб.

Так и произошло. Антракт между двумя действиями со смертельными трюками оказался очень коротким.

Как и положено по жанру, второе действие стало намного круче первого, и, что больше всего ценится зрителями, оказалось с весьма неожиданным концом. Захватывает дух: каково же будет третье действие, просто обязанное быть завлекательнее второго?

Глава 1

ПРОЛОГ

ИЛИ

БИКФОРДОВ ШНУР

Над свободной Россией хмуро поднималось тяжелое утро 25 ноября 1995 года. Приветствуя новый день, утренние газеты писали о том, что «наша демократия напоминает светофор, у которого горят все три огня». На Московской валютной бирже курс американского доллара подскочил на 18 пунктов по сравнению со вчерашним днем и стал равен 3216 рублям.

В одном из храмов столицы отмечался 40-ой день с момента убийства журналиста Дмитрия Холодова, разорванного на куски взрывом мины, подложенной ему в портфель. Сам президент Ельцин взял расследование этого убийства под личный контроль. Впрочем, как уверяли столичные циники, «личный контроль президента» дает гарантию, что убийц не найдут никогда. Тем более, что покойный Холодов в качестве корреспондента скандальной газеты «Московский комсомолец» шнырял по Чечне и сопредельным территориям, стараясь выяснить, откуда в свободную Ичкерию идут эшелоны с оружием и боеприпасами с таким напряженным графиком движения, как накануне битвы на Курской дуге.

«Нам наплевать на этого журналиста, порожденного жалкой газетенкой!» — объявил кандидат в будущие президенты Свободной России депутат Государственной Думы Владимир Вольфович Жириновский, как всегда, в несколько огрубленном виде доводя до сведения народа мнение президентского окружения. Жириновский выступал в Краснодаре перед своими сторонниками. Но и те были некоторым образом шокированы. Соборные и богобоязненные люди не любят таких резких высказываний о мертвых, даже если они им при жизни и не симпатизировали. Потому на этом месте речь вождя не была прервана оглушительными аплодисментами...

В итоге сорокадневного следствия по делу об убийстве Холодова Федеральная Служба Контрразведки, еще раз подтвердив свою высокую репутацию, пришла к сенсационному выводу о том, что «убийство Холодова связано с его профессиональной деятельностью», о чем поведал населению руководитель Центра общественных связей ФСК генерал Александр Михайлов. Лицо генерала светилось важностью и значимостью сделанного сообщения, как будто он и его коллеги открыли новый физический закон.

То, что в ФСК через сорок дней еще помнили об убийстве Холодова, вызывало некоторое удивление, поскольку у Федеральной Службы Контрразведки была пропасть своих дел, по сравнению с которыми убийство какого-то малоизвестного журналиста выглядело просто смешным.

Во-первых, именным указом президента этой службе возвращались следственные функции, восстанавливались следственные управления и отделы, что,

в свою очередь, вело к возобновлению огромного числа уголовных дел, оставшихся от якобы распущенного КГБ. В родное лоно возвращался и старый «чекистский» изолятор в Лефортово. Понимая, что подобные подарки надо как-то отрабатывать, ФСК начала раскручивать новую волну шпиономании, обвинив, для начала, в шпионаже «Фонд Сороса», на деньги которого жили, как в сиротском интернате, русская наука, литература и искусство. Видимо, было принято решение «чтобы они сдохли», а потому «Фонд Сороса» стали чекистской палкой отгонять от «сирот», брошенных Россией-мамой.

Точно таким же методом умирающих от голода в Поволжье в свое время чекисты отгоняли от «Организации Американской Помощи»... Кормить своего противника на деньги мирового империализма? Лежащий, готовый сдохнуть враг не помешает ограбить еще державшегося на ногах!

Но были дела и поважнее. Сотрудники ФСК с кейсами, набитыми пачками 50-тысячных купюр, ездили по подмосковным гарнизонам, включая элитные Кантемировскую и Таманскую дивизии, ведя там частные разговоры с некоторыми офицерами, предварительно отобранными по рекомендации Особых отделов. Пачки банкнот исчезали в офицерских карманах, а сами офицеры таинственным образом исчезали из своих воинских частей...

А жизнь шла своим чередом.

На экранах телевизоров вновь возникла реклама «МММ».

Неожиданно было объявлено о кончине президента банка «Чара» Владимира Ильича Рачука, «нагрев-

шего» своих интеллигентных клиентов на миллиарды рублей.

В Москве продолжался суд над генералом Сильвестровым, куда-то сплавившим примерно 40 тысяч тонн боеприпасов, принадлежавших некогда Западной Группе Войск — ныне уже не существующей.

Московская милиция арестовала некоего умельца, делающего бомбы, замаскированные под банки с пивом, а священник отец Баранов освятил помещение газеты «Московский комсомолец», где произошёл взрыв, убивший Дмитрия Холодова. Близкая к ФСК газета «Пульс Тушино» сравнила это действие с «освящением публичного дома».

Демократия сверкала многогранностью, как дорогой алмаз.

Откуда-то с государственных окраин глухо доносились стрельба, к которой все давно привыкли, не обращая на нее ровным счетом никакого внимания...

Почти никто не обратил внимания на то, что вновь пришли в движение «президентские заточки», предвещая пролитие крови.

Одна из этих «заточек» — Руслан Хасбулатов — засунутая на какое-то время в сапог Лефортовской тюрьмы и вынутая оттуда по «думской амнистии», снова объявилась, сверкая своими неровными гранями в буграх и заусеницах. Объявилась в Чечне, бросив в Москве свою шикарную квартиру, о которой некогда захлеб писали все столичные газеты. Бросив, конечно, не навсегда, поскольку трудно было поверить, что Хасбулатов готов был обменять эту квартиру на скромный коттеджик в чеченском селении Толстой-Юрт, где он обосновался.

Руслан Имранович никогда не страдал от ложной скромности. «Пора понять, — объяснял корреспондентам свергнутый «спикер», — что в Чечне я общепризнанный лидер». И в голосе его звучали зловещие нотки времен октябрьского путча 1993 года.

Одет был Хасбулатов в офицерскую тужурку старого образца, но без погон и выглядел очень воинственно, хотя сам считал себя «миротворцем». «Зачточка» может выполнять миротворческие функции только будучи приставленной к чьему-то горлу. Хасбулатов, со свойственным ему полным непониманием реальной обстановки, столь ярко продемонстрированным во времена октябрьских событий, почему-то считал, что он уже вцепился в горло президента Чечни генерала Дудаева. Сам же генерал, обосновавшись в помпезном здании бывшего рескома КПСС, переименованном в президентский дворец, наблюдал за Хасбулатовым с некоторой смесью презрения и непонимания, с какой обычно генералы наблюдают за слишком крикливыми и активными «шпаками».

Некоторое непонимание, которое вызывала у генерала Дудаева деятельность своего старого друга Руслана Хасбулатова, говорило о том, что президент Чечни, как и всякий генерал, а особенно, генерал-нацмен, плохо знал историю той страны, которая вручила ему в свое время офицерские погоны. А страна, вручившая ему погоны генерала и сделавшая его президентом с напутствием «съесть столько суверенитета, сколько он в состоянии проглотить», еще, в сущности, собственной истории не имела и пользовалась богатым опытом почивших в бозе Советского Союза и Российской Империи.

Можно, конечно, стереотипно сказать, что с момента объявления Чечни независимым и суверенным государством летом 1991 года Дудаев костью в горле сидел у всех руководящих лиц в Кремле. Но сказать так — значит сильно погрешить против истины. «Костью в горле» Дудаев ни для кого в Москве не был. Если его и можно с чем-либо сравнить, то, скорее, с наркотической таблеткой, засунутой под язык для возбуждения и повышения работоспособности в среде навязчивых галлюцинаций.

Наркотический галлюцинат — вот кем постоянно был Дудаев для нового руководства в Москве. Отозванный по рекомендации Хасбулатова из Прибалтики, где он служил командиром бомбардировочной дивизии, и срочно произведенный в генерал-майоры Джохар Дудаев был послан в Чечню для свержения коммунистического режима Завгаева-Семенова и утверждения на Северном Кавказе новых «общечеловеческих ценностей». На случай непредвиденных обстоятельств на Кавказе и ожидавшихся там прокоммунистических мятежей, новоиспеченный генерал имел от Москвы самые широкие полномочия, которые либо вообще не поддаются никакой трактовке, либо могут трактоваться, как угодно.

Руслан Хасбулатов, выдернутый из обшарпанного профессорского стула на политическую сцену в роли второго лица в государстве, страдал от кессонной болезни в такой острой форме, что ничего не видел вокруг себя, ибо пребывал в сладчайшем астрале.

Одним из астральных видений в воспаленном воображении «спикера» был тугодумный и обремененный всевозможными пороками первый российс-

кий президент, устранение которого от власти казалось делом простым и чисто техническим. И Хасбулатов уже сладострастно примерял на себя «шапку Мономаха», рассматривая при этом генерала Дудаева в качестве одного из своих естественных союзников, направленного в Чечню с единственным заданием — выполнять его, Хасбулатова, распоряжения. А в том, что все его распоряжения будут одобрены президентом, живущий в галлюцинациях спикер нисколько не сомневался.

Таким образом, генерал Дудаев, невзирая на всю свою националистическую псевдориторику, долгое время являлся наконечником московского копья, приставленным к горлу Северного Кавказа.

После провала так называемого «августовского путча» в Москве в 1991 году по прямому приказу из Москвы вооруженные «гвардейцы Дудаева» захватили здание Совмина, радио и телецентра, а 6-го сентября — здание Верховного Совета Чечено-Ингушской республики. Дудаев еще не был президентом, а имел довольно длинную и не совсем понятную должность председателя Исполнительного комитета Общенационального конгресса чеченского народа. Чтобы не вступать в конфронтацию со своим старым другом по войне в Афганистане генералом Русланом Аушевым, претендующим (в качестве старшего по званию) на роль беспрекословного лидера (президента) Ингушетии, первым актом Дудаева было отделение Чечни от Ингушетии.

15 сентября 1991 года, почти в одно время с аналогичными событиями в Москве, бывшему Верховному Совету Чечено-Ингушской республики, со-

бранному в Грозном, Дудаев предложил самораспуститься. Поскольку такой была установка из Москвы, где в то же время и почти теми же методами «самораспускали» Верховный Совет СССР, все депутаты чечено-ингушетии покорно самораспустились. Новые выборы были назначены на 18 ноября 1991 года.

5 октября того же года, как и по всей стране, в Чечне приостанавливается деятельность старых структур КГБ, парализуется деятельность советов всех уровней, а 27 октября проводятся свободные выборы президента республики, на которых уверенно побеждает генерал Дудаев.

Свое дело он сделал и с интересом смотрит на деятельность Хасбулатова. Вот будет потеха, когда и тот станет диктатором России.

Но, в отличие от своего друга и соплеменника, генерал Дудаев, если и страдает кессонной болезнью из-за прыжка с полковничей должности в кресло президента, то в гораздо меньшей степени. Он все же бывший летчик и умеет выходить из кессонной болезни в жестокую реальность окружающего мира.

Удержаться в кресле президента в такой республике, как Чечня, не будучи имамом, может только умный и решительный политик, хорошо понимающий чаяния народа.

Генерал Дудаев имамом не был. Более того, он был и остался коммунистом, хотя искренне не понимал этого, а если и был генералом, то, разумеется, советским. И решительным. В свое время его бомбардировщики были готовы обрушить атомную бомбу на взбунтовавшийся эсминец «Сторожевой», пытавшийся уйти в Швецию. И обрушили бы, ибо

генерал (тогда полковник) Дудаев умел делать так, чтобы его приказы выполнялись.

Генералы, покинувшие вооруженные силы, становясь политиками, всегда испытывают некоторую растерянность, сталкиваясь с обществом, не скованным властью и силой четырех Уставов (Дисциплинарного, Строевого, Корабельного и Внутренней службы). А потому начинают лихорадочно искать какую-то объединяющую идею, способную сплотить большие массы людей, не умеющих и не желающих ходить строем. Так, генерал Стерлигов пытался (и пытается) стать общенациональным лидером на идеях антисемитизма, генерал Руцкой — на близкой к предыдущей идеи православной державности, генерал Варенников — на идеях коммунизма, замешанных на крови нескольких внешних войн. Поскольку все перечисленные генералы, выбранные наугад, сами не очень верят и, что самое главное, весьма плохо разбираются в сути собственных объединительных идей, дела у них идут совсем не так блестяще, как им хотелось бы.

Другое дело Дудаев! Ему не приходилось искать или мучительно выдумывать подобную идею. Эта идея витала в воздухе, делая его плотным и напряженным, ибо ее генерировала чеченская земля в течение, по меньшей мере, двух столетий. Это была идея национальной независимости. А, если говорить точнее и понятнее, — независимости от России.

Присоединенные к России в результате войны, продолжавшейся (официально) более 50 лет, чеченцы делали все, чтобы каким-то образом от России отделиться. В России, а позднее в СССР, подобные настроения пресекались чуть ли не на уровне «не-

высказанных мыслей» и, разумеется, исключительно путем грубого насилия и принуждения самыми варварскими методами, имеющими обобщенное название «геноцид».

По масштабам гонений, по методам геноцида (от массовых истреблений и депортаций до презрительной дискриминации и шельмования всего народа, как нации преступников, охваченных комплексом суицида) судьбу чеченцев можно сравнить разве что с судьбой евреев. Но если евреям в их тысячелетней борьбе за выживание удалось все-таки поставить дело так, что весь мир болезненно и резко реагирует на любое проявление антисемитизма, откуда бы оно ни исходило, то чеченцам этого пока не удалось. Мир ничего не знал о них, и, что хуже всего, совершенно ими не интересовался. Кафры, зулусы, австралийские аборигены и даже, извините, канадские тюлени, когда им грозило истребление или ущемлялись их гражданские (!) права, вызывали в западном мире больше эмоций, чем трагедия чеченского народа, продолжавшаяся 200 лет.

Прикованный к России крепкой цепью двухвекового геноцида чеченский народ вынужден был вместе со всей непутевой метрополией, погрязшей в бесконечных сражениях Пятисотлетней войны, переживать бесконечные политические катаклизмы, военные катастрофы и экономические крахи, которые обрушивались на Россию с роковой неизбежностью морского приboя. Никто в Чечне никогда серьезно не размышлял, как они будут жить, обретя независимость, не ни имея сопредельных независимых государств, ни выхода к морю, ни даже судоходной реки. Лишь бы отделиться от России!

Эту идею Дудаев и оседлал. В конце концов, он был чеченцем и часть трагической истории своего народа познал на собственной шкуре. Когда он объявил о создании независимой республики Ичкерия, это не вызвало никаких особых эмоций не только во всем мире, что вполне понятно, но и в Москве, где это решение, судя по всему, было негласно согласовано. Острая реакция на это событие со стороны генерала Руцкого, ходившего тогда в вице-президентах, была быстро подавлена и, в конечном счете, стоила Руцкому его политического влияния, что в итоге и привело его на тюремные нары в Лефортово. В Москве многим даже нравилось иметь в составе России как бы независимое государство — нечто вроде Лесото в ЮАР, что создавало массу приятных и полезных возможностей — от отмывания «грязных» денег до использования вооруженных сил «независимого государства» в качестве инструмента своей непредсказуемой внутренней политики, а при известном раскладе — и внешней.

Особенно привлекательными, на взгляд из Москвы, выглядели именно вооруженные силы «независимой республики Ичкерия», которыми надеялись манипулировать по собственному усмотрению, на что из Грозного никаких принципиальных возражений не было. Существовало даже мнение превратить новую «независимую республику» в подобие «кавказского жандарма», управляемого из Москвы, что давало последней прекрасную возможность в случае необходимости укрываться за тусклым занавесом чеченской независимости.

В самом деле, обстановка на Кавказе от Терека до границы с Ираном и Турцией была дестабилизи-

рована поборниками российско-советской империи до такой степени, что все уже воевали друг с другом с нарастающим ожесточением. Грузия воевала с Южной Осетией и Абхазией, Северная Осетия сражалась с Ингушетией, Армения и Азербайджан развернули друг против друга полномасштабную войну за Нагорный Карабах.

Во всех войнах в регионе активно применялись танки, системы залпового огня и авиация. Причем, никто как-бы не знал, чья это авиация, поскольку ее принадлежность застенчиво скрывалась за стереотипной формулировкой времен корейской войны: «без опознавательных знаков». Но война есть война, и сбитые русские летчики в армянских тюрьмах, ожидая смертных приговоров (за наемничество), рассказывали сказки о каких-то азербайджанских посредниках, нанявших их вместе с самолетами по прейскуранту 2000 долларов за боевой вылет. Примерно то же самое и при тех же обстоятельствах рассказывали русские спецназовцы в бакинской тюрьме, попав в плен целым подразделением.

Волосатые уши Москвы слишком явно торчали на кровавом фоне разгорающихся межнациональных конфликтов, что нервировало многих в Кремле, пробивающемся на «международную арену» с чарующей улыбкой гаранта либерализма, свободы и демократии. А потому по кремлевским коридорам стало распространяться мнение о приведении армии свободной республики Ичкерия из полупартизанского в более современный вид.

Чеченцы — прирожденные воины, сохранившие чисто средневековые черты благородства и доблести в воинской профессии, наряду, увы, и со средне-

вековой жестокостью. Где-где, а уж в Москве об этом знали прекрасно. Те чеченцы, что сражались в родных горах с частями русской, а потом и Красной армии, равно как и те, что в составе Красной армии сражались с немцами во второй мировой войне — все оставили о себе самое лучшее воспоминание как доблестные солдаты, готовые на любое самопожертвование. И хотя особого хода чеченцам в Советской армии никогда не было, советский Генштаб, вляпавшись в афганскую авантюру, вынужден был сформировать из чеченцев и ингушей специальные части, которые условно можно назвать горнострелковыми спецназами. Результаты превзошли все ожидания, и даже возникли планы развертывания на их основе крупных формирований — что-то вроде «диких дивизий» времен первой мировой. Однако, эти планы осуществлены не были, главным образом, из-за унижительного поражения (больше, конечно, морального, чем военного), понесенного Советской армией в Афганистане. Кроме того, Советская Россия, будучи почти откровенно расистским государством, вспоминала о нацменьшинствах только в случаях, когда тем предоставлялась возможность пролить кровь за империю, во всех других случаях относясь к ним с глухим, но явным пренебрежением. Чечмеки!

В начале 1992 года в Чечне побывали все три героя августовского путча: маршал Шапошников, генерал армии Кобец и тогда еще генерал-полковник Грачев. Все они не только остались довольны тем, что на официальном языке называется «строительством вооруженных сил» молодой независимой

республики, но и подписали ряд соглашений и протоколов о намерениях относительно дальнейшего прогресса в этой области.

Интересно проследить, как на всех этих соглашениях и протоколах постепенно сходит на нет подпись маршала Шапошникова, и все более утверждается подпись уже генерала армии Грачева, сменившего Шапошникова на посту министра обороны. Сам же Шапошников галантно ушел в тень громадного монстра, именуемого «Росвооружение», готового в любую минуту направить в любую точку земного шара какое-угодно оружие и в любом количестве, со всеми видами оплаты: в кредит, в рассрочку и по бартеру.

От греха подальше, из Чечни были выведены все войска бывшей советской армии. Все почему-то думают, что это был чисто стихийный процесс: армия, убоявшись дудаевских угроз и устав от его ультиматумов, просто снялась и ушла восвояси, бросив при этом вооружение, боеприпасы и военные городки, включая и парочку стратегических ракетных баз, в полное распоряжение правительства нового независимого государства. На кого рассчитана эта версия — не понятно.

Вывод войск осуществлялся, как и положено в цивилизованном мире, в рамках межгосударственного соглашения, достигнутого и подписанного на самом высоком уровне.

Однако, вопреки всеобщему мнению, запасов, которые были оставлены Дудаеву уходящими из Чечни бывшими советскими, а ныне российскими частями, было до смешного мало. Недели на две

интенсивных боевых действий. Поэтому было подписано новое соглашение о дополнительных поставках в республику Ичкерия оружия и боеприпасов; уж чего-чего, а оружия в России было достаточно не только вооружить такую маленькую республику, но и заново перевооружить все остальные армии нашей планеты, включая и американскую.

Однако, в отличие от советских времен, когда горы оружия поставлялись кому-угодно фактически бесплатно в ответ на туманные обещания признать и полюбить немеркнущие идеи Ленина, генералу Дудаеву подобная услуга оказана не была. Напротив, за московскую щедрость он должен был оказать Кремлю некоторые услуги, которые можно назвать весьма деликатными.

Дружба Москвы и Грозного предполагалась быть в равной степени искренней и тайной. В рамках этой дружбы генерал Дудаев, в частности (и прежде всего) должен был «отмыть» деньги, вырученные от продажи «налево» огромного количества оружия, некогда принадлежавшего Западной Группе Войск. А часть его получить натурой.

Просто удивительно, что кто-то умудрился сделать тайной бесследную пропажу с гигантских складов ЗГВ 70 тысяч тонн боеприпасов, каковыми предполагалось отвоевать третью мировую войну. Кое-что получили боснийские сербы и мусульмане, но большая часть была направлена в распоряжение набирающей силу армии республики Ичкерия.

Когда возникла необходимость в назидательных целях отобрать у возомнившей о себе Грузии ее исконную провинцию Абхазия, то чеченская армия прекрасно продемонстрировала свои боевые возмож-

ности. Через декоративную «Конфедерацию горских народов Кавказа» а Абхазию было послано подразделение вооруженных сил Чечни под командованием тогда еще майора Шамиля Басаева. Это подразделение, получившее позднее условное наименование «Абхазского батальона», разгромило отборные части старого друга президента Ельцина по политбюро Эдуарда Шеварнадзе, взяло штурмом Сухуми и водрузило над сожженным зданием бывшего горкома КПСС рядом с незаметным знаменем Абхазии (которого никто не знал) гордый зеленый флаг республики Ичкерия, на который тоже тогда никто почему-то не обратил внимания.

Российская армия обеспечила Басаеву поддержку с воздуха, а Черноморский флот, полоща по ветру военно-морские флаги несуществующей страны — Советского Союза — оказал поддержку с моря. Первое боевое крещение «союзников» на территории Абхазии закончилось полным триумфом и созданием на Кавказе еще одного независимого государства. (Позднее, когда в Кремле ломали голову, как обратно присоединить Абхазию к Грузии в качестве подарка «исправившемуся» Шеварнадзе, а Шумейко публично обзывал своего друга Ардзинбу «таким же преступником, что и Дудаев», — сколачивался уже фактически оформившийся чечено-абхазский военный союз, чтобы всем на Кавказе стало совсем хорошо).

Однако, профессионалы из ГРУ, наблюдавшие за действиями чеченских бойцов в ходе боевых действий, хотя и отметили их несомненную воинственность и беззаветную доблесть, обратили внимание на недостаточный профессионализм, особенно на всех

уровнях контроля и управления. К мнению профессионалов прислушались, и было принято решение, которое легло в основу еще одного «межгосударственного» соглашения о подготовке чеченских бойцов в учебных центрах, где обучаются своему мудрому мастерству спецназы ГРУ.

Если кто-то думает, что спецназ ГРУ это все равно, что ОМОН или какой-нибудь СОБР, то он жестоко ошибается. Это даже не ВДВ или морская пехота. Это гораздо серьезнее. Перед кончиной Советского Союза общая численность спецназов ГРУ была, примерно, эквивалентна трем бригадам. Если миллионы телезрителей с умилением наблюдали, как воздушные десантники разбивают лбами кирпичную кладку, а морские пехотинцы по горло в холодной воде несут на руках средний танк, то учений спецназа ГРУ не видел никто, кроме разве Дмитрия Холодова. Но и тот почти никому не успел об этом рассказать.

Когда-то тремя бригадами этого спецназа планировали завоевать старуху-Европу и, несомненно, так бы и поступили, не страшись «кремлевские старцы» ядерного возмездия. Уж очень им не хотелось коротать остаток своих дней в подземных бункерах.

Впрочем, существовали планы захвата всех западных КП управления ядерным оружием ещё до начала конфликта силами того же самого спецназа ГРУ, что сделало бы Европу и вовсе безоружной, когда бы на неё хлынула, «гремя бронёй, сверкая блеском стали», всесокрушающая лавина из нескольких десятков тысяч советских танков.

Так бы оно, наверное, и произошло, если бы

большая часть сил так называемого «ядерного возмездия» не была развернута в океане на борту практически неуловимых американских подводных лодок, куда спецназам ГРУ, при всём их мастерстве, было, увы, не дотянуться. На западе это отлично понимали и в многочисленных сценариях хода (и исхода) Третьей мировой войны, на которых оттачивали свои стратегические мысли натовские генералы, всегда предусматривался почти полный захват Европы советской армией и мощный удар ядерными ракетами из глубин океана сразу по шестидесяти крупным городам Советского Союза. А потому в Европе царили мир и благодать.

Но тем не менее спецназ ГРУ продолжал оттачивать свою боевую подготовку. Если не вдаваться в подробности, она (боевая подготовка) заключалась в следующем: ещё до начала официальных боевых действий отряды спецназа численностью от 30 до 200 человек (в зависимости от поставленной задачи) начинают поход по территории намеченного противника, таща на себе всё необходимое для двухнедельного боя так называемой «высокой эффективности» — т.е. практически непрерывной пальбы в течение указанного срока.

Даже, если при этом вся служба безопасности противника поднята по тревоге и, как говорится, поставлена на уши, она ничего не должна была заметить. Отряд, выйдя из условной точки А, как бы дематериализовывался с тем, чтобы материализоваться только в указанной точке Б и то условно. Признаком его материализации должно было стать уничтожение или захват намеченного объекта, конкретного лица или группы лиц (скажем, крупного шта-

ба, узла связи или даже кабинета министров вместе с президентом). Существовали и различные элегантные методы убеждения захваченного президента объявить о капитуляции своей страны. И тому подобное. Боя при этом предполагалось избегать всеми средствами, но уж коли этот бой был необходим, спецназовцы умели его вести так, что у противника складывалось впечатление, что к ним в гости пожаловала целая общевойсковая армия со всеми своими тылами и средствами обеспечения.

Со стороны же сверхбдительный взгляд какого-нибудь многоопытного полицейского из отдела по борьбе с терроризмом не должен был увидеть ничего более, кроме группы молодых людей и девушек, «хиппующих» в непрезентабельных подержанных микроавтобусах, где даже после тщательного обыска не удавалось обнаружить ничего более криминального, чем порнографические открытки.

Спецназ ГРУ ежеквартально, т.е. по-сезонно, проводил свои учения, как на территории СССР, так и в странах, где ему предстояло действовать в случае начала военных действий. Учения за пределами СССР, в силу некоторой специфики западных стран, всегда проходили гораздо легче, нежели на собственной территории, где их условия были намного жестче.

Сценарии и вводные были самые разнообразные, но усреднённое задание отряда ГРУ выглядело следующим образом. Отряд выходил, допустим, из-под Минска, где было развернуто несколько центров подготовки, и должен был проследовать в Крым или на Кавказ, где также была развернута сеть учебных лагерей и баз. По дороге, скажем, в Киеве или в Ростове, отряд должен был похитить какого-нибудь

генерала в ранге командующего округом или его заместителя, условно (а иногда и нет) взорвать и сжечь несколько заранее определённых объектов и раствориться на одной из своих секретных баз. Незадолго до прибытия на эту базу похищенный генерал отпускался, поскольку на базу его доставлять запрещалось в интересах обеспечения секретности. (Подобные базы, разумеется, существовали не только на территории СССР).

Подобный «учебный» поход считался у спецназовцев лёгким и осуществлялся в описанных условиях исключительно для первой обкатки «молодняка». Да и то не всегда. Обычно учения на собственной территории проходили в невероятно сложных условиях. Ещё до выхода отряда в учебный рейд все гор- и райотделы МВД и КГБ заранее оповещались о том, что группа опасных преступников, совершив коллективный побег из мест лишения свободы, пробирается в южные районы страны, собираясь по пути совершить целую серию разбойных нападений. При этом, как правило, предполагаемый маршрут отряда указывался в ориентировке довольно точно, а сами спецназовцы предупреждались, что, попади они в руки «правоохранительных органов», ни на какую помощь извне им рассчитывать не придётся. В условиях советских законов это всегда означало почти верную смерть, а на языке спецназа означало не более, чем учения с условным приближением к реальной обстановке...

Увы, как всегда случалось в истории нашего несчастного Отечества, армии, нацеленной на Европу и Америку и соответственно обученной, пришлось действовать в условиях дикой, горной, азиатской

страны, где все отработанные до мелочей методики, наставления (и даже обувь) оказались совершенно неэффективными, принуждая к импровизации на ходу. Но для импровизации было очень мало простора. Один европейский вид спецназовцев уже выдавал их с головой, ведя к ненужным и обидным потерям и даже к крупным провалам.

Но даже и в этих кошмарных условиях спецназ ГРУ совершил несколько очень смелых операций в Карачи и Исламабаде, а в Пешевере вообще чувствовал себя как дома. Но для этого в его ряды пришлось влить большое количество чеченцев, ингушей и дагестанцев.

Поражение в Афганистане и вскоре последовавшее за тем крушение коммунистического режима и развал Советского Союза, хотя и больно ударили по спецназу ГРУ, как и по всем остальным силовым структурам рухнувшей империи, тем не менее, позволил им сохранить костяк своих уникальных подразделений и основные базы их подготовки. Вот на этих-то базах и решено было немного поднатаскать вооруженные силы республики Ичкерия.

В результате генерал Дудаев получил в своё распоряжение целых две бригады спецназа ГРУ, в то время как в России к тому времени их оставалось полторы.

Со своего стратегического поста в Грозном генерал Дудаев, контролируя традиционные пути России на юг — Закавказье и далее (и, разумеется, в обратном направлении), опираясь уже на мощнейшую армию, значительно уже превосходящую недоукомплектованные и рассредоточенные по большой

территории войска Северо-Кавказского военного округа, мог чувствовать себя вполне прочно, пропуская мимо ушей многие из московских нравоучений.

К сожалению, генерал Дудаев, хотя и считал себя «свободно избранным президентом» независимой республики, так им и не стал, превратившись из командира дивизии в командующего армией и рассматривая всю Чечню как один большой гарнизон, в котором служба тыла и материально-технического обеспечения занималась перепродажей нефти, алюминия и оружия, потоком идущего из российских «леваков». При этом местному населению, как коренному чеченскому, официально ставшему независимым, так и русскому, попавшему в двусмысленное, если не сказать — в идиотское положение, новая власть не оказывала ни малейшего внимания.

Заработная плата работникам нефтехимической промышленности — уникального и единственного в своём роде комплекса, построенного в годы советской власти, приходила из России, а доходы от него, хотя и сокращающиеся с каждым месяцем, шли в казну Дудаева. Из России же бесперебойно шло энергоснабжение, все виды социального обеспечения и, если в этом отношении существовали какие-либо сбои, то не в большей степени, чем по всей стране.

Таким образом, молодая республика Ичкерия не умирала с голода только благодаря тому, что обеспечивалась Россией — не Бог весть как, конечно, но никто там особо не бедствовал. Собственные же деньги, вырученные от продажи нефти, оружия, реализации фальшивых банковских авизо и наркотиков, правительство Дудаева тратило на укрепление вооружённых сил и активную политическую деятельность.

Первое недовольство Москвы выразили робкие попытки Грозного добиться признания независимости Чечни со стороны мирового сообщества. Этот вопрос никогда не обсуждался на секретных переговорах и был своего рода дудаевской самодеятельностью. Начали, как и водится в современном мире, с Соединённых Штатов. Хотя чиновники госдепартамента, куда прибыли дудаевские эмиссары, так и не поняли, чего от них хотят и о какой, собственно, стране идёт речь,— Чечню-Ичкерию не нашли ни в одном справочнике бывшего СССР, а на американских географических картах сразу за Терекком началась Грузия или Джорджия, как было написано на карте — Москва отреагировала резко и даже с некоторым оттенком истерики, снова громогласно заявив о Чечне, как о неотъемлемой части России. А это уже было нарушением ранее достигнутых соглашений. Никто и не думал запрещать Дудаеву какие-либо импровизации на международной арене, поскольку новые руководители России в глубине души рассматривали все соглашения с Дудаевым как игру в царей-королей, которую часто ведут воспитательницы со старшими группами детского сада. И искренне удивляются, узнавая, что дети воспринимают свои «игрушечные» титулы серьёзно. Первые раздоры между «стратегическими союзниками» были незначительны и, возможно, завись обстановка только от договаривающихся сторон, её вполне можно было урегулировать. но это было не так.

И над Россией, и над Чечней дули ветры радикальных перемен.

И если кто-нибудь подумает, что это были мягкие ветры набирающей силу демократии, от имени

которой так любили делать заявления в Москве, то будет совершенно не прав. Это были уже совсем другие ветры, порывами переходящие в шторм.

Москва веками страдала от того, что, как русское, так и советское, а ныне российское руководство, традиционно разделённое, по меткому выражению Аркадия Вольского, на партию войны и партию дураков, не умело правильно оценивать создавшуюся в стране и вне её обстановку.

Первой и очень крупной ошибкой Москвы было почему-то царящее там с 1989 года убеждение, что Афганская война, слава Богу, окончена. Логическая цепочка этого убеждения совершенно непонятна, но оно царило во всех сферах советского и постсоветского общества, возбужденно выплёскиваясь наружу всеми средствами массовой информации. Судя по всему, это был даже не самообман, а искреннее заблуждение, весьма свойственное русскому менталитету: раз я кончил драться и буянить — значит мир.

В самом деле, советские войска, по причине, которую никто даже сегодня не в состоянии объяснить, вторглись в сопредельную мусульманскую страну, бесчинствовали там в течение 10 лет, истребив добрую треть населения и сравняв с землей примерно половину населённых пунктов, в конце концов были оттуда выбиты непобедимым духом народного сопротивления и, убравшись восвояси, решили, что война на этом и закончилась. Отнюдь нет.

Как это всегда случалось в прошлом, отступившая армия привела за собой на собственную территорию армию противника вместе с его идеологией. Быстро последовавшее за этим крушение СССР поз-

волило несколько самортизировать это печальное событие. Бои, развернувшиеся на территории Таджикистана и стран Закавказья, ставших к тому времени суверенными государствами, удалось подать как результат внутренних междуусобиц, а не в качестве продолжения Афганской войны. А, между тем, если о военном поражении СССР в Афганистане ещё можно спорить, то идеологическое поражение советской империи было полным и сокрушительным.

Противопоставление уже издыхающей марксистско-ленинской догмы набирающему силу исламскому фундаментализму закончилось полной победой последнего, а образование на территории бывшего СССР после крушения коммунистического режима полного идеологического вакуума позволило исламскому фундаментализму, остро отточенному десятилетней кровавой войной, хлынуть через голову российских войск на территорию его традиционного почитания, превращая всё русское и российское во врагов по определению. Неверных, гяуров, унижающих ислам и долгие годы державших в рабстве мусульманские народы.

Растерявшаяся Москва не могла на этот вызов ответить ничем, кроме установок залпового огня. Коммунистическая идеология умерла, христианская церковь, деградировавшая вместе со всем советским обществом, была ещё слаба, чтобы представлять из себя какую-то идеологическую силу, никто не был готов к такому обороту событий.

Оставалось, как обычно, уповать только на армию и время от времени демонстрировать по телевизору отрезанные головы русских солдат на фоне уже не афганских, а таджикских гор.

Но если Средняя Азия всё-таки ещё мощным буфером ограждала воинственных исламистов от собственно русских территорий, то Чечня примыкала непосредственно к России и выглядела прекрасным плацдармом для тех, кто после разрушения советской артиллерией священной мечети в Герате поклялся на Каабе не прекращать войны до того дня, пока зелёное знамя Пророка не будет поднято над руинами Московского Кремля.

Дудаев был захлестнут этой войной.

Как и всякий советский генерал он, если и имел о религии какое-то мнение, то только определённое классиками марксизма и вбитое в его голову на бесчисленных политзанятиях. А сам оставался атеистом, что позволило ему с легкой совестью сбрасывать бомбы на головы своих теоретических единоверцев в Афганистане.

Однако, оседлав национальную идею своего народа, генерал попал в исламский водоворот, которому он пробовал поначалу сопротивляться, но был затянут в него с головой, закручен и выброшен на коврик мечети в позе, обычной для любого правоверного мусульманина.

Ему приходилось быть правоверным вдвойне, ибо никто в Чечне не забыл его прошлого, а также и того, что генерал, нарушив обычаи предков, выбрал себе русскую жену.

И если совсем недавно, в рамках согласованного с Хасбулатовым плана, генерал Дудаев договаривался до того, что объявлял независимую Чечню «последним уцелевшим (или первым освобождённым) бастионом Советского Союза» и предлагал Михаилу Горбачёву прибыть в Грозный и оттуда

выполнять свои обязанности президента СССР, начав борьбу против московских сепаратистов, изгнавших Горбачёва из Кремля, то совершенно неожиданно для всех (а возможно и для себя) бывший авиационный генерал заговорил голосом иранских ай-ятолл. А телевидение республики показывало его, совершающего намаз. Это выглядело так же естественно и искренне, как и крестные знамена генерала Стерлигова.

Первым встревожился Хасбулатов. Находясь фактически всю сознательную жизнь на идеологической работе в Москве, «спикер» Верховного Совета свободной России был ещё более далёк от религии, чем генерал Дудаев. Более того, происхождение не давало ему возможности примкнуть к возрождаемому православию. Впрочем, это вовсе и не входило в его планы.

Дьявольское тщеславие и астральные видения заставляли его алчно взирать на первое кресло страны, а вся логика событий увлекала его всё более и более в оппозицию к президенту Ельцину и его курсу, хотя никакого курса у президента Ельцина, по большому счёту, и не было. А у Хасбулатова — уже точно был намечен — назад к светлому прошлому. Фактически на его пути оставался только Президент. Далее он уже видел себя (и, надо сказать, не без оснований) председателем президиума Верховного Совета России и лидером какой-нибудь партии, т.е. старым-добрым генсеком, национальность которого, как показала история СССР, никогда не имела принципиального значения.

Подобный политический курс неизбежно должен был собрать вокруг Хасбулатова все остатки покой-

ной КПСС, ныне вставшей на платформу самого махрового великорусского национализма, консервативную военщину, оставшихся не у дел бывших руководителей КГБ, МВД и прочих карательных органов, как всесоюзного, так и республиканского значения и часть распропагандированного ими населения. А на пике всей этой вакханалии к Хасбулатову перебежал вице-президент Руцкой, а от Хасбулатова к Ельцину перебежали все его заместители: Шумейко, Филатов и Рябов.

Таким образом, Руслан Хасбулатов, помимо своей воли, попал в водоворот русского национализма, выходя на его фоне ещё более нелепо, чем генерал Дудаев в мечети.

Но ни у того, ни у другого уже не было выхода.

И это ломало координированный план, который, хотя и был авантюрным, но всё же планом. Хасбулатова уже охраняла в Москве чеченская гвардия, командированная Дудаевым, все гостиницы российской столицы были переполнены чеченцами, затаившимися в ожидании сигнала к государственному перевороту. Само слово «чеченец» наводило ужас на московского обывателя; и можно представить себе ситуацию, если бы за чеченцами в Москве вдруг появилась сила закона!

Но из Грозного уже зазвучали на президентском уровне слова о величии Аллаха и пророка его Магомета, о сатанизме Москвы и о «русизме, как наихудшей форме фашизма», которым больна Россия и может излечиться только с помощью нейтронной бомбы.

В ответ, кружась в водовороте воинственного русского национализма, Хасбулатов неожиданно за-

говорил о России «великой и неделимой», о «соборности» (хотя так и не научился правильно произносить это мудрёное слово) русского народа и о Чечне, как о неотъемлемой части России. А что ему оставалось делать, мечтая о кресле диктатора России?

Между союзниками возникли трения, которые привели к тайной встрече, где обе стороны обвиняли друг друга в идиотизме и разъехались, не договорившись ни о чем.

Первым нанес удар Дудаев, объявив об отзыве всех депутатов, избранных от Чечни в Верховный Совет России. Это был персональный удар по Хасбулатову, который избирался в своё время именно от Чечено-Ингушской АССР. Таким образом, генерал Дудаев подвесил своего приятеля над пустотой: он как бы уже и не был депутатом, но тем не менее возглавлял Верховный Совет.

Надо сказать, что Хасбулатов очень перепугался. Вовсе, правда, не того, что генерал Дудаев лишил его депутатских полномочий.

«А кто такой Дудаев?» — вопрошал, вошедший в раж спикер. — «Кто он такой вообще, чтобы кого-то лишать полномочий? Разве не я, в конце концов, произвёл его в генералы, чтобы он мною теперь командовал?»

Испугался Руслан Имранович того, что чеченская охрана, командированная в его распоряжение генералом Дудаевым или кто-нибудь из многочисленных боевиков, заполнивших столичные гостиницы, получит приказ его зарезать, а голову прислать в Грозный, где она будет выставлена для всеобщего

обозрения на площади Шейха Мансура к великой радости обоих президентов — российского и чеченского.

Нервы у Хасбулатова сдают и он отдаёт приказ: выселить всех чеченцев из Москвы, как будто является не спикером парламента демократической страны, а столичным генерал-губернатором, действующим в условиях чрезвычайного положения. Кроме того, впавший в истерику «спикер» натравливает на собственную охрану управление московской милиции по борьбе с бандитизмом.

В свою очередь, Дудаев лишает Хасбулатова чеченского гражданства, которого тот никогда не имел, давая политическим противникам спикера возможность называть всесильного «главу представительной власти» (несуществующий титул, придуманный для себя самим Хасбулатовым) «политическим БОМЖом».

Но булавочные уколы из Грозного не только уже не в силах остановить рвущегося к власти спикера, но, напротив, казалось бы, ещё более его подхлёстывают. Вот уже президент Ельцин чудом избегает «импичмента» в Верховном Совете, вот уже шумят по всей России референдумы под бессмертными лозунгами «Да-Да-Нет-Да» и вот уже сыплются стекла столичной мэрии, горит Останкино, танки бьют прямой наводкой по зданию Верховного Совета, и Руслана Хасбулатова выводят из горящего здания, увозя в мрачную следственную тюрьму Лефортово.

Всё это время передравшимся «ветвям» демократической российской власти было не до генерала Дудаева, хотя злые языки утверждают, что именно чеченский президент спровоцировал октябрьские события в Москве, передав своему «стратегическому

союзнику» Ельцину кое-какие документы о планах своего другого «союзника» Хасбулатова.

Тем не менее, многие обратили внимание на тот факт, что именно в это время почти все организации и партии фашистского и полуфашистского толка, которых в России к этому времени уже расплодилось видимо-невидимо, неожиданно дружно и дисциплинированно, как и подобает любой правительственной структуре, перешли от истерически-визгливой пропаганды против евреев к такой же по тональности травле выходцев с Кавказа. При этом «тональность» сохранилась прежняя. Только теперь вместо сионистов, евреев и жидов поминались «черные» или ещё крепче — «черножопые». А на официальном уровне, как чёрт из табакерки, возникло новое блестящее определение — «лицо кавказской национальности». При этом интересно отметить, что многие средства массовой информации, как электронные, так и бумажные, которые бы ни при каких обстоятельствах не позволили бы себе запачкаться об антисемитизм, с готовностью и энтузиазмом включились в травлю выходцев с Кавказа.

Даже патриарх российской культуры и демократической интеллигенции — академик Дмитрий Лихачёв, раздражённый какими-то выходками Хасбулатова накануне референдума, и памятуя, видимо, о горьких днях, проведённых в ГУЛАГе во времена Сталина, озвучил в прямом эфире призыв: «Хватит с нас этих кавказцев!»

Во многих городах имели место погромы колхозных рынков, где избивали, а в некоторых случаях и убивали, торговцев с Кавказа.

На улицах послепутчевой Москвы, объявленной

на чрезвычайном положении, хватали всех, кто внешним видом хоть немного походил на «лицо кавказской национальности». А глава администрации Краснодарского края Николай Егоров превзошел всех, в сорок восемь часов депортировав с территории края всех «черных» — главным образом, армян, бежавших в своё время от резни в Азербайджане и от ужасов войны за Нагорный Карабах.

Организаторские способности Николая Егорова не остались незамеченными. Он был срочно отозван в Москву и назначен... министром по делам национальностей и региональной политике. Вскоре ему предстояло применить свои способности в гораздо более крупном масштабе. Вместе с двумя бывшими генералами КГБ, назначенными к нему заместителями, Егоров быстро и умело преобразовал вверенное ему ведомство в четвертое силовое министерство. А сотрудники министерства по делам национальностей, которое в силу одной только российской многонациональной специфики должно было быть наиболее гуманитарным из всех, вдруг защеголяли в камуфляже и тельняшках.

Сам Николай Егоров был типичным представителем бывшей провинциальной партноменклатуры, расхватавшей руководящие посты после кончины КПСС и прекрасно приспособившейся к посткоммунистической реальности. На деньги покойной партии Егоров основал банк с весьма патриотическим названием «Кубанский», поскольку состоял в почётных полковниках Кубанского казачьего войска. Однако офис «Кубанского банка» от греха подальше располагался на острове Кипр, где всем командова-

ла дочь Егорова, состоявшая в законном браке с лицом «чеченской национальности». «Кубанский банк» отмывал деньги за проходящую через свободную республику Ичкерия нефть и алюминий и служил посредником по закупке через Ижевские заводы оружия и боеприпасов, направляемых в республику Ичкерия. Сидящие без денег военные заводы России и стран СНГ с охотой и удовольствием направляли Дудаеву новейшее оружие и системы связи, ещё не состоявшие на вооружении Российской армии, которой было нечем за это оружие заплатить. Осваивавшим рыночную экономику могучим монстрам ВПК по плечу были любые преграды, чтобы доставить оружие клиенту, за него заплатившему. Впрочем, правды ради заметим, что никто никаких преград и не ставил, поскольку все описанные выше события, произошедшие в Москве, никоим образом ещё не повлияли на российско-ичкерийские отношения.

Более того, эти отношения с каждым днем наполнялись всё большим смыслом и содержанием. После устранения с политической арены возмнившего о себе Руслана Хасбулатова они даже стали более искренними, чем прежде.

Хотя Чечня ещё не была никем признана, чтобы не раздражать Москву и не оспаривать её претензии на статус великой державы, неофициально Грозный чуть ли не ежедневно посещали самые экзотические иностранные делегации. Офицеров турецкого генерального штаба сменяла делегация иранских нефтяников, прилетевшая вместе с компанией афганских моджахедов-специалистов по разведывательно-диверсионной деятельности. Частыми гостями президента Дудаева были и всевозможные делегации оппо-

зиционеров из стран СНГ, некоторые из которых, спасаясь от преследований у себя на родине, оставались в Грозном надолго, превращая республику Ичкерия в своего рода Швейцарию на территории бывшего СССР.

Не менее частыми были и гости из Москвы. Владимир Жириновский «гулял» на дне рождения президента Дудаева, а генерал Стерлигов вёл с ними «весьма конфиденциальные переговоры», предупреждая, что вскоре — не позднее осени 1994 года в Москве произойдёт очередной государственный переворот, президент Ельцин будет отстранён от власти, арестован и, возможно, публично повешен (о чем совсем недавно вслух мечтали хасбулатовские мятежники) и новое национальное правительство России торжественно подтвердит независимость Ичкерии.

Пока же генерал просил «немного денег» для подготовки указанного переворота. Дудаев удивлялся тому, что «новое национальное правительство» собирается начать свою кипучую деятельность по спасению России с подтверждения полной независимости отколовшихся автономий, но ничего не говорил и деньги давал. Не к лицу мусульманину, принимающему у себя в доме гостя, смущать его неожиданными вопросами и отказывать в просьбах. Гость в дом, Аллах — в дом.

А гости слетались и со всего СНГ, и со всего мира. Инкогнито приезжали президенты и вице-президенты мощных заокеанских нефтяных монстров и в открытую — влиятельные лица из стран СНГ и некоторых субъектов Российской Федерации: вроде президентов Шамиева и Илюмжинова. На глазах у всех на территории бывшего СССР возникала новая

Швейцария. Правда, если сравнивать Чечню со Швейцарией, то это была Швейцария времен Вильгельма Телля — ещё очень воинственная и не очень богатая, но уже со всеми задатками того уникального государственного образования, которое заставило всех европейских хищников считаться с её нейтралитетом в ходе двух мировых войн...

Фальшивые банковские авизо, оффшорные компании, стремительное движение черных капиталов через фиктивные фирмы и банки в Москве, в Сибири, на Кипре, в Стамбуле — сверхсвободная экономическая зона с вполне естественным криминальным оттенком, потому что иначе не бывает, поскольку в отличие от Швейцарии, Чечня со всех сторон была окружена огромной уголовной зоной, именуемой Российской Федерацией. Недаром даже один из отцов «перестройки» — Александр Яковлев, отвечая на вопрос корреспондента, что, по его мнению, принесла перестройка народам бывшего СССР, ответил: «Раньше мы жили в политической зоне, сейчас — живём в уголовной». Хотя, возможно, в этих словах и было какое-то преувеличение, но уже никак не гротеск.

Многочисленные фирмы и банки, не занимающиеся торговлей оружием, редкоземельными металлами, нефтью и газом, почти не стесняясь, занимались торговлей наркотиками, ибо ничего выгоднее придумать было невозможно в стране с развалившейся экономикой, когда на вложенный доллар быстро можно было получить тысячу, послать эти деньги, скажем, в «Кубанский банк» Николая Егорова, купить на них 30 установок «Град» и 50 боевых машин пехоты в Челябинске, отправить их в Чечню,

перепродать Казахстану, взяв с него обязательства осуществлять поставки своего алюминия не иначе, чем через фирму «ТСС», зарегистрированную в Монако, но управляемую из Одессы мощнейшей международной корпорацией «Транс ворлд металлс».

За событиями, творящимися на территории своего «Лесото», всё с меньшим удовольствием следили из Кремля, испытывая смешанное чувство зависти и собственного бессилия как-то на эти события повлиять. Тем более, что эти события происходили на фоне всё усиливающегося наступления воинственного исламизма, волны которого уже захлёстывали Ставропольский и Краснодарский края. Тревожным эхом отдавалась и продолжающаяся Афганская война, переместившаяся с предгорья Памира по всей линии бывшей границы Советского Союза, где истекали кровью российские солдаты.

С ещё меньшим удовольствием и с гораздо большей завистью за событиями в Чечне следили из разных столиц, которые вполне можно было бы назвать братскими, если бы не специфика межнациональных отношений, существовавшая на территории рухнувшей коммунистической империи. В Казани президент Шамиев (бывший 1-й секретарь ЦК компартии Татарстана), откровенно говоря, планировал именно для Татарии то, что происходило в Чечне, но у него не было свободно-авантюрного полёта мысли генерала Дудаева, поскольку Шамиев никогда не был лёгчиком, а как профессиональный партаппаратчик не решался идти на обострения со своими старыми друзьями из ЦК КПСС, хорошо зная их повадки по собственному опыту. А потому, задавая себе вполне

резонный вопрос: «Почему Чечне можно, а Татарстану нельзя?», президент Шамиев всякий раз получал ответ: «Чечня — столь же неотъемлемая часть России, что и Татарстан.»

Однако, все подобные утверждения звучали скорее как выражение частного мнения тех, кто их высказывал, вроде изгнанного из Чечни Доку Завгаева, чем выражением твердой государственной политики. И тот же Шамиев, которому было предложено тихо и мирно присоединиться к международным аферам с нефтью и газом, узел которых всё туже затягивался в Грозном, искренне не мог понять, почему ему — члену всемогущей касты партocrats, затеявших перестройку исключительно для укрепления собственной власти и богатства, нельзя то, что можно какому-то безродному генералу, о котором всего три года назад никто решительно не знал. И хотя Шамиев был тоже (хотя ещё в меньшей степени) мусульманин, как и Дудаев, и более того — он за эти годы сподобился совершить Хадж в Мекку вместе с бывшим 1-м секретарём Кемеровского обкома КПСС Тулеевым, ислама президент суверенного Татарстана боялся не меньше, чем частей российской армии, расквартированных на его суверенной территории.

А поэтому не понимал (а, возможно, и не знал) тех обязательств, которые принял на себя генерал Дудаев в обмен на все те привилегии, вытекающие из провозглашения им независимости республики Ичкерия — СЛУЖИТЬ НАКОНЕЧНИКОМ МОСКОВСКОГО КОПЬЯ В РЕГИОНЕ.

После победоносного завершения операций в Абхазии армии генерала Дудаева не представлялось

удобного случая ещё как-то себя проявить, поскольку взятие Сухуми отрядами Шамиля Басаева явилось для многих (если не для всех) весьма предметным уроком. На Дудаева с вожделием смотрели не только его естественные союзники в так называемой «Конфедерации горских народов Кавказа», но, казалось бы, и естественные противники из числа возрождающихся кубанских, терских и прочих казаков, мучительно и долго проходящих стадию декоративно-бутафорской деятельности. А ведь всем хорошо известно, что горский сепаратизм и в сравнение не идёт с казачьим сепаратизмом, потрясающим Россию в течение почти всей её истории с тех времен, когда за Тереком ещё не было ни одной христианской души...

Вскоре, однако, Москва поручила генералу Дудаеву выполнить очередное деликатное задание.

Обстановка на обломках развалившейся империи менялась с каждой секундой как в финальной стадии сражения при Ватерлоо.

Если обозреть все потери Москвы после развала Советского Союза, то, несомненно, самой болезненной потерей следует признать потерю контроля над Азербайджанской нефтью. Это было тем более обидно, что весь мощный нефте-химический комплекс в Азербайджане был поднят с нулевого цикла, создан и развернут именно Россией при весьма скромном участии местного населения, которое, кроме всего прочего, за счёт Москвы обучалось в нефтяных ВУЗах.

Поэтому, когда в 1990 году ещё советская армия брала штурмом Баку в её нервном поведении,

выразившимся в бесконтрольной стрельбе по всему, что шевелится, чувствовалась тревога Москвы за своё главное богатство, на базе которого все московские вожди от Сталина до Андропова надеялись добраться до коммунистического завтра.

Находящаяся при смерти КПСС, судорожно пытающаяся своими слабеющими руками (и мозгами) удержать свои несметные богатства, в результате потеряла контроль над обстановкой практически везде, включая, естественно, и Азербайджан, где был свергнут и бежал в Москву кремлёвский ставленник Муталибов. К власти в Баку пришёл Народный фронт во главе со «свободно избранным президентом» Эльчибеем, который сразу стал дистанцироваться от Москвы, предлагая свои несметные нефтяные богатства энергичным западным монополиям.

Это было уже больше, чем Москва могла выдержать, хотя могло создаться впечатление, что у неё в то время были дела и поважнее. В Азербайджане сразу стал налаживаться государственный переворот. Главой переворота был избран самозванный полковник Сурет Гуссейнов, который в старые времена был директором шерстепрядильной фабрики, а ныне командовал армейским корпусом в Карабахе. Причём так блестяще, что сдал плохо вооружённым армянским ополченцам чуть ли не треть территории своей страны, в чём, как и подобает истинному полководцу, Гуссейнов немедленно обвинил правительство Эльчибея.

В один прекрасный день Сурет Гуссейнов выехал из своей базы в Гянже по направлению к Баку, до которого было более 150 километров. Впереди ехал «газик» с самим Гуссейновым, за ним два старых,

видавших виды экскурсионных автобуса. Замыкал колонну танк «Т-55» без орудия. Колонна направлялась в столицу Азербайджана свергать президента Эльчибея. Выдвинутые навстречу «мятежникам» правительственные войска где-то рассеивались по пути. ОПОНовцы и гайшники пропускали мимо себя колонну, подобострастно беря под козырёк. В окнах автобуса сверкали белозубыми улыбками, особенно ослепительными на фоне черных, аккуратно подстриженных бородок, доблестные солдаты Шамиля Бабаева. Они нежно обнимали свои автоматы, а на их головах, в отличие от памятных дней сражений за Абхазию, зеленели ленты, давая понять всем посвящённым, что теперь они воины Аллаха и связываться с собой никому не советуют. Впрочем, никто и не пытался.

Президент Эльчибей был отправлен в родную Нахичевань, а на его место из Нахичевани прибыл легендарный Гейдар Алиев, которого Москва, по известным только ей причинам, почему-то считала своим ставленником. В самом деле — бывший шеф КГБ Азербайджана, бывший 1-й секретарь ЦК Компартии Республики, член могущественного Кремлевского Политбюро, любимец Брежнева и Андропова — чьим ставленником он мог считаться?

Ан нет. Семидесятидвухлетний ветеран КГБ и ЦК КПСС совершенно не собирался следовать в русле московской политики или даже на неё оглядываться. Он смело продолжает дело, робко начатое Эльчибеем, отдавая гигантские запасы азербайджанской нефти на откуп акулам империализма, выделив России как прикаспийской стране 5% от будущих прибылей.

Старый кремлевский интриган мгновенно оценил преимущества своего положения. От российских войск его надёжно прикрывала республика генерала Дудаева, через территорию которой проходила единственная шоссейная дорога Ростов-Баку и соответствующая железнодорожная ветка.

Алиев и Дудаев встретились, поклявшись на Коране не причинять друг другу никакого вреда, а все свои силы обратить против северных гяуров во имя Аллаха великого и милосердного. После этого Азербайджан стал той территорией, через которую Чечня оказалась связанной с внешним миром и по суше, и по морю.

А тем временем в Москве, убедившись, что их снова обыграли в наперсток, решили свергнуть Гейдара Алиева и посадить на его место старого доброго Муталибова, скрывающегося от родного правосудия в первопрестольной столице. Переворот решили совершить снова с помощью лжеполковника Гуссейнова при поддержке молодых Шамиля Басаева, имевших, как мы уже сумели убедиться, огромный опыт в проведении такого рода операций.

По всем правилам спецназа ГРУ отряд собирался на одной из своих баз в Шатойском районе, там дематериализовывался и материализовывался в президентском дворце Гейдара Алиева. Алиев же, хотя звал Гуссейнова по имени — Сурет, а тот его — папой, друг другу, конечно, несколько не доверяли, хотя Алиев и сделал самозванного полковника в благодарность за свержение Эльчибея премьером нового правительства.

Но быть премьером при таком президенте как Алиев, значило очень мало. Что-то среднее между референтом и старшим референтом. Возглавлять же нефтяные комплексы республики и получать доходы от нефти Алиев поручил родному сыну Саиду, который тоже звал его папой. Поэтому Алиев-папа нисколько не удивился, получив из Грозного сообщение, что его собираются свергнуть.

Бойцы Басаева в Баку не появились, мятеж, поднятый местным ОПОНОм, удалось быстро подавить, Сурет Гуссейнов бежал в Россию, а Москва, как говорится, осталась при своих интересах.

Произошла первая настоящая разборка с генералом Дудаевым. На вопрос: почему его люди не обеспечили антиалиевский переворот в Баку, Дудаев ответил, что Коран запрещает поднимать мусульманину руку на мусульманина. Такого никогда не было и он вовсе не желает быть первым. Говорилось это так уверенно, как будто до этого Иран не воевал 7 лет с Ираком, а Ирак, в свою очередь, не предал мечу и разграблению братский Кувейт.

Подобное поведение Дудаева, в котором лицемерие соседствовало с легкой издевкой, наряду с информацией, что чеченский лидер поклялся бородой Пророка не дать России возможности протянуть через свою территорию нефтепровод из Азербайджана (дабы тот шёл через Турцию), а это была отчаянная попытка Москвы хоть каким-то боком войти в сколачиваемый Алиевым «Международный нефтяной консорциум», окончательно вывело всех в Кремле из себя.

Последовал весьма резонный вопрос: Да кто такой этот Дудаев вообще? Не много ли он о себе возомнил? И что это за независимая Чечня?

Как всегда бывает в этих случаях, больше всех выражали своё недовольство партнеры чеченского генерала по бизнесу, справедливо считавшие, что тот дерёт с них слишком крупные проценты за посредничество в их деятельности, сколь многотрудной, столь и незаконной. В частности, уже упоминаемый «Кубанский банк» на Кипре, занимавшийся перекидкой на запад русско-казахского алюминия с помощью фальшивых «чеченских» авизо (впрочем, «чеченскими» эти авизо можно назвать чисто условно, как называют «китайскими» вазы, производимые Фарфоровым заводом в Петербурге), уже провел предварительные расчеты и выяснил, насколько бы увеличилась его прибыль, если бы в Грозном сидел менее жадный и более покладистый посредник. Идеалом было бы посадить в Грозном (в качестве наместника, например) самого Николая Егорова с бывшими дудаевскими полномочиями.

Даже президент суверенного Казахстана Назарбаев, встретившись в начале лета 1994 года с президентом Ельциным, также выразил некоторое недовольство с явным привкусом недовольства по поводу того, что столь ответственный пост в Грозном занимает какой-то безродный генерал, в то время как законный претендент на этот пост — Доку Завгаев — вынужден ютиться в маленьком кабинете на задворках ельцинской администрации.

Впрочем, у президента Назарбаева (бывшего 1-го секретаря ЦК Компартии Казахстана) помимо династических были и другие — более приземлённые причины быть недовольным наглым выскочкой из Грозного.

Дело в том, что Казахстан, став суверенным государством, тоже Россию «не обидел», объявив своей собственностью военно-космический комплекс в Байконуре и, что ещё обиднее — Карагандинский горно-металлургический комбинат.

Это гигантское предприятие, построенное на костях сотен тысяч заключенных сталинского Карлага — концлагеря размером почти с Европу, могло практически в одиночку обеспечить весь мир сырой рудой и всеми видами металлургической продукции. Надо сказать, что именно этот комбинат стал одним из основных стимулов суверенизации для Назарбаева, мечтавшего о безбедной жизни за счёт продажи на Запад разных производных горячего и холодного проката. Однако, вскоре эти мечты рассеялись, поскольку выяснилось, что чистота производства металлургической продукции комбината является крайне низкой, какой не было на Западе и в первой половине прошлого века, а потому продукция на западном рынке была совершенно неконкурентноспособной. (Также, кстати, как и украинское зерно, на котором мечтали прожить, шантажируя Россию, самостийники в Киеве.)

Для спасения положения в Казахстан срочно отзывается из Москвы бывший министр металлургии СССР, а ныне глава мощной корпорации «Росчермет» Олег Сосковец.

В старые времена Сосковец, родившийся и выросший в Казахстане, был директором Карагандинского комбината, а Назарбаев был у него парторгом. В Алма-Ате прибывший Сосковец получает должность министра промышленности Казахстана в ранге заместителя премьера. Это было ещё в феврале

1992 г., когда огромный комбинат находился уже на грани остановки и требовались радикальные меры по его спасению. Производство на комбинате, рассчитанное на рабский труд заключенных времен победного шествия ещё неразвитого социализма, находилось на уровне каменного века — трудоёмким и чрезвычайно экологически грязным, но зато, как ему и положено — самым дешёвым в мире, поскольку на зарплату рабочим расходовались такие деньги, о которых даже стыдно было говорить вслух. Да и те после января 1992 года не выплачивались, сделав самое дорогое в мире производство просто дармовым.

Одновременно с Сосковцом в Казахстане появился вице-президент уже упоминаемой оффшорной компании ТСС Лисин, который в старые советские времена работал заместителем Сосковца на горно-металлургическом комбинате.

Заручившись поддержкой двух правительств — Российского и Казахского — Лисин быстро финансировал производство, добившись бесперебойного сбыта продукции в обмен на правительственное разрешение охватить своей деятельностью также и металлургические гиганты Сибири. Делалось это до смешного просто: деньги, полученные по фальшивым авизо, шли через Грозный в банк на Кипре, где отмывались, а затем направлялись в Сибирь и Караганду. Оттуда — неизвестно куда уходила продукция, включая сотни тысяч тонн дефицитного алюминия, обращаясь в доллары, которые, в свою очередь, оседали в Москве, Алма-Ате, Грозном и в разных экзотических банках Запада. Размах дела был таким, что уже в октябре 1992 г. Сосковец и Лисин перебира-

ются обратно в Москву, где первый для начала занимает свой прежний и, на первый взгляд, весьма скромный пост председателя комитета по металлургии. Размах проводимых операций расширяется с каждым днём, однако доля президента Назарбаева при этом, напротив, становится меньше и с каждым месяцем устойчиво следует этой тенденции. Всё это происходит потому, что большой процент общей прибыли оседает в Грозном, а Дудаев склонен этот самый процент ещё более увеличить.

В Москве недоумевают: зачем генералу столько денег и куда он их вообще деваает, поскольку всё необходимое для того, чтобы население республики Ичкерия не перемерло с голоду, он традиционно и бесплатно получает из России, время от времени платя ей за это оскорблениями и угрозами.

Нельзя сказать, что с Дудаевым не пытались договориться. К нему ездили бесчисленные эмиссары, начиная с Жириновского, но упрямый горец стоял на своём и даже обещал повысить проценты, грозя в противном случае разоблачить всех своих московских компаньонов. Москва ответила усилением антидудаевской и античеченской кампании. Чечня отвечала тем же. Однако, деловая активность сторон от этого пока не страдала, если не считать того, что обе стороны уже увязали в ней, как в трясине.

Москва середины 1994-го года совсем не походила на Москву 91-го и даже 93-го годов. Хотя с тех пор прошло совсем мало времени, все уже забыли те дни, когда президент Ельцин со своим верным Коржаковым ездили в троллейбусе на работу (или на «Жигулях») или стояли на Васильевском

спуске, поднимали народ на борьбу с Хасбулатовым, который, в свою очередь, пытался провести через Верховный Совет «импичмент» Борису Ельцину. А толпа противников Президента требовала его публичной казни или, в лучшем случае, высылки в Израиль.

Казалось, что с тех пор прошла целая геологическая эпоха. Президент, если где-нибудь и появлялся, то не иначе, как на гигантском «членовозе», напоминающем атомную подводную лодку, поставленную на колеса. Его личная охрана, возглавляемая генералом Коржаковым, получившим этот чин сразу после майорского, приближалась численностью к 40 тысячам специально обученных офицеров, вдвое превышая знаменитую охрану персидского шаха Абасса и в 10 раз — охрану товарища Сталина. Президент редко появлялся публично и по Москве бродили мрачные слухи о том, что личная охрана уже подмяла главу государства под себя и от имени Президента страной теперь правит генерал Коржаков.

После крушения советской империи, ухода советских войск из Восточной Европы и Прибалтики, краха государственной идеологии, накопленная за 70 лет коммунистического режима агрессивность настойчиво требовала какого-нибудь выхода. Это страшное агрессивное поле, десятилетиями (если не веками) обращённое на Запад, после позорного развала и полного крушения западного фронта, став ещё сильнее, всбесившимся монстром металось по стране в поисках выхода и применения.

Манипулируя почти всеми процессами в поверженной и фактически неуправляемой стране, глобальные геополитические силы медленно, последователь-

но и настойчиво разворачивали гигантскую страну фронтом на юг, чтобы ни у кого в Европе и Америке больше никогда не болела голова по поводу десятков тысяч русских танков, ревущих моторами на Эльбе. Этот глобальный разворот, подогреваемый из самых неожиданных источников (вроде книги Жириновского «Последний бросок на Юг»), канонадой, постоянно доносящейся с Таджикской границы и со всевозможных кавказских фронтов, усиливающейся антикавказской пропагандой и многими другими факторами, включая и печальную судьбу отрезанного от России и постепенно превращающегося в металлолом Черноморского флота, указывал направление и вектору неудовлетворённой активности.

А серии весьма странных террористических актов, периодически происходящих в аэропорту Минеральные Воды, где чеченцами захватывались автобусы с заложниками, накаляли общественное мнение до предела в жажде возмездия. Были ли эти чеченские террористы обычными уголовниками, завербованными ФСК (как уверяли дудаевские источники), или агентами дудаевской службы безопасности, на что постоянно намекали правительственные источники в Москве, не так уж важно. Дело своё они сделали, укрепив вектор русской агрессивности в южном направлении и опасно придвинув его к встречному вектору чеченской ненависти.

Все вышеописанные события, переплетаясь в единый клубок, уже к середине лета 1994 года привели всех в Кремле к единодушному мнению, что с режимом генерала Дудаева в Чечне нужно кончать.

Подобная постановка вопроса была точкой зрения

даже не таких уж агрессивных политиков, поскольку агрессивные политики склонялись к мысли, что кончать надо не с режимом генерала Дудаева, а вообще с Чечней, так как неизбежно появится новый Дудаев — ещё умнее и хитрее нынешнего.

К счастью, в середине мая 1994 года, когда этот вопрос впервые серьёзно был поставлен на повестку дня Совета Безопасности при Президенте России — абсолютно неконституционном органе личной власти Бориса Ельцина — никто ещё всерьёз не помышлял о войне.

Обсуждалась возможность личной встречи Бориса Ельцина и генерала Джохара Дудаева.

Многие понимали, что России, и без того находящейся по всем показателям в прединфарктном состоянии, если чего сейчас и не хватало — так это развязать где-нибудь войну. Особенно — на своей собственной территории.

Поэтому наиболее разумным решением считалось развязать гражданскую войну на территории самой Чечни, оказывая моральную, финансовую и по возможности (именно — по возможности!) военную помощь антидудаевским силам. Разумеется, имелась в виду помощь оружием и боеприпасами.

И только.

Но всемогущий Рок уже влёт несчастную страну навстречу своей судьбе.

Избегая ненужных подробностей, можно только отметить, что именно в это время на заднике политической сцены снова возник Руслан Хасбулатов.

Сама обстановка подсказала Хасбулатову простейший и наиболее короткий, по его мнению, путь к частичному (хотя бы!) восстановлению былого ве-

личия. Этот путь, естественно, снова лежал через Чечню.

Для этого достаточно было свергнуть генерала Дудаева, что Хасбулатову казалось делом не очень сложным, поскольку он фактически сам посадил Дудаева на это место. Затем объявить себя либо президентом, либо председателем разогнанного Дудаевым Верховного Совета Чечни, подтвердить полную лояльность Москве, что автоматически открывало Хасбулатову дорогу в Совет Федерации — Верхнюю палату Российского Парламента. А там можно было спихнуть с кресла хитрого, но не очень умного спикера Шумейко, подчинить палату своей воле и все начать, как говорится, по второму кругу.

Зная, насколько в Кремле в настоящее время озабочены положением в Чечне, Хасбулатов через сохранившиеся связи в высших коридорах российской власти, скромно предложил свои услуги, приложив и не очень затейливый план предстоящих действий.

Он, Хасбулатов, пользуясь своим авторитетом «общепризнанного лидера в Чечне», провоцирует восстание чеченского народа против диктаторского режима генерала Дудаева, свергает его, устанавливает в Чечне промосковское правительство, во главе которого и вливается в славную поступь новой России к своему будущему величию.

Справедливости ради надо заметить, что таких умников, как Хасбулатов, в Кремле было человек по десять в каждом кабинете. Предложенная бывшим спикером методика выхода из чеченского кризиса, автором которой он почему-то почитал самого себя, была не более, чем плагиатом, бесстыдно скопиро-

ванным с классиков практического коммунизма Ленина и Сталина, которые с успехом пользовались этой методикой ещё задолго до появления Руслана Хасбулатова на свет. А поскольку спикер и кремлевское руководство прошли одну политическую школу, то прекрасно знали эту методику, неоднократно применяемую от войны с Финляндией в 1939 г. до войны с Афганистаном в 1979 г. и без Хасбулатова. Более того, само имя Хасбулатова вызывало у всех в Кремле, включая в первую очередь и самого Президента, нервное подергивание губ и бровей.

Борис Ельцин, например, вообще не терпел в своем присутствии упоминания имени бывшего соратника по Верховному Совету РСФСР в любом контексте. Когда, после ареста Хасбулатова в октябре 1993 года, Президенту в качестве трофея достали знаменитую курительную трубку спикера, с помощью которой Хасбулатов пытался создать образ, хоть отдалённо напоминающий товарища Сталина, Борис Ельцин грохнул этой трубкой о стенку своего кабинета и радостно рассмеялся, увидев, как та разлетелась на куски.

Однако в политике, как мудро заметил Пиит, нет ни вечных друзей, ни, тем более, вечных врагов. Всё зависит от сиюминутных интересов. В Кремле уже начали действовать по знаменитой методике, авторство которой экс-спикер пытался приписать себе. Было уже создано так называемое Чеченское Правительство Национального Спасения во главе с вынутыми из Кремлевского нафталина Автурхановым и Хаджиевым, которых нельзя было даже назвать авантюристами, настолько они были бессловесными марионетками — жалкими и смешными, совершен-

но не приспособленными для тех смертельных игр, где их предполагали использовать.

В помощь им придали вооруженные формирования двух откровенных уголовников: Лабозанова и Гантемирова, изгнанных в своё время Дудаевым из Чечни за пристрастие к вооружённым разбоям и взяткам. Их боевые отряды, столь же недисциплинированные и буйные, как и их предводители, с военной точки зрения абсолютно ничего из себя не представляли, умея только терроризировать местное население. Больше Кремлю в Чечне ставить было не на кого.

И хотя к этому времени авторитет генерала Дудаева, которому на волне всех предыдущих бурных событий всё не было времени заняться внутренними делами своей республики, несколько померк у некоторой части населения; пришельцы из Москвы, обосновавшиеся в Надтеречном районе, никакого энтузиазма у чеченцев не вызывали.

А робкие рейды лабозановско-гантемировских отрядов через Терек по ничтожности своих результатов могли вызвать в Грозном разве что раздражение, чем какое-либо серьёзное опасение. Хотя Дудаев, без сомнения, понимал, что Москва от слов начала, по своему обыкновению, топорно и неумело, переходить к делу.

Несколько стычек отрядов Лабозанова с частями генерала Дудаева дали, однако, возможность Руслану Хасбулатову объявить себя миротворцем и в качестве такового отправиться в Чечню, дабы узнать обстановку из первых рук и доложить об этом в Кремле, куда его пока ещё не допускали.

Вернувшись в Москву, Хасбулатов был принят главой администрации Президента Филатовым и начальником охраны Президента генералом Коржаковым. Оба являлись старыми и добрыми знакомыми бывшего спикера. Филатов начинал как один из заместителей Хасбулатова, а с Коржаковым Руслан Имранович также встречался не раз в «медовые» дни своего змеиноного созревания на груди у президента Ельцина.

Доклад Хасбулатова дышал откровенным оптимизмом: режим Дудаева переживает глубочайший кризис. Генерал фактически не контролирует ничего и никого за пределами своего дворца в центре Грозного. Старейшины и армия им недовольны. Даже плохо вооружённым и ещё хуже обученным отрядам Лабозанова и Гантемирова (оба уже были произведены в полковники Российской армии) дудаевские незаконные формирования не способны дать достойного отпора. Если Кремль согласится предоставить в распоряжение оппозиции (так официально именовалась грубо сколоченная Москвой банда) десятка полтора танков (разумеется, с экипажами), примерно столько же БТР и БМП, а также звено самолётов и вертолётов огневой поддержки, то уже к концу ноября от дудаевского режима останется одно воспоминание.

Данные Хасбулатова почти полностью совпадали со сводками, представленными в Кремль Федеральной Службой Контрразведки и Главным Разведывательным Управлением, а потому решили с его доводами согласиться. В конце концов, и его самого тоже никогда не поздно прихлопнуть как муху. Пусть пока потаскает каштаны из огня.

С этого момента в официальных сводках стали появляться весьма странные выражения типа «танки оппозиции», «самолёты оппозиции», иногда называемые «самолётами неизвестной принадлежности» и такие же вертолёты огневой поддержки. Самолёты совершали налёты на Грозный, почему-то постоянно желая угодить зажигательными бомбами и ракетами в Национальный банк республики Ичкерия и в её Минфин. Всякий раз после этого Министерство Обороны России делало клятвенные заявления на весь мир, что оно не знает, откуда у «дудаевской оппозиции» взялись самолёты и вертолёты, но к Российским военно-воздушным силам они не имеют ни малейшего отношения. Подобные заявления делались как лично министром обороны Грачёвым, так и главкомом ВВС Дейнекеном, не говоря уже о чиновниках помельче. На вопрос какого-то корреспондента «откуда у чеченской оппозиции взялась собственная авиация», генерал Грачёв, со свойственной ему солдатской простотой, ответил: «Откуда я знаю».

Между тем, 24 ноября от Хасбулатова, окопавшегося в селении Толстой-Юрт, поступило донесение, что всё готово к штурму Грозного и свержению Дудаевского режима.

И уже вечером 25 ноября все средства массовой информации России передали долгожданное сообщение о том, что танки «оппозиции» после короткой артподготовки ворвались в Грозный и вплотную приблизились к президентскому дворцу. Наступление оппозиции было поддержано «точечными» ударами «оппозиционной авиации».

Находящиеся в Грозном телеоператоры показывали полыхающее здание Национального банка, отметив при этом, что «местонахождение генерала Дудаева неизвестно», ибо захваченный отрядом Лабозанова президентский дворец пуст. Что и подтвердил Автурханов, выступая по телевизору в 60 километрах к северу от Грозного.

В Кремле все облегченно вздохнули, а Сосковец, ставший к этому времени вице-премьером, на следующий день улетел в Японию по делам государственной важности. Перед отлётом он узнал от референта, что Дудаев, судя по последним сводкам ФСК, видимо, убит.

Весь день средства массовой информации передавали всякую чепуху вроде бедственного положения Московского балета на льду, застрявшего в США из-за отсутствия денег на билеты; прогоревшего «Хопра» с его краснодарским, «отличным от...», чаем; возобновления монашеского жития в Новодевичьем монастыре и т.п.

На экранах телевизоров депутат Марычев демонстрировал на заседании Думы порножурнал, где был изображён Владимир Жириновский, одевающий свою знаменитую кепку на голую девицу. Марычев доказывал, что это фотомонтаж и добился того, что депутаты всех фракций бросились его покупать, поскольку именно этим журналом были заполнены все думские киоски (злые языки пошучивали, что гонорар Марычева за рекламу журнала с трибуны парламента в десяток раз превысил его годовую зарплату за работу в качестве «шута президента»).

И только в конце дня пришло сообщение о полном разгроме сил «оппозиции», почему-то сообщив-

шей в Москву о своей блистательной победе. 14 русских танков догорали на улицах Грозного, а 70 российских военнослужащих оказались в плену у Дудаева.

Чтобы ни у кого не возникало сомнений по этому поводу, захваченных в плен российских офицеров и солдат показали по телевизору. Они немедленно были опознаны женами и матерями, которые кинулись в Думу искать правды у министра обороны генерала Грачёва и отловили его в каких-то коридорах правительственного здания.

Генерал был, как всегда, бодр. Губы его кривились в снисходительной ухмылке профессионала, вынужденного комментировать жалкую работу любителей. Полностью отрицая, что попавшие в плен имеют хоть какое-то отношение к Российской армии, министр обороны признался, что вообще этими событиями «мало интересуется». Видел что-то по телевизору и только. Всё страшно непрофессионально. Кто же, какой дурак, извините, вводит танки в город? «Да я,— продолжал генерал,— навёл бы там порядок за ДВА ЧАСА С ОДНИМ ДЕСАНТНЫМ ПОЛКОМ».

Между тем, генерал Дудаев заявил слетевшимся в Грозный представителям почти всех информационных агентств страны, что, если Россия в течение 72 часов не признает находящихся у него в плену офицеров и солдат своими военнослужащими — все они будут расстреляны. Неразберихи в обстановку добавил миротворец Хасбулатов, призвав эвакуировать всех детей из Грозного, поскольку город сегодня же подвергнется массированному удару с воздуха.

Президент Ельцин в этот день был и без того в прескверном настроении из-за провала очередной попытки переворота в Баку. Там шли массовые аресты подозреваемых, а Сурет Гуссейнов ударился в бег. Поскольку вербовать офицеров и солдат для чеченской «оппозиции» было поручено ФСК, то в Кремль немедленно был вызван шеф контрразведки Сергей Степашин. В этот момент Степашин был занят очень важным делом. Он подавал в суд на Жириновского, который публично обвинил директора ФСК в том, что тот является платным агентом американского ЦРУ и израильской службы «Моссад». Подавая исковое заявление в Сокольничий районный суд Москвы, шеф контрразведки требовал в качестве компенсации за свою оскорблённую «честь и достоинство» 300 миллионов рублей.

Прибыв к Президенту и узнав о сенсационных новостях, пришедших из Грозного, Степашин не нашёл ничего лучшего, как заявить, что его люди, вербовавшие офицеров и солдат в подмосковных частях (чтобы в целях экономии не ездить слишком далеко) брали у всех обязательство, что те ни при каких обстоятельствах в плен не сдадутся, а если попадут в руки дудаевцев, скажем, в бессознательном состоянии, то, естественно, не скажут ни слова.

Шеф ФСК подчеркнул, что все без колебания подписали подобное обязательство в обмен на 2 миллиона рублей, поскольку в частях уже 3 месяца не выдавали жалование и им нечем было кормить свои семьи. Если кто-то из них нарушил подписку, то, согласно действующему законодательству, будет привлечён к ответственности, включая и уголовную...

Президент плохо воспринимал подобные юридические витиеватости. Выругав в сердцах своего старого друга Хасбулатова, которому, как он теперь понял, нельзя доверять даже самых простых вещей, Ельцин приказал в целях сохранения лица на фоне набирающего размах скандала, предъявить Дудаеву официальный ультиматум. Текст ультиматума был составлен тут же. В нём говорилось, что под страхом введения чрезвычайного положения и вытекающих из этого положения мер, генералу Дудаеву предлагается в течение 48 часов прекратить огонь, освободить всех пленных и распустить свои незаконные вооружённые формирования. Для пущей важности Президент потребовал составить проект указа о призыве на действительную военную службу нескольких категорий офицеров запаса.

В конце совещания решили, что во всём виноват Хасбулатов, который оказался «треплом». Впрочем, заверил присутствующих Президент, он об этом знал всегда — ещё когда выдвигал Хасбулатова на своё место председателя Верховного Совета.

«Настало время,— глубокомысленно заметил Президент,— заняться этим вопросом серьёзно». По его приказу подготовлен проект секретного указа, который он намерен подписать завтра — 30 ноября, а сегодня обсудить некоторые детали. Все с готовностью согласились.

Согласно Конституции, гарантом которой был сам Президент, никаких секретных приказов издавать он права не имел. Никакой указ не имел юридической силы до его опубликования. Но кто когда-нибудь в России придавал значение подобным процессуальным мелочам?

Россия — великая страна и должна сама решать свои проблемы, а не доверять их разным авантюристам вроде Руслана Хасбулатова. Тем более, что после вчерашнего погрома в Грозном о местонахождении самого миротворца Хасбулатова ничего известно не было.

Тем не менее, как обещал миротворец Хасбулатов, примерно в 15 часов 10 минут по местному времени над Грозным появилась шестерка штурмовиков типа «СУ-27» и начала бомбить центр города, где располагался банк и Минфин.

Дудаев как раз в этот момент давал интервью корреспонденту Би-Би-Си. Англичан весьма интересовал вопрос, как президент Дудаев собирается реагировать на ультиматум президента Ельцина?

Не успел генерал ответить, как над Грозным загремели взрывы бомб и ракет. «Это только предупреждение,— усмехнулся Дудаев,— верьте моему слову — СКОРО НАЧНЁТСЯ НОВАЯ КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА».

Чуть позже в Москве пресс-секретарь президента Ельцина Вячеслав Костиков, собрав корреспондентов на брифинге, сообщил, что бомбившие Грозный самолёты «не были Российскими». «А чьими же они были? — недоумевали журналисты,— Американскими?»

Ложь, поспешно одеваясь в камуфляж, уже шла маршем по стране. В это время напомнил о себе Михаил Горбачёв, фонд которого выступил со специальным заявлением, призывая к прямым переговорам с Дудаевым и отказу от силового решения проблемы. «Как мы можем,— вопрошал бывший президент СССР,— считаться миротворцами где-то

в мире, если у себя дома не можем обойтись без войны».

Между тем, уполномоченный по правам человека при Президенте России, знаменитый в прошлом диссидент Сергей Ковалёв, из последних сил бился над тем, чтобы организовать прямые переговоры между Ельциным и Дудаевым, считая, что только подобные переговоры могут решить проблему русско-чеченских отношений. Контакта с Президентом Ковалёв не имел, действуя через помощника Ельцина по вопросам безопасности Юрия Батурина.

Идея подобной встречи витала в воздухе ещё с начала лета этого года, но её никак не могли организовать. Глава администрации Ельцина Борис Филатов, вздыхая, говорил: «Ну вот, опять нелестным образом Дудаев высказался о нашем президенте. Борис Николаевич очень обиделся. Встреча поэтому не может состояться. Борис Николаевич вне себя». В администрации Ельцина царил к этому времени уже такой порядок, установленный начальником службы безопасности Президента генералом Коржаковым, что уже никто не осмеливался повторить вслух те «нелестные отзывы», которыми президент Чечни вывел из себя Президента России. Кабинеты всех работников администрации прослушивались с помощью каких-то хитрых американских жучков, а задёрганные и нервные всевозможные советники, помощники, консультанты и референты даже между собой общались с помощью записок, которые тут же сжигали, как в шпионских фильмах середины 30-х годов.

Впрочем, планы генерала Коржаксва были значительно шире и оформлены в очередную «анали-

тическую» записку, которую он предполагал представить Президенту в ближайшем будущем.

Если бы кто-либо тогда сказал генералу Коржакову, что он является всего лишь проводником разработанной не в России политики разворота страны «фронтом на юг», он, наверное, даже и не понял бы, о чём идёт речь.

Такова наша служба безопасности!

Она, видимо, вся нацелена на то, чтобы наказывать всех «за нелестные высказывания» (или, как говорили в старину, «за непристойные речи») в адрес главы государства. И больше не видит ничего.

А, может быть, действительно прав Владимир Жириновский, почти каждодневно закатывающий истерики в Государственной Думе на тему о том, что вся наша служба безопасности вместе с её многочисленными аналитическими и исследовательскими центрами набита агентами ЦРУ и «Моссада»?

Как бы то ни было, но день 30 ноября 1994 года начался с налёта «нероссийских» штурмовиков на аэропорт Грозного, где стоял личный авиалайнер Дудаева и несколько учебных самолётов, принадлежавших военно-воздушным силам Ичкерии.

Самолёты были повреждены или уничтожены.

«Поздравляю Вас и ВВС России с достижением господства в воздухе в небе Ичкерии. Встретимся на земле»,— телеграфировал Дудаев главкому российских ВВС генерал-полковнику Дейнекину.

Главком немедленно собрал пресс-конференцию, на которой выразил недоумение по поводу очередной выходки Дудаева.

«Ни один российский самолёт,— подтвердил

словом офицера генерал,— не задействован в событиях в Чечне».

В журналистских кругах уже царил нервный хохот. Так чьи же самолёты, бомбящие российскую территорию, столь вольготно чувствуют себя в небе России. Ведь Чечня — это часть России. Куда смотрят хвалёная служба ПВО и Президент?

Что касается президента Ельцина, то он просматривал текст своего секретного указа о восстановлении «конституционной законности в Чечне». Через несколько часов должно состояться совещание Совета Безопасности, на котором предполагалось заслушать аналитическую записку, подготовленную генералом Коржаковым, а также министра обороны, директора службы контрразведки, директора службы внешней разведки, министра по делам национальностей и ещё ряд ответственных руководителей. В Кремле уже сами не замечали того, что говорят о Чечне в терминах иностранного государства, против которого готовится агрессия.

Сбор Совета Безопасности был отложен из-за споров — приглашать или нет на него «спикеров» палат: Рыбкина и Шумейко, отличавшихся крайней болтливостью. Было решено пока не приглашать, а информировать их несколько позже явочным порядком.

А за Кремлёвскими стенами бушует демократическая печать и электронные средства массовой информации.

«Ничейные пленные ничейной страны!» — кричат газетные заголовки.

«Россия в очередной раз предала своих солдат!»

На экранах телевизоров хмурые, заросшие щетиной лица российских военнослужащих, охотно дающих показания всем кому попало. Сыпятся звания, фамилии, номера войсковых частей, фамилии вербовщиков, подробности оплаты. Налицо крупный провал очередной операции, проведённой вкупе армией и ФСК.

Председатель думского комитета по обороне Сергей Юшенков объявил, что завтра с группой депутатов собирается лететь в Грозный в попытке спасти от обещанного растрела хотя бы часть русских солдат.

А в Грозном над дворцом президента развевается боевой зелёный флаг республики Ичкерия, украшенный оскаленной волчьей головой.

Волк — турецкий символ свободы и независимости — был получен Дудаевым от поклонников из организации «Серые волки» во время визита на остров Кипр, куда Дудаев выезжал по делам «Кубанского банка» Николая Егорова в 1993 году, улаживая финансовые дела с московскими «концессионерами», которые уже шли в тупик. Но «Волк» ему понравился. «Если я когда-нибудь понадобится вам,— сказал Дудаев туркам-киприотам,— позовите меня по-волчьи. Вот так: у-у-у-уу!»

У стен дворца с обнажённой шашкой в руке заходится в воинственном танце белобородый потомок шейха Мансура: «Победа или смерть, да услышит нас Аллах! Победа или смерть, да поможет нам Аллах!»

Старики в папах и черкесках кружатся в танце, кто с саблей, кто с палкой. Толпа на площади скандирует: «Газават! Газават! Газават!» По дворцу

Дудаева важно шествует прибывший из Афганистана ученый богослов Хабибулла — ветеран войны против советской армии — с новеньким ручным пулемётом на шее и Кораном в руках. «Долг каждого правоверного,— восклицает он, как-будто стоит не в коридоре, а на минарете,— убивать неверных!» Ибо, как сказал великий Абу ал Мауди, «вера проходит проверку в Джихаде».

Сам Дудаев совещается со своим начальником штаба Масхадовым, бывшим полковником советской армии, служившем, как и Дудаев, в Прибалтике. На столе президентского кабинета расстелены стратегические карты. Дудаев в элегантной пилотке и камуфляжной куртке, из-под которой видна белоснежная рубашка с галстуком. Менее элегантный Масхадов в национальной барашковой папахе и боевом комбинезоне. Рука с карандашом скользит по карте.

По сведениям разведки, война Москвой уже решена. На аэродромы Ставропольского края и в Моздок один за другим садятся тяжёлые транспортные самолёты с войсками. К границам Ичкерии двигаются бронетанковые колонны. Вряд ли вся эта демонстрация, требующая огромных средств, задумана только ради устрашения, чтобы мы стали уступчивее. Вторжение произойдёт в пределах следующего месяца. Когда — мы узнаем точно из наших источников в окружении генерала Грачёва.

Вторжение может произойти с любого из трёх направлений и, вероятнее всего, произойдет сразу с трёх направлений: из Надтеречного района, из Ингушетии и с территории Дагестана. Видимо, главной целью будет захват и удержание стратегического шоссе Ростов-Баку и некоторых ключевых населённых

пунктов по этой трассе вроде Самашек и Чечен-Аула. При одновременном блокировании Грозного. «Или его штурма?» — предложил Дудаев. Масхадов с сомнением покачал головой. Генерал Грачёв — это все-таки не идиот Лабозанов. Он не бросит свои танки в большой город с почти полумиллионным населением, подавляющая часть которого — русские. Если в Москве делают очередную попытку заявить о себе как о великой державе путём уничтожения чеченского народа, то сама логика должна подсказать им оказывать повышенную заботу и внимание русскому населению республики, сконцентрированному, главным образом, в Грозном и Гудермесе. Таким образом, складывается очень интересная тактическая схема. Если русские войска будут действовать в рамках оптимальной стратегии, то, пробиваясь вдоль шоссе Ростов-Баку и блокируя Грозный, они автоматически попадают в двойное окружение и могут быть изолированы друг от друга с последующим уничтожением.

В теории всё выглядело вполне логично. Ни Дудаев, ни Масхадов не предполагали, что русские войска, попавшиеся во все расставленные для них ловушки, начнут использовать на собственной территории, каковой они считают Чечню, все средства массового поражения (пока ещё кроме ядерного), которые Россия копила для будущей войны с Соединенными Штатами и их союзниками в борьбе за мировое господство, стараясь морями крови замаскировать удручающую бездарность своих генералов и полное отсутствие боевой подготовки у солдат.

А это означало, что они плохо знали своего потенциального противника, с которым собирались воевать.

Население же Чечни, в отличие от своего президента, подчиняясь исключительно собственной исторической памяти или, говоря современным языком, «генной информации», совсем не разделяло оптимизма, царившего в Дудаевском дворце. С того момента, как во второй половине XVIII века на стол Всероссийской императрицы Екатерины II легло на утверждение первое «Руководство по истреблению чеченцев», население хорошо знало, что его ждёт в случае очередного вторжения русских войск. А начавшиеся «точечные» бомбёжки Грозного таинственными самолётами «оппозиции», показали, что подтверждаются их самые худшие опасения.

Ни у генерала Ермолова, ни у генерала Барятинского, ни даже у спецвойск НКВД товарища Сталина авиации не было.

Поток беженцев хлынул в Ингушетию, Дагестан и Северную Осетию. Чеченское население Грозного эвакуировалось к родственникам в сельскую местность. В Чечне все друг другу родственники и узы родства там почитаются и чуть ли не возводятся в культ.

Но двухсоттысячному (по самым скромным оценкам) русскому населению Грозного бежать было некуда. Задерганное и униженное тремя годами правления Дудаева и собственным непонятно-подвешенным статусом, подогреваемым распространяемыми Москвой слухами о неизбежной резне и (или) массовом выселении, русское население решило ждать прихода родной армии, не двигаясь с места и в душе даже радуясь, что приходит конец дудаевскому режиму.

В 18:00 «самолёты оппозиции» нанесли новый удар по аэропорту Грозного, разрушив бетонобойными бомбами взлётную полосу. По самолётам велся интенсивный зенитный огонь. Выли сирены воздушной тревоги. Им подвывали сирены автомашин скорой помощи, развозившие по больницам первых мирных жителей, искалеченных русскими авиабомбами. Раненые жители Грозного лежали в одних палатах со взятыми в плен русскими солдатами, поражёнными при бездарном выполнении гениального хасбулатовского замысла. Жители — русские, солдаты — русские, бомбы — русские. Только хирурги были чеченцами.

Один из самолётов был сбит и в грохоте огненного смерча упал где-то в пригородном районе Черноречье. Пилот погиб. Возможно, он остался верен подписке, лежащей в одном из сейфов на Лубянке.

Намеченное в Москве совещание Совета Безопасности было вновь отложено. Президент собрал только узкий круг заинтересованных лиц, жаждущих войны и крови. Кроме верного Коржакова, присутствовали: вице-премьеры Сосковец и Егоров, министр обороны Грачёв, министр внутренних дел Ерин и министр иностранных дел Козырев. Последнего решили заслушать в первую очередь, ибо по заданию Президента он осторожно прозондировал реакцию западных стран на предполагаемые действия в Чечне, которые были дипломатично названы мероприятиями «по восстановлению конституционного порядка и разоружению незаконных вооружённых формирований».

По словам Козырева, никто из так называемой

«большой семерки» даже бровью не повёл. Все согласились, что планируемое мероприятие является исключительно внутренним делом России. Только настырные французы и англичане, которым вечно больше других надо, что-то промямлили о правах человека и просили их, по возможности, не нарушать, на что Козырев с готовностью согласился.

Президент сидел, тяжело утонув в кресле, на спинке которого рельефным золотом был изображён двухглавый орёл. Как на троне государей московских. Глаза его были полуприкрыты набухшими веками, а нижняя губа, выдвинувшись вперёд, слегка провисла, что служило верным признаком того, что Президент снова занемог. Потому официально сегодня Совет Безопасности решили не собирать, а перенести на завтра в надежде на то, что, попарившись в баньке, Президент с Божьей помощью преодолееет хворь и решит массу накопившихся вопросов.

Пока же ему подсунили на подпись заранее заготовленный указ о назначении вице-премьера Николая Егорова полномочным представителем Президента Российской Федерации в Чечне.

Президент взглянул на генерала Коржакова. Тот молча кивнул. Президент шумно выдохнул накопившийся в лёгких воздух и подписал.

Мечта «Кубанского банка» осуществилась! Николай Егоров был назначен в Грозный на «хлебное» место генерала Дудаева. Сосковец и Грачёв первыми принесли министру национальностей свои поздравления. Ерин радовался гораздо меньше, отлично понимая, что ему как министру внутренних дел в конечном счёте придётся отвечать за всё и за всех.

Глава 2

ЦИТАТЫ

«Секретно!

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

“О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики”.

В связи с продолжением вооруженного конфликта в Чеченской Республике, неподчинением требованиям о прекращении огня, сдаче оружия, роспуске вооруженных формирований, освобождения всех захваченных и насильственно удерживаемых граждан, гибелью гражданского населения и в соответствии со статьей 88 Конституции Российской Федерации, Законом РСФСР “О чрезвычайном положении” и Законом Российской Федерации “О безопасности” *п о с т а н о в л я ю*:

1. Осуществить с 6 часов 00 минут 1 декабря 1994г. мероприятия по восстановлению конституционной законности и правопорядка в Чеченской Республике согласно прилагаемому плану.

2. Создать Группу руководства действиями по разоружению и ликвидации вооруженных формирований, введению и поддержанию режима чрезвычай-

ного положения на территории Чеченской Республики (далее именуется Группа) в следующем составе:

ГРАЧЕВ П.С.— Министр обороны Российской Федерации (руководитель).

ЕГОРОВ Н.Д.— Министр Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике.

КРУГЛОВ А.С.— Председатель Государственного Таможенного комитета Российской Федерации.

ЕРИН В.Ф.— Министр Внутренних дел Российской Федерации.

КУЛИКОВ А.С.— Заместитель Министра Внутренних дел Российской Федерации.

НИКОЛАЕВ А.И.— Главнокомандующий Пограничными Войсками Российской Федерации.

ПАНИЧЕВ В.Н.— Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации — Главный военный прокурор.

ПАСТУХОВ Б.Н.— Заместитель Министра Иностранных дел Российской Федерации.

СТАРОВОЙТОВ А.В.— Генеральный директор Федерального Агентства правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации.

СТЕПАШИН С.В.— Директор Федеральной службы контрразведки Российской Федерации.

ШИРШОВ П.П.— Председатель Комитета по вопросам безопасности и обороны Совета Федерации Федерального Собрания (по согласованию).

ЮШЕНКОВ С.Н.— Председатель Комитета по обороне Государственной Думы Федерального Собрания (по согласованию).

3. Предоставить руководителю Группы Грачеву П.С. полномочия по координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и сил

обеспечения безопасности при реализации плана мероприятий по восстановлению конституционной законности и правопорядка в Чеченской Республике, привлечению в случае необходимости к ответственности должностных лиц, участвующих в указанных мероприятиях, вплоть до отстранения их от выполнения служебных обязанностей, а также по использованию средств и ресурсов, направленных на решение задач по восстановлению конституционной законности и правопорядка в Чеченской Республике.

Установить, что распоряжения и приказы руководителя Группы *Г Р А Ч Е В А П.С.* обязательны для исполнения органами исполнительной власти, органами внутренних дел, органами контрразведки, воинскими частями внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации и Пограничных войск Российской Федерации, предприятиями, организациями и учреждениями, а также должностными лицами, принимающими участие в реализации плана мероприятий по восстановлению конституционной законности и правопорядка в Чеченской Республике.

4. Возложить на Группу следующие основные задачи:

— обеспечение прекращения вооруженных столкновений, разоружение и ликвидация вооруженных формирований на территории Чеченской Республики.

— организация действий по освобождению захваченных и насильственно удерживаемых граждан.

— организация установления особого режима въезда и выезда, а также особого порядка передвижения в зоне чрезвычайного положения.

— обеспечение при необходимости деятельности особых форм управления на территории Чеченской Республики.

— создание условий для восстановления законности и правопорядка в Чеченской Республике.

— организация переговоров по урегулированию вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики мирными средствами.

— разработка предложений по организации внешнеполитического и информационного обеспечения нормализации обстановки в Чеченской Республике, а также по оказанию срочной гуманитарной помощи населению.

5. Настоящий Указ вступает в силу с момента его подписания.

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Б.ЕЛЬЦИН.

Москва, Кремль 30 ноября 1994 года».

«УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

“О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта”

Совет Безопасности Российской Федерации констатировал наличие незаконных вооруженных формирований, деятельность которых в течение продолжительного времени вызывает кровопролитие, уносит жизни и нарушает права граждан Российской Федерации в Чеченской Республике и некоторых

районах Северного Кавказа Российской Федерации...

На основании статьи 80 Конституции Российской Федерации *п о с т а н о в л я ю*:

1. Поручить Правительству Российской Федерации в соответствии с пунктами “д” и “е” статьи 114 Конституции Российской Федерации *и с п о л ь з о в а т ь* все, имеющиеся у государства средства для обеспечения государственной безопасности, законности, прав и свобод граждан, охраны общественного порядка, борьбы с преступностью, разоружения всех незаконных формирований.

2. Настоящий Указ вступает в силу со дня его опубликования.

Президент Российской Федерации
Б.ЕЛЬЦИН

Москва, Кремль. 20 декабря 1994г.

«...Джохар Дудаев провозгласил и стал настойчиво осуществлять идею выхода Чечни из состава Российской Федерации. Несмотря на то, что ни одна страна мира не признала режим Дудаева и провозглашенную им независимость Чеченской Республики, он и его окружение продолжали упорно следовать избранному курсу. В этих условиях оставался единственный путь восстановления конституционного порядка в Чеченской Республике — разоружить бандформирования... Силами милиции и внутренних войск МВД, не имеющих на вооружении тяжелой техники, это сделать было невозможно. От добровольной сдачи оружия дудаевские формирования отказались. Не достигла цели и объявленная федеральными властями амнистия. Возникла необходи-

мость ввода на территорию Чечни частей Вооруженных сил Российской Федерации».

Из обращения к личному составу Вооруженных сил 10 декабря 1994г.

«Важнейшая составляющая событий в Чеченской Республике — трагическая судьба чеченцев. В прошлом веке — жестокая, более чем полувековая кавказская война с ее огромными людскими потерями, а затем исходом в Турцию и на Ближний Восток. В нынешнем — поголовная депортация в Северный Казахстан в 1944г. Все это не могло не оставить глубоких шрамов в памяти народа и не породить глубокого недоверия не только к центральной власти, но и к власти вообще».

С.Шахрай, 27 сентября 1994г.

«...С революцией 1917 года война на Кавказе разгорелась с новой силой. В марте 1920г. на Северном Кавказе утвердилась Советская власть, от которой горцы ждали улучшения жизни. Однако, вместо отдельных грабежей, периодически проводимых русской армией, они получили хорошо организованный государственный грабеж.

Первое восстание вспыхнуло в Чечне и Дагестане еще в сентябре 1920 г. Оно было подавлено только в мае 1921 года, когда были разгромлены главные силы повстанцев и прекратилось поступление к ним помощи из Грузии. Несмотря на подавление восстания, на руках у чеченского населения осталось очень много оружия, которое они часто пускали в ход при постоянных нападениях на гарнизоны и

посты Красной Армии. 31 июля 1925 г. Реввоенсовет Северо-Кавказского военного округа принял решение: “Провести разоружение горной Чечни и самых опасных ее районов”. К операции были привлечены около 7000 человек при 24 орудиях, 240 пулеметах и 7 самолетах. В отчете об операции говорилось: “Чечня разоружена. Изъято 23044 винтовки, 4300 револьверов, большое количество патронов. Вся головка контрреволюционного подполья: Гоцинский, шейх Ансалтинский, Атаби Шамиев и др. схвачена вместе с тремястами уголовниками и мелкими контрреволюционерами. Сожжено 120 домов”.

По планам коллективизации национальные автономии Северного Кавказа должны были подвергнуться этому мероприятию в 1932—33 гг. Ответ местного населения был быстрым: в Чечне вспыхнуло новое восстание. Жители аула Урус-Мартан написали властям: “В Урус-Мартане у нас отобрали весь хлеб и объявили, что пока мы не сдадим хлеб, власти закрывают мечеть. У того, у кого нет хлеба, отбирают скот, у кого не осталось скота, отбирают одежду. Лучше умереть в горах с оружием в руках, чем оказаться без брюк в ГПУ”.

Восстание началось 23 марта 1932 г. Уже 27 марта части 28-ой стрелковой дивизии выдвинулись в район Грозного, а на следующие сутки — вступили в бой. К 5 апреля восстание было подавлено. В докладе штаба округа отмечалось исключительно ожесточенное сопротивление повстанцев: атаки, в которых участвовали даже женщины, хождение в атаку сомкнутым строем с религиозными гимнами.

С началом Великой Отечественной войны повстанческое движение разгорелось вновь. Для борь-

бы с повстанческим движением были сформированы спецчасти внутренних войск НКВД. “В начале октября 1941г.,— говорится в официальном документе,— на территории нескольких районов Чечено-Ингушской АССР немецко-фашистскими агентами было поднято вооруженное восстание, в результате которого были разгромлены большинство колхозов и сельсоветов”.

С 30 октября по 5 ноября части НКВД во взаимодействии с частями Красной Армии разгромили бандитов, изъяв 78 винтовок и 3 пулемета, потеряв 5 человек убитыми и 8 ранеными.

Летом 1942 года вспыхнуло очередное восстание сначала в Шатоевском, а затем — в Итум-Калинском районах. Восставшим удалось захватить районные центры Химой, Шатой, а затем и Итум-Кале. 20 августа 141-ый полк НКВД выбил повстанцев из Шатоя. Подход немецких войск к этому району (немцы взяли Моздок и двигались на Владикавказ) стимулировал еще больший размах восстания, который чуть не привел к крушению фронта Красной Армии на данном направлении.

После отхода вермахта с Северного Кавказа большая часть повстанцев ушла с ними. Остальные после двухмесячных ожесточенных боев с частями Красной Армии и войск НКВД были рассеяны по горам. Бои шли с применением артиллерии и авиации. Было стерто с лица земли более 40 аулов, уничтожено 3830 жилых домов и хозяйственных построек. Все мужское население от 12 до 65 лет было собрано в концлагерях, расположенных в предместьях Грозного и Моздока.

23 февраля 1944 года специально созданная груп-

пировка внутренних войск совершила беспрецедентную операцию по выселению всего чечено-ингушского населения (до единого человека, включая стариков, женщин и грудных детей) в Среднюю Азию и Казахстан.

Однако, и после указанного мероприятия мелкие группы повстанцев численностью до 50 человек продолжали действовать в труднодоступных горных районах вплоть до 1957 года, когда чеченцам и ингушам было разрешено вернуться на места традиционного проживания...»

Реферативная справка, разосланная в штабы вплоть до полкового уровня.

«Сов. секретно.

ПРИКАЗ

Министра обороны Российской Федерации
и Руководителя Группы по разоружению
и ликвидации вооруженных формирований
на территории Чеченской Республики.

Т.т. Егорову Н.Д., Ерину В.Ф., Степашину С.В.

На основании секретного Указа Президента РФ "О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики" ведется подготовка по вводу в Чеченскую Республику одной дивизии Внутренних Войск и двух дивизий Министерства Обороны...

В связи с ожидающимся массовым, но неорганизованным сопротивлением принято решение воспользоваться этим обстоятельством и осуществить массовую депортацию местного населения под ви-

дом его организованного вывода из зоны боевых действий в другие районы Российской Федерации, которые будут определены особо.

Для этой цели на территориях Ингушетии, Северной Осетии и Ставропольского края развернуть лагеря временного содержания...

Внешнеполитическое и информационное обеспечение указанных мероприятий должно проводиться *т о л ь к о* как гуманитарная акция во имя спасения мирного населения Чеченской Республики от злодеяний дудаевских бандитов...

Для организованного проведения комплексных мероприятий как гуманитарной акции создать координационный орган из представителей Министерства Обороны, Министерства Внутренних Дел, Министерства по делам национальностей и региональной политике, Федеральной службы контрразведки и Министерства по Чрезвычайным Ситуациям...

Всю практическую работу по депортации населения должно проводить Министерство по Чрезвычайным Ситуациям..."

Министр Обороны Российской Федерации и Руководитель ГРУППЫ

генерал армии ГРАЧЕВ П.С.».

«Неопознанные» вертолеты разбрасывали копии этого «совершенно секретного» приказа над многими селами Чечни в период с 8 по 10 декабря 1994г. Насколько этот приказ был подлинный — судить не беремся, но командующий ВДВ генерал-полковник Подколзин как-то проговорился прямо в телеинтервью, что подобный приказ существовал. Раздраженный ожесточенными боями в Грозном и боль-

шими потерями вообще, и своих десантников, в частности, генерал Подколзин заметил, что бездарная тактика Грачева «помешала провести организованную депортацию населения в другие районы России».

«Совершенно секретно.

Штаб Северо-Кавказского военного округа.

Министр обороны Российской Федерации приказал: 11 декабря 1994г ввести две мотострелковых и одну танковую дивизии на территорию Чеченской Республики для оказания содействия органам внутренних дел в восстановлении конституционной законности и правопорядка... Ориентировочный срок окончания операции — не позднее 20 декабря 1994г...»

«Итак, война началась. Больше мы не можем гордиться Россией, как островом национальной стабильности и бескровного развития. Идет война в России: гражданская, если смотреть из Москвы, национально-освободительная, если смотреть из Грозного. Отделение Чечни и ряда других регионов Северного Кавказа, видимо, вещь уже неизбежная, не зависящая ни от Ельцина, ни от кого бы то ни было другого. Никакой Ельцин, никакой Грачев-Ерин-Степашин-Егоров не могут остановить исторического процесса. Северный Кавказ за сто с лишним лет так и не стал составной органической частью России. Трудно завоеванный, искусственно вырванный из мусульманской уммы, переживший кровавые революционные события и послевоенный геноцид, Северный Кавказ был обречен на отделение. Прогнозиро-

вать развитие событий на театре военных действий, как всегда, почти невозможно, тем более на войне, которая имеет все шансы перерасти в партизанскую. Но политические последствия агрессии очевидны... При любом развитии событий президент проиграет. Попытка захвата столицы Чечни и подавления всех крупных очагов сопротивления вполне могут оказаться неуспешными. Не следует особенно доверять похвале Павла Грачева о том, что он справился бы с Грозным за *д в а* часа. Бездарный командующий с деморализованной армией (и еще дополнительно деморализованной за несколько дней до вторжения авантюрой с наемниками) — далеко не самый лучший инструмент для военной победы, которая вряд ли будет достигнута не то что за два часа, а даже за два месяца. Возможен и просто разгром наших войск при попытке штурма Грозного... Президент все более и более производит впечатление человека, находящегося в информационном коконе, живущего в какой-то воображаемой стране, созданной для него его ближайшим окружением. Чьими глазами смотрит президент на мир? Грачева? Лобова? Егорова?»

«Впервые со времен гражданской войны вооруженные силы России заняли исходные позиции для открытого и прямого подавления своих сограждан. Мощь одной из крупнейших армий мира, снаряженной в свое время для ведения 3-й мировой войны, пусть и поблекшая после распада империи, начала боевые действия на собственной российской территории... Колоссальная, но, по существу, безликая, военная мощь, потому что у России нет сейчас политических лидеров, осознающих и, что не менее

важно, олицетворяющих масштабы случайно попавшей им в руки военной машины, а соответственно, и масштабы, и степень ответственности, лежащей на них...»

«Центр Грозного кажется адом... Город мертв. Там нет целых домов, почти нет людей без автоматов. В довершение апокалиптичности картины над городом висит смог, накрывший Грозный темным колпаком. Стоят солнечные ясные дни, а в чеченской столице полутемно и сыро. Это копоть от нефтяных пожаров. Первая бомба попала в нефтехранилище 28 декабря, на следующий день после знаменитой ельцинской речи о “прекращении бомбардировок”. Потом нефтяные склады бомбили под Новый год, а первого (января) расстреливали из танковых орудий.

Когда начался предновогодний штурм, то казалось, что судьба Грозного решена и взятие дворца Дудаева — вопрос нескольких часов. Но к вечеру стало ясно, что штурм провалился. Колонны пленных и пылающие перед дворцом российские танки создавали какую-то неправдоподобную картину. Еще более неправдоподобным оказалось то, что на следующий день, первого января, картина повторилась в точности. Точно так же, без боя и без сопротивления в центр города пропустили всю танковую колонну. При этом складывалось впечатление, что входившие в город были дезинформированы и полагали, что занимают уже побежденный Грозный. Они оказались совершенно не готовы принять бой.

Официальные предновогодние информационные сообщения действительно беззастенчиво лгали, что

город и чуть ли не дворец контролируются российской армией, и лишь “отдельные группы” продолжают сопротивление... 1 января танковую колонну, как и накануне, разделили на сектора и уничтожили из гранатометов. На следующий день в Грозном догорало около ста пятидесяти единиц российской бронетехники.

В результате этой двухдневной операции погибли несколько сотен российских солдат, около ста были захвачены в плен. Отдельные группы пехотинцев, въезжавших на танковой броне в город, уцелели и еще два-три дня вели автоматный огонь, пытаюсь то ли вырваться из города, то ли закрепиться в ожидании подмоги. Однако, к четвертому числу, когда им на помощь в Грозный был брошен десант, с ними уже было покончено...»

«Летчики в Чечне не рискуют практически ничем. “Стингеров” у дудаевцев нет. Самолеты сбрасывают бомбы с бреющего полета и попадают строго в цель: в больницу, дом инвалидов, рынок с массовым скоплением людей. Начиная со второго января, тактика бомбардировок несколько изменилась. После поражения новогоднего штурма начали бомбить преимущественно провинцию, причем там, где больше людей: крупные базары, автостоянки, места, где скуплено стоят дома. В Шали на общереспубликанский рынок автодеталей сбросили шариковую бомбу. В тот же день и там же бомбили больницу и продовольственный рынок. Потом большие села Атаги и Комсомольское, потом село Чечен-Аул, потом...

Что бы ни говорила официальная пропаганда, действия российской армии не оставляют сомнения:

она рассматривает чеченское сопротивление именно как народную войну и рассматривает все население Чечни, как своего противника... Когда российские войска занимают жилой дом, подвалы забрасывают гранатами».

«В Грозном десантники не испытывают трепета пред морскими пехотинцами; последние, в свою очередь, презирают обычную пехоту; войска, как таковые, ненавидят внутренние войска; и все вместе не любят начальства. Но, по большому счету, эта трудная система взаимоотношений не так интересна. Гораздо интереснее как-раз то, чего различным родам войск и силам МВД удалось добиться совместными усилиями.

Города Грозного, как показали первые же пятнадцать минут поездки на БТРе, больше не существует. До нового года окруженная войсками чеченская столица была все же похожа на крупный населенный пункт: стояли дома, в них жили люди, по улицам ездили машины. Ничего подобного теперь нет. Грозный представляет собой огромное пространство, покрытое разрушенными и полусгоревшими зданиями. Город умер. Умер и живет какой-то жуткой потусторонней жизнью. Артиллерия лупит куда-то почти без передышки круглые сутки. Время от времени в воздухе появляются самолеты и методично бомбят квартал за кварталом. В ночном небе долго полыхают пожары, которые никто не тушит. На улицах валяются неубранные трупы наших солдат. Их грызут бродячие собаки...

Красивая война с профессиональными солдатами, умными офицерами, точечными попаданиями, исправной

техникой и гуманными мыслями вместо вшей под каской стоит очень дорого. Она стоит трезвомыслящего президента, грамотного правительства, стабильной экономики и работающего населения. Наша *нищая, нечестная* страна не может вести такой войны. Не может. А потому и не ведет.

24 января практически полным составом погиб прибывший в Чечню спецназ ГРУ. По официальной версии, в здание, где находились спецназовцы, попал вражеский снаряд. Однако, многие утверждают, что все было несколько иначе. Отряд, чтобы не выставлять постов, обложил себя минами, а, кроме того, занес в здание около 370 килограммов взрывчатки — так называемого пластита, который запрещено хранить в таких диких количествах. Когда здание взлетело на воздух, в живых остался только командир отряда, вышедший на улицу по нужде. Он был настолько пьян, что не мог вспомнить, сколько его людей осталось в помещении. За два дня раскопок в здании было найдено 46 трупов...

Но даже это не идет ни в какое сравнение с теми большими “прелестями”, которые приносит с собой вход в город озлобленной потерями нищей армии. Участь людей, на своей шкуре переживающих восстановление войсками конституционного порядка — терпеть от них грабежи и мародерство. При этом как-то само собой забывается, что Грозный — это русский город, а его население на 80 процентов русское. Грабежи и мародерство достигли такого размаха, что иногда даже складывается впечатление о проведении со всем личным составом “политинформации”, отдающей им город на поток и разграбление в случае его взятия. Солдаты заходят в незнако-

мые им дома, памятуя о следующей инструкции командования: “В подъезд входить вдвоем — сначала граната, потом ты”. С помощью гранат на этажах выносятся двери, а вместе с ними электроника, телевизоры, видеотехника и другие вещи, представляющие хоть какую-нибудь ценность.

Военная контрразведка, как утверждают ее офицеры, пытается пресечь наиболее вопиющие случаи грабежей и мародерства, но признает: за всеми уследить невозможно. И поэтому, хотя на дверях многих квартир в Грозном висят объявления типа: “Квартира ограблена три раза. Просьба не беспокоить”, в городе ожидают очередной волны бесчинств. Так, собственно, и чувствует себя население, спасаемое Россией уже третий месяц подряд. Такова степень радости от наступающего со всех сторон “конституционного правопорядка”...»

«При Ростовском окружном госпитале развернут “город мертвых”, куда свозят трупы российских военнослужащих, погибших в Чечне. Всего таких палаток на спецтерритории, куда без особого пропуска хода нет, семь. В палатках стоят трехярусные солдатские койки, на которых по несколько тел на койке сложены трупы. Главная процедура — опознание. Сделать это трудно, а порой — просто невозможно. У одного из мертвых солдат нет рук и половины головы. У другого, с биркой “неопознанный”, не осталось почти ничего. Те немногие куски его тела, что удалось собрать, связаны простыней в узелок. А от третьего, по соседству, сохранилось все, кроме головы. Вместо нее лежит что-то круглое вроде мячика из папье-маше. Все тела — голые, цвет

кожи — иссиня-красный. Обугленные трупы напоминают древние, высохшие до самых костей мумии. Смотреть на такое без ужаса невозможно.

Именно поэтому матерей, приезжающих в Ростовский окружной военный госпиталь на опознание своих сыновей, в палатки с трупами стараются не пускать. В “городок”, огражденный забором с маскировочной сеткой от остальной территории госпиталя, пропуск, конечно, выписывают; но исключительно тем, чьи погибшие сыновья проходят по спискам Ростовского медицинского отряда особого назначения. Поскольку все госпитальные трупы под номерами, служащие “городка” находят их быстро, и после опознания родными несут на обработку в морг. Следующий этап — запайка в цинковый гроб... Мать, опознавшая своего сына-пехотинца, сгоревшего в БМП, истерически рыдала. Она не могла себе простить, что отпустила сына на войну. “Надо было ему хоть пальцы отрубить, хоть руку, только бы не взяли служить”, — причитала она...

Кроме “городка”, существуют еще “вагоны”. За железными воротами КПЦ, у единственной платформы какого-то железнодорожного тупика стоят несколько вагонов-рефрижераторов. Позавчера их было пять, сегодня уже восемь... Весь вагон, кое-где покрытый изнутри инеем, был до отказа набит трупами. Они лежали на таких же, как и в “трупном городке” трехярусных стеллажах, состоящих из брезентовых носилок, и почему-то были слегка присыпаны землей. Во втором вагоне лежали трупы “похуже”. Если первые были почти целы, то эти, в большинстве, оказались завернуты в простыни, откуда торчали голые, землистого цвета ступни. На

одних брезентовых нарах лежала обугленная грудная клетка. Рядом — обгоревший до черноты труп в неестественной позе...

Особенно тяжело всем стало после вскрытия шестого вагона, где на носилках лежали бесформенные куски человеческого мяса. Покрупнее — открытыми, помельче — завязанными в простыни. Открывают восьмой вагон. Все находящиеся в нем трупы завернуты в фольгу... Хоронить всех, кого не опознали, предполагают в Ростове. В братской могиле. Но случится это только после особого распоряжения правительства. А пока все безымянные трупы солдат и офицеров будут храниться в “морозильниках” на тех же железнодорожных путях».

«Промежуточные итоги военной операции выглядят удручающе. За три месяца ожесточенных боев федеральным войскам удалось захватить Наурский, Надтеречный, Щелковский районы, поскольку сопротивление здесь почти не оказывалось, и взять под относительный контроль руины Грозного. Остальная территория республики частично (“день — ваш, ночь — наша”) или полностью контролируется ополченцами. Российские войска, по разным оценкам, потеряли убитыми около пяти тысяч человек. Среди мирного населения погибло свыше двадцати тысяч человек. Более трехсот тысяч стали беженцами. Шесть населенных пунктов уничтожены полностью, восемьдесят разрушены частично. В ближайшие дни, если ополченцы не прекратят сопротивление, будут полностью разбомблены города Аргун, Самашки, Шали...

С первых же дней чеченской операции стало ясно, что в российской армии нет ни одной пол-

ностью боеготовной дивизии (и даже полка). Никогда еще не было, чтобы военные округа формировали “с нуля” сборные воинские части и отправляли их на войну. Даже элитные Кантемировская и Таманская дивизии собирали офицеров и солдат из разных подразделений. По сведениям их Генштаба, до 60-ти процентов экипажей танков, боевых машин, расчетов формировались по пути в Моздок или непосредственно перед наступлением.

В результате военная операция в Чечне приобрела характер иррационального насилия. Своим распоряжением наносить массированные авиационные и артиллерийские удары по городу министр обороны Грачев сознательно принес в жертву мирное население. Когда активно заработали артиллерийские системы залпового огня “Град”, “Ураган” и пр., стало ясно, что потери среди мирных граждан будут исчисляться тысячами. Военно-воздушным силам России впервые за всю историю их существования была навязана роль карательных войск. Массированные бомбардировки населенных пунктов с применением шариковых, игольчатых и вакуумных бомб запрещены даже в межгосударственных войнах».

«Из собственной квартиры в Грозном выволокли и вывезли в Моздок генерального директора объединения “Ингушводстрой” Амирханова. Держали в неотапливаемом вагоне, в наручниках, без пищи. Избивали дубинками, ногами, кулаками, затягивали наручники на свежих ранах, требовали признать себя дудаевцем.

Избиты и ограблены омонотцами в станице Асиновской сотрудник ГАИ МВД Ингушетии и на-

чальник ОФСК Сунженского района Чербижиев. Двух неизвестных вместе с Точиевым омоновцы вывезли в поле и расстреляли. По пути домой с работы у села Самашки был схвачен зампрокурора Сунженского района Хидаев. Почти сутки продержали его в промерзшем автобусе, закованным в наручники. На том же посту арестовали добиравшегося из дома на службу сотрудника милиции Джамулаева. Его доставили на базу у станции Ассиновская и зверски избивали, требуя указать место дислокации «ингушских боевиков...»

«По НТВ прокрутили жуткие кадры из военно-полевого морга, а накануне генерал Грачев выступил по РТВ с рассказом (не первым) о завершении «уникальной военной операции», проведенной в Чечне под его руководством. Говорил он об этом так, словно она ему удалась. Говорил он это с блудливо-победоносной улыбкой телезрителям, которые как бы не видели результатов его работы — города-скелета... Ну вот, есть у нас и такой персонаж: может хамить за глаза, может вопреки очевидности, глядя прямо и не мигая в телекамеру, назвать провал успехом...»

«Уже сообщалось о приказе руководства ФМС (Федеральная Миграционная служба) не предоставлять беженцам чеченской национальности статус вынужденных переселенцев... 31 января руководство миграционной службы разослало на места телеграмму, корректирующую предыдущую. В ней региональным отделениям ФМС предписывается не регистрировать в качестве вынужденных переселенцев ни-

кого из покинувших Чечню, независимо от национальности.

Цель обоих распоряжений ФМС понятна: государство не хочет брать на себя ответственность за дальнейшую судьбу тысяч бездомных и безработных людей. Власть стремится внушить обществу, что происходящее в Чечне сродни землетрясению, стихийному бедствию, в последствиях которых никто не виновен. Как стало известно нашему комитету, в лагерях временного размещения сотрудники ФСК проводят с русскими беженцами “беседы” (подчас, отнюдь не добровольные), в ходе которых предлагают подписать бумагу, где говорится, что люди бежали не от бомб российской авиации, а от режима Дудаева.

Подобная политика по отношению оставшихся без крова людям официально объясняется тем, что им будет предоставлена возможность вернуться в Грозный. Однако, большинство беженцев, особенно русских, не хотят, да и не могут возвращаться в Чечню. Выехало же из Чечни более двухсот тысяч лиц русской национальности...»

«Приблизительно с середины января 1995 года чеченский руководитель Джохар Дудаев объявлен во всероссийский уголовный розыск. В соответствии с традиционной технологией, в такой розыск объявляется всякий тяжкий уголовный преступник, находящийся в бегах. Его фотография и особые приметы помещаются на стенды “Их разыскивает милиция”, а органам даются соответствующие ориентировки. В случае с Джохаром Дудаевым система, казалось бы, должна действовать особо эффективно. Все федераль-

ные силы, стянутые в республику, только и делают, что ловят Дудаева. Армия и внутренние войска при малейших слухах о местонахождении Дудаева немедленно начинают рваться туда в бой. Сотрудники же контрразведки при этом начинают загадочно подмигивать глазом и щелкать языком, намекая, что дни чеченского лидера сочтены, он окружен, передвижения его контролируются и до поимки остаются чуть ли не считанные часы.

Представители спецслужб, демонстрируя свою осведомленность, сообщают, что Дудаев находится где-то в пригородах Грозного, два раза не ночует в одном месте, уходит через подземные коммуникации. Представитель Федеральной Службы контрразведки генерал Михайлов даже намекнул, что чеченский лидер совместными усилиями армии, милиции и ФСК сейчас выводится на место, где его можно будет быстро и эффективно захватить. Однако, по истечении месяца с момента активных всероссийских мероприятий властям удалось захватить лишь 70-летнего старшего брата Джохара Дудаева — Бекмурзу, арестованного в Грозном, где тот работал шофером автобуса...

Самое же любопытное в этой истории то, что местонахождение Дудаева почему-то является проблемой только для федеральных властей. 2 февраля с Дудаевым непосредственно в Чечне лично встречался Константин Боровой, без особых сложностей договорившийся об этой встрече прямо в Москве с представителями чеченского лидера. Дудаев, таким образом, имеет хорошую связь не только со своими формированиями в республике, но и с самой столицей, до которой даже армия и спецслужбы могут

дозвониться из Грозного только при помощи своей спецсвязи.

Мало того, чеченский лидер периодически дает интервью журналистам различных изданий. На днях разыскиваемый всеми российскими службами снялся в передаче тележурналиста Любимова и чуть ли не в течение часа (!) по радио в прямом эфире отвечал на вопросы студентов и преподавателей Гарвардского университета. В чем же, собственно, дело? Как оценивать эффективность и профессионализм родимых силовых структур?

Варианта два: либо, вопреки официальным заявлениям, федеральные власти не хотят разыскивать Дудаева, либо они просто не умеют этого сделать. Даже, если предположить, что у ФСК, МВД и МО вместе взятых, не хватает людей и агентуры, чтобы организовать засады в окрестностях Грозного, то какая-то техника должна у них быть. Не чеченским же республиканским спутником пользуется Джохар Мусаевич для своих телефонных разговоров и зарубежных выступлений, не почтовых же голубей он запускает для руководства вооруженными формированиями.

— А нельзя ли попробовать найти президента Чечни при помощи пеленгующих устройств или определить, какими именно спутниковыми каналами он пользуется? — спросили у руководителя Центра общественных связей ФСК генерала Александра Михайлова.

— Это очень непростой вопрос, — ответил генерал».

«ДЖОХАР ДУДАЕВ: “ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА ПРИДЕТ В ВАШИ ДОМА!”

То, что не удалось ни военной разведке, ни ФСК, ни МВД, сделал наш корреспондент. Он не только разыскал Джохара Дудаева, но и взял у него интервью. “Я не думал, что военные способны на такую жестокость по отношению к населению. От политиков предполагал любое коварство — за четыре года приучили. Но в советской армии всегда были понятия о чести, совести, защите населения, Отечества. Сегодня же совершенно все по-другому. Убийства выдают за героизм, мародерство — за доблесть. И за это раздают ордена. Вчера в больнице видел маленькую девочку. Ей взрывом бомбы оторвало обе ноги. Мать и старшую сестру убило. Какую боевую задачу выполнял тот летчик, когда бомбил мирное население Ведено? Ну, чеченцев убивают — еще понятно. Но ведь убивают и русских... Разрушают мечети. У пленных офицеров мы находим карты, где мечети крестами отмечены. Но ведь бьют и по церквям, где прячутся от обстрелов русские старики. То, что армия творит в Чечне, не война, а народоубийство... Главное сейчас — перенос войны на территорию противника. Причем, это движение уже разворачивается стихийно. И отряды смертников создаются сами по себе. Из тех, кто готов на смерть, чтобы отомстить за погибших от бомбежек детей и родителей. У нас есть координаты конкретных виновников гибели тысяч мирных чеченцев... Не знаю, что задумала Россия, но знаю, что в ее Планах — полное уничтожение чеченского народа. Это государственная программа. Вы, россияне, больны руссизмом.

Это пострашнее, чем фашизм. Только время выле-чит вас...

В Чечне война. Война имеет свои правила и законы, а вы их не освоили и будете расхлебывать последствия своей агрессии в Чечне и в Абхазии, и в Грузии, и в Нагорном Карабахе, и в Азербайджане, и в Молдове, и в Прибалтике, и в Таджикистане, где вы залили кровью все! Весь мир увидел, что Россия и русские опасны. Русские не способны к управлению страной без тоталитарных режимов. Штык, смерть, кровь и страх — вот что Россия может нести”».

«74-летняя Евгения Федоровна и ее муж, 83-летний Александр Георгиевич, бежали из Грозного в конце января. До этого супруги около месяца просидели в подвале, спасаясь от российских бомб и снарядов. “Когда пришли солдаты, и мы, наконец, вылезли из подвалов, они очень удивлялись: «Нам говорили, что в городе нет ни одного русского!» На самом же деле все было наоборот: как только начались первые бомбежки, чеченцы отправились к своим родственникам в села, нам же уезжать было некуда. В городе остались русские и боевики. Вошедших в город солдат нам было очень жалко. По виду они были совсем дети — это уже потом появились эти здоровенные, вечно пьяные контрактники. Солдатики были плохо одетые и очень голодные. Моя дочь развела во дворе костер и стала печь им оладьи — они набрасывались на еду, как зверьки”, — вспоминает Евгения Федоровна.

Иногда Евгения Федоровна ходит в церковь. Православный храм Святого Архангела Михаила —

один на весь город. Собственно, самого собора уже нет. От церкви остался остов. 7 января под шквальным огнем здесь справляли Рождество. Среди местных русских даже было распространено поверье, что церковь «заговорена» от «христианских снарядов», поэтому, когда было особенно страшно, народ собирался в храме. Увы, в конце января церковная колокольня была снесена шквальным огнем. Настоятель храма, отец Анатолий, не боясь ни пуль, ни снарядов, не раз пробирался к окруженным русским солдатам, уговаривая их прекратить бессмысленное кровопролитие. Чеченцы дали священнику слово, что отпустят солдат домой, к матерям.

“Верующий человек никогда бы не сделал этого ужаса,— говорит отец Анатолий.— При Дудаеве жизнь русских не была легкой. Но, конечно, сейчас нам не стало лучше. Насилие и кровь невинных людей не может породить добро. Мне особенно жалко наших русских старушек, когда я вижу, что эти пережившие ужас войны, чудом спасшиеся бабушки стоят на перекрестках и просят милостыню, чтобы купить себе хлеб, мне становится страшно”».

«Истинные масштабы трагедии, разыгравшейся в чеченском селе Самашки, откроются, скорее всего, спустя некоторое время. Но уже сейчас ясно: Самашки можно ставить в один скорбный ряд с Лидице, Хатынью и Сонгми...

С самого начала войны в Чечне Самашки были как кость в горле у российского командования. Село расположено в десяти километрах от условной чечено-ингушской границы, через него проходит автотрасса Ростов-Баку и железная дорога. Победное

шествие федеральных войск прервалось, едва успев начаться: жители Самашек категорически отказались пропустить танковые колонны. Тогда войска обогнули село с севера, и оно оказалось в полублокаде — свободной осталась только дорога на юг, в сторону райцентра Ачхой-Мартан.

Всю зиму российскому командованию было не до Самашек: шли тяжелые бои за Грозный... К 6 апреля обстановка вокруг села накалилась до предела: с южной стороны подошла группировка Шамиля Басаева, а федеральное командование перебросило сюда сводный отряд ОМОНа, внутренние войска, около 100 единиц артиллерии и предъявило последний ультиматум, согласно которому село должны были покинуть все боевики, а жители должны были сдать 264 автомата, 3 пулемета и 2 БТРа.

Совет старейшин решил выполнить эти условия — Басаева в село не пустил, а около 70 ополченцев ушли в сторону Сунженского хребта. В тот день в Самашках осталось только четыре вооруженных человека. Срок ультиматума истекал к 9 часам утра 7 апреля, но уже в ночь с 6 на 7 апреля по незащищенному селу был открыт артиллерийский огонь, а в 5 часов утра нанесла удар авиация. Среди местных жителей началась паника. Утром 7 апреля около 300 самашкинцев покинули село. В 10 часов переговоры были продолжены, но ни к чему не привели, потому что жители не смогли сдать требуемого количества оружия, которого у них не было. В 14 часов командующий группировкой “Запад” генерал Литяков повторил ультиматум, а к вечеру российские части ворвались в село.

“Чистка села” продолжалась четыре дня, в тече-

ние которых в село не пропускали ни прессу, ни представителей Красного креста. То, что в эти дни творилось в Самашках, имеет одно определение — *геноцид*.

В Самашках за один день 8 апреля погибли сотни чеченцев. Бесчинства начались сразу же после входа в село. Расправа над невинными людьми была скорой и страшной. “Подозрительные” дома сначала забрасывались гранатами, а затем “обрабатывались” огнеметами “Шмель”. На глазах у местной жительницы Янист Бисултановой застрелили старика, когда он молил о пощаде и показывал на свои орденские планки. У Руслана В. убили 90-летнего тестя, который в свое время участвовал в освобождении Бухареста и Софии... Во время “чистки” примерно 40 сельчан бежали в лес и пытались там отсидеться. Однако, по лесу ударила артиллерия. Под артиллерийским огнем почти все они погибли...

Только по данным на 16 апреля на сельском кладбище вырыто 211 свежих могил, и с каждым днем их прибавляется. Многие самашкинцы похоронены в других местах... Весть о трагедии Самашек разнеслась по всей Чечне и Ингушетии. “Усмирение” Самашек сыграло на руку дудаевцам в разжигании антирусских настроений. Недавно чеченский президент выступал по подпольному телевидению и выразил уверенность в том, что чеченцы запомнят урок Самашек. Можно не сомневаться, что так и будет».

«Аминат Гунашева (жительница Самашек): “17 мая, когда мы стояли в пикете возле Госдумы, из подъезда вышел Станислав Говорухин, узнал нас и

убежал. Струсил. Когда он был в Самашках, то видел и наши братские могилы, и сожженные дома. Люди тогда подходили к нему, подносили останки своих близких — кто пепел, кто кости... Федеральные войска стояли возле Самашек с января этого года. И все эти месяцы мы каждый день ожидали начала штурма. Утром 7 апреля русские командиры сказали, что если до 16 часов мы не сдадим им 286 автоматов, то начнется штурм поселка. Взять оружие было неоткуда, потому что в тот самый день все бойцы ушли из Самашек. Их уговорили старики. Командиры твердо обещали, что если из села уйдут все вооруженные защитники, то войска в него не войдут... На собрании народ решил резать скот, продавать мясо и на вырученные деньги покупать автоматы у российских военных. Знаете, откуда к чеченцам при полной блокаде с земли и с воздуха поступает оружие? Мы покупаем его у русских интендантов и меняем на еду у вечно голодных солдат срочной службы. Часто боевую гранату отдают за буханку хлеба. Но в тот день положение было безвыходным. Мы никак не могли успеть так скоро достать требуемое. Попросили неделю. Но, очевидно, ультиматум был только предлогом, потому что никто не стал ждать даже обещанных 16 часов. Все началось на два часа раньше...

...Мы сидели, ожидая своей участи. Убежать не могли — боялись, что раненый ранее дядя истечет кровью. Слышим, как открывают ворота, как въезжает БТР, как бросают гранату в пустой подвал. Вошли в комнату. Их было 18-20 человек. На вид трезвые, только глаза будто остекленевшие и в них какой-то злой азарт. Увидели дядю: «Когда ранило?

Где автомат? Где духи?» Раиса бросилась к пришедшим: «Не убивайте, никого в доме нет, автоматов нет, папа тяжело ранен. У вас же тоже есть отец?» «У нас приказ убивать всех от 14 до 65 лет», — заорали пришедшие и стали опрокидывать ногами ведра с водой. А мы уже знали, что это значит: теперь непременно сожгут, а воду вылили, чтобы нечем было тушить. Омоновцы вышли из комнаты. Бросили в дверь гранату. Раису ранило. Она стонала. Я слышала, как кто-то спросил: «Что?» Рядом ответили: «Баба еще жива». Это про Раису. После этих слов — два выстрела из огнемета. Я почему-то не могла заставить себя закрыть глаза. Знала, что сейчас убьют, и хотела только одного — умереть сразу, без боли. Но они ушли. Я оглянулась — Раиса мертва, дядя тоже, а Ася жива. Мы с ней лежали, боясь пошевелиться. Горел трельяж, занавес, линолиум, пластмассовые ведра. Нас оставили жить по ошибке, приняв за мертвых...

Я подошла к школе. Там женщины вынимали из петли нескольких повешенных мальчиков. На вид 1-3 класса. Дети от ужаса выбежали из здания. Их поймали и удушили на проволоке. Глаза вылезли из орбит, лица распухли и стали неузнаваемы. Рядом была куча сгоревших костей, останки еще, примерно, 30 школьников. По словам очевидцев, их также повесили, а потом сожгли из огнемета. На стене чем-то бурым было написано: «Музейный экспонат — будущее Чечни». И еще: «Русский медведь проснулся...»

«Случилось это 31 января, — рассказывает прапорщик Эдуард Шахбазов. — Я сидел в засаде, когда увидел бегущего к нам низкорослого чеченца.

Взвел курок автомата, прицелился. Но, присмотревшись, увидел совсем мальчишку и невольно опустил автомат. До нашего БМП ему оставалось метров 15, когда раздался крик: “Аллах акбар!” и раздался страшный взрыв. Мальчишку разорвало на куски, ранило троих моих солдат и подбило наш БМП. Взрывной волной меня свалило на землю. Вскочив, я увидел бегущих к нашим боевым машинам еще около десятка подростков — живые снаряды...»

«Российские летчики наглядно продемонстрировали свое умение наносить точечные удары. Вчера при бомбардировке горного селения Ведено прямым попаданием авиабомбы разрушен дом командующего Южным фронтом дудаевских незаконных формирований Шамиля Басаева».

Сообщение, переданное *в с е м и* средствами массовой информации 1 июня 1995 года. В сообщении не говорилось ничего о том, что в разрушенном «точечным» попаданием доме погибли 11 родственников Шамиля Басаева.

Глава 3

ДЕТОНАТОР

*Аллаверды — Господь с тобою,—
Вот слова смысл, и с ним не раз
Вставал и шел, готовый к бою,
Разбуженный войной Кавказ.*

Из песни, родившейся 150 лет назад
во время Кавказской войны.

Ранние ноябрьские сумерки уже сгущались над Москвой, когда старинные бронзовые часы, стоявшие в Овальном кабинете Белого Дома в Вашингтоне пробили час пополудни. Часы стояли здесь со времен президента Кулиджа и не так давно попали в газеты, когда президент Рейган перекрутил на них пружину и пришлось истратить 456 долларов из карманов налогоплательщиков, чтобы их починить. Именно с боем часов двери Овального кабинета открылись, пропуская членов Совета Национальной Безопасности при президенте Соединенных Штатов Америки.

Короткие рукопожатия и приветствия, прерываемые удивлёнными репликами президента Клинтона, просматривающего какие-то документы. Среди присутствующих были: государственный секретарь Кристофер, министр Обороны Пери, председатель Обь-

единённого комитета Начальников Штабов генерал Шарикошвили и один из заместителей директора ЦРУ Макридж.

На лице президента Клинтон играла его обычная застенчивая улыбка. В молодости он уклонялся от военной службы, чтобы не быть отправленным во Вьетнам, а ныне вся глобальная мощь вооружённых сил США была в его руках как Верховного главнокомандующего.

— Джон,— обратился президент к генералу Шарикошвили,— Вы достали необходимые карты? Я хочу разобраться, где находится та провинция России, в которой назревают какие-то неприятные события.

Генерал подал дискету и на экране компьютера возникла карта, явно записанная с экрана телевизора из программы московских новостей, поскольку наряду с грубой географической схемой на изображении виднелись какие-то буквы маркировки телеканала.

— Это всё, что вы могли отыскать? — изумлённо спросил Клинтон.

— У нас есть ещё спутниковые фотографии этой местности, так как Советский Союз сосредоточил здесь когда-то несколько ракетных баз,— ответил генерал,— но я полагал, сэр, что вы хотите просто понять, где эта местность находится. А по спутниковым фотографиям это сделать достаточно сложно. Немного слева — на схеме этого не видно — начинается Черное море, а немного правее (тоже не видно) — Каспийское море. Вот эта часть, отмеченная зеленым цветом, и есть Чечня. Севернее — уже собственно Россия, а южнее — Грузия, моя дорогая

прародина (генерал Шарикошвили происходил из знатного грузинского рода, бежавшего на запад после революции 1917 года в России).

— Чечня,— по слогам повторил президент, делая ударение на последний слог.

Генерал нажал клавишу и схема исчезла, уступив экран более мелкому изображению, где в орнаменте Черного и Каспийского морей предстал весь Кавказский перешеек с маленькой красной точкой на нём, отмечающей местонахождение Чечни.

— Боже милосердный! — воскликнул Клинтон.— Они даже меньше Израиля!

— Боюсь, что именно так, господин президент,— подтвердил генерал.— И эта территория находится в состоянии открытого мятежа против Москвы уже в течение нескольких лет. Кремль собирается навести там порядок и уже собрал вокруг войск не меньше, чем перед вторжением в Афганистан. Мы получаем постоянную информацию со спутников и не только со спутников. Москва готовит крупную военную операцию.

— Они совершенно рехнулись,— вздохнул госсекретарь Кристофер,— в своём маниакальном стремлении любым способом подтвердить бывшее величие, рухнувшее вместе с Советским Союзом. И уже не думают о последствиях...

— Что вы хотите сказать? — не понял Клинтон.

На худом измождённом лице госсекретаря появилось подобие улыбки:

— Афганистан стал тем детонатором взрыва, который разнёс СССР. Эта авантюра может послужить детонатором взрыва оставшейся части России.

— Вы преувеличиваете, Уоррен,— покачал голо-

вой президент,— Афганистан имел общую границу с Пакистаном, через которую шла помощь чуть ли не со всего мира. А здесь?

— Если вы мне позволите, сэр? — вступил в разговор Макридж из ЦРУ.

— Разумеется, Майк,— кивнул Клинтон.— Говорите.

— У Чечни,— сказал представитель ЦРУ,— общая граница с Россией. Через неё она получает больше помощи, чем Афганистан через границу с Пакистаном. Это будет война, господин президент, в которой на территории Чечни **ОДНА ЧАСТЬ РОССИИ БУДЕТ ВОЕВАТЬ С ДРУГОЙ**. Как в старые времена, когда для выяснения отношений между феодальными кланами выбиралась какая-нибудь отдалённая территория. Я, конечно, утрирую, сэр. Но именно в этом и заключается суть проблемы.

— Может быть,— неуверенно начал президент.— Нам следует сделать какое-нибудь заявление, чтобы остановить всё это безумие...

— Только не сейчас,— предостерегающе поднял палец Макридж.— Это может их вспугнуть. Нас это вообще не должно никак касаться.

— В Москве у Пиккеринга уже пытались выяснить, как мы ко всему этому отнесёмся,— вставил Кристофер.

— И что он ответил? — встревожился президент.

— Пиккеринг уже не первый год работает в странах третьего мира,— пожал плечами госсекретарь.— Он, естественно, ответил, что это внутреннее дело России.

— Слава Богу! — успокоился президент.— Это же их территория. Не правда ли? — Клинтон повер-

нулся к представителю ЦРУ.— Как вы думаете, Майк, сколько это всё займет у Ельцина времени?

— По нашим сведениям,— ответил Макридж,— в Москве планируют всё закончить за 10 дней. В худшем случае — за две недели. Но я думаю, господин президент, что всё это продлится гораздо дольше. Много дольше, сэр. **ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ НЕ ЗАКАНЧИВАЮТСЯ В ДВЕ НЕДЕЛИ. НИКОГДА. А ТЕМ БОЛЕЕ В РОССИИ.** Я позволю себе повторить наш вывод. Это будет не война в Чечне, а война на территории Чечни одной части России с другой, мечтающей о реставрации бывшего величия. И закончится некоторой предварительной стабилизацией южного фронта, который ещё значительное время будет иметь тенденцию к изменению. Главным образом, в северном направлении. Вы понимаете о чем я говорю, джентльмены...

1 декабря в 6 часов утра истёк срок ультиматума, предъявленного генералу Дудаеву. Дудаев заявил о своей готовности к переговорам с президентом Ельциным. Разумеется, его никто не услышал. Все, затаив дыхание, ждали вторжения. Но Кремль молчал. А газеты хором отмечали 60-ю годовщину со дня убийства Кирова, обсасывая старые и выдвигая новые версии, включая и ту, что первый секретарь Ленинградского обкома застрелился сам от чувства вины перед товарищем Сталиным.

Лидера партии «Выбор России» Егора Гайдара очень беспокоили перспективы будущих выборов. «Если мы проиграем будущие выборы,— мудро изрёк Гайдар,— то продолжим свои дискуссии в концлагере, если победители не предпочтут массовых расстрелов».

Его коллега по партии, председатель думского комитета по обороне Сергей Юшенков находился в Грозном, где был принят генералом Дудаевым. На осторожный вопрос Юшенкова, как президент Ичкерии относится к обещанию Кремля ввести на территории республики чрезвычайное положение, генерал улыбнулся и ответил, что Ельцину бы следовало беспокоиться о том, когда он, Дудаев, объявит чрезвычайное положение по всей России. Дудаев был явно в хорошем настроении, а потому пожаловал Юшенкова двумя русскими пленными по фамилии Дроздов и Прокопов. Оба совсем недавно служили в прославленной Таманской дивизии и без секунды колебаний рассказали слетевшимся журналистам, как сотрудники ФСК вербовали их для какой-то таинственной «наставнической деятельности» на разных окраинах бывшей империи.

В 14:10 и 15:40 снова налетели «неопознанные самолёты». Их было около десятка и на этот раз они явно нацелились разбомбить дом, где жила семья генерала Дудаева.

В разгар бомбардировки пресс-секретарь Ельцина Вячеслав Костиков озвучил заявление о том, что «Президент приступил к комплексным мерам с целью восстановления конституционного права на территории Чечни».

Из Чечни же совсем некстати пришло известие о том, что за каждую новую бомбардировку Грозного будет повешен один русский пленный. Тут забеспокоился даже министр обороны Грачёв и не придумал ничего лучше, как позвонить в Грозный Юшенкову, прося не допустить публичной казни

военнослужащих. Удивлённый Юшенков ответил, что ему вообще ничего об этом не известно.

Чуть позже ФСК, видимо, чтобы восстановить своё пошатнувшееся реноме с вербовкой офицеров и солдат на кавказскую войну, сделало заявление, которое на фоне надвигающихся событий почти никто не услышал. Оказывается, продолжая следствие по делу об убийстве журналиста Дмитрия Холодова, контрразведка вышла на неназванного сотрудника ГРУ, видимо, кладовщика. У него обнаружена недостача нескольких тысяч специальных взрывателей к особым «диверсионным» минам.

Никто этого не услышал, поскольку по Москве уже шёл устойчивый слух о предстоящем обмене 50-тысячных купюр. Несмотря на заверения Центробанка о нелепости подобных слухов, опытные жители, естественно, не верили ни одному сказанному властями слову, а магазины и ларьки немедленно прекратили приём указанных купюр.

А вице-адмирал из КГБ Жередевский в окружении Кургиняна, Борового и каких-то юных девиц рассказывал на ночь обывателям, включившим первую программу телевидения, о кознях ЦРУ против СССР и России.

2 декабря на торгах Московской Межбанковской валютной биржи курс доллара США достиг 3262 рублей. Чуть позднее группа вооружённых лиц в масках и камуфляже оцепила здание столичной мэрии и пыталась прорваться в помещение банка «Мост», предварительно уложив носом в мокрый снег охранников банка. Дюжий молодец в маске и с автоматом в руках в центре Москвы степенно бил

сапогом в промежность лежащих ничком на мокром асфальте охранников, как выяснилось позднее, за не совсем приличные высказывания в свой адрес.

По вызову президента банка «Мост» Гусинского к зданию мэрии, мигая синими огнями и завывая сиренами, подлетели машины МВД и ФСК. Группа захвата ФСК ринулась на неизвестных в масках и в нерешительности остановилась. Те предъявили удостоверения, говорящие о том, что налётчики представляют службу безопасности Президента России. Другими словами, являются подчинёнными генерала Коржакова. Минут через 10 все разъехались, а ещё через полчаса был снят с должности начальник управления ФСК по Москве и Московской области генерал Савостьянов. Снять его мог только Президент, что он и сделал.

Столица вся гудела, обсуждая небывалое проишествие. Говорили разное, что мол Гусинский не слишком быстро выделил 100 миллиардов рублей, которые требовались для реставрации охотничьих угодий президента Ельцина в Завидове, и что началась открытая война между всесильным фаворитом-временщиком Коржаковым и мэром столицы Юрием Лужковым, который якобы метит в президенты России. Другие уверяли, что Коржаков и Лужков, будучи соседями по дачам, не поделили какую-то делянку и таким образом выясняют отношения. Сам же Коржаков, согласившийся дать интервью, улыбаясь, заявил, что его любимым занятием является охота на гусей.

Президент банка «Мост» Гусинский сразу понял намёк и укатил в Лондон.

На фоне столь явно выплеснувшейся на общест-

венность «большой политики», когда в центре Москвы началась разборка не каких-то там безликих криминальных группировок, а мощных феодальных кланов Царства Российского, как-то померкли сообщения из Чечни. В частности, известие о том, что в ходе вчерашних воздушных налётов на Грозный 4 человека были убиты и 9 ранены. Попутно выяснилось, что в руки Дудаева попали 120 российских военнослужащих, а не 70, как сообщалось ранее.

Газеты отмечали, что в России берут верх дурные традиции, безответственность и некомпетентность. «Русские солдаты-наёмники гибнут и томятся в плену ради того, чтобы привести к власти авантюриста Хасбулатова и уголовника Лабозанова».

Тут же откликнулась ФСК, несмотря на царивший в конторе скандал и переполох, в связи с отстранением от должности генерала Савостьянова. Руководитель ЦОС генерал Михайлов, покусывая губы, категорически опроверг какую-либо причастность его ведомства к захваченным в Грозном российским военнослужащим и, кстати, выразил недоумение по поводу того, что их называют «наёмниками». «Они воюют,— пояснил генерал,— на территории России и за её интересы и их следует называть не «наёмники», а «добровольцы». Никто принципиально не возражал. Все только задавали вопрос: почему Россия, за интересы которой воюют в Чечне солдаты, так упорно от них отказывается?

В то же время исполняющий обязанности генерального прокурора России Ильюшенко отчитался перед общественностью по поводу помещённой в газете «Московский Комсомолец» статьи «Паша-Мерседес», где имя министра Павла Грачёва напрямую

связывалось с убийством Дмитрия Холодова, а заодно говорилось о пристрастии генерала армии к дорогим «иномаркам», каковых у него было 6 и все «Мерседесы». И.о. генпрокурора пояснил, что «Мерседесы» были приобретены генералом для служебных нужд с разрешения президента Ельцина, а такого понятия как «коррупция» в российском законодательстве просто нет. И призвал «приструнить прессу».

А на Грозный продолжали падать бомбы с «самолётов оппозиции». Думские депутаты Юшенков и Памфилова, прибывшие в Грозный за русскими солдатами, сидя в бомбоубежище, заявили, что Грозный бомбят «безусловно российские самолёты» и призвали Ельцина прекратить этот фарс.

Сам же Ельцин в это время вручал кресты инвалидам — участникам марафонского забега на колясках. Президент был в прекрасном настроении, шутил и смеялся. Генерал же Коржаков, напротив, был мрачен. Время шло, а от Ельцина не только невозможно было добиться приказа к выступлению, но даже выбрать время, чтобы зачитать ему аналитическую записку, над которой его люди трудились два последних квартала, указав единственный возможный путь вывода страны из хаоса и сетей сионистского заговора.

Генерала Коржакова, порой, просто поражала непоследовательность Президента. Как Иван Грозный — неделю убивает, неделю кается. Над этим ещё товарищ Сталин посмеивался. Над непоследовательностью. Уж больно охмурили Бориса Николаевича в своё время эти, извините за выражение, демократы.

В 9-м управлении КГБ, где Коржаков начинал свою опасную службу, такое охмурение совершенно справедливо называли «идеологической интоксикацией». Пришлось влить в Бориса Николаевича мощное противоядие.

Как-то недавно художник Илья Глазунов — один из немногих, по мнению Коржакова, по-настоящему талантливых русских художников — написал большую картину, на которой был изображён православный человек, голый по пояс, но в военных бриджах и сапогах, вздымающий к небесам не крест, но автомат Калашникова. А на пряжке у него, как у гитлеровских солдат (правда, по-русски) начертано: «С нами Бог!» Картина называлась «Проснись, Россия!» Выставленная в Манеже, эта картина вызвала много шума. Особенно это — «С нами Бог». Пряжки солдат вермахта ещё у очень многих были в памяти. Кто-то что-то напел Ельцину о «фашизации искусства» и он так разгневался, что чуть было не приказал турнуть Глазунова из российских академиков.

Но, паря веничком Президента в баньке, Коржаков проникновенно объяснил ему своими словами, как об Россию-матушку ноги ныне вытирают все, кому не лень. Эстонцы и латыши, чеченцы и просто черные. А Россия — одна единешенькая — без рубахи натальной стоит, но с автоматом и на Бога уповаает.

Аж прослезился Борис Николаевич. Сам в Манеж на следующий день лично пожаловал. Глазунов, как увидел Президента, весь затрепетал, решил видно, что настал его конец. Картина Ельцину понравилась. Это был как раз его уровень понимания искусства. Глазунов сбивчиво начал было объяснять,

что он, собственно, хотел выразить в своём призыве «Проснись, Россия!», но Ельцин его прервал. Из вчерашних объяснений запомнил Президент почему-то только про эстонцев, как они у себя права русского населения нарушают. А потому и сказал: «Эстонцы, понимаешь, закон свой о гражданстве приняли...»

«Вот, вот,— согласно закивал головой художник.— Я вот именно это и хотел показать, Борис Николаевич».

Президент пожаловал Глазунова поцелуем и обещанием, что вскоре Россия проснётся. После чего удалился.

Это была очередная оплеуха, которую Президент публично закатил своей любимой «демократической общественности», что-то там кричащей о фашистской угрозе и реставрации тоталитаризма. С этими претензиями демократы почему-то постоянно апеллировали именно к Президенту и, надо сказать, что он их временами милостиво выслушивал.

Послушал он как-то, что в Петербурге ФСК заправляет некий Черкесов, прославившийся в коммунистические времена яростным преследованием всех инакомыслящих, чьё имя даже стало нарицательным в городе на Неве. Поахал Президент вместе с «демократической интеллигенцией», а через пару недель подписал указ о производстве того самого Черкесова в генерал-лейтенанты.

Или, скажем, чего только «демократы» не говорили Президенту о губернаторе Приморья Наздратенко: что клейма на нём ставить негде, что творит он в крае такой произвол, что его даже тоталитарным назвать нельзя.

Даже в восточных деспотиях древности больше было законности. Вызвал Ельцин Наздратенко в Москву и сам вручил губернатору орден «За личное мужество».

Бывали, правда, и обратные случаи.

Уж сколько раз генерал Коржаков подсказывал Президенту, что пора уже давно разогнать так называемое «Управление по правам человека при Президенте России», возглавляемое бывшим политзэком Сергеем Ковалёвым, находящемся на службе у международного сионизма. Президент выслушивал благосклонно, но управление всё не разгонял. Сергея Ковалёва, правда, к особе своей допускать перестал. И то хорошо.

А потому не без оснований боялся генерал Коржаков, что охмурят Президента снова и пойдёт он на переговоры с Дудаевым, дабы мирно решить чеченскую проблему и снова опозорит на весь мир Россию, вынужденную договариваться с бандитами вместо того, чтобы их уничтожить. Пока, правда, иногда с трудом, удавалось делать всё, чтобы ничего подобного не произошло, перекрыв всем «жидовствующим» вообще дорогу к главе государства.

«Откройте огонь и вы объедините нацию!»— мудро заметил кто-то из великих прошлого. Но нацию нужно подготовить к открытию огня, чтобы она сама этого жаждала.

В недрах ФСК и МВД обдумывали всевозможные варианты. Например, организовать взрыв чеченцами какого-нибудь объекта «повышенной опасности». Нет, подобный вариант бумерангом ударит по самим «органам»: почему допустили? Кроме того, вместо «объединения нации» может вызвать некон-

тролируемую панику среди населения. Лучше, скажем, выглядит захват чеченцами в Москве «детского садика» или «автобуса с мирными жителями». Но стоило провести руководству всего лишь одно совещание с ответственными работниками на эту тему, как весь план на следующий день попал в газеты. Работать было совершенно невозможно!

Между тем, из Чечни вернулись депутаты Юшенков и Памфилова, привезя с собой двух российских пленных, пожалованных Дудаевым: лейтенанта Дмитрия Вольфовича и рядового Александра Данилова. Лейтенант Вольфович служил в элитной Кантемировской дивизии и был завербован сотрудниками ФСК в Чечню за 6 миллионов рублей со специальными дополнительными выплатами в случае ранения или гибели. Узнав об этом, командир Кантемировской дивизии генерал Поляков демонстративно подал в отставку. Как русский офицер он был возмущён, что ФСК за его спиной вербует куда-то его подчинённых. Однако благородный жест генерала не вызвал никакого общественного резонанса.

Гораздо больший интерес вызвало сообщение о том, что командующий 14-й российской армией знаменитый генерал Лебедь разоблачил и поймал бывшего майора КГБ, а ныне ФСК — Будника, собиравшего на него компромат. Напившийся до бесчувствия контрразведчик потерял служебное удостоверение и был «сдан» собственным секретным источником по кличке «Ромашка».

В тот же день был опубликован указ президента Ельцина, повелевавший изучать в школах Конституцию Российской Федерации.

А бывший вице-президент Руцкой, недавно выпущенный по амнистии из тюрьмы, неожиданно объявившись в Кемерово, поклялся, что когда он станет президентом, «всё нынешнее правительство во главе с Ельциным отправится на скамью подсудимых».

В Чечне же русские пленные, ожидая решения своей судьбы, занимались ремонтом своих бывших танков, захваченных Дудаевым.

Сдав привезённых пленных, полковник Юшенков заявил, что сам видел в Моздоке самолёты и вертолёты с закрашенными опознавательными знаками и потребовал привлечения к уголовной ответственности всех причастных к этой аванюре. Юшенков продемонстрировал кассету с показаниями сбитого чеченцами лётчика, где он признавался, что работал лётчиком-испытателем на самолёторемонтном заводе под Ставрополем и был завербован ФСК за 10 миллионов рублей плюс гробовые.

Параллельно с Юшенковым собрал журналистов и председатель госкомпечати Грызунов, слышавший либералом из АПН. Грызунов разъяснил журналистам, что нынешние отношения с Чечней развиваются на двух уровнях: силовом и политическом. Он признал, что три мощных военных группировки, развернутые по периметру чеченских границ, будут приведены в действие, когда будут исчерпаны все варианты компромиссов. Все варианты компромиссов, которые пока предлагались Чечне, содержали лишь пункт о безоговорочной капитуляции и разрушении.

Москва всячески подчёркивала, что это един-

ственная тема, которую она готова обсуждать с генералом Дудаевым.

В конце своего выступления Грызунов неожиданно обвинил Дудаева в трусости, поскольку тот собирается воевать не сам, а посредством своего народа. Можно было подумать, слушая Грызунова, что Ельцин уже несколько раз предлагал Дудаеву решить дело поединком, а тот посылал вместо себя «свой народ». От ответа на вопрос: существуют ли какие-нибудь другие способы ведения войны, как «не посредством собственного народа», Грызунов уклонился.

На следующий день, 4 декабря, в Москве объявился сам миротворец Хасбулатов, чудом унесший ноги из Чечни вместе со своими сообщниками. С бывшего «спикера» всё было, как с гуся вода. Не моргнув глазом, он заявил, что его миссия в качестве «миротворца» закончена.

«Россия вводит войска в Чечню, и я не могу больше контролировать ситуацию». И мгновенно исчез.

Вернувшись из тюрьмы на волне непримиримых социально-политических противоречий, бушующих в России, он в кратчайший срок простыми и бесхитростными методами втравил Россию в позорную и неверную колониальную авантюру, отомстив сразу и России, и Чечне за то, что ни там, ни тут ему не нашлось достойного места.

Пусть это только наши предположения, но их необходимо иметь в виду при оценке целой череды событий, неумолимо ведущих нашу страну по пути в преисподнюю...

В то время, как Хасбулатов вернулся в Москву, чтобы оттуда наблюдать за продолжением своей миротворческой миссии, в Грозный вылетел Владимир Жириновский, который последовательностью собственных взглядов мог бы посоперничать с самим президентом Ельциным.

Ещё вчера главный «либерал» России, брызгая, по своему обыкновению, слюной, истерически орал, что нечего депутатам ездить к Дудаеву и выкупать у него русских солдат как баранов на базаре. Но, видимо, переубеждённый мудрыми советниками, решил, что неплохо будет заработать небольшой политический капитал на совместной глупости отечественных спецслужб, правительства и министерства обороны.

Жириновский собрался в Грозный, а Президент улетел в Будапешт, настроенный крайне воинственно. Все гороскопы, представленные ему астрологическим отделом Службы Безопасности, говорили о том, что именно декабрь 1994 года по состоянию солнца, луны и планет является тем ключевым месяцем второй половины века, когда предпринятые решительные шаги автоматически вернут России статус великой державы и вознесут её даже выше покойного Советского Союза на страх врагам, как внешним, имя которым легион, так и внутренним, каковых ещё больше.

Президент был настроен воинственно. Пригрозив западу заменить холодную войну холодным миром, Ельцин в самой резкой форме высказался против планов вступления бывших сателлитов СССР по рассыпавшемуся Варшавскому пакту в НАТО и, наконец, напомнил, что Россия хотела бы побыстрее

получить те 6 миллиардов долларов, которые ей пообещал Международный валютный фонд. А то, пообещал он, демократические реформы в России могут прекратиться.

Пока президент Ельцин пугал Запад отменой демократии в России и перспективой холодного мира, министр обороны Грачёв вылетел в Моздок. В интервью перед отлётом он признал, что Грозный «бомбили российские самолёты», указав, что их целью были «только военные объекты», а бомбометание было «точечным». Попутно выяснилось, что штурмом Грозного руководили вовсе не Хасбулатов с Лабазановым, как можно было подумать, а сам генерал Александр Котенков — бывший глава Правового управления при Президенте, впавший в немилость ещё со времен скандального дела «генерала» Якубовского, ныне сидящего в петербургских «Крестах».

Пока генерал Грачёв летел в Моздок, его первый заместитель и бывший командир в славные времена Афганской войны генерал Громов — тот самый Громов, что так эффектно выводил через пограничный мост разбитую армию из Афганистана, а сам пешком перешел этот мост последним под аккомпанемент боевых комсомольских песен Розенбаума; неожиданно выступил с резким заявлением против военной истерии вокруг Чечни, предостерегая призраком нового Афганистана. Все уже заметили, что отношения между двумя «афганскими» героями Громовым и Грачёвым давно стали напряжёнными, но генерал Громов отказался комментировать этот вопрос.

С очередным заявлением в этот день снова выступил «последняя надежда российской демократии»

Егор Гайдар. Хотя Гайдар не любил генерала Громова несколько не меньше, чем Грачёва, говорили они примерно одно и то же.

Грозный призрак безумия, неумолимо надвигающийся на страну, привёл к блокировке совершенно полярных сил в попытках мобилизации во имя недопущения катастрофы. Гайдар прямо назвал имена тех, кто несёт ответственность за происходящие в Чечне события. Это — Олег Лобов, Олег Сосковец, Николай Егоров, Сергей Степашин и Павел Грачёв. Президента осторожный Егор Тимурович не назвал, отметив только негативное влияние перечисленных лиц на особу Президента.

В напряжённо вибрирующую обстановку вносили свой посильный вклад правительственные и проправительственные газеты.

«Российские Вести» поместили ошеломляющее открытие своих корреспондентов: мэр столицы Юрий Лужков, опираясь на финансовую поддержку банка «Мост», готовит антиельцинский переворот. Мэрия уже создала свою подпольную гвардию и ждёт только удобного момента, чтобы захватить Кремль.

А газета «Российские Ведомости» открыто призвала к военному перевороту в стране, но предостерегла ставить на генерала Лебеда, ибо он «как общеизвестно, является представителем еврейской мафии».

Между тем Дудаев, которому навязывали переговоры с уже сбежавшей из Чечни «оппозицией», наотрез отказался это делать, назвав «оппозиционеров» уголовниками, вооружёнными Москвой, но предложил переговоры с представителями Российского правительства где-нибудь в нейтральном месте. Скажем, в Вильнюсе.

Царящий в стране, по меткому выражению генерала Лебеда, военно-политический дебилизм продолжался, набирая обороты. Грачёв прибыл в Моздок. В Грозном ждут начала вторжения в пределах 48 часов. Чеченское население покидает город. Судьба русских военнопленных висит на волоске. Дудаев подтвердил своё намерение расстрелять всех, если Грозный снова подвергнется бомбардировке с воздуха.

Обе стороны блефовали, не имея на руках козырей. Но Дудаев явно выглядел более опытным игроком, чем непопулярные и изолгавшиеся российские руководители.

В Грозный позвонил Григорий Явлинский — лидер так называемой фракции «Яблоко» (или «Бля», как её называл остряк-Жириновский) в Думе и предложил самого себя вместе с пятью другими членами своей фракции в добровольные заложники к Дудаеву в обмен на военнопленных. Явлинский был настолько наивен, что пытался убедить Дудаева в том, что появление в Грозном его, Григория Явлинского, немедленно прекратит все бомбардировки Грозного. Такие заявления и называются манией величия. Дудаев неохотно согласился, явно думая о другом.

Ему предстояла встреча с Грачёвым, которая и произошла примерно часа через два. Небольшой двухэтажный дом в пограничной станице Слепцовской был оцеплен охраной президента Чечни генерала Дудаева и министра обороны России генерала Грачёва. Грачёва, по традиции, охраняли десантники; Дудаева — особый отряд ичкерийской гвардии — высокие красавцы, перевязанные пулеметными лентами.

Генералам было что сказать друг другу. Подходило время подводить итоги их двухлетней интенсивной совместной деятельности, в результате которой у Грачёва в западных банках образовался счёт в 22 миллиона долларов, а у генерала Дудаева — не очень большая по численности, но очень современная армия.

Теперь предстояло показать, что эта армия способна на нечто гораздо большее, чем грабеж транзитных эшелонов. (Впрочем, «транзитными» эти эшелоны были только для железнодорожных бригад. Предназначались они для Дудаева и якобы «грабились», хотя в действительности просто разгружались.)

Грачёв поинтересовался у Дудаева, как тот себя чувствует. На Востоке положено быть вежливым. Дудаев ответил, что поскольку всё на свете зависит исключительно от воли Аллаха, он передал в один из западных банков некоторые документы, в которых зафиксированы отдельные любопытные события последних трёх лет, с просьбой предать их гласности в случае, если с ним, Дудаевым, что-нибудь случится. Грачёв принял эти слова к сведению, но заметил, что чеченский президент выглядит отлично: бодрым и здоровым. Дудаев опять сослался на волю Аллаха, поинтересовавшись, кто затеял всю эту возню вокруг Чечни?

Грачёв искренне ответил, что он как военный человек — такой же, как и Дудаев, (мы оба генералы и нам легче понять друг друга) мало разбирается в политике, считая её грязным делом, но предпринимает усилия, чтобы в игру политиков не втянули армию. «А кто бомбит Грозный?» — поинтересовался Дудаев. Грачёв рассмеялся: «Разве это бомбёжки?»

Это так — шутки одни. Если бы он командовал...

Тут генерал сделал многозначительную паузу и провёл рукою поперёк горла. Смекаешь, мол? Кстати, о командовании. Что бы сказал Дудаев, если бы ему предложили покомандовать армией где-нибудь в Забайкальском округе на генерал-полковничьей должности? А потом перевели в Министерство Обороны одним из заместителей?

Дудаев скромно улбнулся. Он не справится командовать армией. Опыта нет. Уже четыре года, считай, как дивизию сдал. Снова войти в структуру будет тяжело. Да и зачем? Ему и здесь неплохо. Между ним и Аллахом нынче никого нет: ни командующего округом, ни министра, ни генсека. Легче работается.

Грачёв посуровел лицом. Как объяснить Дудаеву, что не по чину ему сидеть на таком посту и на таких деньгах. Не для того делалась «перестройка», чтобы на постах, предназначенных для бывших первых секретарей, сидели никому неизвестные генералы, а первые секретари христорадничали в Кремле. Вокруг бы хоть оглянулся: в Баку — Алиев, в Тбилиси — Шеварнадзе, в Северной Осетии — Галазов, в Татарстане — Шамиев. Правда, есть ещё исключения вроде Илюмжинова, ставшего президентом прямо из ларечников, но сидит тот тихо и за то, чтобы его не трогали, почти все деньги отсылает в Москву. Особенно после октября 93-го.

— Я бы согласился,— продолжал настаивать Грачёв.— Я — когда министром обороны ставили — тоже думал, не справлюсь. И ничего. Справился.

— И очень даже хорошо справился,— подтвердил Дудаев, улыбаясь.— Если бы мне пост минист-

ра обороны предложили, я, может, и подумал бы. А на армию не пойду. Из президентов армией командовать? Не солидно. Да и куда мне сейчас идти, когда вокруг такое творится. Вот-вот война начнётся.

— Да никто воевать не собирается,— вздохнул Грачёв.— Отдай пленных и согласишься на переговоры. Вот и все проблемы.

— Я готов вести переговоры,— сказал Дудаев.— Вы не хотите.

— Мы не можем вести с тобой переговоры,— поправил Грачёв.— Вести с тобой переговоры — значит признать Чечню независимой. Неужели ты это не понимаешь? Никто в Москве сегодня к этому не готов. Это значит, признать начало распада России вслед за Союзом. Нас же разорвут на части. Веди переговоры с Хаджиевым, с Автурхановым. Кто там ещё?

— Лабазанов,— подсказал Дудаев,— которого ты произвёл в полковники.

— Я его не производил,— засмеялся Грачёв.— Это ты его выпустил из тюрьмы и назначил командовать чуть ли не своей охраной. Вот он и произвёл сам себя в полковники. Я только молчу. Хочет человек быть полковником — пусть будет. Ну, так как?

— Что как? — переспросил Дудаев.

— Насчёт переговоров с Хаджиевым,— улыбнулся Грачёв.

— Я не могу вести с ним переговоры,— покачал головой Дудаев.— Меня в Грозном разорвут на куски, если я начну говорить с этими мерзавцами. Сделаем лучше так: пусть те, кто считает себя обиженными, приедут ко мне. Можно встретиться где-нибудь в Прибалтике, на Кипре или в Турции. Может быть и договоримся. Кулаками махать зачем? Вы

думаете, что вас серьёзно кто-нибудь сейчас боится?

— Как знаешь,— вздохнул Грачёв.— Я передам, конечно. Только не согласятся они. Кто на Кипре Интерпол на уши поставил?

— Они думают, что я? — удивился Дудаев.— Мне-то это зачем?

— А кто ж ещё мог,— покачал головой Грачёв.— Только ты, Джохар. Это нехорошо.

Улюбающиеся генералы вышли к журналистам. Грачёв, явно кокетничая перед телекамерами, заявил: «Мы поговорили откровенно, как генерал с генералом. Решили так: сначала передача пленных, потом — посмотрим, как пойдут дела». Грачёв сделал паузу и добавил: «Самое главное, о чем мы договорились — это то, что **ВОЙНЫ НЕ БУДЕТ!**»

И генералы обменялись крепким и честным солдатским рукопожатием.

Злопыхатели и завистники, которых у Грачёва после его назначения на пост министра обороны развелось как тараканов в продовольственной каптёрке, утверждали, что министр, учась в Академии, на лекциях постоянно спал. Полевые учения, мол, любил, а теорию военного искусства всю проспал. Всё это было, если не клеветой, то явным преувеличением.

Теорию генерал Грачёв знал. Может быть немного хуже, чем Клаузевиц, но и время было другое. Он отлично знал, что при осуществлении вторжения куда угодно, будь то на чужой территории или на своей, необходимо добиться тактической внезапности. Для этого существует только один способ — уверить противника, что войны не будет, либо втя-

нуть его в нудные переговоры, в разгар которых и нанести удар. Как сделали японцы с американцами в 1941 году. Или немцы с нами в том же году.

Поэтому сказанная Грачёвым на весь мир фраза: «ВОЙНЫ НЕ БУДЕТ!» была лишь демонстрацией того, что генерал не спал на лекциях в Академии.

Впрочем, Дудаев и не тешил себя иллюзиями. Если до какого-то момента он ещё надеялся, что новая демократическая Россия не осмелится на глазах всего мира развязать полномасштабную войну на собственной территории, то в последние несколько дней он получил из своих «источников в окружении Грачёва» и структурах Российского Генштаба достаточно информации, говорящей о том, что Москва совершенно определённо намерена совершить вторжение в Чечню. При этом все задействованные для этой цели воинские части — главным образом, естественно, из состава Северо-Кавказского военного округа — вовсе не ориентируются на какую-то войну. Они как бы придаются для содействия силам милиции (на 3-4 дня, максимум — на неделю), чтобы помочь разоружить несколько бандитских групп. Это немного сбивало с толку. Выходило, что дезинформируя общественное мнение в стране и мире, Кремль дезинформировал и собственную армию, которая, дезориентированная подобным образом, понесёт чудовищные потери, перенеся конфликт совсем в другую плоскость.

Какую же цель ставит Москва, начиная подобную операцию?

У генерала Дудаева была мощная и вполне современная разведка, структурно входя в Департамент Государственной Безопасности, возглавляемый Рус-

ланом Гелисхановым. В Грозном хорошо знали положение в России. Уже несколько лет Россия, разво­ровываемая всеми, кому не лень (в том числе и са­мим Дудаевым, совместно с его московскими и про­чими компаньонами), живёт в долг, достигший уже совершенно непроизносимой цифры. Шахтёры, обо­ронка, армия, не говоря уже о разных учителях, вра­чах и профессорах, месяцами не получают зарпла­ты. Почти 40% населения уже живут за чертой бед­ности, приближаясь к черте нищеты. Острые соци­альные проблемы захлёстывают огромную державу как щепку в океане!

Как говорится, самое время немного повоевать!

Или, вторгнувшись в Чечню, объявить, что имен­но она и была виновата в том, что все реформы в России шли, как пьяные через непроходимую грязь какой-нибудь колхозной улицы.

Всё это сбивало с толку и вызывало беспокойство.

Тщательный анализ обстановки давал фактичес­ки одно более-менее правдоподобное решение: втор­жение в Чечню теоретически предоставляло Борису Ельцину возможность объявить по всей стране чрез­вычайное положение, под шумок отменить выборы и растоптать те жалкие ростки демократии, которым удалось пробиться за 4 года сквозь железобетонные блоки якобы рухнувшего тоталитаризма.

А в Москве у здания Думы льётся печально-тор­жественная мелодия «Прощания славянки». Влади­мир Жириновский вернулся из Грозного, выканючив у Дудаева ещё двух пленных солдат и демонстриру­ет их «почтеннейшей публике» под музыкальное сопровождение и зажигательную речь.

В Грозный же прибыл Явлинский с товарищами по фракции, предложившими себя в добровольные заложники в обмен на пленных. Дудаев жертвы кандидата в будущие президенты России не принял. Он заявил, что передаст 14 пленных и 4 трупа убитых солдат депутатам литовского сейма. Депутаты уже прибыли в Москву, где их задержали по распоряжению Российского МИДа, не дав добраться до Грозного. Подумав, Дудаев махнул рукой и пожаловал Явлинского аж семью пленными и четырьмя гробами, которые Явлинский доставил в Москву на следующий день.

Следующим днём было 7 декабря. Американский доллар, чужая валюта в стране психоз, уверенно шёл вверх, дойдя уже до 3292 рублей.

Приезд Явлинского с ещё семью пленными (о гробах как-то все забыли) накалил обстановку в Думе. Владимир Жириновский, вовремя не понявший всё значение происходящих событий, теперь, пытаясь наверстать упущенное, закатил очередную истерику, обвинив во всем происшедшем генерала Грачёва, под чьим командованием в Вооружённых Силах страны царил неописуемый бардак.

Кроме того, Жириновский где-то добыл сведения, что 50 уцелевших русских солдат были затем расстреляны «оппозицией» за неудачно проведённый штурм Грозного.

Выступивший затем знаменитый депутат Невзоров (от Петербурга) воинственно призывал к походу на Грозный. В своё время он сделал всё возможное, чтобы отмотаться от срочной службы в советской армии. Даже «косил» под психа в больнице

Скворцова-Степанова. Теперь же он был готов, отведав на думских хлебах, воевать до последней капли крови. Разумеется, не своей. Но «лоббировал» Шурик Невзоров не армию, а ФСК. По старой памяти, когда ходил в агентах КГБ.

Поэтому он яростно вцепился в Юшенкова и «прочих демократов», которые, выручая солдат и офицеров из дудаевского плена, поставили его родные органы в совершенно идиотское положение. Впрочем, самим «органам», в течение всей своей истории находящимся в подобном, а иногда и в худшем положении, это было далеко не в новинку и, честно говоря, они совсем не нуждались в какой-либо защите со стороны Невзорова. Просто самому Невзорову уж очень хотелось продемонстрировать то высокое доверие, которое ему было оказано. Чтобы «обезопасить» своих патронов от каких-либо нападков в будущем, Невзоров потребовал снятия «демократов», так или иначе связанных с обороной и безопасностью страны, со всех думских постов.

Не успел Невзоров замолчать, как к микрофону снова прорвался Жириновский, ещё не остывший от впечатлений, связанных с поездкой в Грозный. Он объявил, что только что получил точные сведения о происходящем в Чечне. Там в смертельной схватке сцепились ЦРУ и «Моссад».

Однако сенсации это не вызвало, поскольку к ЦРУ и «Моссаду» уже стали относиться как к чему-то совершенно обычному на территории России. Как это Россия и без ЦРУ с «Моссадом»? Такого просто не бывает. А то, что зловещие партнёры вдруг передрались из-за генерала Дудаева, выглядело не очень правдоподобно.

Вместо этого кто-то предложил заслушать в Думе самого Дудаева, пригласив его на ближайшее заседание.

На это лидер национал-социалистов в Думе Николай Лысенко заорал, что нечего слушать здесь «бесноватого чеченского фюрера». Лысенко считал себя единственным фюрером и ему совершенно не были нужны какие-то конкуренты.

Обстановка маразма, царящая в парламенте, была столь очевидна, что даже депутат от коммунистической партии Анатолий Лукьянов, недавно выпущенный из Лефортово по амнистии, мрачно заметил, что в России «власть ренегатов сменилась властью дегенератов» и был по-своему прав. Его тонкая поэтическая натура очень хорошо чувствовала фальшь.

Между тем гробы с погибшими российскими солдатами, доставленные Явлинским из Грозного, Министерство Обороны отказалось принимать, требуя доказательств, что покойные были военнослужащими. Машина с «грузом 200» стояла весь день у наглухо закрытых ворот Центрального военного госпиталя имени Бурденко, где ничего не хотели слушать, требуя бесчисленных справок. Депутаты бегали весь день по инстанциям. Их отсылали к министру обороны, которого никто не мог отыскать. Грачёва никто не мог отыскать потому, что министр находился в Кремле, где, наконец, собрался Совет Безопасности при Президенте.

Прежде всего заслушали министра обороны, недавно вернувшегося с Кавказа, где он встречался с самим Дудаевым. Министр обороны доложил, что Дудаев отклонил все сделанные ему предложения

(стать из президентов Чеченской республики командующим одной из дальневосточных российских армий) и, судя по всему, с ним уже можно говорить только языком силы.

Президент поинтересовался, всё ли у Грачёва готово для «восстановления конституционного порядка» в Чечне? Грачёв, недавно публично клявшийся, что ему для наведения порядка в Чечне достаточно одного десантного полка и двух часов времени, ответил утвердительно.

Вместо одного полка он уже стянул к границам Чечни три дивизии, включая одну танковую и считал, что у него нет никаких оснований для беспокойства.

Президент поинтересовался, за сколько дней армия и МВД собираются завершить операцию.

Грачёв благоразумно не стал вспоминать об обещанных двух часах.

— За неделю справитесь? — спросил президент. — А то, понимаешь, шум может подняться.

Выпросили десять дней.

— Девять, — твердо сказал Ельцин. — Больше не дам.

Назначенный заместителем Николая Егоров, которого ещё накануне поздравили с повышением в вице-премьеры, доложил собравшимся, что у Дудаева, кроме примерно 500 человек вооружённых бандитов, в Чечне нет абсолютно никакой социальной базы. Предполагается, что с началом ввода войск на территорию Чечни, Дудаев и его сообщники уйдут в труднодоступные горные районы и там...

— А там, — вставил Грачёв, — мы уже отработаем авиацией по полной программе. Не ермоловские времена.

Но, продолжал Егоров, кивком головы продемонстрировав полное согласие с репликой министра обороны, он, тем не менее, сомневается, что в Чечне возможно восстановление Конституционного правопорядка в полном объеме. Кому-кому, а ему это известно.

В своё время он был участковым в Краснодарском и Ставропольском краях, потом курировал в партийных структурах работу органов внутренних дел и может с полным основанием заявить, что чеченцы — это нация преступников. Ему не хочется здесь цитировать на этот счёт людей, которые во все времена почитались в России в качестве национальных героев и глубоких мыслителей. Генерала Ермолова, например. Или товарища Сталина. Поэтому, чтобы решить окончательно проблему данной территории, её нужно так или иначе освободить от ныне проживающего там населения. Он, конечно, имеет в виду не уничтожение или депортацию, как делали в старые времена, а естественное создание таких условий, которые бы дали самому населению понять, что проживание в данном регионе невозможно.

Поэтому армия и идущие вслед за ней спецчасти МВД и ОМОНа должны вести себя таким образом, чтобы вызвать местное население на стихийный протест с принятием последующих самых строгих — он не боится этих слов — карательных мер. В ходе этих действий должны разрушаться населённые пункты, культовые и прочие памятники. И многое другое. Речь сегодня идёт о самом существовании России, о её безопасности и будущем. А обеспечение подобных категорий всегда требовало жертв.

Президент сидел с видом медведя, поднятого из

берлоги среди зимы. Все молчали, ожидая услышать грозный рык.

Для осуществления всех этих мероприятий, продолжал между тем министр по делам национальностей, территория Чечни полностью изолируется от внешнего мира силами армии и МВД. Для въезда и выезда устанавливается строжайший пропускной режим, как предусмотрено законами о чрезвычайном и военном положении. Бегство населения будет представлено внешнему миру как последствия злодеяний Дудаевского режима.

Президент молчал.

— А со своими-то что будем делать? — спросил министр внутренних дел Ерин. Лицо его выражало готовность делать всё, что прикажут. За исключением защиты, конечно.

Как всегда степенно и неторопливо поднявшийся Олег Сосковец доложил свои предложения. С момента начала операции — плюс-минус несколько дней — необходимо начать по всей стране обмен 50-тысячных купюр и делать всё это так, чтобы у населения не оставалось времени думать ни о чём, кроме спасения собственных сбережений. Часть так называемой «демократической» прессы можно открыто обвинить в том, что она существует на дудаевские деньги. Пусть докажут обратное. И на этом основании у части издательств отобрать лицензии, а, попросту говоря, закрыть.

Что касается Государственной Думы и Совета Федерации, то, во-первых, необходимо в последний момент предупредить и, что более важно, тщательно проинструктировать председателей палат Шумейко и Рыбкина, как они должны интерпретировать

события и что по этому поводу говорить. Вместе с тем одновременно с началом операции (или чуть раньше) отключается спецсвязь у некоторых председателей думских комитетов и отдельных депутатов. Кроме того, в рамках закона о чрезвычайном положении на части Российской территории, в соответствии с секретным указом Президента от 30 ноября, можно временно вообще (до особого распоряжения) отменить закон о печати, общественных организациях, митингах и демонстрациях. С территории Чечни в средства массовой информации передавать сообщения, прошедшие правительственную проверку, если хотите — цензуру. Сосковец заметил, что не видит больших осложнений в собственно России после начала мероприятий в Чечне.

Далее слово взял секретарь Совета Безопасности Олег Лобов — бывший крупный партийный деятель из Екатеринбурга в бытность там Ельцина первым секретарём обкома. Ельцин ценил Лобова за личную преданность и широту кругозора, что позволяло ему действовать с размахом «от Японии до Англии», как пелось в популярной песне сталинских времён. Сейчас Лобову предстояло озвучить суть аналитической записки, рождённой в недрах «мозгового» центра службы генерала Коржакова.

Записка, как и положено, начиналась с вводной части, где констатировалось крайне опасное положение, в которое попала Россия после распада СССР. Влияние страны в мире стабильно падает, теряются традиционные регионы, где влияние Советского Союза никому бы даже не пришло в голову оспаривать. В частности, в странах бывшего Варшавского пакта и во многих развивающихся странах, напри-

мер, Анголе. С Россией перестали считаться, поскольку полагают, что она слаба.

Это приводит в движение силы, направленные как против российских интересов, так и против российской государственности. В этом отношении особо опасное положение сложилось на юге России и за её пределами.

Первая глава записки называлась «Опасные очаги сепаратизма», но начиналась почему-то с возрождения идей пантюркизма, где особо подчёркивалось, что вдохновителями пантюркистских идей почти поголовно являются выходцы из бывших республик СССР и российских автономий, оказавшиеся по тем или иным причинам в Турции.

В Турции, чья империя развалилась ещё в конце Первой мировой войны, имперские традиции не только не ослабли, а, напротив, набирают силу из года в год. Даже в школьных учебниках публикуются карты страны по положению на 1586 год, где обширные районы, потерянные турками в ходе бесчисленных русско-турецких войн, всё ещё значатся «утраченными территориями», требующими возвращения. И закрашены в соответствующий цвет. К этим районам относятся весь Кавказ, большая часть Астраханской области, Татарстана, Крыма и части Калмыкии, не говоря уже об обширных территориях по берегам Дуная.

Нет никакого сомнения, что по мере дальнейшего ослабления России и попустительства сепаратизму на её территории, эти силы в Турции, Иране и в иных странах могут перейти к более активным действиям с целью отторжения у России обширнейших районов, что в конечном итоге может привести к

полному распаду и гибели Российского государства.

Следующий раздел был почти полностью посвящён Чечне. Обстановка, сложившаяся в Чеченской республике после 1991 года, провоцирует нестабильность на всей территории не только России, но и всех стран СНГ. Пока удаётся в ряде автономий держать на руководящих постах лиц, настроенных пророссийски, обстановка, хотя и чреватая любыми неожиданностями, тем не менее, в перспективе будет оставаться под контролем. Однако, в случае прихода к власти какого-нибудь политического деятеля, не воспитанного в старом духе партийной дисциплины и поддающегося сепаратистской пропаганде, обстановка может стать взрывоопасной и практически неконтролируемой.

В качестве примера приводился Татарстан, объявивший было о своём полном суверенитете и о тех сложных переговорах, которые пришлось вести с Шамиевым, чтобы хоть как-то разрядить обстановку.

Далее давался анализ ситуации практически во всех российских автономиях от Якутии до Чувашии с особым, конечно, упором на многочисленные автономии северо-кавказского региона. Нигде обстановка не признавалась удовлетворительной. Почти из всех автономий к Дудаеву для обмена опытом посылались тайные эмиссары. Все внимательно следят за развитием событий в Чечне с явным намерением действовать по образцу лихого авиационного генерала, когда Россия окончательно распишется в собственном бессилии. Аналитики связывали ситуацию в Чечне и с неуступчивой позицией Украины во всем, что касалось, например, Крыма и раздела Черноморского флота, с поведением Молдовы по отно-

шению к Тирасполю и Москве, с наглой позицией Азербайджана и растущим самомнением президента Назарбаева.

Чечня компрометирует Россию на международной арене, вызывая, мягко говоря, недоумение у стран «большой семёрки», а также и у развивающихся стран.

Любая попытка России вмешаться в какие-нибудь мировые проблемы приводит к ответу: «Вы сначала наведите порядок у себя в доме».

В разделе рекомендаций, вытекающих из сложившейся в настоящее время обстановки, открытым текстом говорилось, что быстрая и полная военная победа в Чечне покажет, что Россия была и осталась великой державой, которая никому не позволит нарушить её территориальную целостность или диктовать какие-либо условия. Эта победа охладит турок, иранцев, афганцев и даже китайцев, показав им, что и с ними могут поступить соответствующим образом в случае необходимости. Но ещё большим уроком акция в Чечне, вещала аналитическая записка, послужит примером для наглеющей день ото дня Прибалтики; для возомнившей о себе Украине; для бывших первых секретарей Среднеазиатских республик, ставших пожизненными президентами. Пусть они поймут, что в каждую следующую минуту так же быстро и решительно могут поступить и с ними.

Не менее важный урок будет преподан и населению России, предметно продемонстрировав ему силу и решительность власти, идущей на всё ради защиты русского населения, неделимости и величия страны.

Короткая и победоносная война сплотит общество вокруг Президента и значительно поднимет его

несколько упавший рейтинг, обеспечив победу на будущих президентских выборах.

Президент слушал внимательно и с неподдельным интересом. Он знал, что Лобов говорит по записке, составленной аналитиками Коржакова, и на него оказали впечатление логичность и жестокая правда изложенного наряду с простотой и некоторым изяществом литературного изложения.

Проблема заключалась только в том, что все выступающие уже ссылались на секретный указ от 30 ноября, хотя формальные советники уже успели убедить Президента, что в рамках этого указа действовать не только нельзя, но и достаточно опасно.

Для начала, на территории Чечни невозможно юридически объявить ни режим чрезвычайного, ни военного положения, ибо первое объявляется по требованию местных властей, а второе — только в случае агрессии извне.

Кроме того, указ от 30 ноября отдавал всю власть в Чечне в руки Грачёва, что, в силу новых обстоятельств, также делать не следовало. Дело в том, что будучи в Будапеште на совещании ОБСЕ, Ельцин от имени России подписал «Кодекс поведения, касающийся военно-политических аспектов безопасности». В 36-м пункте Кодекса, в частности, говорилось:

«Каждое государство-участник будет обеспечивать, чтобы любое решение о направлении его вооружённых сил для выполнения функций внутренней безопасности принималось в соответствии с конституционными процедурами. В таких решениях будут определяться задачи, поставленные перед вооружёнными силами и будет обеспечиваться, чтобы эти задачи выполнялись под эффективным контролем

конституционно учреждённых органов власти и с соблюдением принципов верховенства законов.

В случае, если функции внутренней безопасности не могут быть выполнены без применения силы, каждое государство-участник будет обеспечивать, чтобы её применение было соизмеримо с имеющейся потребностью в принудительных действиях. **ВООРУЖЁННЫЕ СИЛЫ ОБЯЗАНЫ ПРИНИМАТЬ ДОЛЖНЫЕ МЕРЫ С ТЕМ, ЧТОБЫ ИЗБЕГАТЬ НАНЕСЕНИЯ УЩЕРБА ГРАЖДАНСКИМ ЛИЦАМ И ИХ ИМУЩЕСТВУ».**

Поэтому Президент повелел составить секретный указ об отмене секретного указа от 30 ноября и подготовить новый секретный указ, проект которого был представлен членам Совета Безопасности.

В новом указе «группа», которой поручается наведение порядка в Чечне, больше не называлась «Группой руководства действиями по разоружению и ЛИКВИДАЦИИ вооружённых формирований, ВВЕДЕНИЮ И ПОДДЕРЖАНИЮ РЕЖИМА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ», а «Группой руководства действиями по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности, разоружению и ликвидации вооружённых формирований, не предусмотренных федеральным законодательством». Из текста нового указа были тщательно изъяты все упоминания о чрезвычайном положении, а также ссылки на закон РСФСР «О чрезвычайном положении» и на статью 88 Конституции, которая предусматривает возможность введения такого положения.

Общее руководство «Группой» в проекте нового указа возлагалось не на Грачёва, как в старом, а на самого горячего сторонника вторжения в Чечню

военной силой — Николая Егорова. Он же назначался «Председателем по координации гражданской федеральной Группы». А генерал Грачёв на этот раз назначался «Председателем по координации военной Группы». Но зато в новую Группу был добавлен министр МЧС Сергей Шойгу, чьи подразделения должны были обеспечить «эвакуацию» населения из зоны бедствия, вызванного боевыми действиями.

Надо сказать, что мало кто из присутствующих на заседании этого памятного Совета Безопасности при Президенте России поняли все эти ельцинские мудрствования. Раз президентские «мудрецы» считают, что нужно делать так, а не этак — что в сущности от этого меняется. Пусть командует Егоров, если он такой умный. Разницы никакой.

Главное, когда начнём?

На совещание был срочно вызван один из помощников генерала Коржакова — генерал Рагозин. В старые времена, служа в 5-м управлении КГБ, Рагозин волею судьбы попал в отдел, который курировал разных подпольных и полуподпольных «уфологов», «экстрасенсов», «астрологов» и «колдунов», чтобы те, упаси Бог, не причинили своим ведовством какого-нибудь вреда любимой партии. В итоге Рагозин набрался от своих подопечных таких знаний, что в настоящее время руководил целым отделом астрологов и экстрасенсов, свивших себе уютное гнездышко под крылом службы безопасности Президента, как при дворе средневекового короля. Каждое утро генерал Рагозин докладывал Президенту его гороскоп на текущий день. Гороскоп визировался генералом Коржаковым. Без его визы он силы не имел.

Ещё в ноябре возглавляемый генералом Рагози-

ным отдел получил задание указать оптимальную дату начала чеченской операции. Вычисления положения звёзд и планет проводились с помощью американских компьютеров последнего поколения, закупленных специально для этой цели комендантом Кремля генералом Барсуковым.

Все вычисления показали на 11 декабря как на наиболее благоприятную дату начала операции.

Начальник ФСК Степашин, быстро подсчитав дни, правильно определил, что 11 декабря 1994 года приходится на воскресенье, т.е. на выходной день. А из истории известно, что все внезапные удары, как правило, наносились по воскресеньям, когда противник отдыхает. То, что в Чечне выходным днём давно является пятница, никто из присутствующих либо не знал, либо знал, но забыл...

8 декабря было печальным днём. Поминали третью годовщину внезапной кончины Советского Союза. Под мокрым снегом собрались немногочисленные митинги под Красными знамёнами. На одной из столичных площадей депутат Марычев совместно со скандально известными народными вождями из бывших чиновников ЦК ВЛКСМ забили осинового колья в символические гробы Ельцина, Кравчука и Шушкевича — главных подписантов Беловежского соглашения, констатировавшего смерть СССР.

Коммунисты в Думе пытались в очередной раз денонсировать Беловежское соглашение. Уцелевшие поклонники мистического учения Маркса-Ленина всегда считали, что им по плечу всё — вплоть до оживления покойников.

Газета «Российские Вести», учредителем которой являлась администрация Президента, поместила статью под заголовком «Глупость или генеральная репетиция?», в которой пыталась проанализировать недавние события; связанные со службой безопасности генерала Коржакова, напавшей на столичную мэрию и банк «Мост». Газета задавала резонный вопрос: если люди Коржакова вели себя столь нагло и безнаказанно в самом центре Москвы, то почему они с такой же легкостью не могут изолировать Президента, сделав его заложником собственных решений и действий?

Между тем количество войск, сконцентрированных на границе с Чечней достигает критической массы. Центральное телевидение демонстрирует парад в Грозном «воинов Аллаха», объявленных иностранными наёмниками. По площади Шейха Мансура ползет колонна танков, украшенная зелёными знамёнами Ичкерии — свободным волком, готовым своими страшными клыками вырвать у кого угодно свою независимость.

Грачёв. Ерин и Степашин вызваны в Думу для отчёта, но ни один из них, естественно, не явился, демонстрируя всем сомневающимся, чего стоит представительная власть демократической России.

Однако настырные журналисты снова отловили генерала Грачёва и задали ему уже чисто риторический вопрос: «Как в Чечню ныне попадают оружие и наёмники?»

«Спросите у Николаева», — тонко улыбнувшись, ответил министр обороны. Главком пограничных войск генерал-полковник Николаев являлся давним

соперником и недругом генерала Грачёва — его многие прочили в будущие министры обороны.

Когда пограничные войска вывели из системы КГБ и сделали самостоятельными, Грачёв несколько раз хотел наложить на них свою министерскую лапу. Но генерал Николаев яростно сопротивлялся. Отношения между генералами испортились напрочь — настолько, что, как говорится в мудрой украинской пословице, затрещали чубы у всех подчинённых. Пограничникам приходилось двоим в течение нескольких суток вести неравный бой с превосходящими силами афганских и таджикских партизан, а стоящая неподалёку танковая часть министерства обороны даже не объявляла у себя состояние тревоги. То есть и в ус не дула.

В свою очередь армейская часть могла быть атакована с тыла на том участке, где, как считалось, граница полностью на замке, и ей оставалось только гадать потом, «как бандитам удалось на этом участке просочиться?»

С удовольствием подставив генерала Николаева под огонь средств массовой информации, Грачёв стал собираться в Моздок.

У него была масса собственных проблем, чтобы ещё заниматься чужими. Одной из этих проблем была та же, с которой столкнулись американцы, пытаясь выяснить, где находится Чечня. У РОССИЙСКОЙ АРМИИ НЕ БЫЛО ПОДРОБНЫХ КАРТ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ. Поговаривали, что все они были брошены то ли в Грозном, то ли в Бамуте при спешном выводе оттуда бывших советских войск. Командирам частей до комбатов включительно были розданы туристские карты, выпущенные в

своё время в Ставрополе, и атласы автомобильных дорог бывшего СССР. Чтобы немного ориентировались на местности. На картах не было примерно 75% населённых пунктов и более половины имеющихся в Чечне дорог. Естественно, не были указаны болотистые и вовсе непроходимые участки, пути нефти и газопроводов, линий энергопередач и много другого, что составляло (и составляет) военную и государственную тайну в картографии. Никто ведь никогда не думал, что соблюдение этих тайн так больно ударит по собственной армии, которой придётся воевать наощупь.

Но отсутствие стратегических карт Чечни не являлось единственной проблемой генерала Грачёва. Журналисты, даже те, что ему симпатизировали, давно уже прозвали министра обороны России — «министром круговой обороны».

С момента своего назначения на этот пост в 1992 году Грачёв действительно держал круговую оборону. Во-первых, он был выскочкой, а выскочек не любят во всех армиях мира. Во-вторых, он был десантником и занял место, которое, по традиции, уходящей ещё в царские времена, всегда принадлежало общевойсковым (сиречь — пехотным) генералам и маршалам. В-третьих, время было такое, что генерал даже с большим, чем у Грачёва служебным и жизненным опытом, едва ли в такие времена мог бы эффективно контролировать столь сложную, громоздкую и плохо управляемую машину, именуемую бывшими советскими вооружёнными силами. В течение 50 послевоенных лет эти силы были нацелены на мировую войну, проходя соответствующее обучение.

Поражение в Афганистане, крушение всего западного фронта, десятилетиями стоявшего огромной дугой от Германии до Венгрии, и, наконец, распад Советского Союза привёл (и не мог не привести) Вооружённые Силы страны в состояние полного хаоса.

На глазах погибал флот, авиационные части чуть ли не втрое вынуждены были уменьшить количество полётных часов. Многие соединения, очутившиеся на обломках империи в виде дюжины независимых и псевдонезависимых государств, просто перестали существовать. Практически перестали существовать и гигантские общевойсковые группировки. Лишённые былых средств, укомплектованные едва на 50%, смешанные с выведенными из Европы частями, брошенные в чистом поле вместе с ржавеющей техникой, общевойсковые армии, корпуса и дивизии фактически прекратили боевую подготовку личного состава, превратившись в огромные акционерные общества с рабовладельческим уклоном.

С гигантским трудом удалось сохранить на прежнем, как казалось, уровне лишь элитарные части: воздушно-десантные войска, морскую пехоту, несколько бывших спецсоединений КГБ, переведённых в подчинение армии, и, разумеется, стратегические ракетные войска как последнее воспоминание о былом имперском величии.

Большая часть огромного советского генералитета после того, как за тюремную решётку попали министр обороны маршал Язов и командующий сухопутными войсками генерал армии Варенников, а начальник генштаба генерал армии Моисеев был уволен в запас, оставили службу, но не потому что признали своё поражение, а потому, что не желали

служить «временному оккупационному режиму», как они называли правительство президента Ельцина. Не желая служить новому режиму, они, разумеется, делали всё возможное, чтобы этот режим если не свалить, то дестабилизировать до такой степени, чтобы он развалился сам.

Всевозможные «Союзы офицеров», «Союзы ветеранов» и тому подобные организации разлагали армию дено и нощно. Причём не ту огромную, серую и безликую общевойсковую массу, а именно те элитарные войска, ещё сохранившие былую боеспособность. В части беспрепятственно допускались не только представители полностью управляемой партии Жириновского, но и фашистские агитаторы Баркашова, не говоря уже о многочисленных прочих группировках откровенно националистического и экстремистского толка, объявивших себя патриотическими. В частях Дальневосточного и некоторых других округов открыто (с официального разрешения командования) создавались ячейки «Русского Национального Собора», возглавляемого бывшим генералом КГБ Стерлиговым.

Даже зачастившие в войска православные священнослужители больше говорили о всемирном еврейском заговоре и «жидовском иге», погубившем Святую Русь, чем о спасении души. Весь этот напор был направлен конкретно против президента Ельцина в первую очередь и генерала Грачёва — во вторую.

Надеяться на работу Особых отделов, как в былые времена, было смешно. Особые отделы мутили воду в армии одними из первых, скорбя о былых днях всеилия КГБ. Грачёв не мог рассчитывать даже на понимание собственных заместителей и началь-

ника генерального штаба, все они так или иначе фрондировали, если выразаться мягко.

Военные видели, как долго колебался генерал Грачёв, прежде чем открыто выступил на стороне президента Ельцина в дни октябрьского путча 1993 года. И первым, конечно, это видел сам Президент.

Когда-то тоталитарная советская система покоилась на трёх китах: партии, сколоченной её основателем по канонам гангстерской группировки, и двух её боевых отрядов: армии и КГБ. Партия испарилась, бросив свои боевые отряды на произвол судьбы.

Октябрьские события показали Ельцину, сколь мало он может рассчитывать на армию, а проведённое секретное расследование к тому же продемонстрировало, насколько близко к открытому мятежу были именно распропагандированные врагами Президента элитарные части от Москвы до дальних морей. Если этого не произошло, то причиной была скорее не преданность Президенту, а трусость некоторых высокопоставленных генералов, не совсем уверенных в исходе чилийского варианта спасения отечества.

Грачёв потому и сохранил свой пост, что был десантником и пользовался авторитетом именно в воздушно-десантных частях, поскольку командовал ими ещё в советские времена. А нынешний главком ВДВ генерал-полковник Подколзин, хотя и был грачёвским протеже, интриговал против Грачёва, как капитан королевских мушкетёров против кардинала.

Страна не понимала своего средневековья.

И Президенту хватило бы одних колебаний Грачёва, чтобы понять, как мало он может рассчитывать на Вооружённые Силы в случае очередного мятежа по образцу хасбулатовского.

Ещё менее он мог рассчитывать на откровенно сублильную ФСК, во главе которой стоял Сергей Степашин, произведённый Ельциным из полковников в генерал-лейтенанты. Злые языки называли Степашина «пожарником», что совершенно не соответствовало действительности. Пожарным Степашин никогда не был, а был политработником в системе пожарной охраны Ленинграда и даже защитил кандидатскую диссертацию на тему «Роль партийных организаций в повышении боеготовности противопожарных подразделений». Когда октябрьские события сожрали сразу двух министров безопасности: Баранникова и Галушко, Ельцин назначил на этот пост Степашина, возможно, не без оснований рассчитывая на его личную преданность.

Но как говорится, «услужливый дурак опаснее врага».

Степашин оказался полностью некомпетентным на этом посту, поэтому снабжал все президентско-правительственные структуры дезинформацией, которая подчас была до неприличия очевидной. Это не был злой умысел директора ФСК. Он докладывал то, что докладывали ему, но не имел никакой возможности проверить или перепроверить поступающие данные. А подчинённые лгали ему и с большим удовольствием, с нетерпением ожидая, когда от них уберут очередного начальника. Их и так сменилось 5 за четыре года.

Бывший КГБ, сотрудники которого давали специальную присягу умереть за Советский Союз и КПСС, среагировал на гибель страны и родной партии до удивления вяло. Оба путча — августовский и октябрьский — огромный монстр просидел, под-

жав щупальца под себя с сонно прикрытыми глазами. Никому не удавалось добиться от него какой-либо внятной информации.

Если ко всему этому добавить, что ещё одна спецслужба ГРУ готовила на своих тайных базах спецназ для Дудаева и консультировала его старших офицеров (обнаружение этого факта стоило жизни Дмитрию Холодову), то станет абсолютно понятным, почему президент Ельцин предпочёл укрыться за кремлёвскими стенами и широкими плечами своей личной охраны.

Не в силах распустить окончательно все силовые и контрразведывательные структуры, оказавшиеся в буквальном смысле этого слова забетонированными в коммунистическую систему государственности, что досталась Ельцину по наследству от покойного Советского Союза, Президент не придумал ничего лучше создания параллельных силовых структур власти и управления.

При этом он совершенно не подумал о том, что этим самым возвращает страну в раннее европейское средневековье, когда короли боролись, заняв круговую оборону, с мятежными городами, мятежными парламентами и мятежными феодалами, каждый из которых имел собственные вооружённые силы и спецслужбы. Параллельную службу безопасности

Президент при создававшихся условиях мог доверить только одному человеку — генералу Коржакову, своему верному и давнишнему телохранителю, уже не раз доказавшему свою беззаветную преданность лично Ельцину. Фактически только Коржаков и комендант Кремля Барсуков не предали Президента (даже колебаниями) в дни Хасбулатовского мятежа.

Выбор Президента был бы идеальным, если бы не одно существенное обстоятельство. Генерал Коржаков начинал службу в 9-м управлении КГБ под командованием генералов Плеханова и Генералова (оба попали за решётку ещё после августовского путча 91-го года). Генералы организовали дело воспитания личного состава управления, поставлявшего телохранителей сановным особам и охрану на спецобъекты государственной и оборонной важности (включая дачи) таким образом, что думать офицерам «девятки» возбранялось самым категорическим образом. И это было совершенно правильно. Все мысли и рефлексy телохранителя, доведённые до полнейшего автоматизма, должны быть направлены исключительно на заботу о безопасности того «тела», которое ему доверено. Стоило, скажем, знаменитому генералу Медведеву — начальнику охраны президента СССР Горбачёва — начать думать, как он немедленно предал своего босса и вместе с ядерным кейсом перебежал к путчистам.

Поэтому, когда генералу Коржакову, привыкшему открывать и закрывать дверцы президентских лимузинов, держать над Президентом зонтик, парить своего хозяина в баньке и делить с ним все прочие тяготы и лишения президентской должности, было ещё приказано и думать о государственной безопасности, результаты превзошли все ожидания тех, кто создавал подобную ситуацию.

Схема государственной безопасности, разработанная генералом Коржаковым, разумеется, была на первый взгляд простой и даже обещала быть весьма эффективной. Безопасность государства — это безопасность Президента.

Подобная схема была в своё время разработана для Ивана Грозного, потом, в более совершенном виде — для товарища Сталина. И в том, и другом случае привела к массовому истреблению собственного народа, поскольку он (народ) совершенно очевидно таил в себе угрозу для безопасности вождя самим фактом своего существования.

Все пять столетий войны в России дают обильный материал для бесспорного заключения: единственной реальной опасностью для российского правителя — князя, царя, императора, генсека, президента — является его собственный народ. Видимо, изначальный антагонизм между пришлыми «князьями» и покоренным ими народом так укрепился в генной памяти тех и других, что надеяться на нормализацию взаимоотношений власти с народом и народа с властью не стоит до второго, по крайней мере, «пришествия». Только кого?

Очевидно, что нынешняя схема ни к чему другому также привести не могла.

Если «товарищи» Иван Васильевич и Иосиф Виссарионович всегда были правы по определению, то президент Ельцин всегда прав по Конституции, которую ему удалось провести в постоктябрьские дни, когда всё российское общество ещё не оправилось от грома танковых пушек в собственной столице. Эта Конституция давала Президенту, а следовательно и генералу Коржакову, столько власти, сколько не имели короли в краткий исторический период абсолютизма. И, что самое важное, не предусматривала никакой ответственности, поскольку отстранить Президента от власти законным путем было практически невозможно.

Как и следовало ожидать, генерал Коржаков стал трактовать безопасность Президента очень широко. Безопасность Президента, например, зависела от импортных квот на нефть или, скажем, от доходов «Росвооружения», а потому, считал генерал Коржаков, оба этих промышленных монстра следует передать в ведение президентской охраны.

Безопасность Президента, без сомнения, зависела и от того, что о нём осмеливается сообщать пресса и говорить народ. Безопасность Президента зависит и от его рейтинга, который постоянно падал.

И уж, само собой разумеется, что главную опасность для Президента представляла армия, очень долго размышлявшая, когда требовалось прикрыть Президента своими телами от злобных притязаний взбунтовавшихся народных избранников в Верховном Совете.

К сожалению, сложившаяся в мире геополитическая ситуация совершенно исключала возможность использования армии где-нибудь за пределами страны, что часто использовалось правителями прошлого в подобных ситуациях. Поэтому ситуация в Чечне неожиданно стала просто подарком для всех, кто думал о безопасности своего Президента, включая и его самого. Уж, конечно, сам Президент больше всего был заинтересован в собственной безопасности.

Короткий, но сильный и звонкий удар позволял решить проблемы многотрудные и многослойные.

А между тем, создавалась (на всякий случай) и параллельная армия, которой командовал Виктор Ерин — такой же генерал армии как и Грачёв, но, в отличие от Грачёва, не Герой Советского Союза, а Герой России.

Если Грачёв свою Золотую звезду получил за усмирение Афганистана, то Ерин свою — за усмирение Москвы. А потому к концу 1994 года численность войск МВД, не считая милиции и конвойных подразделений, уже достигла 800 тысяч человек, с танками, тяжёлой артиллерией и установками залпового огня.

Безопасность Президента — штука очень сложная.

Тем более, что Дудаев пригрозил: если в России не прекратится античеченская истерия, он проведёт в Москве несколько показательных террористических актов.

По данным ФСК, совпадающим с данными СБП, в Москву уже нелегально проникли несколько групп дудаевских боевиков-смертников, готовых на всё. Все спецслужбы были приведены в состояние повышенной готовности. И не напрасно. Именно в этот день — 8 декабря — в Москве произошли два террористических акта, которые вполне можно было назвать показательными. Жаль только, что ни к одному из них нельзя было привязать генерала Дудаева и вообще чеченцев.

9 декабря было объявлено, что в понедельник 12 декабря возобновятся переговоры с Дудаевым. Для этой цели в Моздок снова прилетел генерал Грачёв. Там уже находились и два других «силовика» — генералы Ерин и Степашин.

Из Грозного пришли известия, что город готовится к обороне. Запрещена торговля водкой, населению раздают противогазы.

Во всех центральных газетах неожиданно появилось распоряжение Совмина «О мерах по дальнейшему улучшению народного хозяйства Чеченской республики». Возможно, что это был сигнал к выступлению, определявший день Д минус 2, поскольку также за два дня до вторжения в Афганистан, в «Правде» было помещено постановление «О мерах по дальнейшему укреплению советско-афганских экономических отношений».

Глубокой ночью президент Ельцин подписал новый Указ № 2169с (Секретный). Прежний Указ № 2137с (Секретный) от 30 ноября считался отмененным. В новом указе говорилось: **«ВСЕМИ ИМЕЮЩИМИСЯ У ГОСУДАРСТВА СРЕДСТВАМИ ОБЕСПЕЧИТЬ РАЗОРУЖЕНИЕ БАНДФОРМИРОВАНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ»**. О намеченных на 12 декабря переговорах в указе не говорилось ни слова.

Суббота 10 декабря выдалась на редкость тихой. Было сообщено, что генерал Дудаев передал генерал-полковнику медицинской службы Чижу всех оставшихся в его руках пленных. В Грозном остался только тяжело раненый рядовой Прящиков, лежавший в одном из тамошних госпиталей. Все силовые министры собрались в Моздоке, готовясь, как было объявлено, к переговорам с Дудаевым, назначенным на понедельник 12 декабря.

В Нальчике открылся съезд «Репрессированных народов», принявший резолюцию о недопустимости военных акций против Чечни.

Неугомонный Сергей Юшенков предупредил, что

если вторжение в Чечню все-таки произойдет, то надо немедленно начинать процедуру отстранения Президента от власти.

Как бы в ответ на это предостережение в середине дня было объявлено, что «президент Ельцин ГОСПИТАЛИЗИРОВАН» в связи с необходимостью сделать операцию на перегородке носа. Указывалось, что Борис Николаевич проведет в больнице 8 ДНЕЙ. Возможно, разработчики операции «Нос президента» надеялись, что процедуру отстранения от власти находящегося на бюллетене Ельцина начинать не будут. А тем временем (Грачеву «дадено» аж 9 дней) усмирение Чечни будет закончена, и Президент вздохнет облегченно после успешного завершения двух операций.

События, между тем, активно развивались...

Вечером того же дня были отключены телефоны спецсвязи палат парламента с президентской администрацией. Местонахождение главы государства и первых лиц его администрации было неизвестно. Оказались закрытыми все аэропорты Ставропольского края и Северного Кавказа, а чуть позже блокирована и телефонная связь с этими районами страны.

Поздно вечером Президент позвонил генералу Грачёву в Моздок.

Генерал доложил о готовности.

«Чтобы к 20 декабря все было кончено!» — приказал Президент.

«Раньше управимся!» — бодро отрапортовал министр обороны.

* * *

На рассвете 11 декабря Российские войска с трех направлений вторглись на территорию республики Ичкерия. Демонстрируя всеокрушающую мощь великой державы, колонны бронетехники шли по дорогам Надтеречного района, не встречая ни малейшего сопротивления. Силами трех дивизий они рвались к сердцу чеченского сепаратизма — городу Грозный. Весь мир должен был убедиться, что не только Соединённым Штатам удаются стратегические операции вроде «Бури в пустыне».

Так же четко, быстро и с минимальными потерями будет проведена и операция с условным наименованием «Буря в горах».

Правда, в отличие от американской, ее приходится проводить на собственной территории. Что ж поделаться?

Одной из необъяснимо мистических загадок нашей новейшей истории является тот факт, что все агрессивные войны Советский Союз, а за ним и Россия, всегда начинали в декабре. Так было при вторжении в Финляндию, так было при вторжении в Афганистан, так произошло и при вторжении в Чечню. Всегда зимой, всегда без зимнего обмундирования (в Финляндии в 40-градусные морозы солдаты не всегда имели даже шинели, а в Чечне было и того чище — многие солдаты не имели даже портянок: дырявые сапоги были одеты на босу ногу) и, что характерно, без продовольствия. (Многие солдаты первый раз поели, только очутившись в чеченском плену.)

Но аналогия с Финской войной 1939 года была не только в этом. Тогда весь финский народ под-

нялся с оружием в руках на защиту независимости своей страны, сплотившись вокруг своего военного лидера Карла Густава Маннергейма — бывшего генерала РУССКОЙ армии.

Ныне весь чеченский народ, включая женщин и детей, встал на защиту своей независимости, сплотившись вокруг своего военного лидера Джохара Мусы Дудаева — бывшего генерала СОВЕТСКОЙ армии.

Одинаковые ошибки Кремля неизбежно должны были привести и к одинаковым последствиям.

Глава 4

В З Р Ы В

Женщина билась в истерике. Она то падала на землю, сжимая в руках белую простыню, заменяющую парламентарский флаг, то пыталась подняться, тяжело опираясь на руки и снова падая, не прекращая выкрикивать слова, прерываемые рыданиями и тяжелыми всхлипами: «Не стреляйте! Умоляю вас, не стреляйте! Там дети! Много детей! Умоляю! Умоляю! Не стреляйте!..»

За спиной женщины горело трехэтажное здание городской больницы. Горело как-то лениво. Кое-где занялась крыша, пламя вырывалось из некоторых окон, из других валил дым. Но стекла (местами вместе с рамами) были выбиты на всех трех этажах. Повсюду в оконных проемах стояли люди — главным образом, женщины — в белых больничных халатах, размахивающие белыми простынями, наволочками и полотенцами, что-то кричащие или просто воюющие.

У фасада здания лежало десятка полтора трупов в камуфляжной униформе со шлемами на головах. Чуть поодаль догорали две боевые машины пехоты и гусеничная четырехствольная зенитная установка «Шилка».

Женщина продолжала биться в истерике и кричать.

Был близок к истерике и командир спецподразделения «Альфа» генерал Александр Гусев.

Знаменитая, оваянная легендами команда «Альфа» была создана в андроповские времена в системе КГБ для выполнения особо деликатных и рискованных задач без лишнего шума. «Альфе», например, приписывался штурм дворца Амина в Кабуле, когда ей удалось «ликвидировать» президента Афганистана, не потеряв, что особо отмечалось, ни одного человека.

Но даже этот, постоянно романтизируемый «звездный» афганский час «Альфы» помимо воли создателей мифа показал, что легендарная «Альфа» является, по сути дела, не антитеррористическим подразделением, а классическим инструментом международного терроризма в карательной системе террористического государства.

После августа 1991 года «Альфу» отобрали у КГБ и сделали попытку передать в структуру МВД, что подавляющая часть состава группы восприняла как личное оскорбление. Столь высокой считалась честь службы именно в КГБ.

Но КГБ перестал существовать, а потому добрая половина «альфовцев» предпочла уволиться и исчезнуть в тени, а остальные вскоре были взяты в Управление охраны президента под крыло генералов Коржакова и Барсукова.

Вскоре «Альфу» поздравили и с новым командиром. Им оказался полковник Гусев, служивший ранее в Кремлевском полку, а затем в комендатуре Кремля под командованием генерала Барсукова. Назначенный командиром «Альфы» Гусев и сам вско-

ре был произведен в генералы по ходатайству своего старого командира.

Днем 14 июня именно генерал Барсуков прервал телефонным звонком послеобеденный отдых генерала Гусева. Голос начальника ГУО был тревожным и возбужденным, но было понятно, что и сам он не полностью владеет информацией. Только что пришло сообщение: группа вооруженных людей напала на город Буденновск. Захвачены РУВД, узел связи, здание администрации. Есть убитые и раненые. «Альфе» надлежит, не медля ни минуты, прибыть на место и взять обстановку под контроль.

— Где этот Буденновск? — спросил ошеломленный Гусев. Он был уверен, что это где-то под Москвой.

— В Ставропольском крае, — ответил Михаил Барсуков. — Лети прямо в Ставрополь. Там тебя встретят.

— Чеченцы? — поинтересовался Гусев.

— Похоже, что так, — подтвердил начальник ГУО. — Давай не теряй времени.

Шел седьмой месяц чеченской войны, а если быть совершенно точным, ее 187-ой день. Уже 187 дней чеченцы вели полномасштабную войну с вооруженными силами сверхдержавы; войну, которую генерал Грачев собирался закончить одним полком за два часа, и радовался, получив на эту операцию от президента целых девять дней.

За полгода российская армия успела потерпеть в Чечне несколько позорных и и сокрушительных поражений, обрушив в ответ на маленькую республику и ее народ всю нерастраченную ярость, копившуюся десятилетиями для окончательного торжества

коммунизма на планете. Обладая абсолютным господством в воздухе, подавляющим превосходством в артиллерии и бронетехнике, не говоря уже о численности, армия в течение полугода не смогла сломить сопротивление «незаконных формирований» генерала Дудаева, в отместку сравнивая с землей авиабомбами и установками залпового огня города и села, безжалостно истребляя мирное население. Она несла при этом чудовищные потери, главным образом, из-за чрезвычайно низкой боевой подготовки и совершенно бездарного командования.

Четыре месяца длился штурм Грозного. Армейские части, брошенные туда с приказом взять город ко дню рождения генерала Грачева, пьянствовавшего в новогоднюю ночь в Моздоке в компании Сосковца и Егорова, были окружены, уничтожены или взяты в плен. Груды трупов российских солдат лежали на улицах города, поедаемые собаками, но в мясорубку бросались все новые и новые части.

Артиллерия и авиация методично сносили квартал за кварталом вместе с жителями, подавляющую часть которых составляли русские. На город падали бетонобойные и вакуумные бомбы. Он засыпался термитными, шариковыми и игольчатыми снарядами, запрещенными международными конвенциями, обливался напалмом. Но, несмотря на всю эту адскую поддержку, армия продолжала топтаться на месте, уступая чеченским бойцам в боевой подготовке на всех уровнях — вплоть до дивизионных структур командования и управления в реальных боевых условиях.

Истекшие кровью общевойсковые подразделения были отведены, и в Грозный брошены элитарные

части: морская пехота со всех трех флотов — Северного, Балтийского и Тихоокеанского, лучшие части воздушно-десантных войск и знаменитой дивизии, все еще носящей имя Дзержинского. Яростные бои вспыхнули с новой силой, наглядно демонстрируя, что немногочисленным чеченским отрядам по плечу драться и с самыми отборными частями российской армии.

Офицер морской пехоты, не стесняясь телекамер, истерически кричал, что если выйдет живым из этого ада, бросит службу к чертовой матери. Полковник воздушно-десантных войск Морев сошел с ума, когда за пять минут боя было уничтожено 80 десантников его части. Сам генерал-полковник Подколзин с растерянным лицом встречал полковника на аэродроме, переведя потрясенного офицера в военкомы. Штаб генералов Рохлина и Бабичева напоминал о самых худших днях обороны Сталинграда: осунувшиеся, небритые лица; земля, сыплющаяся с потолка; непрекращающийся гул канонады.

Снова завывала и застонала Россия от похоронок. Всюду — от Владивостока до Смоленска, от Североморска до Ставрополя плачущая медь военных оркестров сопровождала цинковые гробы, а молодые вдовы прятали в черных платках распухшие от слез лица. Военные госпитали и больницы заполнились ранеными и искалеченными. Цифры потерь скрывались не только от страны, но и от самой армии. Солдатские трупы не убирались и не хоронились или сбрасывались без учета и счета в братские могилы.

Уже начали попадать в мясорубку легкомысленно развязанной войны первые генералы и полковники. Всех поражала небывалая в истории войн убыль

именно офицерского состава, достигавшая, в среднем, чудовищной цифры 20 процентов от общего числа потерь. Солдаты, лишённые офицеров, становились легкой добычей противника. Постепенно армия стала снимать с себя знаки различия, превращаясь в разношерстное формирование, которое порой уже невозможно было отличить от противника.

Сотни солдатских матерей, чьи сыновья были брошены на убой в нелепой и некому не нужной войне, ринулись в Чечню на поиски своих детей и увозили найденных с собой, чего также еще никогда не знала история войн.

Бился в истерике и сам генерал Грачев, которого газеты, фактически наплевав на все попытки властей ввести цензуру, называли «самым бездарным полководцем в русской истории».

«Гаденыши! — орал Грачев в микрофон на весь мир, имея в виду уполномоченного президента по правам человека Сергея Ковалева и председателя думского комитета по обороне полковника Юшенкова.— Враги России! На них ведь клейма негде ставить!» «Мои солдаты, восемнадцатилетние парни, умирают за Россию с улыбкой на устах!» — патетически кричал министр обороны, видимо, временно спятивший, как и полковник Морев, от истинных размеров потерь. Но и он не знал точной цифры.

А бойня, между тем, продолжалась. После нескольких месяцев героического сопротивления чеченские бойцы были вытеснены из руин Грозного, где еще в течение нескольких недель сражался батальон Шамиля Басаева. Сталинград 43-го года, Дрезден после бомбардировки его союзной авиацией, Варшава

после отхода из нее немецкой армии — вот те сравнения, которые можно было применить к городу Грозному, когда над руинами бывшего дудаевского дворца был поднят, наконец, российский флаг.

Картина была жуткой до неправдоподобия. Ничего подобного люди не видели после окончания второй мировой войны. Даже бомбардировавшийся в течение 10 лет американцами Ханой и столь же долго русскими Герат — не дают представления о том, во что была превращена столица республики Ичкерия. Руины Грозного и картины идущих там ожесточенных боев не сходили с экранов телевидения и первых полос газет. Огромные панорамные фотографии уничтоженного города снабжались хлестким заголовком: «Конституционный порядок».

Но с падением Грозного война не окончилась. Она, по-настоящему, только началась. Весь мир с ужасом и недоумением смотрел на этот кровавый беспредел, который Москва устроила на территории собственной страны. Европа могла лицезреть, что ждало бы ее, если бы не удалось повернуть этот мощный заряд агрессивного безумия вовнутрь. Взбесившийся хищник в ярости стал кромсать своими страшными когтями самого себя и, рыча, грызть собственный хвост.

Шел третий, четвертый, пятый, шестой месяц войны. Героическое сопротивление чеченцев не прекращалось, вызывая восхищение всего мира. Чеченские бойцы демонстрировали примеры величайшей доблести и самопожертвования. Подрывали себя гранатами, чтобы не попасть в плен, таранили набитыми взрывчаткой грузовиками колонны и штабы русской армии, взрывались вместе с мостами.

Все эти долгие дни генерал Дудаев оставался неуловимым. Он ездил по всей Чечне то на дорогах «иномарках», то на бронетранспортере, то на тракторе; выступал перед населением; проводил съезды чеченского народа; выступал по постоянно действующему подпольному телевидению; выпускал газету «Ичкерия»; давал многочисленные интервью российским и иностранным корреспондентам; координировал действия своих отрядов, всю пользуясь спутниковыми системами связи и управления. Стоило Дудаеву неделю не давать знать о себе, как армия устами самого Грачева, а ФСК — устами Степашина, Соболева и Михайлова начинали распускать через средства массовой информации сообщения, якобы пришедшие по их оперативным каналам, о том, что Дудаев либо ранен, либо убит, либо бежал за границу. Один раз генерал Михайлов тонко намекнул даже на то, что Дудаев пойман.

Но через несколько дней Дудаев вновь возникал на экранах телевизоров или звонил по спутниковой связи на «Радио Свобода», давая всем понять, что слухи о его гибели или поимке «оказались несколько преувеличенными». Тогда все генералы, видимо позабыв, что они говорили накануне, начинали успокаивать общественное мнение размышлениями о том, что Дудаева еще не убили и не поймали только потому, что он никому и не нужен, хотя Генеральная прокуратура без суда объявила его государственным преступником, находящимся во всероссийском розыске, украсив портретами генерала милицеские стенды (особенно на вокзалах) даже в Чите, Хабаровске и Владивостоке.

Между тем, вся ярость истекающей кровью армии, как и следовало ожидать, повернулась против мирного населения. Задуманная депортация чеченцев провалилась, но сотни тысяч русских, спасаясь от бомб и снарядов «родной» армии и справедливо опасаясь чеченской мести, в панике бежали из Ичкерии, затопля Ставропольский и Краснодарский края, Ростовскую, Волгоградскую и Астраханскую области. Все имущество и жилища этих людей были уничтожены, родные убиты, судьбы исковерканы, а на территории России, как легко можно было предвидеть, они оказались никому не нужными. Им отказывались предоставить даже статус беженцев.

Что касается чеченцев, то подавляющее большинство их предпочитали погибнуть у родных домов или вместе с ними. Круглосуточно в небе Ичкерии свирепствовали российские штурмовики и боевые вертолеты, обрушивая на набитые беженцами села и аулы смертоносный груз бомб и ракет, а в «освобожденном» Грозном в вырытые экскаватором рвы и ямы навалом сбрасывались обезображенные трупы детей, женщин, стариков и неопознанных русских солдат.

За это же время генерал Грачев, по меньшей мере, четыре раза объявил об окончании «военной фазы» в Чечне и о передаче всех дел МВД. А, между тем, бои продолжались с нарастающим ожесточением. Однако, по сравнению с декабрем, когда волна кровавого безумия захлестнула Кремль, обстановка изменилась самым радикальным образом, хотя далеко не все это увидели. Чечня сделала мощнейшую заявку на свое *право национальной*

независимости. И отрицать это право столь же обоснованно, как до 11 декабря, уже не мог никто.

В течение всей фиксированной истории человечества никто никому не подносил национальную независимость «на тарелочке с голубой каемочкой». Иначе, как с оружием в руках, ее еще никому не удавалось добиться. Сама Россия билась за свою независимость в течение долгих 400 лет. Москва и другие русские города выгорали как и Грозный, дотла в процессе этой борьбы; кровавыми памятниками истории остались сражения, где русские воины, поголовно погибая, устилали своими костями фундамент русской государственности. А в горящие русские города и села врывались каратели, вырезая жителей и уводя их в вечное рабство.

Почти 50 лет боролись за свою независимость Соединенные Штаты. Горели до основания Филадельфия, Вашингтон. Под гром пушек английских кораблей истребляла население королевская морская пехота. И до сих пор, несмотря на события двух мировых войн, отчужденность отчетливо проявляется между англичанами и американцами, хотя они составляли некогда единый народ с одной верой, традициями и культурой. Ведь тех, кого впоследствии стали называть американцами, послали в свое время из Англии за океан осваивать королевскую колонию; а они взяли и подняли мятеж против короны, а фактически против собственной страны. Им это не до конца забыли до сих пор, хотя прошло уже больше двух веков.

Скоро уже 50 лет, как бьется за свою независимость Израиль, и этой борьбе пока не видно конца.

И если в декабре 1994 года даже президент Клинтон ничего не знал о Чечне и даже не ведал толком, где она находится, то теперь любой фермер из Арканзаса, не знающий, где находится Россия, знал о Чечне, поскольку страшные события, происходящие в этой крошечной республике, он ежедневно наблюдал по телевизору и читал о них в газетных заголовках на первых полосах всех газет.

Оппозиционный Клинтону американский конгресс уже требовал прекратить всякую экономическую помощь России, пока та не выведет из Чечни свои войска. В Европе звучали призывы ускорить прием бывших стран Варшавского пакта в НАТО, пока с ними не поступили, как с Чечней.

Правда, все эти голоса звучали еще недостаточно громко. В принципе, преобладал цинично-холодный политический расчет: если России так нравится воевать на собственной территории, то пусть воюет сколько ей заблагорассудится, пусть подрывает свои последние силы!

Одним из главных последствий чеченской войны было то, что Россия потеряла остатки какого-либо влияния в мире, еще сохранившиеся с тоталитарных времен. Глобальный прогноз западных политологов по поводу того, в каком состоянии Россия входит в XXI-й век, гласил: «Бедна, вооружена и очень опасна». Теперь это утверждение развеялось над Грозным, ушло в небеса вместе с дымом многочисленных пожарищ. «Бедна, плохо вооружена и опасность представляет только для самой себя».

Между тем, в Кремле, казалось, этого совершенно не понимали и вели себя так, будто война шла,

по меньшей мере, где-нибудь в Анголе: Все попытки, предпринимаемые как внутри страны, так и за границей, побудить Москву прекратить огонь и начать переговоры с Дудаевым, наталкивались на стереотипные ответы: «Не может быть никаких переговоров с бандитами, кроме переговоров об их безоговорочной капитуляции и сдаче оружия».

Подобное упорство на фоне сплошных военных неудач выглядело, мягко говоря, странным. Тем более, что большинство планов, которые лелеяли развязавшие эту войну, рухнули. Некоторые — через месяц-два после начала войны, когда каждому стало очевидно, что «блицкриг» провалился; другие — сразу, не успев даже потерять запах типографской краски.

Первым «соскочил» Сосковец. В первые дни после вторжения он был очень активен, постоянно совершая челночные полеты из Моздока в Москву и обратно. Это он первым, отрицая варварские налеты авиации на жилые кварталы Грозного, придумал и запустил в официальный оборот объяснение: боевики Дудаева, чтобы скомпрометировать российскую армию, сами взрывают жилые дома, имитируя бомбежки города, когда над городом появляются самолеты-разведчики. И что бы вы думали? Многие газеты эту версию, которую не изобрел бы и покойный доктор Геббельс, с удовольствием подхватили.

Следующим пропал Николай Егоров. Первые дни войны министр по делам национальностей, назначенный в Чечню наместником, выглядел одновременно воинственно и смешно. В офицерской шапке с кокардой, в камуфляже, из которого выглядывала тель-

няшка, наместник своим опухшим лицом, пустыми глазами и влажными кривящимися губами напоминал какого-то бывшего майора конвойных войск, давно выгнанного со службы за беспробудное пьянство и возненавидевшего за все это человечество.

Запомнился он, главным образом, тем, что ежедневно обещал взять Грозный (один раз даже без боя) и поймать Дудаева, но потом внезапно исчез. Правда, не с таким изяществом, как Сосковец. Сообщили, что наместник подхватил на боевом посту воспаление легких и вынужден был лечь в «кремлевку». Против больничного даже Сталин был бессилён, и президенту не оставалось ничего другого, как назначить нового наместника, которым стал, ко всеобщему удивлению, Николай Семенов, бывший некогда 1-м секретарем горкома в Грозном. О существовании Семенова все уже успели позабыть, и напрасно.

«Золотые кадры КПСС» надежно хранились в президентском сундуке, служившем единственным источником пополнения и замещения руководящих должностей. И при этом все почему-то продолжали удивляться, почему в стране все идет наперекосяк и не в ту сторону.

«Хотели, как лучше,— постоянно восклицал премьер Черномырдин,— а получилось, как всегда!»

Эта фраза премьера мгновенно вошла в дружную семью национальных поговорок.

Позднее и «силовики» куда-то исчезли. Сигналом послужила попытка чеченского смертника врезаться в здание штаба федеральных войск в Моздоке на грузовике, набитом взрывчаткой. Вскоре два вертолета без опознавательных знаков обстреляли спецпоезд министра обороны. Что это были за вертолеты,

так и не выяснили, отлично при этом понимая, что легко нашлись бы пилоты, с удовольствием выполнившие эту работу всего за 2-3 тысячи долларов США. С тех пор Грачев в Моздоке не появлялся, а уж Ерин со Степашиным — и подавно.

Итак, «триумфаторы», столь грозно выглядевшие в декабре 1994 года, в марте, можно сказать, разбежались кто куда, но как можно дальше от зоны боевых действий. А бойня, затеянная ими, продолжалась.

Общество начало привыкать к войне и похоронкам, как оно привыкло к инфляции и денежным купюрам с многими нулями. Реакция населения на войну напоминала средневековую реакцию на чуму: не в нашем городе, и слава Богу! Вместе со своими солдатами, воюющими в Чечне, разлагались в тылу и невоюющие генералы, упивающиеся собственной безнаказанностью и возвращением бывшего милитаризма.

А секретные сводки с театра военных действий, поступающие в Министерство Обороны (но почему-то не читаемые Грачевым), уже бьют тревогу, что никакая другая война (даже афганская) не давала такого количества психозов у военнослужащих. Видимо, потому, что такой войны еще не было. Солдаты, даже отведенные в тыл, не могут уснуть. Почти поголовная алкоголизация армии. Солдаты, не колеблясь, меняют оружие и боеприпасы на водку и наркотики. Разложение коснулось уже и элитарных войск. Почти полностью истреблена морская пехота Северного флота, дважды сменился личный состав балтийцев, трижды — тихоокеанцев. Число дезертиров превысило самые худшие прогнозы.

Но еще большую тревогу била военная контрразведка. Оказывается, чеченцам известны поименно все противостоящие им на данном участке российские военнослужащие. Известны их фамилии и имена, откуда они родом, имена родных и их адреса. Через боевые громкоговорители противник сообщает об этом войскам, грозя вырезать оставшихся в глубоком и как бы безопасном тылу родных и близких. Это самым подавляющим образом действует на и без того низкий боевой дух личного состава.

Откуда противнику становятся известными эти данные? Откуда он узнает о решениях, принятых командованием, а то и правительством, раньше, чем о тех же решениях узнают в штабах собственных войск? Не проникли ли чеченцы в секретнейшую компьютерную систему управления и связи Министерства обороны? Или их обслуживает мощнейшая «пятая колонна», орудующая во всех силовых министерствах? Эти вопросы хотя и ставились, ни у кого не вызывали ровным счетом никаких эмоций. Особенно у генерала Грачева. Ему было приказано готовиться к помпезному празднованию 50-летия со дня победы над Германией в 1945 году.

Весь мир собирался праздновать 50-летие *окончания* войны в Европе, но в Москве, раздираемой комплексами неполноценности, решили праздновать *победу*, и весь праздник прошел под знаком небывалого психоза. Как у солдат, контуженных в Чечне. Ветераны взрывались аплодисментами при упоминании имени Сталина и требовали от Грачева приструнить прессу. Грачев благосклонно кивал. Самым молодым участникам второй мировой войны было уже под семьдесят. Этих старых, больных и

смертельно усталых людей решили надуть в очередной раз те же номенклатурные вожди с той же внешностью, с теми же повадками и с теми же аппетитами.

Помпезные парады в Москве никак не повлияли на обстановку в Чечне. Бои продолжались. Начальник генерального штаба республики Ичкерия заявил, что чеченские войска закончили перегруппировку и готовы перейти в контрнаступление, чтобы отбить свою столицу Грозный у противника. Ему вторил Шамиль Басаев, указав, что закончено формирование нескольких диверсионно-разведывательных батальонов чеченской армии, которые, взаимодействуя с основными подразделениями своей армии, вскоре заставят российские войска уйти из Чечни. Никто не услышал этих слов из-за грома фанфар, прославляющих победу полувековой давности.

Никто не узнал и о том, что одновременно с заявлениями Масхадова и Басаева в бою под Шали, считавшимся по сводкам уже глубоким тылом российских войск, почти полностью погибла рота морской пехоты из сводного полка, недавно прибывшего в Чечню.

Единственное, чего сумели добиться федеральные войска за полгода ожесточенных боев,— это поднять авторитет генерала Дудаева на небывалую высоту. Тот факт, что руководимая им армия в течение столького времени оказывает такое жестокое сопротивление русской военной машине, позволил забыть и простить Дудаеву все его довоенные грехи. На фоне того, что творила в Чечне российская армия, доверенный режим Дудаева даже уцелевшими русскими жителями Грозного вспоминался как идеал свободы и демократии.

Они появились внезапно, как степной смерч. На двух КАМАЗах в сопровождении «легковушки», грубо раскрашенной под милицейские цвета.

На дворе было 14 июня 1995 года. Совсем недавно, 11 июня, разумеется, без особых торжеств отметили полгода со дня начала войны. На следующий день так же скромно отпраздновали так называемый «День независимости России», вспоминая тот памятный день 91-го года, когда Россия совершила самый невероятный кульбит в своей истории, объявив о «полной государственной независимости от Советского Союза», а только что избранный президент Ельцин публично предложил всем субъектам федерации взять столько суверенитета, «сколько они смогут проглотить».

Генералы Куликов и Трошин доложили, что введенные им войска продолжают успешный штурм горной части юга Чечни. По данным ФСК и армейской разведки Дудаев находился в Шатое, Масхадов — в Нежень-Юрте, а Шамиль Басаев — в ущелье Дарко.

КАМАЗы в сопровождении «милицейской» легковушки въехали на центральную площадь сонного степного городка Буденновск, находящегося в 220 километрах юго-восточнее Ставрополя и в 150 километрах севернее чеченской границы. Тем немногим, кто вообще знал о существовании этого города до 14 июня 1995 года, было известно, что в нем находится крупный химический комбинат, «кующий», кроме всего прочего, боевые отравляющие вещества, а также крупный аэродром, откуда штурмовики и боевые вертолеты последние полгода уходили на

боевые задания в Чечню. Население города насчитывало примерно 60 тысяч человек. На центральной площади, как почти в каждом провинциальном городе, имеющем военное производство, возвышалось помпезное многоэтажное здание бывшего горкома партии, а ныне — резиденция администрации.

Часы над входом в здание показывали 12.30 полудни, когда из грузовиков стали выпрыгивать люди в камуфляже с зелеными повязками на головах, где затейливой арабской вязью было начертано утверждение о том, что «нет Бога кроме Аллаха, а Магомет — пророк его на земле». Вряд ли на 300 миль вокруг кто-либо умел читать арабскую вязь.

Из кабины грузовика выскочил командир отряда — человек среднего роста, одетый в камуфляж поверх неизменной тельняшки, в мягкой шляпе защитного цвета со слегка загнутыми вниз полями. Такие шляпы когда-то носили пограничники, проходившие службу в Средней Азии и Закавказье. Это был Шамиль Басаев, который по всем сведениям, исходящим от ФСК, ГРУ и МВД, был блокирован в непроходимом ущелье Дарко на юге Чечни и мечтал лишь о том, как спасти свою шкуру, сбежав через Дагестан в Азербайджан.

Через 15 минут над величественным зданием Администрации, которое по нынешней моде именовалось «Белым домом», взвился зеленый флаг «Свободного волка» республики Ичкерия. А на площади грохотали автоматы, кося мирных жителей. Из разбитого подъезда «Белого дома» с поднятыми руками выводились чиновники администрации, перепуганные и бледные, совершенно не понимающие, что происходит. А вид лежащих на площади трупов,

среди которых были женщины и дети, совершенно отбивал охоту что-либо понимать, заставляя думать лишь о собственной жизни.

Одновременно вторая группа нападающих ворвалась в горотдел МВД, ведя огонь длинными очередями от живота. Милиционеры были захвачены полностью врасплох. Был час обеденного перерыва, многие находились в буфете без табельного оружия. В горотделе были и автоматы, но они даже не были распределены между сотрудниками, хранясь на складе в законсервированном виде. Группа офицеров милиции, выйдя из шока, забаррикадировалась на верхнем этаже и начала отстреливаться. Их штурмовать не стали. Чеченцы подожгли здание УВД и выскочили на улицу, открыв огонь по прохожим.

В этот момент по одной из улиц города случайно проезжал автобус с летчиками из авиагородка. В автобус выстрелили из гранатомета, оставшихся в живых офицеров добили из автоматов. После этого обе группы чеченцев соединились, ведя с собой довольно много схваченных на улицах и в домах людей и прикрываясь ими, как живым щитом.

Они направились к городской больнице, превратив ее в свой опорный пункт, а всех находившихся там больных вместе с приведенными из города — в заложников. Над зданием больницы был поднят чеченский флаг.

Было 15 часов 10 минут 14 июня 1995 года.

Как раз в это время премьер-министр Черномырдин, проводящий отпуск в Сочи, собрал в своей резиденции рабочую встречу руководителей северокавказских автономий: Кабардинс-Балкарии, Северной Осетии, Дагестана, Ингушетии, Карачаево-Чер-

кесии, Адыгеи, а также Калмыкии. На встрече обсуждались экономические и политические проблемы регионов юга России.

По завершении этого совещания премьер у крыльца своей сочинской дачи с видимым удовольствием пообщался со специально приглашенными корреспондентами российских информационных агентств, рассказав им о понимании федеральным правительством проблем Северного Кавказа.

Корреспондент «Вестей» спросил у главы правительства о возможности распространения чеченской войны на другие регионы России. С явными нотками раздражения в голосе, возникающего у любого человека, когда ему задают дурацкие вопросы, Черномырдин ответил: «Это исключено. Совершенно исключено. Все эти прогнозы... Такое впечатление, что кто-то так и хочет, чтобы это произошло. Нет, не будет этого распространения. Никто этого не позволит. И никаких распространений не будет! Я вам говорю!»

Когда премьер-министр, закончив общение с прессой, вернулся на дачу, один из помощников с бледным лицом подал ему только что сорванное с телетайпа сообщение о нападении отряда Басаева на Буденновск.

Черномырдин грузно опустился в кресло, пытается унять сердцебиение. Затем, пересилив себя, взял трубку телефона правительственной связи и соединился с главой администрации президента Сергеем Филатовым. Тот был уже в курсе, но в общих чертах. Президент в Архангельском, готовится к завтрашнему вылету в Галифакс на совещание «Большой семерки». Он сегодня весь день неважно себя

чувствовал, но Коржаков обещал все ему доложить по мере выяснения обстановки. Черномырдин поинтересовался: не прервать ли ему отпуск? Филатов ответил, что пока он не видит в этом необходимости.

Черномырдин связался с находящимся в Тбилиси Ериным.

— Басаев? — удивился простак Ерин.— А как он туда попал?

— Вы меня спрашиваете? — расвирепел Черномырдин.— Это я вас хочу спросить, как он туда попал?

И бросил трубку.

Олег Сосковец, которому удалось так ловко соскочить с подножки уже летевшего под откос имперского бронепоезда, направленного им в Чечню, был вынужден снова появиться на сцене, хотя по его лицу было видно, с какой неохотой он это делает.

На совещании присутствовал и старый компаньон Сосковца — Николай Егоров, появившийся, как официально сообщалось, после длительного излечения в больнице. Действительно, уйдя со сцены в полном боевом камуфляже, Егоров снова объявился на Божий свет в однобортном костюме и галстукке, растеряв большую часть былого воинственного величия.

Сообщив собравшимся, что в Буденновск уже вылетела знаменитая группа «Альфа» и что к городу дополнительно подтягиваются силы МВД, ФСБ, подразделения минобороны и Главного управления охраны, Сосковец объявил, что с «нуля часов» 15 июня в Северо-Кавказском регионе вплоть до особого распоряжения будут закрыты все аэропорты.

Затем Сосковец информировал собравшихся, что уже сегодня, 14 июня, с 20.00 правоохранительные органы Москвы переведены на усиленный режим патрульно-постовой службы. Усилена охрана правительственных объектов и метрополитена.

Россия реагировала по всем правилам страны, подвергшейся внезапному нападению. Уже в который раз в своей печальной военной истории! А ведь как хорошо начинался сегодняшней день. Курс американского доллара удалось сбить на целых 70 пунктов, доведя до 4766 рублей.

В МВД царил паника и неразбериха. Сотрудник центра общественных связей полковник Рябцев (знаменитого полковника Ворожцова журналистам разыскать не удалось) высказал оригинальное мнение по поводу случившегося. Во всем виноват легкий доступ всех желающих к камуфляжной форме. Круг пользователей камуфляжной формой, пояснил полковник, настолько велик, что отличить его истинных носителей (то есть МВД, ФСБ и армию) от неистинных (то есть таможню, различные службы безопасности, военизированные отряды, а тем более, чеченских террористов) практически невозможно. Это и позволило боевикам преодолеть с полной выкладкой столь большое расстояние от охраняемых границ Чечни до совсем неохраняемого Буденновска.

Было совершенно очевидно, что все многочисленные спецслужбы были полностью захвачены врасплох, несмотря на то, что сам генерал Дудаев много раз предупреждал, что намерен перенести войну на территорию России. Казалось бы, бесчисленные сотрудники ФСБ, МВД, военной разведки и контр-

разведки, затопившие, по их собственным уверениям всю Чечню, отслеживают каждый шаг дудаевских боевиков по мере «медленного победного шествия» федеральных войск по территории умиряемой Чечни и регулярных спектаклей с водружением российского флага над обугленными руинами очередного села.

Налицо был очередной провал спецслужб вообще, и в Чечне — в частности. Пока корреспонденты бегали от одного силового ведомства к другому, пытаясь узнать подробности случившегося, пришли свежие новости из Буденновска. Выяснилось, что у захвативших горбольницу чеченцев имеется телефон спутниковой связи, по которому они уже сделали первое заявление. Объявив, что в их распоряжении находятся более *трех тысяч* заложников, они потребовали немедленного прекращения военных действий в Чечне, вывода оттуда российских войск и начала переговоров между Дудаевым, с одной стороны, и Ельциным и Черномырдиным — с другой. В противном случае все заложники будут расстреляны.

К вечеру стала известна реакция президента Ельцина. Устами своего пресс-секретаря Сергея Медведева президент выразил «возмущение» по поводу того, что подобное вообще могло произойти, и повелел Ерину, Степашину и Егорову немедленно вылететь в Буденновск и лично возглавить операцию по уничтожению террористов. Не по спасению заложников, а именно по уничтожению террористов. Президент был вне себя. Он собирался улететь в Галифакс, где надеялся на основании лживых сообщений своих приближенных объявить лидерам западных

стран, что в чеченской войне уже поставлена точка. Президент уже заявлял подобное, по меньшей мере, три раза. И вот нападение на Буденновск превращало желанную точку в зловещее многоточие...

Между тем, федеральная служба безопасности, опомнившись от кратковременного замешательства, устами генерала Михайлова сообщила, что чеченские боевики имели своей целью взорвать находящийся в Буденновске крупный химический комбинат, что имело бы эффект не меньший, чем в Чернобыле. Однако, благодаря принятым «чекистами» мерам, это удалось предотвратить. Тогда боевики в бессильной злобе кинулись в город, хватая в заложники мирных граждан.

Это была не очень продуманная ложь, рассчитанная только на серость родного населения. Разведке генерала Дудаева было хорошо известно, что завод «Ставропольполимер» уже не принадлежит России, а перепродан голландцам через известный банк «Менатеп». А задевать запад Дудаев не желал ни при каких обстоятельствах. Кроме того, чеченскому отряду, взявшему на три часа в свои руки целый город, прорваться к практически не охраняемому заводу не стоило никакого труда, как и расстрелять огромное количество цистерн с бензином и мазутом, сгрудившихся на подъездных путях предприятия.

Зачем им было взрывать завод, когда их целью было взорвать Россию?! И это было уже частично сделано.

Когда глубокой ночью Ерин, Степашин и Егоров прибыли в Буденновск, город напоминал осажденную крепость, подвергшуюся одновременно зем-

летрясению и наводнению. Набитый войсками и всевозможными спецподразделениями, с заревом каких-то непонятных пожаров, оглашаемый выстрелами на неосвещенных улицах, какими-то толпами людей, стоявших с дикими глазами у неубранных трупов — сонный степной городок, казалось, по-своему переживал последний день Помпеи.

В отличие от Ерина и никогда не унывающего Степашина, «миннац» Егоров был печален и неразговорчив. Если в январские дни он напоминал впечатлительному Шурику Невзорову «вельможу екатерининских времен», то сейчас это был печальный, уставший, задержанный и не совсем здоровый чиновник эпохи Николая I. Ему страшно не хотелось сюда ехать. Он надеялся, что о нем забудут, как забыли о Сосковце. Ан нет! До Сосковца, занимавшего пост министра еще во времена СССР, бывшему краснодарскому участковому было так же далеко, как и генералу Дудаеву. Тем более, что чеченская война, планировавшаяся на девять дней, а продолжающаяся уже седьмой месяц, привела дела «Кубанского банка» в полное расстройство. На хвосте у банка сидел «Интерпол», его трясла налоговая полиция, и хотя Николай Егоров считался гражданином республики Кипр, пользуясь в качестве такового налоговыми льготами, это ему мало помогало как на Кипре, так и в России. В Краснодаре сожгли его дом, а на территории подмосковной дачи было найдено мощное взрывное устройство. Долг составлял около 20 миллионов долларов, и кто охотится за ним — чеченские или московские компаньоны — он не знал. А потому был очень печален. Никогда бы не ввязался в эту авантюру, знай, как пойдут дела.

Как министр национальностей Николай Егоров также выслушал доклад представителей местных властей, которые еще до его появления инициативно поработали на ниве национального согласия и дружбы народов. Сразу же после того, как чеченские боевики вместе с заложниками забаррикадировались в городской больнице, в Буденновске и ближних селах, где проживали чеченцы (больше всего их было в поселке Терском), начались повальные обыски и аресты. Многие чеченцы бежали из города.

Все это было в русле именно той национальной политики, которую разработал Николай Егоров, еще будучи губернатором Краснодарского края. То, что для такой страны, как Россия, подобная политика самоубийственна, Егорову не могла бы доказать и целая команда профессоров, этнологов и политологов, даже если бы у них было время, желание и смелость взяться за это. Учиться надо в молодости. Тем более, что местные чиновники показали министру листовки, которые уже, примерно, в течение месяца распространялись по территории Ставропольского и Краснодарского краев. Листовки были подписаны аббревиатурой НОРДОС («Независимый особый разведывательно-диверсионный отряд смертников»). В листовке говорилось: «Мы — воины Аллаха. И прежде, чем начать боевые действия, мы решили обратиться к народу России и довести до него наши цели и задачи». Из текста листовки вытекало, что в задачу отрядов НОРДОС входит «проведение терактов на территории России, подрывная деятельность, уничтожение стратегических объектов, живой силы и военной техники; а также есть план по ведению бактериологической войны: отравление

водоемов, пастбищ. ЕСЛИ ПОГИБНЕТ ЧЕЧНЯ, ТО МЫ ГОТОВЫ ПОГУБИТЬ И РОССИЮ. Сегодня в Чечне убивают наших матерей, отцов, братьев и сестер ваши отцы и сыновья. И если они не остановятся, то и они узнают чувство, когда гибнут их близкие, ни в чем не повинные люди. Одумайтесь! Остановите эту войну и надвигающийся массовый террор...»

Хотя эти листовки уже около месяца кочевали по югу России, Егоров, Степашин и Ерин впервые ознакомились с их содержанием только в простеленном здании РОВД Буденновска, что еще раз подтверждало «блестящую» работу российских спецслужб. Особенно «приятно» это было читать именно Егорову, поскольку, снова появившись на политической сцене, он не переставал повторять, что «никакой партизанской войны в Чечне быть не может уже хотя бы потому, что у Дудаева для ее ведения нет никакой социальной базы».

Исходя из этого убеждения, а также из аксиомы, что чеченский народ — это сплошная банда преступников, и опираясь на собственный богатый опыт обхождения с чеченскими террористами в районе аэропорта Минеральные Воды, Ерин, Степашин и Егоров, посоветовавшись, пришли к «гениальному» умозаключению: нужно предложить Басаеву в обмен на заложников (а министры уже знали, что их минимум — тысяча) два миллиона долларов и самолет, готовый доставить их любую страну по собственному выбору. Это предложение и было сделано Басаеву еще до рассвета.

К великому удивлению «силовики», искренне считавших себя тонкими психологами, столь заман-

чивое предложение Басаевым было отвергнуто. Он снова повторил свои прежние требования:

1. Прекращение Россией боевых действий в Чечне.
2. Вывод российских войск из Чечни.
3. Проведение переговоров непосредственно между Дудаевым и Ельциным или Черномырдиным.

Подобного в истории международного терроризма еще не было! Как не было и такого числа захваченных заложников. Басаев уверял, что их пять тысяч. В Буденновске полагали, что их тысячи две.

С рассвета 15 июня над Буденновском появились боевые вертолеты. Все улицы были вспаханы и забиты бронетехникой.

Басаев предупредил, что за каждый облет вертолетом здания больницы он будет расстреливать по заложнику. Кроме того, выяснилось, что командир чеченского отряда уже знает о прибытии в Буденновск группы «Альфа» и предостерег власти от возможного штурма больницы, заявив, что намерен расстреливать по пять заложников за каждого своего раненого и десять — за каждого убитого. Это, как и следовало ожидать, пропустили мимо ушей, ибо уже существовал приказ о штурме здания.

А тревожно пробудившаяся Москва была несколько успокоена новым заявлением Олега Сосковца, сообщившего, что «в ближайшее время группа чеченских бандитов, напавших на Буденновск, будет ликвидирована, а заложники освобождены».

Пока рядили и гадали, откажется ли Ельцин, озабоченный судьбой такого числа российских граждан, ставших заложниками «кровожадных бандитов»,

от поездки в Галифакс, президент рассеял все сомнения, появившись в аэропорту полным решимости улететь из Москвы.

На лице президента еще оставались явные следы вчерашнего недомогания (не следует забывать, что 12 июня был «День независимости», который, по праву, можно считать личным праздником президента), но держался он бодро и уверенно. Сообщив корреспондентам, что он долго (прямо, как еврей из анекдота, собирающийся в Израиль) колебался — ехать или не ехать ему в Галифакс — он решил ехать.

Утренние газеты в России и за рубежом отреагировали на событие кричащими заголовками: «Гражданская война на территории России началась», «Дудаев перенес военные действия на территорию России», «Буденновск: удар по тылам. В России началась партизанская война!», «В России все больше спецслужб, а террористы захватывают города», «Чеченский флаг над русским городом!», «Юг России втягивается в конфликт, подобно североирландскому», «Москва своим решением начать войну против собственного народа загнала себя в угол — выхода у нее уже нет», «Чеченцы убивают наших женщин и детей! Остановить геноцид русского народа!»

Хлынувшие в Буденновск корреспонденты всех информационных агентств срывающимися от возбуждения голосами передавали с места событий: «Буденновск в течение нескольких часов был в распоряжении людей Басаева. По предварительным данным убито 49 и ранено 85 человек. Со всего города на территорию больницы сгонялись заложники, которых, как выясняется, более 1500 человек, включая

летчиков авиагородка из состава штурмового и вертолетного полков. Пять офицеров-летчиков уже расстреляны по приказу Басаева «за преступления против чеченского народа».

Руководитель ЦОС ФСБ генерал Михайлов в ответ на вопросы журналистов только пожимал плечами. А что вы хотели? У нас мало сотрудников — всего 176 тысяч, и нет денег. У нас отобраны все спецподразделения, и нет денег. Впрочем, мы предупреждали. И даже предотвратили несколько аналогичных случаев.

Оснований для беспокойства нет никаких. Бандиты будут ликвидированы в самом ближайшем будущем...

Генерал армии Ерин, справедливо полагавший себя старшим среди примчавшихся в Буденновск министров, собрал вокруг себя импровизированный митинг, половину участников которого составляла его личная охрана. Поблагодарив горожан за мужество и героизм, Ерин успокоил их, заявив, что Буденновск находится в тройном кольце оцепления и никому не удастся пробиться в город или вырваться из него. В этом все могут быть совершенно уверены.

— Успокойтесь, граждане! — уверял Ерин. — Никакого штурма не будет. Он даже не планируется. Только переговоры! И не волнуйтесь. Все идет нормально...

Как раз в этот момент пришло сообщение, что Басаев приказал расстрелять пять захваченных летчиков за неприбытие вовремя к нему обещанных журналистов.

Автобус с журналистами, наконец, отъехал от

штаба. У всех корреспондентов взяли расписку, что они едут в больницу добровольно и что никто отныне не отвечает за их безопасность. Расписки отбирал прибывший вместе с Ериным в Буденновск знаменитый полковник Ворожцов, которого тщетно искали в Москве. При этом полковник продолжал загадочно и глумливо ухмыляться, как человек, владеющий высшей тайной бытия.

На последнем перед больницей российском посту журналистам приказали покинуть автобус, не объясняя причин. Видимо, в страхе за казенное имущество. Далее — около километра — предстояло пройти пешком.

Впереди шли врачи в белых халатах, размахивая руками. Приближающийся главный корпус больницы казался вымершим. При входе на больничный двор журналисты увидели в некоторых окнах одетых в камуфляж чеченцев с автоматами в руках. Из некоторых окошек выглядывали девушки в белых халатах — медсестры и санитарки.

Прозвучал приказ остановиться и началась медленная процедура проверки документов и досмотра. Басаев не без оснований опасался, что под видом прессы в больницу сделает попытку проникнуть «Альфа».

Но «Альфа» мудро никаких попыток не делала. Пара агентов местного ФСБ, получивших приказ внедриться под видом заложников в больницу, была мгновенно разоблачена и расстреляна по приказу Басаева.

Не успели чеченцы досмотреть и треть из числа прибывших журналистов, как со стороны города загрохотали автоматные очереди и над головами

корреспондентов засвистели пули. Забаррикадированное здание ошетинилось ответным огнем. Охваченные ужасом репортеры стали напирать на чеченский контрольно-пропускной пункт. Чеченцы разрешили напиранию толпе втиснуться в узкий проход и заперли дверь на железный засов.

Представителей прессы провели на второй этаж, где все пространство было забито сидящими и лежащими заложниками, среди которых преобладали женщины и дети.

Больничным парикмахер стриг несколько заросших в горах басаевских бойцов. Те с удовольствием подставляли свои черные шевелюры под струю освежающего «Шипра».

Не успели дико озирающиеся журналисты хоть как-то привыкнуть к увиденному, как у властей, возможно скрежетавших зубами от ярости за вынужденное выполнение требований Басаева, случился новый приступ истерии. По окнам больницы ударили автоматнo-пулеметные очереди. Еще полчаса назад, наблюдая за расстрелом заложников, «Альфа» не осмелилась открыть огонь, поскольку не имела приказа. Сейчас, когда в здание больницы вошли журналисты, кто-то видимо, этот приказ отдал.

Корреспонденты рухнули на пол, наверное, вспомнив улыбку, с которой полковник Ворожцов брал у них расписки о снятии с властей какой-либо ответственности за их жизни. Зазвенели осколки стекла, раздались крики, стоны и все перекрывающий истерический плач детей.

Стрельба прекратилась так же неожиданно, как и началась.

Воспользовавшись паузой, матерящиеся по-рус-

ски чеченцы, переправили журналистов, лежавших на полу вперемешку с заложниками, в подвал, где в окружении нескольких своих офицеров их встретил Шамиль Басаев.

Примерно полтора десятка телекамер были направлены на него, когда спокойным и тихим голосом он сказал:

— У нас маленькая надежда, что хоть кто-то из вас может сказать правду...

Я, полковник Шамиль Басаев, командир разведывательно-диверсионного батальона армии Республики Ичкерия. Мы не собирались захватывать Буденновск. У нас была другая задача. Мы хотели добраться до Москвы, там немножко повоевать и посмотреть, как российские власти будут бомбить Москву. Но вся наша операция сорвалась из-за алчности и жадности постовых гаишников. У нас просто не хватило денег добраться до Москвы. Вот таким печальным образом город Буденновск оказался в заложниках.

Повторив свои требования к российским властям прекратить чеченскую войну, Басаев добавил: «Мы абсолютно не собираемся убивать никого из заложников. Мы расстреляли работников госучреждений — их у нас хватает — в ответ на то, что снайперы ранили нескольких наших товарищей. И дальше будем расстреливать. А женщин и детей расстреливать не будем — мы не маньяки. В крайнем случае, если не будут выполнены наши условия, **МЫ ЗАСТАВИМ ЭТО СДЕЛАТЬ РОССИЙСКИЕ ВОЙСКА**. Пускай приходят и штурмуют. Нам надоело смотреть, как убивают наших женщин, стариков, детей, бомбят наши села... И мы пришли в села российские».

Завершив свое заявление, Басаев выразил готовность ответить на вопросы, которые посыпались со всех сторон.

— Встречалось ли с вами высокое начальство?

— Нет. Ни высокое, ни низкое.

— Кто заложники?

— Граждане Российской Федерации, в том числе чеченцы. Иностранцев мы отпустили.

— Почему вы покупали посты ГАИ?

— От 100 долларов за всех до 5000 рублей за каждого.

— Каковы ваши потери?

— 8 убитых и двенадцать раненых.

— Если ваши требования будут удовлетворены, не продолжают ли чеченцы мстить россиянам?

— Мы мстим потому, что нас довели до крайности. Я не говорю о наших близких, детях, которых убили, о беременных женщинах, о 65 тысячах русских, которых уничтожили, о моих двух братьях, двух дочерях, жене, сестре, которых убили. 11 моих родственников погибли. Дайте нам свободу!

— Вы смертники?

— Все мы с вами смертны. Но для нас не важно, когда умирать. Важно — как.

— Вы смогли бы сделать то же самое в Москве? И какими силами?

— Кремль захватить могли и этими силами, несмотря на 40 тысяч охраны вместе с Коржаковым.

— Почему вы выбрали именно больницу для захвата?

— Сначала мы хотели воевать в центре города, но врачи «скорой» оказались людьми чести и долга. Невзирая на бой, они хватали раненых, в том числе

и наших, и увозили в больницу. И мы пошли за своими ранеными товарищами, чтобы ваши солдаты их не добились, как они постоянно поступают.

Корреспонденты пытались выяснить численность басаевского отряда. Тот пояснил, что с ним в рейд отправились 210 человек. Он снова подчеркнул, что собирался добраться до Москвы, но с сожалением отметил, что «когда нас остановили у Буденновска, у меня в кармане оставалось только 100 долларов». «Здесь в больнице,— продолжал Басаев,— они устроили фильтрационный лагерь по примеру российских в Чечне. Кандидаты на расстрел отфильтровываются в первую очередь из числа военнослужащих и работников милиции. Он не собирается расстреливать простых людей, а предоставит сделать это российским войскам в случае штурма».

Далее, касаясь стрельбы по больнице в момент нахождения там журналистов, Басаев предположил, что «российские военные лупили именно по журналистам. Если бы он не проводил тщательной проверки внизу и журналисты без промедления проследовали в приготовленную для встречи комнату на втором этаже, то потери среди работников прессы были бы неизбежны, ибо огонь велся именно по этому помещению».

Закончив беседу с журналистами и сообщив на весь мир свои требования, Басаев позвонил в штаб «трех министров», сообщив им, что журналисты сейчас пойдут обратно. Желательно по ним не стрелять.

Из штаба дали разрешение на возвращение прессы.

Гуськом корреспонденты шли по зловецке темной улице, пока не услышали грозный оклик: «Стоять! Двигаться по одному! Дистанция 10 метров. Приго-

товить документы для проверки!» Это уже были свои.

Многих журналистов тут же начали допрашивать по поводу наличных сил отряда Басаева, их вооружения и размещения по этажам.

К этому времени директор ФСБ Степашин пришел к выводу, что и он должен внести свою лепту в дело сохранения военной тайны и достижения элементов внезапности в связи с предстоящим штурмом.

А потому он дал интервью газете «Комсомольская Правда», которой его ведомство всегда покровительствовало и даже рекомендовало не менять своего названия, хотя никакого комсомола в стране уже давно не было. «Чтобы потом не стыдно было», — говорили «чекисты», намекая на то, что вскоре комсомол вернется на руках у обожаемой партии...

«Какие действия будут предприниматься в ближайшее время?» — спросил Степашина корреспондент, на что шеф ФСБ ответил:

— Будем вести переговоры. Задача одна: СПАСИ ЛЮДЕЙ.

Наступившая пятница не принесла никаких видимых результатов в деле освобождения заложников. Представители федеральных силовых ведомств каждый четный час связывались с Басаевым по телефону, настойчиво предлагая ему два миллиона долларов и самолет в Ливию.

С такой же монотонностью Басаев повторял свои прежние требования.

Созвонившись с Москвой, «силовики» подняли сумму до трех миллионов долларов. Басаев снова

отказался. Сколько же он хочет? Степашин, Ерин и Егоров многозначительно переглядывались. Ну и аппетит у этого волка!

Во время многочисленных инцидентов с «чеченскими» террористами в аэропорту Минеральные Воды с ними всегда удавалось договориться на сумму, не превышающую два миллиона долларов, а то и за половину. Правда, Дудаев что-то там говорил, что это провокация Москвы с тем, чтобы подготовить общественное мнение страны к вооруженному вторжению в Чечню. Но кто его слушал? Какое вторжение? С ума что ли сошел этот чеченский маньяк? А, оказывается, он просто хорошо знал методы, в которые Москва сама и поверила. Где это видано, чтобы чеченец отказывался от двух миллионов долларов. Единственной причиной может быть только то, что он хочет больше.

И они продолжали торговаться, давая возможность «Альфе» подготовиться как следует к штурму, чтобы «понимаешь, не сделать чего-нибудь там во вред себе». «Альфа» готовилась, хотя и без всякого энтузиазма. Среди бойцов «Альфы» (о, времена, о, нравы!) шныряли корреспонденты различных агентств, включая и западные. Одни офицеры от них раздраженно отмахивались — вас только сейчас и не хватало! Но другие охотно давали интервью.

— Сколько погибнет заложников, если вы пойдете на штурм? — спросил корреспондент «Радио «Свобода» одного из «альфовцев».

— Все, — не задумавшись даже на мгновение, ответил офицер.

— А вас сколько погибнет в этом случае? — поинтересовался журналист.

— Три к одному, как минимум,— вздохнул боец «Альфы».— Мы же не можем использовать артиллерию и авиацию в данных условиях.

Он помолчал и добавил: «Пусть лучше политики разбираются. Они эту кашу заварили. У них уже должны быть “мальчики кровавые” в глазах».

«Альфовец» не зря скорбел об отсутствии у них артиллерийской и авиационной поддержки. Полгода чеченской войны уже успели продемонстрировать такую разницу в боевой подготовке чеченских бойцов и российских солдат, что любой так называемый «контактный бой» с чеченцами приводил только к огромным потерям с российской стороны убитыми, ранеными и пленными, не давая никаких, что было особенно обидно, даже тактических результатов. Пара дюжин чеченских ополченцев могла в течение месяца держать оборону населенного пункта, отбивая из автоматов и гранатометов все попытки российских войск этим селом овладеть, да еще умудряясь ездить на ближайший базар, где российские солдаты торговали боеприпасами.

Поэтому чеченцев, по всем правилам лжетеории покойного генерала Дуэ, решили «выбомбить» из войны, благо в классическом случае применения этой теории, предлагающей вести войну исключительно военно-воздушными силами, у противника не должно было быть авиации вообще.

Именно так в Чечне дело и обстояло. Бомбы и снаряды сыпались на населенные пункты каждые 15-20 секунд. Только от одного грохота взрывов синели и умирали от разрыва сердца дети, не считая тех, кого убивало осколками и обломками рухнувших домов. В некоторых случаях подобная тактика срабатывала:

мирное население, не выдержав этого ужаса, само просило повстанцев уйти из села и отдавалось на милость победителей. Например, в Самашках или в станции Асиновская.

Но в большинстве случаев применение в полном объеме тактической теории старого итальянского генерала только множило количество бойцов армии генерала Дудаева. Потеряв детей, отцы — вчера еще мирные крестьяне — решительно брались за автоматы. Они не любили генерала Дудаева, но убийц своих детей — ненавидели, а Дудаев был единственным символом национального сопротивления уже совершенно отчетливой политике геноцида со стороны обезумевшего московского руководства. Случись то, что произошло в Буденновске, где-нибудь на территории Чечни, здание больницы без секунды колебаний разнесли бы в щебень бомбами вакуумного взрыва и тяжелыми снарядами дальнобойной артиллерии, сколько бы там ни было больных и заложников.

Но в Буденновске рассчитывать на поддержку авиации и артиллерии, главным образом из-за перепуганного и растерявшегося руководства, не приходилось.

Генерал Гусев, перебирая в уме различные приемы борьбы с терроризмом, несмотря на столь огромное количество заложников в здании, а может быть именно поэтому, поскольку аристотелева логика здесь неуместна, решил остановиться на наиболее эффективном — так называемом методе «шквального огня». Все, занимающиеся борьбой с терроризмом (а опыт уже был накоплен огромный) знают, что террористы, внезапно захватывающие какой-нибудь

объект, в силу самой специфики своих действий, не могут притащить с собой большое количество боеприпасов. Ну, скажем, не более пяти-шести автоматных рожков на брата плюс несколько гранат. В то же время предполагается, что антитеррористические подразделения имеют неограниченный запас боеприпасов, который им постоянно подвозят. Поэтому антитеррористическая команда, открыв по террористам шквальный огонь, либо создает условия, когда те не могут высунуться из-за укрытий и под прикрытием огня врывается в здание, либо, вызвав ответный шквальный огонь, ждет, когда у террористов кончатся боеприпасы и берет их голыми руками. Этот прием всем хорош кроме одного: жизнь заложников тут в расчет вовсе не принималась, поскольку все жертвы списывались на убитых террористов.

* * *

Глядя на бьющуюся в истерике женщину, размахивающую простыней, и слыша ее крики, молящие о пощаде, генерал Гусев и сам был близок к истерике. Ему также захотелось упасть на землю и, рыча, бить кулаками по камням, биться головой об опаленный дерн и ругаться матом так, как умеют ругаться русские люди в припадке буйного отчаяния.

Избранная им тактика «шквального огня» привела к тому, что у «Альфы» кончились боеприпасы, а террористы отвечали таким огнем, как будто в больнице были развернуты склады боепитания по меньшей мере на целую общевойсковую дивизию.

План операции предусматривал три этапа. Врываться в самую больницу на первом этапе не собирались: стратегия операции заключалась не в захвате

террористов, а в их вытеснении из здания «изнуряющим боем». На этом этапе группе «Вега» отводилась роль прикрытия.

На втором этапе, по замыслу, «Альфа» врывается в здание и завязывала с отрядом Басаева комнатные бои по методу легендарного сержанта Павлова в Сталинграде.

На третьем этапе остатки «басаевцев» предполагалось вытеснить на улицу, где их должны были добить СОБРы, армейские части и подразделения внутренних войск, взявшие больницу в тройное кольцо оцепления.

Как водится, всю операцию провалил сам «чрезвычайный штаб», давший по радио открытым текстом приказ службе «Скорой помощи» собрать все бригады к зданию больницы к 5 часам утра. Переданный в эфир текст был такой: «Начало в 5 утра. Надо собрать к объекту все “каretы”».

У чеченцев, как известно, были японские рации с шифроканалами (т.е. их переговоры перехватить было невозможно), а кроме того, в их руках была диспетчерская «скорой помощи», находящаяся в здании больницы. Кроме этого, они слушали все переговоры «Альфы» друг с другом и с подразделениями поддержки, быстро поняв, что ничего более элегантного, чем «изнурительный бой со шквальным огнем», «Альфа» придумать не сумела. А именно к такому развитию событий отряд Басаева был готов лучше всего.

В результате уже в 04:50 перемещение «альфовцев» было обнаружено чеченцами, которые открыли по двум передовым группам тот самый шквальный огонь, который готовила «Альфа». Таким обра-

зом, внезапность начала штурма, от которой во многом зависел исход задуманной операции, была сразу же потеряна. Причем плотность открытого чеченцами огня была такой, какую ветераны «Альфы» не видели никогда. Даже при легендарном захвате дворца Амина в Афганистане. Группа, пытавшаяся обойти больницу с другой стороны, была уложена на землю перекрестным огнем из двух тяжелых пулеметов ДШК. Более 15 человек были уже ранены. Таких потерь «Альфа» не несла еще никогда, а штурм фактически еще и не начинался. Началось только выдвигание на исходные позиции.

По плану операции, после занятия исходных позиций, по больнице должны были ударить из своих скорострельных орудий две БМП и четырехствольная «Шилка», делающая 1500 выстрелов в минуту. Под прикрытием этого огня «альфовцы» наносили удар из гранатометов по дверям и окнам первого этажа и врывались в здание, пока БМП и «Шилка» крушили окна и стены верхних этажей. Однако, «Альфа» была положена на землю, не успев выйти на исходные позиции, а подошедшая бронетехника, открыв убийственный огонь по верхним этажам, была почти сразу же уничтожена залпами станкового гранатомета. И «Альфа» осталась вовсе без прикрытия, захлебываясь, как образно выразился один из участников штурма, кровью и свинцом.

Все-таки нужно отдать должное «Альфе». Даже положенная шквальным огнем на землю, она не лежала без дела. Профессионал — он на то и профессионал, чтобы вести огонь при любом положении тела и оружия. Но, к счастью (видимо, и для самой

«Альфы» тоже), где-то к 9 утра у «альфовцев» кончились патроны и гранаты. КАМАЗ с боеприпасами, предназначенный для «Альфы», куда-то таинственным образом исчез и отыскался только на следующий день где-то на окраине города, охраняемый одним милиционером. Такая команда как «Альфа» имеет право на собственные маленькие тайны.

Поскольку Ерин, Егоров и Степашин имели на штурм «высочайшее» повеление, их больше беспокоило то, что «повеление» выполнить не удалось. Но время еще было. Поэтому в Москву пошло победное донесение, составленное, правда, в слегка осторожных выражениях.

В нем говорилось, что бандиты, согнав всех заложников на верхний этаж больницы, начали их массовый расстрел, одновременно предприняв попытку покинуть больницу и вырваться из города. В последовавшем затем бою бандиты были отброшены обратно в здание больницы, «Альфа» захватила первый этаж, предотвратила взрыв здания и начала просачиваться на верхние этажи. Полная нейтрализация бандитов ожидается в ближайшее время.

Несколько позже было добавлено, что «Альфе» удалось освободить 127 заложников. В действительности, если «Альфе» что и удалось — так это вынести из-под огня своих раненых и убитых.

Получив это победное сообщение, Президент еще раз с очень довольным видом на весь свет подтвердил, что «штурм был предпринят по распоряжению, которое он отдал еще до отлета из Москвы». По словам Ельцина, решение было согласовано с руководителями соответствующих министерств, в частности, с Ериным.

Воспрял духом и Черномырдин, оставшийся за президента в Москве.

Все прошедшие полгода премьер пытался всеми силами дистанцироваться от чеченской бойни и даже делал робкие попытки эту бойню прекратить, начав переговоры. В связи с этим даже возникло выражение: «Вся страна в Чечне, а Черномырдин — весь в белом». Это было не совсем так, но премьер со своим нефтегазпромом был очень заинтересован, чтобы безумие в Чечне как-то наконец завершилось.

Поэтому, получив сообщение за подписью троих буденновских триумфаторов о близкой победе, Черномырдин в качестве исполняющего обязанности главы государства призвал к «освобождению всех заложников в кратчайший срок».

«Я убежден, — пояснил премьер, — что даже те, кто сочувствует дудаевскому режиму, кто осуждал войну в Чечне, сегодня наглядно убеждается в том, что происходит и что произошло. Сегодня еще раз хочется сказать и обратить внимание всех на то, кто причастен к этим всем делам. Нужно остановиться... Еще раз могу сказать, что организаторы, которые планировали эту операцию, планировали эту террористическую акцию, задумывали внести дестабилизацию на юге нашей страны, на Северном Кавказе, ЧТО ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА И КРОВАВАЯ ЦЕПОЧКА ПРОТЯНЕТСЯ НА ВСЮ РОССИЮ. НЕ БУДЕТ ЭТОГО! НЕ БУДЕТ НИКАКИХ КРОВАВЫХ ЦЕПОЧЕК И НЕ БУДЕТ НИКАКИХ ПАРТИЗАНСКИХ ВОЙН В СТРАНЕ.

Правительство все делало и будет делать, чтобы в стране был порядок. Сегодня в Буденновске находятся представители правительства, уполномоченные,

которые наделены всеми правами, чтобы вести переговоры, чтобы сесть за стол переговоров».

Никто ничего не понял, что хотел сказать Черномырдин. Какие переговоры, с кем переговоры?

Ведь только что в Галифаксе выступал Президент и строго приказал, понимаешь, всех уничтожить. Он даже выразил неудовольствие в связи с тем, что со штурмом затагнули: он хотел им сам руководить с борта самолета. Тщетно лидеры «большой семерки» убеждали Ельцина, что десятилетия событий в Олестере, на Ближнем Востоке и других местах говорят о том, что проблему, подобную чеченской, силой решить невозможно.

Нужно вести переговоры, пусть очень трудные и продолжительные, но переговоры. Возьмите хотя бы Израиль и палестинцев. Кто-нибудь разве мог предположить, что Рабин и Арафат сядут за один стол? Ельцин слушал, улыбался и кивал. Он производил впечатление человека, очень довольного собой. Ни тени озабоченности не было на его лице.

Пресс-секретарь Президента Сергей Медведев чуть позже заявил, что после произошедшей на глазах всего мира трагедии мирного населения в городе Буденновске, ни о каких переговорах с чеченцами не может уже идти речи. С бандитами может быть только один разговор: либо они сдаются и их вину определяет суд, либо их уничтожают.

Почему-то мало кто обратил тогда внимание на столь разную оценку ситуации Президентом в Галифаксе и премьером в Москве, где Черномырдин уже однозначно сказал о необходимости переговоров.

Не подлежит сомнению то, что Черномырдин имел уже к этому времени информацию, которой не

имел Президент. Информированность Президента о многих происходящих с стране событиях — это вообще отдельная и детективная тема, поскольку не существует более тяжелого государственного преступления, чем сознательная дезинформация главы государства. А это означает, что тюрьма плачет практически по всему президентскому окружению, включая и астрологический отдел Службы Безопасности...

В день налета на Буденновск, т.е. всего три дня назад, Черномырдин, отвечая на вопрос о возможности именно такого развития событий, как все хорошо запомнили, ответил: «Не будет этого! Мы никогда не допустим!»

Сейчас примерно в тех же выражениях он говорил о «кровавой цепочке», которая уже спутывала русские города: «Не будет этого! Никаких “кровавых цепочек” не будет!», но не потому, что «мы этого не допустим», а потому, что «сядем за стол переговоров».

Действительно, «кровавая цепочка» уже тянулась от одного русского города к другому, создавая пока еще невидимую паутину. Ее не видели еще ни многочисленные спецслужбы, ни, тем более, находящийся в Галифаксе Президент. Если говорить честно, ее в тот момент не видел и Черномырдин, но уже чувствовал ее на своем горле.

Президент же к этому времени получил новую реляцию из Буденновска, подписанную генералом армии Ериным как старшим в звании. Этой новостью Ельцин с удовольствием поделился с журналистами в холле отеля «Цитадель». Если утром Президент был весел и бодр, то сейчас выглядел очень уставшим. Видно было, что он снова занемог.

Но тем не менее он радостно сообщил: «Ерин докладывает, что чеченцы переоделись в белые халаты в больнице и пытались бежать. Их всех, понимаешь, уложили». И Президент радостно засмеялся.

Затем Ельцин ошарашил журналистов поистине сенсационной новостью. «Мы получили сообщение,— поведал он,— что Дудаев попросил политическое убежище в Турции. Мы не будем возражать. Пусть едет куда хочет. Лишь бы подальше от России!»

Кто подсунул Ельцину подобную «мульку», какая из многочисленных спецслужб, видимо, останется одной из тайн чеченской войны.

Хотя турецкое посольство в Канаде, а затем и МИД Турции немедленно опровергли эту «утку», до Президента, наверное, из-за прогрессирующего недоумогания это опровержение не дошло. Тем более, что верный Козырев, напоминающий теперь повадками главного евнуха при гареме эмира, подтвердил, что «да, у нас есть очень надежная информация о бегстве Дудаева за границу».

В это же время президент США Клинтон получил по каналам госдепа и ЦРУ сообщение, что в Буденновске уже провалился не один штурм, а два. Клинтон отложил пресс-конференцию, которую он должен был дать совместно с Ельциным, и провел быстрое совещание со своими помощниками.

Давно прошли уже те времена, когда любой «чих» из Москвы вызывал в Вашингтоне повышенное беспокойство: президенты прерывали отпуск, срочно (часто ночью) собирался Совет Национальной Безопасности; армия приводилась из состояния 5-й готовности сразу во 2-ю, а журналисты штурмовали

двери госдепа, стараясь узнать хоть какие-нибудь новости и тому подобное.

Ныне, а особенно после начала войны в Чечне, московская кухня никого в Штатах по большому счету, не интересовала. Московские политические новости печатались на пятых или шестых полосах газет, и даже такие журналы, как «Тайм» и «Ньюсвик» могли в нескольких номерах подряд не напечатать ни одного сообщения своих корреспондентов из Москвы. Пять лет назад подобное даже трудно было себе представить.

Однако, на этот раз сообщение было очень тревожным. Резидент американской разведки в России докладывал, что чеченский рейд на Буденновск служил всего лишь отвлекающим маневром для начала операции с условным наименованием «Красная цепочка», которая, если ей дать начаться, может в течение двух-трех недель привести Россию в состояние полного хаоса. Об этом, по словам резидента и одобрявшего его действия директора ЦРУ, уже поставлена в известность Федеральная Служба Безопасности России. Однако, учитывая ее очень низкий профессионализм и ярко выраженную тенденцию к саботажу, трудно ожидать, чтобы она смогла взять обстановку под контроль. ЦРУ рекомендовало Клинтону информировать обо всем в Галифаксе президента Ельцина, поскольку в данном конкретном случае времени терять было уже нельзя.

Можно ли провести какую-либо связь между «Красной цепочкой», о которой докладывала из России американская разведка, и «Кровавой цепочкой», о которой говорил Черномырдин? Не исключено, что получив эти сведения от американцев через ФСБ, (а,

возможно, и по другим каналам) российский премьер сознательно изменил наименование, поскольку в данном сочетании слова «красный» и «кровоавый» были совсем не синонимами и имели к независимости Чечни весьма отдаленное отношение.

Ибо вскочивший на ягодице фурункул вполне может устроить сепсис всему организму, тем более столь ослабленному. А ни в чьи планы не входила столь быстрая смерть пациента.

А в Буденновске тем временем продолжалась стрельба, поскольку посланные в центр победные реляции нуждались в каком-то конкретном воплощении. Оскорбленная «Альфа» в боевых действиях больше не участвовала, предоставив честь овладения больницей спецназу МВД. «Должностной страх прежде всего парализует разум», — мрачно пошутил один из наблюдателей.

Новая попытка взять здание больницы штурмом началась в 14:30.

Здание горело в нескольких местах. Позднее родилась версия, что солдаты, опасаясь, что все заложники сгорят заживо, пошли на штурм. Таким образом, чтобы заложники не сгорели, их решили перестрелять, так как несчастных продолжали держать у окон.

Наконец, потеряв еще 10 солдат убитыми и 30 ранеными, убив около сотни заложников, «триумфаторы» приказали прекратить огонь, возобновив переговоры с Басаевым, снова предложив ему деньги и самолет в любую страну. Басаев ответил, что он больше переговоры вести не будет, но попросил прислать в больницу пожарную команду, чтобы по-

тушить пожар. Что и было немедленно исполнено.

Наступила зловещая тишина, время от времени нарушаемая одиночными выстрелами где-то в городе. Кто в кого там стрелял — неизвестно.

Было 15 часов 20 минут. 17 июня 1995 года.

«Суббота 17 июня,— передавал из Буденновска корреспондент «Московских новостей»,— войдет в анналы истории борьбы с терроризмом как день безумия, непрофессионализма военных и полного идиотизма их начальников».

Видимо, подобную оценку полностью разделяли и сами заложники, и жители города, и даже его руководство, поскольку, воспользовавшись очередной паузой после двух провалившихся штурмов, они потребовали личного присутствия на месте трагедии главы правительства Черномырдина и недопущения нового штурма здания больницы. Они выпустили специальное заявление, в котором отмечалось, что каждое действие со стороны федеральных войск и милиции уносит жизни невинных людей.

Дальнейшие силовые решения, укзывалось в заявлении, являются преступлением. Освобождение заложников возможно только политическим путем — необходимо идти на переговоры. В противном случае, подчеркивалось в документе, население города будет вынуждено создать живой заслон между федеральными силами и басаевскими боевиками. Черномырдин призывался немедленно приехать в Буденновск. «В противном случае, пролитая кровь заложников будет на совести премьера».

А на другом краю земли, в Галифаксе, где время приближалось к 18:00, началась долгожданная совместная пресс-конференция президентов США и России: Билла Клинтона и Бориса Ельцина.

Президент России находился в состоянии сильнейшего недомогания.

Предполагалось, что речь пойдет о высоких материях вроде международной ядерной безопасности и взаимовыгодном сотрудничестве, при освещении которых все политические деятели любят говорить общими, ни к чему не обязывающими словами.

Но журналистов интересовала исключительно Чечня и, в частности, вопрос о заложниках в Буденновске. Что вызвало, по словам журналистов, приступ «багроволицего гнева» у занемогшего Президента Российского Государства.

Превозмогая недомогание и воздев руки к небу, Президент почти закричал, что «Чечня — это центр международного терроризма, коррупции и мафиозности!»

«Чеченцы,— кричал он, размахивая руками, это же все бандюги, понимаешь!» Президент покрутил пальцем вокруг собственной головы:

— Эти черные повязки, понимаешь, навязали на головы! Всех их будем уничтожать!

Пока ошалевшие корреспонденты пытались сообразить, почему зеленые головные повязки чеченцев с текстом из Корана представились занемогшему Президенту черными, сам Президент последним усилием воли увидел отчаянные знаки, которые подавали ему, оставаясь за кадром, министр иностранных дел Козырев и пресс-секретарь Медведев.

Поднеся палец к губам, Ельцин несколько раз послушно кивнул и более спокойным голосом сообщил собравшимся снова, что Дудаев попросил политического убежища в Турции.

Это заявление было немедленно опровергнуто сотрудниками американского президента, но Ельцин, казалось, этого не услышал.

В это время один из российских тележурналистов задал вопрос Клинтону, не изменил ли тот свое мнение о Чечне вследствие захвата больницы на юге России?

Придя снова в бешенство и не давая Клинтону ответить, Ельцин — в состоянии повышенной нервозности, по словам американских корреспондентов, снова почти заорал, что он сам является заложником этого кризиса, а его друг Билл поддерживает российскую акцию подавления мятежа.

Голос Ельцина снова поднялся до уровня крика. «Генерал Дудаев,— упрямо твердил он,— попросил политического убежища в Турции и Турция согласилась. Нам все равно, куда он денется!»

Однако, попытка Ельцина опереться на дружеское плечо Билла Клинтона с помощью утверждения, что «мой друг Билл» поддерживает российские методы подавления чеченских повстанцев, на этот раз не прошла.

Президент Клинтон, отворачивавший голову, когда «друг Борис» дышал в его направлении и мрачно молчавший во время ельцинского монолога, заявил, что его позиция по поводу чеченского конфликта абсолютно не та, что приписывает ему Ельцин. Конечно, он против всякого терроризма, но не односторонне, не в пользу одних против других.

Терроризм — если уж применять это слово — начался с нападения российских вооруженных сил на Чечню, он был присущ всему способу ведения этой войны; то, что произошло в Буденновске, лишь логическое развитие событий.

«Поведение Президента в Галифаксе,— передавал в Москву один из российских журналистов,— его пустые и напыщенные речи, его безответственные заявления вроде фантастической лжи о намерении Дудаева бежать в Турцию, разыгранная им при встрече с Клинтоном сцена, изображающая “бандитов в черных (?) повязках”, смотреть на которую было еще более стыдно, чем на берлинское дирижирование, неожиданно обернулась удачей для страны, поскольку в Москве “на хозяйстве” остался Черномырдин».

Поздно вечером 17 июня бригада российского телевидения была срочно вызвана в здание правительства. Время приближалось к полуночи, и перепуганные журналисты гадали, что могло произойти. Какое правительственное заявление сейчас пойдет в эфир? Такого еще не было никогда, даже во времена Карибского кризиса, когда СССР и США балансировали на грани ядерной войны.

Что же произошло сейчас? Может быть, вошедшие в раж армия и спецслужбы в отместку за неудачу в Буденновске и за все другое прочее решили развязать мировую войну по принципу: семь бед — один ответ?

То, чему стали свидетелями тележурналисты, а через них вся страна и весь мир, действительно не имело аналога в истории. По крайней мере в истории борьбы с терроризмом.

Взяв телефонную трубку, премьер произнес: «Шамиль Басаев? Говорит Черномырдин...»

Премьер-министр страны ЛИЧНО начал переговоры с «главой банды террористов», согласившись выполнить если не все, то главные условия, выдвинутые Басаевым. Хотя Россию всегда зашкаливает в крайности, подобного развития событий не ожидал никто.

Несмотря на то, что Виктор Черномырдин в течение всех прошедших шести месяцев и пытался дистанцироваться от чеченской бойни, ему как главе правительства это удавалось далеко не всегда. Публичные же заявления премьера, особенно последнее время, становились все жестче.

Накануне нападения на Буденновск, 6 июня, находясь в Краснодаре, премьер, стоя на фоне ухмыляющегося Николая Егорова, заявил, что «вести переговоры в Чечне не с кем». Он де уже испробовал все варианты. «Нельзя вести переговоры с бандитами», — нравоучительно изрекал премьер.

На следующий день, 7 июня, Черномырдин снова высказался по Чечне, заявив, что происходящие там события, по сути, являются вооруженным восстанием против единства России, а потому должны быть подавлены военной силой. «Война в Чечне, — подчеркнул премьер, — будет продолжаться в том же объеме. С бандитами нельзя вести никаких переговоров».

И, наконец, Черномырдин отыскал себе партнера для переговоров.

Если совсем недавно бандитами, не говоря уже о самом Дудаеве, безапелляционно считались и образованнейший юрист Имаев, и интеллигентнейший

журналист Удугов, и умнейший политик Яндарбиев, и скромный воин Масхадов, то что можно сказать о Басаеве, на руках которого, как к нему ни относиться, была кровь более трехсот убитых и покалеченных мирных жителей, не говоря уже о тех женщинах и детях, что перенесли острейший психологический шок, из которого, по всей вероятности, им не выйти всю оставшуюся жизнь.

А затем быстро начавшиеся переговоры, закончившиеся триумфальным возвращением отряда Шамиля Басаева в Чечню, где он стал национальным героем со славой никак не меньшей, чем у его легендарного тезки — имама Шамиля; прекращение огня в Чечне, быстро налаженные переговоры, за словесной мишурой которых явствует только одно: **РОССИЯ ПРОИГРАЛА ВОЙНУ В ОДНОЙ ИЗ СВОИХ ПРОВИНЦИЙ!** За ритуальное разоружение Москва готова выплатить Чечне контрибуцию в размере 6 миллиардов долларов, предварительно ухлопав столько же на ведение боевых действий.

Что же произошло?

И наша, и зарубежная пресса наперебой комментировали это невероятное событие.

«Если точка и поставлена,— писал политический обозреватель “Нового Времени” Кронид Любарский,— то только в вопросе о том, каков тот режим, который осуществил вторжение в Чечню. В течение полугода он отказывался прислушиваться к голосам тех в нашей стране и зарубежом, кто требовал немедленно прекратить военные действия и начать прямые переговоры с теми, от кого единственно зависит возможность урегулирования — с правительством Джохара Дудаева, как бы мы к нему ни относились.

Доводы о непомерной цене, которую приходится платить жизнями россиян, не принимались во внимание. Над словами о нарушении прав человека смеялись. О потере Россией лица в глазах мирового сообщества не заботились. Тяжким бременем, которым чеченская авантюра ложится на экономику, решили пренебречь. О расколе, вызванном в обществе войной, отказывались и слушать.

Начали слушать только тогда, когда их силе противопоставили силу. Типичная реакция уголовного пахана. Руководители чеченского сопротивления, которые на собственной шкуре испытали жестокость и неумолимость государственного терроризма, поняли эту страшную реальность несколько раньше того, как в этом убедился весь мир. И решили действовать соответственно.

Российские власти спровоцировали преступную войну и вели ее преступными методами, осуществляя фактически геноцид чеченцев, пробуждая в них гнев, ненависть и глухое отчаяние людей, которым уже нечего терять, заставляя даже своих бывших союзников в Чечне братья за оружие и вступать в ряды сопротивления.

Безграмотные и самоуверенные, не знающие ни истории, ни национального характера народа, они не понимали и не хотели понимать, что на всей территории бывшей Российской (и Советской) империи не было места, где развязывание войны против народа было бы большим безумием, чем в Чечне. Упоенные своей силой и властью, они думали, что можно безнаказанно поливать из огнеметов подвалы, где прячутся дети, бомбить школы и больницы, пытаться в фильтрационных лагерях, мародерствовать и на-

сильничать, не вызывая ответных действий. Полгода российская армия вытворяла в Чечне такое, на что не решились диверсанты в Буденновске.

Всего недели две назад при штурме Ведено при бомбардировке погибла вся семья полковника Шамиля Басаева — 11 человек, в том числе жена, девятилетний сын и дочери трех, восьми и двенадцати лет. Кто в России ужаснулся этому? Кто вспомнил, что позор армии — убивать младенцев?

Можно только удивляться, что Дудаеву удавалось так долго сдерживать своих полевых командиров и что буденновские события произошли столь поздно...

О том, что чеченская авантюра абсолютно неизбежно приведет к полномасштабной гражданской войне, которая перекинется и за пределы Чечни в Россию, предупреждали едва ли не все журналисты-аналитики, политологи, ученые и ведущие политики. Правительство и генералы были к этим предупреждениям полностью глухи. Грачев и Куликов, Ерин, Степашин и Егоров с присущей им наглой безапелляционностью со смехом отмахивались от них. Черномырдин решительно отвергал такую возможность буквально за день до начала трагедии. Цену их проницательности, интеллекту и политическому чутью мы теперь видим...

“Силовики” вкупе с правительством продемонстрировали полную неспособность выполнять свои прямые задачи, действовать хоть в малой степени профессионально. Об угрозе перехлестывания войны в Россию было известно уже давно. Тяжело вооруженный многочисленный отряд, среди бела дня преодолевающий сотни километров территории, наведенной сотрудниками спецслужб, внутренними и регу-

лярными войсками — это не притаившийся в подъезде киллер, появляющийся без предупреждения. Но разложившиеся и продажные силовые структуры выполнить свой прямой долг не смогли или не захотели.

Когда же трагедия уже произошла и не «принять мер» было уже невозможно, первое и единственное, что решили они предпринять, был штурм больницы, при котором ценой уничтожения Басаева и его товарищей могло быть только уничтожение всех заложников. Но что им, убившим десятки тысяч в Чечне, было уничтожение еще одной тысячи...»

Однако прекрасно сделав предварительный анализ, Любарский на вопрос, почему же все-таки власти пошли на переговоры, отвечает с некоторой наивностью: Черномырдин де испугался, что Дума отправит правительство — и его лично — в отставку и для него наступит «политическая смерть». Мы видели к чему привела робкая попытка Думы поступить таким образом, когда президент Ельцин, усмехнувшись, заметил: «Пусть Дума подпишет сама себе приговор».

Уж чего-чего, а этого Черномырдин совсем не боялся!

«В Буденновске,— отмечала влиятельная французская газета “Монд”,— Кремль, пытавшийся использовать взятие заложников, чтобы повернуть общественное мнение против чеченцев, попробовал — ничего другого не умея — применить силу. И теперь вынужден делать вид, что готов на переговоры. Чтобы российские власти согласились вести переговоры, потребовался кровопролитный и неудавшийся штурм больницы российскими вооруженными сила-

ми, бойня в самой больнице. Чеченцы отказались от денег и от предложенной возможности бегства и добились прекращения военных действий и немедленного начала переговоров с Москвой».

Конечно, можно провести историческую аналогию. Вид семи автобусов «Икарус», на которых отряд Шамиля Басаева, оставив в Буденновске 182 свежих могилы, возвращался под восторженные крики местных жителей в Чечню, оказал на нервное русское общество такое же впечатление, как некогда вид семи славшихся русских кораблей, входящих под японскими флагами в бухту Майдзуру под восторженные крики местного населения, высыпавшего на берег. Это побудило русское правительство закончить войну с Японией, которую также планировали завершить за две недели захватом Токио.

Но Япония все-таки была иностранным государством, а не собственной провинцией.

И если унижение от тогдашнего позора не забывается до сих пор, то, смею вас уверить, что унижение от того позора, которым доблестный полковник Басаев покрыл золоченые крылья российского орла, также никогда не забудется. И также поколение за поколением будет задавать себе вопрос: как подобное могло произойти?!

Речь идет не о том, как мог произойти налет на Буденновск, а о том, как мог Басаев, совершив этот налет, с триумфом вернуться в родные горы на любовно предоставленных ему семи экскурсионных «Икарусах», над которыми были подняты зеленые флаги «Свободного волка», и все «железные кольца» оцепления безропотно расступались перед ним?

«Воистину акбар!» — как заметил один журна-

лист-циник, давая полковнику Ворожцову расписку «о добровольном присоединении к бандитской группе Басаева».

Возможно, ближе всех к истине оказался немецкий журнал «Шпигель» — всегда осмотрительный и тщательно проверяющий информацию — отметивший в редакционной статье: «Уже начались сомнения — действительно ли трагедия в Буденновске была результатом отчаянной вылазки чеченцев, или ко всему этому приложили руку влиятельные российские круги».

Еще перед началом конфликта американская разведка докладывала, что готовится не война с Чечней, а война на территории Чечни двух полярных российских политических сил. Крошечной головкой айсберга выглядели при этом различные российские части, прибывшие в Чечню под трехцветным российским флагом и под серпасто-молоткастым красным знаменем бывшего СССР.

При любом контакте эти части всегда открывали друг по другу огонь, а в дни многомесячного штурма Грозного просто истребляли друг друга якобы открытым по ошибке артиллерийским огнем или ошибочно наведенной авиацией.

Но, повторяю, это лишь маленькая головка айсберга.

СССР — последняя средневековая империя — рассыпавшись на феодальные домены, породил в качестве неизбежного следствия своего крушения, огромное число разномастных баронов-разбойников. Генерал Дудаев, которому в силу ряда причин, о которых мы говорили, удалось сконцентрировать на

себе внимание всей страны, а затем — и всего мира, был далеко не единственным и не самым опасным, поскольку действовал под признанным знаменем священного права любого народа на самоопределение. Не в силах действовать в одиночку, он, сам, может быть, того не желая, стал игрушкой в руках тех сил, которые ставили перед собой гораздо более масштабные задачи.

Огонь войны стал затухать, когда американская разведка получила сообщение о начале операции «Красная цепочка» (или «Кровавая цепочка», как о ней проговорился Черномырдин).

«Красная цепочка» — вот что напугало всех обитателей Кремля, а не какие-то Думы или грядущие выборы, на которые им всем в высшей степени наплевать...

После того, как Сергей Ковалев был наконец допущен в больницу и начал переговоры с Басаевым, в ходе которых они оба постоянно консультировались с Черномырдиным, в Буденновске побывало много всякого известного люда.

Кого, конечно, допускали через три кольца оцепления вокруг города. Журналистку Наташу Алякину, например, имевшую все пропускные документы и аккредитации, убили выстрелом в спину прямо на контрольном пункте второго кольца, предварительно пожелав ей счастливого пути. Но так круто поступали далеко не со всеми.

В Буденновске появился даже Станислав Говорухин. В больницу он допущен не был, но прогуливался между сгоревшими и целыми бронетранспортерами, непрерывно восклицая: «Боже мой, какой бардак!»

На фоне Говорухина, Жириновского, Кашпировского и прочих не менее известных лиц, как-то незаметно прошло появление в Буденновске в самый разгар переговоров между премьером России Черномырдиным и полковником ичкерийской армии Басаевым нашего старого знакомого генерал-полковника Владислава Ачалова. Прославленный командир армейских спецназов и парашютно-диверсионных подразделений, он в октябре 93-го пытался наладить оборону Белого Дома, но был переигран и нейтрализован «президентскими заточками» вроде полковника Терехова и рядового Бабурина, попав на некоторое время за решетку следственного изолятора. Выйдя вскоре на свободу по амнистии, лихой генерал, хотя и дал подписку более не заниматься политикой, поклялся отомстить и взять реванш.

Плох тот барон-разбойник, который не мечтает стать королем, особенно, когда сам король постоянно, понимаешь, недомогает.

В качестве кого Ачалов приезжал в Буденновск и каким образом он был пропущен через три кольца внешнего оцепления города, большого значения не имеет, поскольку, прибыв в Буденновск, отставной генерал-полковник был не только пропущен через три внутренних кольца оцепления, но и в самую больницу.

Тут важно заметить, что в захваченную больницу пропускали вовсе не тех, кому это разрешали генералы Ерин, Степашин и Егоров, а исключительно тех, кого желал видеть полковник Басаев.

Жириновскому и Говорухину тоже разрешили проход через «кольца» как депутатам. «Силовики» их пропустили, но Басаев не пустил и ничего не вышло.

В случае с Ачаловым наблюдалось полное единство взглядов, ибо всем было понятно, что генерал приехал лично высказать свое восхищение человеку, которого он был вправе считать одним из своих способнейших учеников.

Сразу же после визита в Буденновск генерала Ачалова на страницах столичной прессы вынырнул анонимный специалист «по государственным переворотам, диверсиям и международному терроризму», которого сотрудник газеты просил прокомментировать события в Буденновске.

«Как профессионал,— не без гордости заявил аноним,— могу засвидетельствовать, что операция по захвату заложников в Буденновске была подготовлена и проведена блестяще. Анализируя действия диверсантов, я не нахожу экспромта. Каждый из них выполнял свою задачу, что позволило реализовать задуманное очень быстро. Приведу только один пример. Прибыв в Буденновск, отряд Басаева рассредоточился на несколько групп, каждая из которых выполняла свои функции: одни расстреливали отделение милиции, другие брали заложников и т.п. Тем не менее в назначенное время все они собрались в одном назначенном месте — в горбольнице. Если бы не было заранее отработанного и согласованного плана, все закончилось бы сумбурными и безрезультатными для диверсантов действиями. Наглядный пример тому — штурмы российской армией Грозного в декабре-январе, когда военные подразделения истребляли друг друга, не имея понятия кто где находится и что атакует. И официальная, и басаевская версии о том, как столь многочисленный отряд про-

двигался по территории, которая находится под особым контролем силовых ведомств, не выдерживают никакой критики. Очевидно, что в двух грузовиках никак не поместишь две сотни бойцов, которые к тому же должны везти с собой достаточно большой арсенал оружия, боеприпасов и взрывчатки... Значит, либо диверсанты ехали не на двух грузовиках, а большой автоколонной (минимум 7-9 машин), либо оружие и боеприпасы были складированы в условленном месте в Буденновске. Кем? Чеченцами в спортивных костюмах, о которых сообщалось как о прибывших заранее? Во-первых, сколько должно было приехать в Буденновск "спортсменов", чтобы в руках привезти такой арсенал?!

Во-вторых, представим, что в небольшой провинциальный город, где большинство населения друг друга знает, прибыла большая группа чеченцев. Это неминуемо бы вызвало настороженную реакцию местных жителей, а тем более представителей правоохранительных органов, которые регулярно получают ориентировки о возможных терактах со стороны дудаевцев. Если учесть, в каких сложных отношениях находятся ФСБ, МВД и армия, нетрудно предположить, что сотрудники этих структур наперегонки стали бы докладывать наверх о подозрительной концентрации чеченцев.

ВЫХОДИТ, ПОДГОТОВИТЬ ТАЙНИКИ С ОРУЖИЕМ И БОЕПРИПАСАМИ (ЕСЛИ БАСАЕВЦЫ НЕ ПРИВЕЗЛИ ВСЕ ЭТО С СОБОЙ) ДОЛЖНЫ БЫЛИ ТЕ ЛЮДИ (ИЛИ СТРУКТУРЫ), КОТОРЫЕ НЕ ВЫЗВАЛИ БЫ ПОДОЗРЕНИЯ НИ У МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ, НИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МИЛИЦИИ, ФСБ И АРМИИ.

Особо хочу сказать о марш-броске басаевцев. Пробивная сила денег, учитывая состояние дел в МВД, действительно может быть внушительной. Но в данном случае ее нельзя преувеличивать. Такой искушенный в подобных делах человек, как Басаев, не мог двинуться в путь, надеясь исключительно на продажность российских постовых. Наличие огромных средств влечет еще большую опасность для перевозчиков, чем оружие. Если бы басаевцы “засветили” бы на первом же посту в Чечне свои мешки с деньгами, постоянно мародерствующие бойцы ОМО-На тут же перестреляли бы их, конфисковав деньги в свою пользу. Скорее всего, басаевцам был обеспечен КОРИДОР для проезда...»

Добавим от себя, что не один коридор, а множество, через которые пропускались «красные цепочки» смертельной болезни, сыпью покрывшие страну.

И только, когда взрыв Буденновской трагедии осветил окрестности, эту сыпь заметили. Единственным спасением было попытаться вернуться к положению, существовавшему на 11 декабря 1994 года, уже не думая о возможных последствиях позорнейшего военно-политического поражения в войне против собственного народа.

К сожалению, мы лишены возможности сообщить подробности операции «Красная цепочка» по многим причинам. Во-первых, и нам известно далеко не все. А то, что известно, должно уточняться, требуя более объективного анализа. И, конечно, мы боимся подвести наши источники. Но, кажется, что сказанного и процитированного достаточно, чтобы читатель сам смог сделать вывод, сколь слаба и уязвима наша родина, если противник с неизмеримо

меньшей весовой категорией может, хоть временно, но отправить ее в нокдаун.

Однако, чтобы самые непонятливые лучше осознали опасность, приведем только один (из тысячи) возможных сценариев дальнейшего развития событий.

В ходе боевых, а уж тем более диверсионных действий, совсем необязательно проводить какие-либо мероприятия для сдерживания противника. Часто достаточно всего лишь о них объявить — либо официально, либо с помощью инспирированной утечки информации.

Скажем, чтобы закрыть для плавания противнику какой-нибудь пролив, не обязательно там ставить мины. Достаточно объявить, что они поставлены. Вряд ли противник в этот пролив сунется, не проведя трудоемкой и рискованной минно-тральной операции. Не обязательно в зоне действия армии противника травить колодцы. Надо объявить, что они отравлены. А человеческая психология такова, что даже если кто-то из солдат противника рискнет напиться, он обязательно будет отправлен в госпиталь со всеми симптомами отравления.

Те, кто слушали многочисленные «послебуденновские» интервью Шамиля Басаева, которые он давал нашим и иностранным журналистам, слышали его утверждения о наличии у него контейнеров с радиоактивным, биологическим и бактериологическим оружием.

На вопрос, откуда они у него, Басаев со свойственной ему напускной непосредственностью, ответил: «Сейчас в России купить что угодно можно. Давай деньги — я тебе куплю». С той же непосредственностью и искренностью он говорил одному из

корреспондентов еще в Буденновске: «Если у тебя есть 30 тысяч долларов, одевай зеленую повязку, клади автомат на колени и поезжай, ничего не бойся. Тебя пропустят до самого Кремля и в Кремль пустят».

Но в данном случае уже не имеет значения — есть у него эти контейнеры или нет. Главное, что Басаев объявил — они у него есть.

Теперь ему уже не обязательно даже совершать рискованные рейды в русские города. Достаточно объявить, что, скажем, на Таганке в Москве открыт контейнер с бактериологическим оружием (или чего-нибудь пострашнее) пошла гулять по столице.

Власти, разумеется, немедленно и категорически это опровергнут.

Но учитывая традиционную веру народа к заявлениям властей, можно представить, какая начнется паника в столице!

Или объявить, что в Петербурге открыт контейнер с радиоактивным веществом, а поскольку в любом месте города счетчики Гейгера трещат как в Хиросиме 45-го года, то можно представить, насколько кто-нибудь поверит властям, что ничего не произошло. Я уже не говорю о том, что у тысяч людей начнут проявляться симптомы заявленных болезней и поражений. Охваченное паникой население, сметая кордоны ОМОНа, бросится бежать из городов: москвичи на север, питерцы — на юг. Таким нехитрым способом, учитывая нервное состояние населения, можно быстро привести в состояние хаоса всю страну.

А уж если, как обещал тот же Басаев, при этом использовать смертников, то вообще страшно подумать, чем все это может кончиться.

Так что поверьте — Черномырдин знал, что делал, и меньше всего боялся, что Дума проголосует вотум недоверия его кабинету.

Если в России правители вообще когда-нибудь будут бояться разных «вотумов», то не раньше, чем лет через 300.

* * *

Чтобы дальше не идти по неверной дороге военно-политических прогнозов и фантазий, пока что можно констатировать, что в результате рейда Басаева (или «теракта» — как хотите) бойню в Чечне удалось хоть временно, но остановить. Россия вынуждена была сесть за стол переговоров с представителями Дудаева. Сам Дудаев также жив и здоров, чего, видимо, и всем желает. Пока он все еще находится во всероссийском розыске, но уже не один.

После Буденновска всероссийский розыск объявлен и на Басаева, что не мешает последнему почти ежедневно давать интервью. Настроение у него бодрое — Дудаев произвел «национального героя Ичкерии» в генералы.

Русская же армия фактически брошена в Чечне на произвол судьбы. Ей давно уже не занимаются ни министры, ни даже их замы, а какие-то никому ранее неизвестные генералы с тревожными лицами и бегающими глазами. За что погибли тысячи солдат и офицеров, а другие тысячи стали инвалидами — никто внятно объяснить не может, поскольку генерал Дудаев как был президентом Ичкерии, так и остался.

Никто не может объяснить, за что были искалечены судьбы нескольких сотен тысяч русских жите-

лей Чечни, бежавших из Грозного, лишившихся близких, жилья и имущества. Возможно, что таким вот хитрым способом проводилась их депортация, чтобы сделать дудаевскую Ичкеррию не только независимой, но и мононациональной. Чтобы к нему не лезли с разными глупостями из Москвы, как в странах Балтии. Нет русских и притеснять некого.

На все эти вопросы ответил, пожалуй, только один Шахрай, давая показания на слушаниях о Чечне в Конституционном суде. Он сказал, что вторжение было необходимо, чтобы упредить Дудаева, который собирался вторгнуться в Россию. И предъявлял какой-то документ с дудаевским аналогом «плана Барбаросса». Ошеломленный Суд признал ВСЕ УКАЗЫ ПРЕЗИДЕНТА КОНСТИТУЦИОННЫМИ, совершив, таким образом, за три неполных года своего существования второе преступление перед Россией.

Первое произошло, когда Конституционный суд еще под председательством Валерия Зорькина не допустил признания КПСС преступной организацией, спас «золото партии» в иностранных банках и обрек страну на конвульсии, продолжительность которых не поддается временному определению.

Второе — под председательством Туманова Суд совершил сегодня, создав прецедент, дающий право Президенту засыпать бомбами и снарядами территорию России по собственному усмотрению, даже в состоянии тяжелого недомогания.

Из всего этого можно сделать один не очень утешительный вывод.

Созданная совместным гением Ленина и Сталина страшная машина, работающая только на топли-

ве из человеческих трупов, вовсе не перестала существовать в свободной России. Она только слегка изменила свой цвет, став вместо красной местами розовой, а местами — коричневой. Полиняла слегка, но сохранила свои прежние аппетиты. Она любит убивать нас и по одному, и всех вместе.

Священника Меня — топором. Журналиста Холодова — бомбой. Телеведущего Листьева — выстрелом в затылок. Банкира Кантора — ножом. Предпринимателя Кивилиди — ядом. Тысячи россиян — (чеченцев и русских) бомбами, снарядами и напалмом. Машина набирает обороты и ей нужно все больше и больше топлива — наших жизней и жизни наших детей.

* * *

Мы настолько увлеклись абстрактными размышлениями, что забыли о трех главных героях книги: Егорове, Ерине и Степашине, которые так браво начинали войну в Чечне и которых капризная судьба привела в Буденновск, где эта война пока что закончилась.

Сразу после начала переговоров Черномырдина и Басаева, вся эта «тройка» затеяла новый фарс на тему: «Кто дал приказ о штурме, в ходе которого погибло много заложников?» Игра была затеяна, видимо, для того, чтобы продемонстрировать Президенту свою верноподданность, поскольку всем было известно, что приказ о штурме отдал лично Борис Ельцин еще перед отлетом в Галифакс.

Игра эта с удовольствием была принята средствами массовой информации, которые со всех каналов и страниц вопрошали: «Кто отдал приказ о штурме?»

Поскольку Ерин, Степашин и Егоров уже дали понять, что готовы заслонить своими телами особу главы государства, вся ярость общественного мнения, подогретая сценами непрерывных похорон в Буденновске, оказалась направленной против них.

Теперь предстояло выяснить, кто из них конкретно отдал этот приказ.

Так как старшим номинально считался Егоров («руководитель чрезвычайного штаба»), то первым делом обратились именно к нему.

Миннац ответил, что, будучи человеком штатским, вообще не имеет права отдавать какие-либо приказы, кроме как работникам своего министерства, которые, понятно, в штурме не участвовали.

Точно так же и Степашин заявил, что ему никто в Буденновске не подчинялся, кроме секретной агентуры, которая никого штурмовать не могла.

И тогда все взоры направились на несчастного генерала армии Виктора Ерина. Растерявшийся министр внутренних дел, который не мог, как его хитрые коллеги, уверять общественность, что ему никто не подчиняется, в начале не нашел ничего лучшего, как подставить двух своих заместителей: Абрамова и Егорова (однофамильца миннаца).

Затем, видимо, сообразив, что заместители вряд ли могли бы отдать приказ о чем-либо через его голову, Ерин намекнул, что весь штурм был импровизацией командира «Альфы» генерала Гусева. Потом, несколько опомнившись, Ерин заявил, что вообще не было никакого штурма, а имело место «выдавливание чеченцев». И, наконец, министр отредактировал свой ответ следующим образом: «Штурма не было. Был не штурм, а было движение спецподраз-

делений, которые освободили часть второстепенных зданий на территории больничного комплекса».

Затем все трое хлопотали, чтобы достать Басаеву автобусы для возвращения в Чечню. Ичкерийский полковник потребовал, чтобы автобусы были непременно с мягкими сиденьями и с занавесками на окнах.

В ведомствах Егорова, Ерина и Степашина, разумеется, такой роскоши не нашлось. В конце концов автобусы одолжило какое-то коммерческое предприятие, пожелавшее остаться неизвестным. Впрочем, некоторые люди утверждали, что эти автобусы стояли на въезде в Буденновск еще с 14 июня. Их охраняли трое солдат в масках.

Но и это тоже не имеет большого значения.

Пощечина, полученная Москвой в Буденновске, была настолько звонкой и унижительной, что не оставила равнодушным никого, включая и Государственную Думу, дружно проголосовавшую за недоверие правительству и жаждущую крови «силовики».

Снова поставленный перед выбором: стрелять из танков по парламенту или выгнать оскандалившихся в Буденновске министров, Президент решил выбрать последнее. Хотя ему этого очень не хотелось.

Нервозности в ситуацию добавил еще генерал Грачев. Страшно довольный тем, что остался в стороне, министр обороны в очередном интервью заметил, имея в виду действия «Альфы»: «Можно было сделать там все более грамотно, с наименьшими потерями и главное результативно: не дать бандитам уйти. Сделано бездарно, все бездарно!»

Высказывание Грачева пришлось как раз на тот день, когда «Альфа» хоронила своих погибших в Буденновске товарищей. Грачев всегда отличался по-

вышнейшим чувством такта. Разъяренные «альфовцы» не преминули напомнить министру обороны, сколько он возится уже в Чечне, сколько людей там положил и чего добился. Ему ли говорить о чьей-то бездарности?

Под эти склоки Президент уволил в отставку Ерина, Степашина и Егорова.

Последний очень остро переживал начало переговоров с Чечней, рассматривая окончание войны как личное оскорбление. Он призывал продолжать войну до победного конца и в интервью одной из Кубанских газет даже выразил готовность поступить «контрактником» в вооруженные силы и сражаться с Дудаевым до последней капли крови. Разумеется, он ничем не рисковал, зная, что в «контрактники» не возьмут, а потому, как всегда, призывал сражаться до последней капли чужой крови.

Вскоре, однако, Ерин был назначен заместителем директора Внешней разведки, что было воспринято общественностью с хохотом. У нас всегда сначала хохочут, а потом плачут.

Затем всплыл и Егоров. Оказывается, Президент назначил бывшего миннаца Председателем совета по делам казачества при Президенте РФ, а чуть позже — своим помощником по делам национальностей и региональной политике. Так что ждите вторжения еще куда-нибудь.

Только Степашин пока еще не у дел. В резерве. Уж очень на него обиделся Ельцин за «дезу» о готовности Дудаева сбежать в Турцию, полученную от ФСБ.

Все это говорит прежде всего о том, насколько узким становится круг людей, которым Президент,

по известным только ему причинам, почему-то считает, что может доверять.

Этих людей, заброшенных демократической волной вместо помойки на высшие и важнейшие государственные должности, даже нельзя назвать «некомпетентными» или «непрофессиональными».

Это просто клоуны, ставящие одну за другой кровавые буффонады на теле нашей умирающей страны.

Вглядитесь внимательнее в их лица и вы убедитесь в этом сами.

Вы убедитесь также и в том, как быстро все деградирует.

Если в октябре 1993 года Президент еще достаточно ловко орудовал «зачочками», то в декабре 1994 года он уже взялся за лом, который, к счастью, оказался для него слишком тяжелым.

Какой инструмент ему понадобится, чтобы победить на приближающихся выборах, ибо война предстоит жестокая?

КЛЫКИ ПРЕЗИДЕНТА

Вальяжное лицо генерала Александра Михайлова было покрыто красными пятнами, а ничего обычно не выражающие холодные глаза генерала старались не смотреть в телекамеру. Когда это не удавалось, генеральские глаза начинали настороженно бегать, как на старинных часах-ходиках.

Генерал Михайлов — начальник Центра общественных связей Федеральной Службы Безопасности — находился в явно чужой для себя обстановке. Его привыкли видеть в безукоризненном штатском костюме и модном иностранном галстуке за массивным письменным столом в огромном, вполне соответствующим его высокой должности, кабинете на фоне российского национального флага. Умение Михайлова нести самую дикую «чернуху», что говорится, не моргнув глазом и с самым важным видом, было общеизвестно, а потому сегодняшняя манера преподносить информацию выглядела странной, не совсем понятной и весьма тревожной.

Прежде всего, генерал находился не в своем шикарном кабинете на Лубянке, а на перекрестке двух сельских дагестанских дорог.

И одет он был не в дорогой штатский костюм, а в полный боевой камуфляж и вязаную шапочку. Если бы не холеное лицо и бегающие глазки, его можно

было принять за какого-нибудь безвестного командира полка, пытающегося объяснить заезжим корреспондентам азы военного искусства на сильно пересеченной местности.

Что же привело Начальника Центра Общественных Связей ФСБ с Лубянки на забытый Богом перекресток двух сельских дорог в горной дагестанской глуши вблизи чеченской границы, которая десятки лет считалась чисто условной, а ныне считалась государственной, и не только потому, что на ней были развернуты погранзаставы, которые по своему статусу могли находиться ТОЛЬКО на государственной границе России, а еще и потому, что на территории Чечни второй год бушевала полномасштабная война, а пограничные с Чечней республики Северного Кавказа считались как бы нейтральными, самым этим фактом подчеркивая суверенность мятежной республики Ичкерия.

Слова, произносимые генералом Михайловым перед десятками телекамер и микрофонов, временами заглушались грохотом артиллерийской канонады и ревом идущих на бреющем полете вертолетов с пакетами боевых ракет на подвесках.

Вся Россия, затаив дыхание, ждала новостей из этой дагестанской глуши, где один из командиров чеченского сопротивления Салман Радуев, заняв со своими бойцами круговую оборону в ранее совершенно безвестном поселке Первомайский, и прикрывшись взятыми, как водится, заложниками, успешно отражал атаки федеральных войск.

А генерал Михайлов, три раза в день комментировавший боевую обстановку в районе этого дагестанского села, делал это потому, что руководил опе-

рацией по взятию Первомайской не кто-нибудь другой, а лично шеф ФСБ Александр Барсуков, недавно произведенный президентом Ельциным в генералы армии и теперь подтверждающий свое высокое звание.

Отправившись в Дагестан, генерал армии Барсуков взял с собой и весь свой оперативный штаб, включая и начальника Центра Общественных Связей генерала Михайлова.

Туда же, под Первомайское, прилетел со своим штабом и Центром Общественных Связей, еще один генерал армии — министр внутренних дел Куликов, а чуть позже и третий — директор Федеральной Пограничной службы генерал армии Николаев.

Такое скопление генералов армии под каким-нибудь населенным пунктом последний раз наблюдалось в апреле 1945-го года под Берлином. Но сейчас стоял не апрель 1945-го, а январь 1996-го года. Да и село Первомайское никак нельзя было сравнить с Берлином, где, как известно, советская армия освобождала «все прогрессивное человечество».

Под Первомайской освобождали захваченных бойцами чеченского сопротивления заложников, а потому по селу били установки залпового огня «Град» почти с тем же ожесточением, с каким в апреле 1945-го года «Катюши» били по Берлину.

Может быть от этой аналогии и несколько странного способа освобождения заложников так тревожно бегали глаза генерала Михайлова, а лицо покрывалось красными пятнами.

Разъясняя журналистам тактику федерального командования (три генерала армии!), Михайлов уверял, что все заложники давно расстреляны чеченцами.

Поэтому не остается ничего другого, как сравнить дагестанское село с землей.

Почему?! — спрашивали журналисты, и новые красные пятна покрывали вальяжное лицо генерала. Что он мог сказать? Что уже более 300 раненых эвакуировано из-под Первомайской, что покрытые снегом поля зеленеют от неубранных трупов мотострелков, спецназовцев, соборцев, что уже случилась истерика с самим генералом армии Барсуковым, схватившим было автомат с явным намерением лично возглавить очередную атаку на село. Повисшие на генерале армии адъютанты и телохранители отняли у него автомат, вежливо, но твердо удерживая своего шефа на месте.

— Что я Ельцину доложу?! — кричал, пытаясь вырваться из железных рук подчиненных, директор ФСБ. Это был крик души!

Всем своим стремительным взлетом, напоминающим взлет космической ракеты, сорокасемилетний генерал армии был обязан президенту Ельцину.

Начинал Михаил Барсуков командиром взвода Кремлевского полка, где простым сержантом начинал свою службу и всеильный Александр Коржаков — ныне начальник службы безопасности Президента, которого все существующие в России исследовательские и аналитические центры, следящие, как и положено в демократическом государстве, за рейтингами всех более-менее известных в стране политиков и общественных деятелей, единодушно уже в течение полутора лет называли самым влиятельным, а следовательно и самым могущественным политическим деятелем России после самого президента Ель-

цина, разумеется. Впрочем, так говорилось скорее из вежливости в официальных рейтинговых презентациях.

Но Россия была и осталась страной слухов. А слухи возносили генерала Коржакова гораздо выше самого Президента, и целый ряд газет самого разного направления уверяли, что «страной правит телохранитель президента».

«Власть в стране захвачена начальником дворцовой стражи!»

Все с готовностью верили в это. Стоило вылететь с должности какому-нибудь высокопоставленному чиновнику, как все это объяснялось тем, что он «не понравился Коржакову». И наоборот — «он дружен с Коржаковым», а потому быстро пошел вверх.

Так и быструю карьеру генерала Михаила Барсукова объясняли тем, что Коржаков не забыл своего старого командира взвода, где он сам тянул лямку сержантом, и, став главным телохранителем страны, рекомендовал Барсукова на пост коменданта Московского Кремля.

С тех пор Барсуков стал сопровождать Президента во всех его поездках, давая понять, что и комендант Кремля всего лишь один из телохранителей главы государства. Он стал непременным участником всех застолий и возлияний в узком кругу, до которых Президент был сильно охоч. Он организовывал «царские» охоты и рыбалки, перед которыми меркли даже брежневские забавы тех времен, когда маршал-генсек был полон сил и энергии. В узком президентском кругу Барсуков быстро добился славы лучшего тамады, умеющего зажигательно выступать и знающего тосты на все темы. Его жена стала

одной из лучших подруг Наины Ельциной, поскольку Барсукову была оказана честь проживать в президентском доме на Крылатских холмах.

Комендант Кремля обеспечивал Президента неустанной и всесторонней заботой, а президентский аппарат и правительство — неусыпным вниманием, вынуждая высоких чиновников говорить между собой шепотом или просто обмениваться записками.

Даже газеты комендант Кремля лично клал на стол Президента. Не все, конечно. А если Президент по старой памяти неожиданно обращал внимание Барсукова на отсутствие тех или иных газет, то комендант Кремля мягко, но убежденно говорил:

— Не читайте этих газет, Борис Николаевич. Это — сионистские газеты.

Президент поджимал губы. В борьбе с сионизмом прошла вся его обкомовская молодость. Злые языки даже утверждали, что в этой борьбе Ельцин попал в плен. А потому, что вполне естественно, сионистских газет читать не желал. Несионистских газет было очень мало — «Завтра», «Правда» и «Советская Россия», но их читать было совершенно невозможно, поскольку они хором требовали его, Ельцина, публичной казни через повешение. И Президент бросил вообще читать газеты.

И был совершенно прав. Устная информация от помощников, прошедшая редакцию Службы Безопасности, была гораздо надежнее. Это для Ленина выпускалась специальная «Правда» в шести экземплярах, но подобные времена давно канули в вечность.

Подобная идиллия продолжалась до самого скандала в Буденновске, когда пришлось погнать с должности тогдашнего директора ФСБ Сергея Степашина.

Мало того, что он так и не смог внятно объяснить каким образом отряд Шамиля Басаева добрался на своих грузовиках до этого города Ставропольского края. Это бы ладно. Можно было бы даже простить, что Басаев с триумфом и поднятыми зелеными знаменами Свободного Волка вернулся в Чечню, оставив за спиной полторы сотни убитых и около трехсот раненых.

Но то, что он снабжал Президента в течение всей операции такой гнусной чернухой, вроде бегства Дудаева в Турцию, во что только сам Президент по доброте своей души только и мог поверить, простить было уже нельзя. Где это вообще видано, чтобы главная информационная служба государства в столь неприкрытом виде занималась дезинформацией? Даже трудно себе представить, что бы стало со Степашиным и всем его ведомством в канонические времена Иосифа Виссарионовича или даже в эпоху всеобщего разврата незабвенного товарища Андропова.

Огромный, разросшийся до небывалых размеров монстр советской Госбезопасности, доставшийся после крушения коммунистической империи в наследство свободной России, еще со времен своего создания ничем другим не занимался, кроме как массовым истреблением собственного народа.

Став детищем злобной ленинской шизофрении и садистских склонностей своего первого шефа зловещего Феликса Дзержинского, воспеваемые в течение уже почти целого века «славные органы государственной безопасности» или «чекисты», как они любовно продолжают называть сами себя, ни разу за эти 100 лет (!) не сумели обеспечить безопасности

страны, а, напротив, своими безграмотными, но в высшей степени амбициозными прогнозами и рекомендациями периодически ставили страну, за безопасность которой они якобы несли ответственность, на грань национальной катастрофы.

Где кончается глупость и начинается прямая измена, объяснить не может никто, когда речь идет о каком-то разовом событии. Но когда эти события устойчиво продолжаются в течение почти целого века, невольно рождается мысль: а чью все-таки безопасность охранял в этот период «боевой отряд большевистской партии»? Другими словами, на кого он работал и работает сейчас?

Выбивая показания из генералов-«изменников», занятые по горло массовыми убийствами и депортациями населения собственной страны, «органы» проспали во всем диапазоне военной и политической ситуации 22 июня 1941 года.

Всю войну они пичкали своего Верховного чернухой, в результате чего наша армия и отступала, и наступала, постоянно захлебываясь водопадами собственной крови.

Только через много лет после войны «чекисты», не моргнув глазом, свалили все свои провалы на покойного генералиссимуса. Кто-кто, а уж он-то знал им настоящую цену, периодически расстреливая свои «славные органы» чуть ли не поголовно. Но отрубленные щупальца монстра быстро отрастали, становясь еще длиннее и хватистее.

«Органы» дали тому же товарищу Сталину совершенно неверные предпосылки, данные и рекомендации в канун Корейской войны, в результате чего одна бригада американской морской пехоты взяла в плен

всю 400-тысячную армию бывшего советского капитана НКВД Володи Кима, известного в Корее под именем Ким-Ир-Сана.

«Органы» дали Хрущеву совершенно неверные данные относительно американской реакции на размещение боевых ракет на Кубе с любезного разрешения Фиделя Кастро, завербованного в свое время полковником КГБ Леоновым. В результате мир был поставлен на грань термоядерной катастрофы, а страна в очередной раз подверглась чудовищному унижению.

«Органы» дали Брежневу совершенно неверные данные и прогнозы относительно возможного исхода коалиционной войны трех арабских стран против Израиля в июне 1967 года, гарантируя разгром и уничтожение еврейского государства. Унизительный и полный разгром, которому подверглись Сирия, Египет и Иордания, выход израильских войск на побережье Суэцкого канала так ударил по престижу тогдашнего СССР, что единственным выходом оставалось лишь объявление глобальной войны мировому сионизму, где сокрушительное поражение Москвы было лишь вопросом времени.

«Органы» загнали Советскую армию в смертельную ловушку Афганских гор, где армия в течение десяти лет истекала кровью и в итоге была с позором, но с помпой выведена на родину.

И, конечно, никто в КГБ и бровью не повел, когда стал трещать и рушиться Советский Союз, безопасность которого они клялись охранять ценою собственной жизни в течение долгих 70 лет.

Никто не застрелился, никто не пошел штурмовать Кремль или хотя бы какой-нибудь захолустный

обком, где засели могильщики «мамы-КПСС». КГБ хранил тупое молчание, как будто все эти события его совершенно не касались.

Зато с восторгом все ударились в воспоминания, как на КГБ работал Эймс и целый батальон перевербованных агентов американских, английских, немецких и прочих секретных служб. Какие сведения они присылали в Москву! Как прекрасно было с ними работать!

КГБ знал все. В Белом Доме еще только начинали о чем-нибудь шептаться, а в Москве уже лежала полная стенограмма. Слушая весь этот бред самовосхваления, невольно создавалось впечатление, что развалились Соединенные Штаты и НАТО, а не Советский Союз и Варшавский пакт.

Но, увы, развалился именно Советский Союз, лопнув от раздувающих его амбиций, не выдержав давления изнутри, где КГБ давил все живое и разумное, и снаружи, откуда давил могучий стратегический противник, с которым некогда еще товарищ Сталин столь опрометчиво затеял глобальную конфронтацию.

СССР развалился, а КГБ остался, начав, как всегда с ним бывало в эпоху кризисов, стремительно менять названия: МГВДБ, ФСК, ФСБ, вместе с тем разжевывая и выплевывая одного за другим своих новых начальников, назначаемых Президентом страны. За последние четыре года таковых сменилось шесть.

А надо сказать, что за эти самые четыре года «чекистскому монстру» было чем заняться, если бы он вообще что-либо смыслил в государственной безопасности, которую объявил своей фиктивной профессией.

После развала СССР затрещала по швам и Россия. Из страны потоком вывозились остатки денег и ценностей, которые ушедшая со сцены коммунистическая партия объявила своей наследственной собственностью. Страну захлестывал вал преступности. Девятым валом катились по России политические и заказные убийства, явно управляемые из какого-то подпольного центра, где окопались бывшие сталинские «судебные тройки», приговаривавшие с былой легкостью к смерти всех мало-мальски толковых банкиров и предпринимателей. Всех, кто мог показать, что у России есть и другой путь развития, кроме рабовладельческого, почему-то именуемого «коммунистическим».

С крушением советской империи первым на глазах у всех стал гибнуть и разваливаться главный инструмент имперской внешней политики — Военно-Морской Флот. Не успел покойный СССР, как говорится, закрыть свои хищно-жадные глаза, как чьи-то заботливые руки тут же вывели из строя, разукомплектовали, разворовали и продали на слом практически все авианосцы, входившие в состав ВМФ СССР.

Практически достроенный новейший авианосец «Варяг» разделил печальную судьбу всех своих предшественников, носивших на борту столь же гордое имя: он был отрезан в Николаевском лимане, захвачен Украиной, разворован и предложен в качестве металлолома любому, кто способен выложить на бочку соответствующую сумму в американских долларах.

В бухтах Кольского полуострова и Дальнего Востока гнили брошенные экипажами атомные под-

водные лодки всех поколений, грозя стране новыми Чернобылями. Их настроили в немыслимом количестве, имея целью сокрушить Соединенные Штаты. Когда же получилось наоборот, то выяснилось, что без финансовой помощи тех же Соединенных Штатов эту армаду просто невозможно утилизировать.

Черноморский флот, блокированный в Севастополе, раздираемый на части украинскими амбициями стать великой морской державой, лишенный связи с Россией и ремонтной базы, медленно ржавел и разлагался под сенью памятника погибшим кораблям в Севастополе.

Балтийский флот, лишенный всех своих традиционных оперативных и ремонтных баз, загнанный, как при Петре 1, в тесные гавани Кронштадта, перестал вообще существовать как организованное боевое соединение.

Северный и Тихоокеанский флоты, имеющие очень слабую ремонтную и оперативную инфраструктуру, быстро превращались в огромное кладбище кораблей.

Замерли цеха и опустели стапеля мощных комплексов военного кораблестроения в Николаеве и Северодвинске.

В Петербурге некогда могучий Балтийский завод десятый год достраивал давно устаревший крейсер.

Подобный же кризис охватил и другие высокотехнологичные области промышленности, еще недавно заваливавшие страну и мир потоками самого разнообразного вооружения.

Более того, директора этих заводов, возомнившие себя на волне рыночной экономики полными хозяевами вверенных им производственных комплексов,

прикарманивали выделенные им из скудного бюджета страны средства для зарплаты рабочим, прокручивая эти деньги через систему сомнительных банков, хозяевами которых являлись они сами, вызывая глухое недовольство рабочих. Это глухое недовольство, вырастающее в яростный гнев рабочих и служащих, не получающих зарплаты в течение многих месяцев, умелой и старой коммунистической демагогией направлялось в сторону московского правительства, увеличивая социальную напряженность в стране до опасного предела.

Пока «красные директора», воспользовавшись «свободой хозяйственной деятельности», обворовывали рабочих, бывшие секретари сельских райкомов всех рангов, слившиеся, как в стаю, в так называемую «Аграрную партию», делали то же самое с несчастным российским крестьянством.

В начавшемся хаосе вместе с нефтью и газом, деньгами и ценностями из России мощным потоком началась так называемая «утечка мозгов».

На лозунге «Коммунизм — это будущее всего человечества» почивший СССР все свои ресурсы тратил на военные цели и, естественно, в ряде областей добился по крайней мере теоретических (а зачастую и практических) результатов, далеко опередивших все иностранные разработки и аналоги, повторив, не ведая этого, трагический путь нацистской Германии.

В свое время американцы выпотрошили из военной науки и техники Третьего Рейха все, что могли: от первых баллистических ракет и реактивных двигателей до бинарных боевых отравляющих веществ. Ныне наступила очередь поверженного СССР.

США и НАТО приобрели в России столь большой объем новых технологий, что НАТО учредило для их обработки специальную программу, в рамках которой организуется приглашение российских специалистов для классификации этих разработок в соответствии с европейскими и американскими стандартами и формирования предложений по их применению.

Приватизация огромного числа предприятий, входивших в оборонный комплекс нефте- и газодобычи, цветной металлургии, транспорта, связи, энергетики, расчленение на куски целых отраслей промышленности, включая авиационную и военно-космическую, привело к вынужденному рассекречиванию государственных и военных тайн и к полному обвалу былых железобетонных структур военно-полицейской империи.

Прибавим к этому, что еще СССР в своих великодержавных мечтах о мировом господстве потерял продовольственную независимость, поскольку в безумных ленинских планах русскому крестьянину не нашлось места в «светлом будущем», и он был безжалостно истреблен.

Прибавим это и воскликнем: «Горе побежденным!»

Интересную оценку всего случившегося дал адмирал Балтин, до недавнего времени командовавший Черноморским флотом России. Тот самый Балтин, который через Центральное телевидение обращался к президенту Украины Кучме и кричал, что не даст ни копейки арендной платы за стоянку вверенного ему флота на УКРАИНСКОЙ военно-морской базе в Севастополе. За что и был немедленно отстранен

от должности президентом Ельциным. Новый командующий, обращаясь к офицерам своего штаба в день вступления в должность, приветствовал их такими словами: «Всегда помните, что мы находимся на чужой территории».

Речь шла о Севастополе, чью принадлежность к России адмирал Балтин отстаивал до последней возможности. Адмирал считал и, честно говоря, его мнение трудно оспорить, что Россия уже вдребезги проиграла Третью мировую войну. «Речь идет о Третьей мировой войне, разразившейся и почти отгремевшей у нас на глазах,— утверждал командующий Черноморским флотом в своей статье “Третья Мировая?”.— Эта война была не классической, а, скорее, “бархатной”, ставшая таковой в силу вызвавших ее причин и условий, в которых она протекала. Физическим началом Третьей мировой войны стало разрушение Берлинской стены. И новая классическая мировая война — по форме, содержанию и методам ведения боевых действий — не разразилась только потому, что в классическом продолжении политики военными средствами не было ровно никакой необходимости. Было наступление, но не было должной обороны, ибо противник был настолько деморализован внутренними потрясениями, что и противником его в обычном понимании вряд ли можно было назвать... Результаты Третьей мировой войны превзошли все ожидания,— продолжал адмирал,— или все, что человечество знало до сих пор. Ни в одной из классических мировых войн не были практически бескровно достигнуты столь разительные успехи. Первый из них — достигнуты политические цели НАТО: социалистическая система с ее

некогда мощным военным и военно-промышленным потенциалом была полностью разгромлена. Второй — полная экономическая, политическая и военная зависимость России от Запада».

Адмиралу не хватило духа описать всю полноту той страшной картины, которая произошла, когда рухнул Советский Союз. Затрещала и стала рушиться по швам и сама Россия. Еще всем памятен знаменитый «парад суверенитетов» от независимого Татарстана до Уральской республики. Но этого не произошло, поскольку в президенте Ельцине внезапно проснулся политик типа кардинала Мазарини.

«Возьмите себе столько суверенитета, сколько способны проглотить», — предложил он бывшим секретарям обкомов, возомнивших себя самодержавными королями. Те проглотили, сколько могли, и остались с Россией. Страна, хоть и урезанная до царства Московского времен Иоанна Васильевича Грозного, уцелела при очередном страшном национальном катаклизме. И это тоже чудо, которое в митинговом вое осталось незамеченным.

И в таких условиях Россия со скрежетом и лязгом стала перебираться после 75-летнего перерыва из тоталитарного тупика на дорогу, по которой давно уже идут все страны цивилизованного мира.

Но не тут-то было!

Далеко не всем это оказалось по нраву. И прежде всего именно тем «органам», которые денно и ночью пеклись о безопасности государства.

После провала августовского путча и ареста председателя КГБ Владимира Крючкова вместе с несколькими крупными «чекистскими» генералами и после-

довавшего вслед за этими событиями запрещения КПСС с конфискацией ее имущества, многие «чекисты» были настолько потрясены всем случившимся, что предпочли уйти в подполье вместе с любимой партией.

Оставшиеся плача смотрели на то, как подъемный кран сдирает с постамента статую Дзержинского, охваченного за шею железным тросом, как при казни через повешение, что, как ни крути, а Железный Феликс вполне заслужил по совокупности своих политических и уголовных преступлений. Об этом даже товарищ Сталин как-то заметил Радеку: «Своей смертью умер, а надо бы повесить». Очень был недоволен Иосиф Виссарионович, что кровожадный шеф ЧК ушел от него на тот свет, так и не открыв тайны, куда девались миллиарды «партийных денег», которые они с Лениным семь лет высасывали вместе с кровью из оккупированной России.

Ушедшая в подполье коммунистическая партия вместе с частью своего боевого отряда успела еще раз ограбить страну до нитки, влив огромные суммы в западную экономику, а Россию еще раз поставив перед проблемой физического выживания.

Тяжело платил по счетам народ, ошибочно принявший когда-то багровые луны преисподней за зарю светлого будущего!

Ушедшие в тень чекисты организовали целую сеть криминальных и полукриминальных структур как легальных, так и полуполигальных, не говоря уже о подпольных и глубоко законспирированных. Среди последних особой известностью пользовалась состоящая из бывших офицеров КГБ тайная организация с характерным названием «Феликс», грозящая

пройтись по России с новой серией массовых убийств.

Те же, что предпочли остаться в своих кабинетах, как и прежде украшенных иезуитскими анфасами и профилями Феликса Дзержинского, явно не знали чем заняться, дублируя милицейские обязанности и скорее мешая милиции, чем помогая ей. В нескольких случаях дело уже начало доходить до перестрелок между сотрудниками МВД и бывшего КГБ с убитыми и ранеными, валяющимися на тротуаре в самом центре столицы.

Лишенные по Конституции права заниматься политическим сыском, «чекисты» изнывали от невозможности использовать столь богатый, накопленный за 75 лет, опыт борьбы с собственным народом, и постоянно доставляли себе удовольствие этим опытом блеснуть.

Полчища агентов, как и в былые времена, шли по пятам Валерии Новодворской, которая была объявлена особо опасной экстремистской. При этом наряженные в камуфляж фашистские молодчики местного «фюрера» Баркашова экстремистами не считались, поскольку добрая половина этого воинства числилась в резерве КГБ-ФСК и имела в карманах под свастикой непросроченные удостоверения родного ведомства.

Другой отдел «разрабатывал» двадцатилетнюю поэтессу Алину Витухновскую, более года просидевшую в тюрьме за два грамма подброшенных ей наркотиков.

Те же, кому по статусу было положено заниматься более серьезными делами, которые неоднократно объявляли сами себя «интеллектуальной элитой на-

ции», время от времени мелькая на телеэкранах, неумело пытаюсь придать своим лицам выражение «а ля Штирлиц», также оказались верны своим неувядаемым традициям, готовясь загнать государство, за чью безопасность они отвечали, в новую смертельную ловушку.

Набрав по подмосковным гарнизонам офицеров-наемников, с которыми расплачивались наличными прямо из кейсов, набитых деньгами, ФСБ спровоцировала чеченский конфликт и традиционно выдавала министру обороны генералу Грачеву такие прогнозы, рекомендации, аналитические разработки и оперативные данные, что наивный романтик Грачев искренне доложил Президенту, что для наведения порядка в Чечне ему необходимы два часа и один воздушно-десантный полк.

Данные ФСБ сводились к следующему:

1. Генерал Дудаев поддерживается едва ли десятой частью местного населения. В случае ввода в Чечню федеральных войск на территории республики произойдет всенародное антидудаевское восстание.

2. Вооруженные силы, которыми располагает Дудаев, не регулярны и не обучены и не смогут оказать никакого организованного сопротивления частям регулярной армии.

3. Многочисленное русское население Чечни создаст дополнительные предпосылки для быстрого и победоносного завершения операции.

Директор ФСБ Сергей Степашин, бывший пожарный политрук, назначенный на эту должность по причинам, известным только одному Президенту, возможно также искренне верил в данные, представленные его подчиненными, которые он доложил

Президенту на совещании Совета Безопасности. Традиция была соблюдена полностью. Так некогда «чекисты» убеждали Иосифа Виссарионовича, что первый же выстрел, который гитлеровцы осмелятся сделать по первому в мире «государству рабочих и крестьян» приведет к всенародному восстанию в Германии и мировая революция — мечта Ильича — произойдет автоматически.

Что произошло тогда — хорошо известно.

Не менее хорошо известно, что произошло сейчас.

Армия, терпя унижительные поражения, завязла в кровопролитных боях на собственной территории. Бои продолжаются уже скоро два года, а конца и края им не видно. Счет убитым солдатам давно никто не ведет, окружные госпиталия по всей стране переполнены ранеными, уничтожена инфраструктура одной из наиболее цветущих республик, входящих в состав России.

«Мы вляпались в Чечню», — со вздохом признал министр иностранных дел Андрей Козырев на втором году войны армии сверхдержавы с одним из малых народов собственного государства.

Когда же в итоге ожесточенных и кровавых боев зеленое знамя Свободного Волка взвилось на крыше помпезного здания бывшего горкома КПСС в городе Буденновске, полная несостоятельность собственной «спецслужбы» стала понятна и президенту Ельцину, который погнал с должности своего любимца Степашина.

Тут же начали муссироваться слухи: кто займет должность, которая за последние четыре года седьмой раз стан эвилась вакантной.

Кандидатов было много. В газетах замелькали

фамилии, хорошо известные по непримиримой борьбе с вольнодумством и свободой в Советском Союзе и по громким провалам на Западе.

В разгар плодотворной дискуссии, 11 июля 1995 года, неожиданно было объявлено, что президент Ельцин госпитализирован в связи, как говорилось в официальном сообщении, «обострением ишемической болезни сердца». Все это произошло так неожиданно, что некоторые западные радиостанции, ссылаясь на свои анонимные источники в Москве, объявили, что Борис Ельцин внезапно скончался.

В России же все ломали головы над значением слова «ишемический», пытаясь связать его с известными президентскими слабостями.

А буквально накануне, 7 июля, газета «Комсомольская правда» опубликовала статью под громким заголовком «Убить Черномырдина!»

Премьер-министр России Черномырдин считался вторым лицом в государстве, осмеливающимся даже вступать в пререкания с самим генералом Коржаковым!

В статье говорилось следующее:

«В 1991 году группа офицеров КГБ и ГРУ, опасаясь планомерного разрушения их спецслужб демократическими властями, создала свою секретную группу под названием “Феликс”. Со времен снятия своего чугунного тезки с постаментов на Лубянской площади задачи группы “Феликс” не менялись. Своим долгом они считают подготовку общественного мнения к резкой смене российского курса, а также физическое устранение продажных политиков из числа высших руководителей страны».

«По нашим данным,— сообщил корреспондент газеты, которая, превратившись в абсолютно “желтую”, продолжала носить свое название “Комсомолка” и все старорежимные ордена,— группа “Феликс»” (или, как ее еще называют, спецотдел “Ф”) объединяет в своих рядах свыше 60 офицеров спецслужб в звании от майора до полковника. Возглавляет спецотдел генерал. Большинство сотрудников приписаны к другим ведомствам, включая коммерческие банки и исследовательские учреждения. Часть группы в советское время служила в Управлении “А»” ПГУ КГБ СССР, которое отрабатывало активные действия на территории иностранных государств. Проще говоря, диверсии и теракты в отношении руководства стран вероятных противников Советского Союза. В качестве арены для упражнений в обработке массового сознания группа избрала тему транзита наркотиков через границы России. В феврале этого года с ее подачи в Думе, правительственных кругах и редакциях газет появилась брошюра “Международная контрабанда наркотиков и бывший СССР”. В ней, как и в серии последующих публикаций в газетах “Сегодня” и “Завтра” (не правда ли, интересное сочетание?), констатировалось увязание экономических и политических элит новых республик в международном наркобизнесе. Говорилось там и об уникальности России и СНГ как объекта для вложения и отмывания грязных денег. По сведениям из надежных источников, председатель правления одного из крупнейших отечественных банков во время визита в Англию встречался и вел переговоры с колумбийскими наркобаронами».

«После разгрома Чечни как вариантного (?!) центра наркобизнеса в России, группа “Феликс” предлагает обратить внимание спецслужб и войск (!) на Азербайджан и Прибалтику (в особенности это касается Эстонии) как на пункты неконтролируемого транзита наркотиков в Европу. Офицеры группы обращались по этому вопросу и во вновь образованные силовые ведомства. Их встречи с руководителями Службы Безопасности президента и Главного Управления Охраны регулярно проходят и по сию пору. К сожалению, нынешние генералы спецслужб не очень восприимчивы к стратегическим выкладкам и упорно путают Латвию с Литвой. Публикация этой брошюры под псевдонимом Иван Иванов, по словам анонимного представителя группы “Феликс”, являлась предварительным мероприятием перед следующим шагом — созданием эскадронов смерти. “Если в течение этого года,— посулил аноним,— не будет предпринято реальных мер по прекращению развала государства, его силовых структур, если не будут приняты меры по борьбе с чиновниками и банкирами, выполняющими преступные западные заказы, из обломков спецслужб возникнут отечественные эскадроны смерти. Они возьмут на себя миссию физической ликвидации инициаторов разрушительных процессов. Это в первую очередь премьер Черномырдин. Затем московская группа во главе с Филиппом Денисовичем Бобковым (в прошлом 1-й зампред КГБ СССР). Уничтожению подлежат и люди, которых он контролирует: мэр Москвы Лужков, руководители Мост-Банка Гусинский и Поляков. Это могут быть и журналисты, которые известны с определенной стороны: Минкин, Киселев и Караулов”».

Все обратили внимание, что аноним-террорист единственно кого почтительно назвал по имени-отчеству, так это генерала армии КГБ Бобкова, который, числясь в помощниках банкира Гусинского, вместе с тем входил в состав ЦК компартии товарища Зюганова, которая разрасталась как чертополох под солнцем свободы и демократии.

Раздражение анонимного офицера, если выражаться мягко, было вполне понятно. В совсем недавние времена именно Управление «А» ПГУ КГБ само занималось транзитом наркотиков в США и Европу, создав перевалочные базы, которые и не снились никаким колумбийским картелям.

Баз было три. Одна находилась на Кубе под личным патронажем товарища Фиделя Кастро, вторая — в Северной Корее и третья — в Таджикистане. «Наркотики для диктатуры пролетариата» производились промышленным способом, что в условиях сверхсекретности и глобальной закрытости во всех трех указанных странах осуществлялось чрезвычайно легко. Было найдено и идеологическое обоснование подобной деятельности — дестабилизация буржуазного общества и разрушение его изнутри. Но при этом перестарались и вместо буржуазного общества разрушили собственное, а теперь выли от злости и пытались потрясти кого-то разоблачениями и угрозами. Но никто и глазом не моргнул. В условиях свободы печати, гласности и открытости нужны были другие методы, но бывший КГБ еще не переучился, дойдя всего лишь до уровня «эскадронов смерти», изобретенных междуусобными войнами в Латинской Америке.

Но зато великолепно вырисовывались альтерна-

тивы, стоявшие перед Россией: в случае поворота на обратный курс превратиться в Северную Корею, в случае движения вперед — в типичную латиноамериканскую страну с поправкой на климат и некоторые национальные особенности: с диким местным патриотизмом, шумными карнавалами по случаю 100-летней годовщины какой-нибудь очередной победы генерала Буливар в войне за независимость, с постоянными вооруженными конфликтами на окраинах за контроль над наркотическими тропами и нефтяными полями, со всенародной подпиской на строительство нового эскадренного миноносца для «Армадо Национале», со злобными проклятиями в адрес североамериканских «гринго», чьи деньги не позволяли стране давно умереть с голоду или опуститься до первобытного существования.

* * *

Россия продолжала идти по дороге вперед.

Президент лежал в больнице. Поговаривали, что он слишком шумно отметил четвертую годовщину своего президентства и занемог.

Федеральная Служба Безопасности оставалась без директора.

В Чечне шли «мирные переговоры», за которые посадил обе стороны Шамиль Басаев своим дерзким рейдом на Буденновск. Став в России не менее популярным, чем в родной Ичкерии, Басаев охотно раздавал интервью российским и иностранным журналистам, нисколько не беспокоясь, что против него российская прокуратура возбудила уголовное дело и объявило всероссийский розыск. В интервью корреспонденту радио «Свобода» из Чечни Корти ичкерий-

ский генерал клялся, что у него есть радиоактивное, бактериологическое и бинарное оружие, которое он не задумываясь применит в Москве, если Кремль не оставит Чечню в покое.

В Государственной Думе обсуждался вопрос об «импичменте» Президенту, лежащему в больнице. Свалить президента стало для «думцев» делом чести, доблести и геройства. Никаким законотворчеством Дума заниматься не желала, охваченная жаждой мести за расстрел из танков своих незадачливых предшественников в октябре 1993 года, хотя ни один депутат не был тогда не только убит, но и поцарапан.

Неприятную для Президента процедуру прервал его верный шут Жириновский. Выступив в Думе, «главный либерал страны» указал, что согласно КЗОТу человек, находящийся в больнице, не может быть отстранен от должности.

А исполняющая обязанности председателя Центробанка Галина Парамонова отправилась набираться ума-разума в Израиль.

Знаменитый еще совсем недавно «генерал» Дима Якубовский седьмой месяц коротал время на нарах петербургских «Крестов» по обвинению в краже рукописей из Публичной библиотеки. Его патрон Владимир Шумейко еще председательствовал в Совете Федерации и занимался большой политикой, уверяя, что абхазский лидер Ардзинба такой же преступник, что и генерал Дудаев, с той лишь разницей, что на него не объявлен розыск.

Необходимо было исправлять очередную глупость. Совсем недавно, убоявшись решительных действий грузинского президента Гамсахурдия, Москва отколола от Грузии Абхазию, чтобы хоть немножко

увеличить доступ к побережью Черного моря. Теперь, когда Гамсахурдия удалось свергнуть и ликвидировать, а в Тбилиси восседал старый друг Шеварднадзе, встал вопрос о возвращении Абхазии обратно в лоно Грузии. Но вошедший во вкус независимости Ардзинба и слушать ничего не хотел, ставя Москву в совершенно идиотское положение, особенно с учетом того факта, что будущий нефтепровод из Баку должен был идти через территорию Грузии.

Пока Шумейко думал о государственных интересах России, находясь в Баку и делая в высшей степени странные заявления, а Президент лежал в больнице, знаменитый певец Иосиф Кобзон выступил с сенсационным заявлением перед американскими корреспондентами.

Певец объявил, что у него есть точные данные о том, что президент Ельцин официально усыновил начальника своей охраны генерала Александра Коржакова. «Я не присутствовал при этом акте,— признался Иосиф Кобзон, о котором уже давно ходила молва, что он является одним из ведущих «крестных отцов» российской и международной мафии,— но у меня есть такие сведения. Мне не хотелось бы называть тех официальных лиц, которые подтвердили этот факт. А что в этом постыдного? Во-первых, ТАМ очень много родственных наслоений. Скажем, дочка Коржакова замужем за сыном Барсукова. А в связи с тем, что Коржаков был круглым сиротой, наш президент его усыновил. Я не вижу в этом ничего такого».

Перейдя от дел государственных к личным, Кобзон скромно признался, что вынужден прибегать к помощи криминальных структур, ибо «нет ни одной

коммерческой организации на сегодняшний день, которая партнерски не была бы защищена криминальными элементами».

Знаменитый певец явно скромничал, не упоминая, что стал наследником очень крупного бизнеса. Дело это начал еще в 1990 году некий Виктор Коен, наладивший выезд на запад по фальшивым еврейским документам. В 1991 году Коен был убит двумя выстрелами в грудь и контрольным выстрелом в голову. Его преемник Отари Конторошвили был застрелен в Москве при выходе из бани в апреле 1994 года. Следующим стал Сергей Тимофеев, но его уже в октябре 1994 года взорвали в собственном «Мерседесе», и делом занялись Кобзон с Колмановичем. Колманович считался израильским гражданином и даже успел отсидеть там 10 лет за шпионаж в пользу СССР. Вместе с Кобзоном они наладили в Израиле, Европе и, наконец, в США целую сеть антикварных и парфюмерных магазинов с одинаковым названием «Лиад и Натали». Лиад была дочкой Колмановича, а Натали — дочкой Кобзона. Отвечая на этот вопрос, знаменитый певец скромно улыбнулся и сообщил, что его дочь Наталья наконец-то получила возможность продолжить образование в Америке, куда ее совсем недавно отказывались впустить вместе с ним.

А между тем, в стране и мире росло недоумение и беспокойство: где президент Ельцин и что с ним? Рождались и умирали самые невероятные спекуляции. Когда ворота Центральной Клинической больницы закрылись за большой черной машиной с тонированными окнами, где якобы находился Прези-

дент, никто его больше не видел и ничего о нем не слышал, если не считать сбивчивых объяснений помощников, хотя по их растерянными лицам и бегавшим глазкам было ясно, что и они сами ничего толком не знают.

По Москве прошел слух, что группа «Феликс» начала действовать, но решила первым уничтожить не Черномырдина, а самого Президента. Ельцин тяжело ранен, врачи борются за его жизнь. Масла в огонь подлил американский Белый Дом, официально выразив свою озабоченность относительно состояния здоровья Президента России. В переводе с дипломатического языка на человеческий это означало: «Да скажите вы что-нибудь определенное относительно вашего президента. Хотя бы жив он или нет?!»

Демократическая пресса с тревогой отмечала, что по подобному сценарию в России может произойти государственный переворот. Объявят, что Борис Ельцин с очередным приступом отправлен в больницу, а страной (и ядерной кнопкой) будет управлять начальник охраны или кремлевский комендант.

18 июля всем слухам и спекуляциям был положен конец.

Президента показали по телевидению прямо из больничной палаты. Борис Николаевич выглядел, надо сказать, неважно, но был полон оптимизма. Признав, что у него был «сердечный приступ», Президент сообщил, что полностью восстановился и вскоре собирается начать играть в свой любимый теннис. Он уже начал заниматься государственными делами в рамках времени, установленного лечащими врачами. В этом скоро все могли убедиться, поскольку комендант Кремля Барсуков был произведен

в генерал-полковники, а любимец Ельцина Шахрай назначен куратором Министерства Иностранных Дел и Внешней разведки. По Москве пошел упорный слух, что именно Барсуков будет назначен новым шефом ФСБ.

Пока пресса судила и рядила, что можно ожидать от нового (седьмого за четыре года и 24-го, считая от Феликса Дзержинского) шефа тайной политической полиции, на территории специального Дома Отдыха Управделами президента был убит вместе с телохранителями президент банка «Югорский» Олег Кантор — один из крупнейших банкиров России. Сам Кантор был найден в фойе снятого им роскошного особняка с многочисленными ножевыми ранами и вспоротым животом, а его телохранитель — на дорожке парка с пулей в затылке и перерезанным горлом, но с зажатым в руке пистолетом ТТ. Подобные случаи уже никого особенно не волновали и рассматривались как нечто само собой разумеющееся. Раз ты такой смелый, что пошел в банкиры, то получай сполна, ибо как класс ты уже был полностью уничтожен еще в начале 1919 года. Уничтожен и ограблен. Никто уже также не сомневался и в том, что убийц никогда не найдут.

Никто их и не искал.

ФСБ, все еще не имеющая официального руководителя, неожиданно высадила десант своих оперативников во Владивостоке. Оперативники ворвались в кабинет начальника местной налоговой полиции генерала Александра Бондаренко, надели на него наручники, запихали в самолет и доставили в Москву, точнее — в Лефортово. Никаких объяснений по этому случаю дано не было.

В Москву самостоятельно и без наручников прибыл несчастный свергнутый президент Крыма Юрий Мешков. Он был уверен, что его отравили, как короля Людовика X.

В Узбекистане президент Каримов, который был гораздо умнее бывшего президента Крыма, инсценировал сам на себя покушение. Все покушавшиеся были схвачены на месте преступления, и узбекский народ еще теснее сплотился вокруг своего любимого вождя.

Между тем продолжались давно зашедшие в тупик мирные переговоры в Чечне. Стороны, посаженные за стол переговоров Шамилем Басаевым, явно не слышали друг друга. Руководитель российской делегации Михайлов, сменивший обанкротившегося Егорова в кресле министра по делам национальностей, мычал что-то невразумительное, а его помощник, снова всплывший на поверхность после путча 1993 года Аркадий Вольский, тайно встречался с самим генералом Дудаевым, предлагая ему два миллиона долларов откупных и бесплатный авиабилет в Иорданию. Дудаев отказался, а Вольский, вернувшийся в Грозный в самом лучшем настроении, на вопрос корреспондента «Останется ли Чечня в составе России?» со смехом ответил: «А куда она денется?»

Эта легкомысленная реплика председателя Ассоциации промышленников и предпринимателей, каким ныне считался бывший фаворит Юрия Андропова, чуть не сорвала переговоры. Чеченская делегация заявила протест, ее руководитель Имаев заметил, что Вольскому за такие шутки неплохо бы дать, по мусульманскому обычаю, 40 палок. Переговоры были прерваны «по техническим причинам».

Если на переговорах в Грозном откровенно забыли, что у России есть Президент, состояние здоровья которого так и не было толком никому известно, то Ельцин сам напомнил о себе, позвонив из больницы в столицу Чечни и выразив неудовольствие «куступчивостью российской стороны».

В столице Чечни продолжали греметь выстрелы.

В Москве же, напротив, гремели овации. В огромном спорткомплексе московского района Измайлово собрался учредительный съезд новой политической партии «Наш Дом Россия». Здание было оцеплено ОМОНОм, поскольку новая политическая партия была правительственной и возглавлялась самим премьером Черномырдиным. Близились выборы в Думу, а там — и президентские, и какому-то умнику в Кремле пришлось в голову создать в России двухпартийную систему. Совсем как в Америке. Одна должна была быть партией власти, возглавляемая премьером, а вторая — карманно-оппозиционной во главе со спикером Думы Иваном Рыбкиным, сбежавшим из вонючего коммунистического болота под сень державной власти двухглавого орла.

Глобальный план создания двухпартийной системы предполагал отсечь от проникновения в Думу и коридоры исполнительной власти всевозможных экстремистов, которыми вполне справедливо считались ныне коммунисты и жириновцы. Движение, возглавляемое Виктором Черномырдиным, сразу назвали «партией власти», а официальное название партии «Наш Дом Россия» остряки тут же перефразировали в «Наш Дом Газпром».

Эту красивую идею первым пытался воплотить еще Сергей Шахрай, создавший два года назад Пар-

тию Российского Единства и Согласия (ПРЕС). Но Шахрай, как говорится, не вышел калибром, и его партия оказалась мертворожденной. Поэтому премьер Черномырдин, не мудрствуя лукаво, списал программу с Шахрая, а его самого — первого в истории вице-преьера без портфеля — прикрыл от президентского гнева за неудачные политические эксперименты за казенный счет. Все это тут же породило интригу, что премьер создает свою партию для борьбы с президентом Ельциным.

Пока российские власти, как всегда медленно и с лязгом, готовили себя к грядущим выборам, неуловимый генерал Дудаев выступил по чеченскому телевизионному каналу, который почему-то все называли подпольным, хотя он отключал и забивал все государственные каналы.

Мятежный генерал заявил, что идущие в Грозном переговоры ни к чему не приведут, «поскольку попали в руки крохоборов». Он поклялся, что никто больше «не затаяет Чечню обратно в российское стойло».

«Есть и другие страны,— отметил президент Чечни,— которые построят новые дома из белого камня и новые дороги в республике Ичкерия».

24 июля президент Ельцин, наконец, выписался из больницы и был отправлен на реабилитацию в Барвиху.

В тот же день Президент специальным указом назначил директором Федеральной Службы Безопасности РФ генерал-полковника Михаила Барсукова. Слухи об этом ходили давно, но буквально накану-

не их опроверг сам генерал Барсуков, выразив «искреннее удивление подобным слухам». А пресс-секретарь Ельцина Сергей Медведев не менее искренне уверял прессу, что в канцелярии Президента такого указа нет.

Назначение главного кремлевского охранника главным «чекистом» страны Лубянка встретила настороженно и с явными признаками недовольства. Некий крупный «чекист», естественно, пожелавший остаться неизвестным, прокомментировал назначение Барсукова следующим образом:

«Для нас слишком наглядна судьба известной группы “Альфа”, которая еще не так давно была самым боевым антитеррористическим подразделением госбезопасности, а после перевода в подчинение Барсукова превратилась в команду для держания зонтика над президентом». Аноним высказал опасение, что и всю Лубянку вскоре перекавалифицируют на держание зонтиков. То есть заставят заниматься хоть чем-то полезным.

Барсуков, одетый в безукоризненный гражданский костюм, прибыл в новый корпус ФСБ (так называемый дом № 1, расположенный через дорогу от «желтого» дома), осмотрел свой кабинет и остался им явно доволен. Еще большее удовольствие он получил от обращения новых коллег «товарищ директор» и от развешенных повсюду портретов Дзержинского.

Первым приказом нового директора был приказ резко ограничить общение с прессой. Контрразведка все-таки, а не частная лавочка!

По странному стечению обстоятельств новое назначение генерала Барсукова совпало по времени

с похоронами одного из недавних предшественников — генерала Виктора Баранникова.

21 июля 1995 года генерал сидел на веранде вышеупомянутой дачи и читал газету «Завтра» (так стал называться запрещенный после октябрьского путча «День»), где разъяснялось, что стрельбу по людям на площади и по зданию мэрии вели не подчиненные Баранникова, а израильские десантники, специально приглашенные для этой цели президентом Ельциным, поскольку вся русская армия отказалась ему подчиняться.

После прочтения столь ужасного откровения в своей любимой газете у Баранникова случился удар. Прибежавшая жена нашла его уже мертвым.

Никто не ценит демократических времен! Что бы было с генералом Баранниковым в те времена, в которые он, опомнившись, пытался оттянуть Россию? Кто помнит, оставили ли дачи, или как хоронили Ягodu, Ежова, Берия, Абакумова или хотя бы Шурика Шелепина?

Ныне же все было по-другому. Пышно убранный гроб почившего генерала был выставлен в траурном зале Центральной Клинической больницы, откуда только что выписался президент Ельцин.

Сразу же после окончания траурной церемонии генерала повезли на Ваганьковское кладбище, где под гром винтовочного салюта почетного караула генерала Баранникова предали земле. Он, видимо, до конца своих дней так и не понял, что стал жертвой того самого монстра, которым пробовал управлять, но был съеден им и выплюнут, как и все его предшественники без всяких исключений.

Теперь у пасти монстра начал манипулировать

генерал Барсуков, будучи таким же чужаком, как милиционер Баранников и пожарный Степашин.

На место выгнанных генерал Барсуков вернул на работу проверенные кадры, включая знаменитого генерала армии Виктора Чебрикова, отягощенного многими годами службы в высших эшелонах КГБ и даже одно время бывшего кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

В 1968 году с должности Управления кадрами КГБ генерал Чебриков перешел в первые заместители Юрия Андропова, а с 1982 по 1988 годы, пережив своего ушедшего в генсеки шефа, Чебриков занимал пост председателя КГБ, доведя эту организацию до полного разложения и развала.

До барсуковского приглашения генерал армии возглавлял «Совет ветеранов НКВД-КГБ», где хором пели Гимн Советского Союза, клялись в вечной преданности покойной родительнице КПСС и интересовались у генерала Чебрикова, когда он поведет их на свержение антинародного режима, окопавшегося в Кремле.

Однако генерал Чебриков предпочел сам перейти на службу антинародному режиму, видимо, чтобы получить добавку к пенсии. Жизнь в России всегда была тяжелой, как заметил один поэт, но, к счастью, всегда короткой.

Чекисты привыкли получать генеральские звезды и ордена за сам факт присутствия на рабочем месте. То, что ЧК проснулась, все вскоре поняли, поскольку было возбуждено очередное уголовное дело против Валерии Новодворской.

Раньше лихая русская правозащитница постоянно привлекалась к уголовной ответственности по

знаменитой 70-й статье УК РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда». Ныне эта статья была отменена и Валерию Ильиничну привлекли за разжигание межнациональной розни. При этом обвинение было сформулировано таким образом, что создавалось впечатление о ФСБ не как об организации, а как о каком-то малом народе, на который Новодворская натравливает все остальные национальности России.

А между тем в Москве был убит вместе со своей секретаршей крупнейший банкир и предприниматель России Иван Кивилиди. Следствие заявило, что они были отравлены с помощью специального... телефона.

Во Владивостоке был взорван в машине вместе с семилетней дочерью крупный предприниматель Шарыгин.

В Ульяновске выстрелами в упор был убит координатор системы коммерческих банков Девятых.

Заместитель президента «Логоваза» Гафт погиб, выпав из окна собственной квартиры.

Известный московский публицист Александр Минкин таким образом комментировал все эти события:

«Всякое политическое убийство, всякое заказное убийство только выглядит убийством. На самом деле это казнь. Кто-то вынес приговор, кто-то исполнил».

В то же время против Валерии Новодворской открыли еще одно дело — за подстрекательство к терроризму. Так были истолкованы ее призывы прекратить безумную войну в Чечне.

В это время Президент появился в Кремле, несколько бледноватый, но излучающий энергию. Сразу

же пошел слух, что Президент собирается выгнать со своих постов министра иностранных дел Андрея Козырева, чьи обязанности в последнее время честно выполнял министр обороны Грачев, и главу своей администрации Сергея Филатова. Обоих за «развал работы» во вверенных им ведомствах и «слизнявый либерализм».

А тем временем обстановка в Чечне, где продолжались переговоры о мире, принимала формы совершенно гротескные. В ответ на неоднократные требования российской стороны выдать на суд и расправу террориста Басаева, опозорившего всю российскую Службу Безопасности в Буденновске, генерал Дудаев обнарудовал свой указ следующего содержания:

«Личный состав разведывательного батальона смертников полковника Басаева навечно зачислить в списки сынов и дочерей Ичкерии».

Начавшийся процесс разоружения «бандформирований», на котором категорически настаивала российская сторона, вылился, по настоянию чеченской стороны, в процедуру выкупа оружия у населения. Выглядело это так. Чеченец на любом блок-посту покупал автомат Калашникова за 50-75 тысяч рублей, а то и за пару бутылок водки. Затем он нес этот автомат представителю российского командования, которое выкупало этот автомат за 1 миллион 200 тысяч рублей. Обе стороны погрязли в этом прекрасном бизнесе, не прекращая, впрочем, ночных перестрелок.

В разгар переговоров, которые вели друг с другом командующий объединенной группировкой федеральных войск генерал-лейтенант Романов и начальник штаба вооруженных сил Ичкерии дивизион-

ный генерал Масхадов, ходившие чуть ли не в обнимку и обращавшиеся друг к другу на «ты», отряд полевого командира Хамсадова захватил Аргун. Друзья-генералы быстро уладили скандал и убедили Хамсадова уйти в горы, хотя тот уверял, что Дудаев назначил его комендантом города, и что он действует в рамках достигнутого соглашения.

Присматриваясь ко всем этим делам, президент Ельцин назначил своим заместителем по Чечне секретаря Совета Безопасности Олега Лобова, чье имя стало особенно популярным в стране после газовой атаки в токийском метро, когда выяснилось, что именно Лобов предоставил в России полную свободу действий для японской религиозно-террористической организации «Аум Сенрике».

Пока Лобов, обуреваемый мрачными предчувствиями, собирался в Чечню, в Петербург прибыл Жириновский. Пообещав снять с должности мэра города, «либерал» побывал в Кронштадте, где открыл кафе «У Жириновского» и пообещал снять с должности главу местной администрации, а затем в Ольгино собрал VI съезд ЛДПР. Выступая на съезде, вождь либералов сообщил о готовящемся в стране военном перевороте с целью сорвать выборы в Думу. Собравшиеся на съезд, среди которых было много офицеров в форме ФСБ, МВД и армии, стоя аплодировали своему фюреру.

А сотрудники ФСБ в Москве сняли прямо с самолета, вылетающего в Италию, Валерию Новодворскую. Ей был запрещен выезд за границу, поскольку против нее было открыто уголовное дело сразу теперь уже по трем статьям, включая уклонение от военной службы.

А неукротимый генерал Барсуков продолжал сражаться с вверенным ему монстром государственной безопасности. Проведя первые совещания, бывший комендант Кремля подписал приказ о сокращении более чем тридцати генеральских должностей и снижении должностных категорий практически во всех управлениях центрального аппарата ФСБ.

Монстр заворчал, раздраженно перебирая щупальцами, не суля новому шефу ничего хорошего.

«Новый директор ФСБ,— отреагировал на мероприятия Барсукова один из лубяньских кротов,— либо через год будет снят, либо через два года — посажен».

Однако об этом генерал Барсуков не думал. А думал он о былой славе вверенного ему ведомства, а вся эта слава покоилась на мифах о разведчиках, работающих в глубоких тылах потенциальных противников. А так как противником считался весь остальной мир, то и слава была соответственно глобальной, особенно если ее оценивать не по документам, а по художественным фильмам и беллетристике. Какую-нибудь славу, основанную на деятельности «органов» внутри страны, создать было трудно, поскольку океан крови даже теоретически не годился в постаменты для памятника Славы.

Беда заключалась в том, что после развала КГБ президент Ельцин отодрал с чекистского ведомства так называемое ПГУ — Первое Главное Управление, преобразовав его в Службу Внешней Разведки, назначив командовать этой службой академика Евгения Примакова — личность странную во всех отношениях,— а главное — никогда официально не служившего в КГБ.

С подобной несправедливостью генерал Барсуков

мириться не собирался, а напротив, собирался справедливость восстановить. Генерал утвердил план создания нового управления в составе ФСБ, дав ему пока условное название — Координационного — и даже присмотрев нового начальника — генерал-майора Рыжова. Правда, Рыжов почти всю свою жизнь проработал в 7-м Управлении КГБ, занимавшемся наружным наблюдением, но зато в помощники ему Барсуков наметил бывшего сотрудника ПГУ Павлова, известного тем, что некогда работал с самим полковником Гордиевским, оказавшимся английским шпионом. Действительно, все приходилось начинать с нуля, чтобы снова отрастить достаточно длинные руки и сомкнуть их на ненавистном горле американского империализма.

Где-то в недрах адмиральских сейфов до сих пор лежали совершенно секретные документы с оперативными планами захвата советской морской пехотой Алеутских и Гавайских островов, стратегических высадок в Калифорнии и на Аляске, как и предусмотрено наукой о морской мощи.

Увы, морской пехоте Тихоокеанского флота пришлось получить боевое крещение в Чечне, где не только моря, но и путевой речки не было. А десантные корабли если и использовались, то лишь для контрабандной доставки чеченцам оружия, которое грузилось в Новороссийске и разгружалось в Батуми.

Американцы могли быть довольны. Стальной вектор неумемной российской агрессивности после развала Союза удалось повернуть внутрь. Проиграв борьбу за мировую гегемонию, Россия втянулась в ожесточенную войну за гегемонию хотя бы на остатках своей территории.

А в Москве президент Ельцин встречался с президентом Шаймиевым по случаю очередной годовщины суверенитета Татарстана, где дело в свое время не кончилось столь же печально, как и в Чечне.

Но с бывшим 1-м секретарем ЦК Компартии Татарстана удалось договориться в рамках партийной дисциплины. Поздно вспомнили, что практически вся российская нефть попала в руки потенциальных исламских или фактически уже исламских стран: Азербайджана, Чечни, Татарстана и Башкирии.

Захваченные чеченцами в плен российские солдаты, как и в Афганистане, охотно переходят в ислам и демонстративно совершают намаз перед камерами тележурналистов. Принять ислам склоняют и захваченных в Афганистане российских летчиков. Они везли оружие в Кабул, но по пути их самолет был перехвачен истребителем оппозиционной группировки Талибан. Управлял истребителем афганский подполковник, окончивший в России летное училище. Все попытки освободить пилотов ни к чему не привели. Руководство талибов не желало ничего знать о международном праве.

Но и христианские страны трясет нестабильность. В православной Грузии совершено покушение на лучшего друга России и личного друга президента Ельцина еще по горбачевскому политбюро — Эдуарда Шеварднадзе.

Те, кто хотя бы в глубине души мечтал о том, что Россия «чайкой белокрылой» перелетит с тоталитарно-коммунистической тупиковой дороги, по которой она самозабвенно маршировала в течение 75 лет, на широкую и прекрасную автостраду цивилизованного и демократического пути и помчится по

этому пути «птицей-тройкой», обгоняя другие народы и государства, вынужден был признать, что жестоко ошибался.

Россия не перелетела на новый путь, а пыталась доползти до него, ежеминутно стараясь при этом погрузиться в бездонную топь своего героического прошлого. Ее вытаскивали за волосы на поверхность щедрыми западными кредитами, безвозмездными пожертвованиями, бодрящими инъекциями международного валютного фонда. Все развитые западные страны ввели у себя негласный налог на спасение России.

От Москвы до самых до окраин продовольственные и промтоварные магазины ломились от заморских товаров. Такого изобилия страна не знала со времен царствования Николая II. Страна наслаждалась абсолютной свободой слова, собраний, печати — как никогда в своей кровавой истории. Расцветала пресса и издательское дело, несмотря на постоянные жалобы об отсутствии денег. Впервые в своей истории народ распрямлялся с колен, не опасаясь выражать свои мысли вслух. Очнувшись от почти векового оцепенения на нарах казарменного социализма, люди пытались заняться тем, что им по душе, читать то, что им хочется, и, наконец, жить не боясь ничего. В стране была узаконена частная собственность, худо-бедно шла приватизация всего: от квартир до мощных промышленных комплексов.

Рабы получили свободу в конце XX-го века. Испуганно озираясь, они осторожно выходили за колючую проволоку, страшась неведомого будущего, к которому ни один из них не был приспособлен. А в зоне гарантированно кормили три раза в

день. Пусть голодно и невкусно, пусть одной баландой, но кормили. А тут заставили добывать пропитание самостоятельно.

А многие и не пытались, и не могли, и не желали, как говорится, «глотнуть воздуха свободы». Они состарились при коммунистическом режиме. Их юность пришлась на каторгу и ужас сталинских преступных экспериментов и на мясорубку Отечественной войны. Они стали взрослыми в послевоенной разрухе, где не полагалось ни мыслить, ни разговаривать, а только работать за нищенскую зарплату. И они работали честно, не заметив, как наступила старость. Развал страны, переход к рыночной экономике и, как следствие этого, резкий спад производства и чудовищная инфляция привели к тому, что все их накопления превратились в пыль, а пенсии, непонятно как пересчитанные, к тому же еще и не выплачивались. А работать уже не было сил. А государству было не до них. Гнусные мошенники, воспользовавшись их отчаянным положением, высосали у стариков с помощью нехитрых приемов последние копейки, не оставив ветеранам даже права на отдельную могилу. Естественно, что у этой категории населения началась острейшая ностальгия по прошлому, где колбаса стоила 2 рубля, хотя самой колбасы не было и в помине.

Этим умело воспользовались, и над страной снова начало подниматься багровое зарево самой страшной чумы XX века — коммунизма. К тому же теперь оно стало более коричневым, чем красным.

Как вши внезапно появляются на теле больного человека, так и коммунисты снова забегали по телу измученной России, всеми силами стараясь вернуть

ее в ту трясиину, из которой страна отчаянно пыталась выбраться.

С первого дня прихода к власти президента Ельцина и декларации Россией незыблемости основных демократических свобод, в стране начал проводиться глобальный САБОТАЖ, быстро принимая формы широкого и разветвленного антигосударственного заговора. Коммунисты отлично умели пользоваться демократическими свободами для уничтожения демократии.

Сначала ставка была сделана на военный переворот, который провалился в августе 1991 года. Затем старый Верховный Совет пытался утащить Россию обратно в красное болото, по-ленински подготовив вооруженное восстание, подавленное танками.

И тогда компартия перешла к саботажу. Он, как мы уже отмечали, был глобальным и многослойным. Саботировались и не выполнялись правительственные и президентские указы и распоряжения. Законотворческая деятельность Думы была парализована, глава государства откровенно снабжался дезинформацией.

Каждый шаг вперед по пути реформ приводил к потрясениям. Создавалось впечатление, что вся страна окутана сетью диверсионных банд.

— Почему вы не платите нам зарплату? — спрашивали рабочие «красных» директоров. — Ведь президент прислал деньги.

— Вот идите к президенту, пусть он вам и платит, — отвечали «красные» директора, давно истратившие президентские деньги на свои «мерседесы» и особняки.

Даже армия стонала без денег, и солдаты в мир-

ное время умирали голода, а вокруг гарнизонов вырастали целые города генеральских дач и дач их родственников, построенные голодными и оборванными солдатами за их же собственный счет. Бессмертный лозунг Ленина «Грабь награбленное!» сменился ныне новым «Грабь ограбленных!»

И в итоге саботажникам удалось спровоцировать войну в Чечне.

ЧТО ЖЕ ПРОИСХОДИЛО?

Ведь все бывшие секретари обкомов, крайкомов, автономных республик и областей фактически автоматически перетекли в кресла президентов, губернаторов, глав администраций, терлись боками в администрации Президента и в правительственном аппарате. Даже бывшие армейские политработники перекрасили свой ГЛАВПУР в Управление по воспитанию личного состава. Те, что были полочее, пристроились в банках, акционерных обществах и даже в театрах на президентских, председательских и директорских постах.

Увы, теплых мест хватило далеко не всем. Огромная армия бездельников, вскормленная КПСС и состоящая из бесчисленных секретарей цехкомов, завкомов, райкомов сидела в отдельных кабинетах повсюду, имея власть, деньги и особые привилегии. От них главным образом зависело: получит или нет любой работник повышение по службе, улучшит ли свое жилье, съездит ли в дом отдыха, а уже тем более куда-нибудь за границу. Они опутывали все предприятия сетью стукачей, смыкаясь со своим боевым отрядом в глобальной слежке за всем населением страны. Новая эпоха, а особенно указ Президента, запрещающий иметь какие-либо парторга-

низации на предприятиях, лишил их «хлебных» должностей и власти. А было их, считая вместе с разными освобожденными комсоргами, членами бюро и придурками из аппарата, миллионы, которые ничего не хотели, а главное, не умели делать.

«Золото партии» делилось без них.

В отчаянии, как брошенные псы, они начали сбиваться в стаи, плодя десятки коммунистических партий самого различного толка.

А после провала октябрьского путча у них появился и общий лидер — Геннадий Зюганов.

Сразу же после окончания Орловского пединститута, где Зюганов подвизался в секретарях комсомольской организации, он решил не идти по тернистой тропе народного образования, а сразу прильнуть к сосцам партийного аппарата, кормившего своих чад льготами и привилегиями. В итоге несостоявшийся школьный учитель пробился через Орловский горком партии в инструкторы идеологического отдела ЦК КПСС, где несчастный провинциал просто умирал от зависти, глядя на разных завсекторами и завотделами, не говоря уже о секретарях, поскольку был прикреплен к спецраспределителю низшего разряда.

Возможно, что Зюганову удалось бы в итоге выбиться в завсектором или замзавотделом ЦК, если бы не грянула горбачевская перестройка. И тут он увидел свой шанс.

Никому не известный тогда заштатный партийный инструктор начинает с того, что убивает свою дорогую родительницу КПСС, организовывая вместе с Полозковым Российскую коммунистическую партию, которой никогда не было, поскольку все, начиная с товарища Сталина, отлично понимали, что

стоит такую партию создать, как КПСС развалится вместе с Советским Союзом. Шмыгнув, как крыса с тонущего корабля, в компартию России, товарищ Зюганов получил боевое крещение 12 июня 1990 года. В этот день глава Верховного Совета Борис Ельцин внес в повестку дня Съезда народных депутатов РСФСР «Декларацию о суверенитете России» и все восемь сотен коммунистов радостно потянули руки вверх. Если Россия станет суверенной, то не станет и КПСС, и тогда на массу вакантных мест хлынет номенклатура компартии России! Это ли не мечта всей жизни!

Ни Зюганов, ни его сообщник Купцов даже не пикнули, когда Ельцин «для разрядки» запретил КПСС после августовского путча.

Бывший вице-президент Руцкой, который после выхода из тюрьмы ударился в воспоминания о тех бурных днях, пишет в одной из своих книг: «Указом Ельцина с 6 ноября прекращена деятельность КПСС и Компартии РСФСР на территории России. Авангард предателей от КПСС и КП РСФСР, попрятавшись по щелям, послушно замолчали, не издавая ни звука протеста».

Зюганов тогда объяснял свое молчание тем, что поскольку коммунисты дискредитированы, коммунистическая идея ошельмована, надо искать другую вывеску.

Казалось, что под ним обрушился весь мир.

Одно время безработный член ЦК сотрудничал в Российско-американском университете, созданном, как он сам позднее признался, на деньги ЦРУ. Для этого института Зюганов писал доклады и аналитические обзоры, чем и кормился.

Затем он нашел себе прибежище под крышей различных национал-патриотических фронтов, которые на старой партийной идее борьбы с мировым сионизмом размножались в те дни как кролики. Верный ленинец Зюганов сразу почувствовал родную обстановку. Совсем как на закрытых совещаниях идеологического отдела ЦК, на которых инструкторам определяли главное направление идеологической борьбы. Там Зюганова приняли очень тепло, он постоянно сживал в президиумах, сопредседательствовал, словом, был свой среди своих. Там же произошла у него в высшей степени полезная и не менее приятная встреча с Александром Баркашовым. Под его бескорыстным наставничеством товарищ Зюганов зазубривал новые для себя понятия «русская идея», «возрождение национального сознания на борьбе с инородцами» и «борьбы с евреями как с главными врагами православия».

Зюганов оказался на редкость способным учеником. Еще сам Гитлер заметил, что никто так быстро не становится убежденнейшими национал-социалистами, как бывшие коммунисты. После крушения Третьего рейха почти все бывшие нацисты, оказавшиеся на территории ГДР, мгновенно превратились в коммунистов. Нет поэтому ничего удивительного, что Зюганов оказался столь восприимчив к идеям покойного фюрера. Две наиболее человеконенавистнические идеи двадцатого столетия вполне ужились в душе настоящего ленинца. Поэтому на какое-то время Зюганов вообще забыл о компартии. И хотя позднее партийные борзописцы стали распространять миф, что мол Зюганов чуть ли не с августа 91-го года «вместе с соратниками приступил к воссозданию

коммунистического движения в России», это всего лишь очередной коммунистический миф. Товарищ Зюганов занимался отнюдь не этим, а коммунистическое движение пытались воссоздать совсем другие.

В октябре 1991 года раздался первый писк Соцпартии Роя Медведева. В ноябре тюлькинцы-анпиловцы в Екатеринбурге провозгласили образование РКРП. Чуть позже на свет появились РКП Крючкова и ВКПБ Нины Андреевой.

Все это время Зюганов анализировал и в итоге пришел к выводу, что идеи национал-социализма не с таким восторгом воспримут народные массы, если их подать в чистом виде, а не растворить в старом коммунистическом бреде Ленина и Сталина.

И только в феврале 1993 года, став уже убежденным нацистом, Зюганов придумывает себе камуфляжную вывеску в виде КПРФ и становится ее председателем.

Коматозный страх, который тряс его все эти годы, уже никогда не покинет его. Приняв участие в первомайской демонстрации, Зюганов, едва увидев ОМОНовскую цепь, преградившую разбушевавшимся «красно-коричневым» дорогу, тут же на глазах у всех ударился в бегство. «С тех пор,— как-то сухо заметила «красная Валькирия» Умалатова,— он вообще потерял моральное право руководить людьми».

Когда в сентябре наступил «парламентский» кризис, то талант Зюганова как провокатора проявился полностью. Днем он подстрекал народ на всевозможных митингах, беспрепятственно поднимался на руководящие этажи Верховного Совета, шептался с Хасбулатовым, Руцким или Бабуриным, сидел с важным видом, напоминая петуха перед соитием, а к

вечеру неизменно исчезал. А после начала полной блокады Верховного Совета и вовсе исчез.

Нахальный и неумный демагог, он отличался от многих своих горластых сторонников инстинктом самосохранения, приобретенным в коридорах ЦК КПСС. Этот инстинкт, очень похожий на крысиный, почти безошибочно подсказывал Зюганову когда нужно юркнуть в какую-нибудь щель, чтобы снова оттуда появиться с громкими воплями о нарушении свободы и удушении демократии.

В этот момент зюгановские вопли были особенно громкими, поскольку надвигались первые выборы в Думу, в которую очень хотелось попасть, чтобы снова ощутить себя в родной номенклатурной обойме.

Истинная демократия предусматривает наличие в парламенте всего политического спектра: от крайне правых до крайне левых. На то, что оба фланга уже сомкнулись в зюгановской партии, образовав стальной коммуно-фашистский центр, тогда почему-то никто не обратил внимания. И партия была амнистирована, а следовательно и допущена к выборам. В итоге товарищ Зюганов, как лидер фракции коммунистов, попал в Государственную Думу.

С первого же дня своего пребывания в Думе товарищ Зюганов немедленно поставил на повестку дня важнейший для коммунистов вопрос о предоставлении депутатам привилегий, связанных с их высоким положением. А именно: министерские оклады с постоянной индексацией, автомобиль с шофером для круглосуточного использования, телефоны правительственной связи, ежегодное пособие в 3000 долларов, дипломатические паспорта, бесплат-

ный проезд и пролет в любую часть мира, спецполиклиники, спецдачи и многое другое, без чего не мыслит своего существования настоящий коммунист.

Фракция Зюганова оказалась **ЕДИНСТВЕННОЙ** в Думе, проголосовавшей за эти привилегии единогласно, как и при развале Советского Союза. Все 45 коммунистов, составлявших тогда зюгановскую фракцию, радостно сказали «Да!»

Даже у либералов-жириновцев трое были против. Более скромными оказались даже родные зюгановские «братья»-аграрии выпускника МГИМО Ивана Лапшина, который почему-то пытался выдать себя за трудового крестьянина. Так что коммунисты еще раз подтвердили то, в чем заключается сущность их идей, и за что они согласны сражаться всю жизнь до последней капли не своей крови.

Однако захваченные 45 мест в Думе совсем не удовлетворяли тех, кто по старой памяти называл себя коммунистами. Зюгановская компартия сразу же после своего создания была имплантирована в антигосударственный заговор именно теми силами, которые после крушения рабовладельческой советской империи никак не могли с этим фактом примириться.

И не только ими. Не нужно было быть сверханалитиком, чтобы предвидеть вполне очевидный факт: для окончательного сокрушения России и того, что осталось от русской государственности, достаточно еще раз привести к власти коммунистов с их бредовыми классическими идеями, богато удобренными на этот раз еще и идеями национал-социализма.

Однако, урок, который всем преподавал президент Ельцин в октябре 1993 года, пошел впрок: Вышед-

шие по амнистии из тюрьмы «борцы за народное счастье» были уже не так боевиты, как ранее. Да и товарищу Зюганову вовсе не хотелось менять свой комфортабельный статус председателя думской фракции на классический образ «борца за народное счастье», томящегося за решеткой. Поэтому заговорщики продолжали тихий саботаж, всеми способами срывая движение вперед. А после начала чеченской бойни это движение и вовсе остановилось. Более того, придя в шок от боли и унижения, Россия пятилась назад.

Когда бывший министр иностранных дел СССР, а ныне диктатор суверенной Грузии, ехал в парламент, по пути следования взорвалась заминированная автомашина. Шеварднадзе, как и император Александр II накануне покушения, ехал подписывать новую Конституцию. Но ему повезло больше, чем покойному императору. Взрыв получился слабым, и Шеварднадзе был легко поцарапан осколками стекла. Не успел еще догореть подорванный автомобиль, как в организации теракта был обвинен шеф местной службы государственной безопасности Игорь Георгадзе, чей возомнивший о себе папаша — бывший генерал КГБ, а ныне лидер грузинских коммунистов, — вздумал соперничать с Шеварднадзе за пост президента Грузии.

Георгадзе-сын — тоже по воле судьбы бывший генерал КГБ — был объявлен «врагом народа», поскольку, как выяснилось, он был организатором еще по меньшей мере десяти подобных терактов и играл ведущую роль в антигосударственном заговоре. Участники заговора разрабатывали план свержения

Шеварднадзе. План этот предусматривал в случае удаchi покушения на жизнь Шеварднадзе государственный переворот и установление большевистского режима в Грузии.

Шеварднадзе заявил, что тем, «кто готовил переворот в Грузии, помогали из Москвы силы, находящиеся в оппозиции к президенту Ельцину». Естественно, что отец и сын Георгадзе сбежали в Москву. Как выяснилось позднее, Игоря Георгадзе вывезли из Грузии российские военные летчики, причем экcпортом бывшего генерала КГБ в Россию занималось командование Группы российских войск в Закавказье во главе с самим командующим генерал-полковником Рейтом.

Но с другой стороны, министр обороны генерал Грачев немедленно официально заявил, что русские войска тут же вмешаются в события, если возникнет хоть какая-либо угроза режиму Шеварднадзе. И привел эти войска в повышенную готовность.

У президента Ельцина родился внук, нареченный Борисом. Счастливого деда окружили журналисты и поинтересовались, будет ли он выставлять свою кандидатуру на второй президентский срок. Ельцин ответил, что еще подумает. Все зависит от результатов декабрьских выборов в Думу. Если демократы потерпят поражение — это одно, если победят — другое.

Наиболее умные поняли, что демократы обречены.

Лучшую характеристику нынешнему Президенту России дала пятилетняя девочка, заявившая журналистам: «Ельцин злой — он разбомбил Чечню, Ельцин добрый — он не бомбит нас».

Сказано было весьма кстати. В разгар переговоров о мирном урегулировании чеченского кризиса самолеты без опознавательных знаков начали бомбежки населенных пунктов республики. Появляясь на рассвете по двое или тройкой, бомбардировщики обрушивали бомбы и ракеты на головы мирных жителей и уходили в разных направлениях. Генералы Романов и Маслов (тогдашний командующий силами Министерства обороны в Чечне) официально сделали заявление, в котором утверждали, что «самолеты, которые в последние несколько суток бомбят чеченские села, не принадлежат Объединенной группировке и вообще не являются российскими», намекая, что это могут быть самолеты Грузии и (или) Азербайджана, у которых с генералом Дудаевым собственные счета. Генералы клялись, что примут меры для перехвата этих таинственных бомбардировщиков, которые, прилетая неизвестно откуда, так вольготно чувствуют себя в воздушном пространстве Российской Федерации.

Впрочем, в этом не было ничего нового. Журналисты хорошо помнили, как еще в декабре 1994 года, когда Грозный подвергался ежедневным варварским бомбардировкам, генерал Грачев столь же искренне клялся, что ни один российский самолет не поднимался в воздух.

Однако и министры обороны знают далеко не все.

Гораздо больше знают «царские шуты» и, главное, знают как и что сказать, чтобы не бросить тень на своего властелина.

Владимир Жириновский — совместное детище КГБ и Орготдела ЦК КПСС — выступая в Думе, потребовал перевода Балтийского флота в Адриати-

ческое море для блокады Дубровника; приостановления членства России в ООН и немедленного снятия Козырева с поста министра иностранных дел. «Царского шута» немедленно поддержал Совет Думы, потребовавший от Президента немедленно выгнать Козырева «за провал российской политики на Балканах». Можно было подумать, что Россия проводила там какую-то политику! Кроме того, от Президента требовали немедленного возобновления «нерушимой дружбы» с Ливией и Ираком.

И как будто всего этого было мало, неожиданно разразился церковный скандал. Выяснилось, что настоятель Печорской Лавры отец Роман разрешил (предположительно за крупную взятку в валюте) похоронить в священных пещерах Лавры, где покоились мощи святых старцев, убитого в разборке вора в законе — одного из предводителей Тамбовской группировки в Петербурге. Патриарх отстранил отца Романа от должности и назначил следствие.

9 сентября Государственная Дума собралась на Чрезвычайное заседание, чтобы обсудить положение на Балканах и в Чечне, где снова разгорались бои. Однако ничего обсудить в этот день не удалось.

Николай Лысенко — лидер откровенно фашистской группировки, объявившей себя Национально-республиканской партией, — тот самый Лысенко, который однажды чуть не спровоцировал дипломатический конфликт между Россией и Украиной, разорвав прямо у думской трибуны национальный флаг Украины, снова поднялся с места и напал на депутата — священника Глеба Якунина. Обхватив сзади горло старика-священника резким движением про-

фессионального уличного хулигана, депутат Лысенко всенародно поставил отца Якунина на колени и сорвал с него серебряный наперстный православный крест. Старый священник, проведенный некогда при коммунистах около 10 лет в концлагере, попытался сопротивляться, но на помощь к Лысенко-фюреру прибежал один из подручных Жириновского, тоже депутат — Логинов, появляющийся на заседания Государственной Думы не иначе, как в полном боевом камуфляже, надеясь этим самым привести в трепет все мировое еврейство. Оба «жидоборца» стали со вкусом избивать православного священника, который по возрасту годился им в отцы. Все это делалось при молчании всего зала и невнятном блении спикера Рыбкина.

На помощь священнику бросилась только женщина — депутат Елена Тишковская. Но на ее пути грозно встал сам Владимир Жириновский. Он был величественен как ангел мщения. И методичен. Сначала он сорвал с Тишковской очки, а затем ударил по голове. Потом, зажав голову женщины локтевым суставом руки, он начал ее душить, а верный Логинов хотел схватить Тишковскую сзади за ноги, чтобы отчаянно сопротивляющаяся женщина не смогла попортить лицо обожаемому фюреру...

Вся эта прекрасная сцена из истории русского парламентаризма транслировалась в прямом эфире телевидения. И, разумеется, обошла весь мир, вдохновляя всех прекрасными образцами российской демократии. Даже популярная в России газета «Московский комсомолец» писала по этому поводу:

«Мы всякое видели в своей жизни. И скандалы, и свары, и некомпетентность руководства, и обык-

новенную глупость, и несуразные амбиции, и подсиживание, и предательство. И драки между народными депутатами тоже видели. У нас нет иллюзий по поводу нашего парламентаризма. Но то, что случилось в Государственной Думе в прошедшую субботу не идет ни в какое сравнение с тем, что мы успели повидать. Это страшно. Эта страшная драка отличается от всех предыдущих, потому что депутаты били женщину. Несколько мужчин — одну женщину. Это страшно, потому что те, кто не бил, хладнокровно наблюдали за происходящим. Не рванулись с места, не бросились защищать. Это страшно, потому что спикер Рыбкин, глядя как на его глазах люди бьют друг друга, лишь ухмылялся и ехидничал — вот так бы на кнопки нажимали, лихие вы мои... На безобразную драку в российском парламенте целый день смотрели люди во всех странах мира. Это был день, когда Россия окончательно потеряла в глазах мировой общественности образ сверхдержавы.

12 сентября американский крейсер «Нормандия» выпустил 13 ракет «Тамагавк» по позициям боснийских сербов, демонстративно игнорируя истерику, разразившуюся в правительственных кругах России. «Россия — побежденная страна. И если она этого не понимает, ей это объяснят», — холодно заметил один из американских адмиралов.

13 сентября неизвестный выстрелил из гранатомета по зданию американского посольства. Граната пробила капитальную стену здания и взорвалась в помещении узла связи. По счастливой случайности никто не пострадал. Сам гранатомет типа «Муха», перчатки и маска были обнаружены под аркой дома

напротив. Следователей ФСБ в здание не пустили и вскоре все забылось. Только остался анекдот. «Как попасть в посольство США?» — спрашивает некто. «Очень просто, — отвечают ему. — Встань напротив здания, прицелься и не промахнешься».

Президент Ельцин уехал на отдых в Сочи, куда вызвал и шефа ФСБ генерала Барсукова, чтобы обсудить с ним новые методы борьбы с террористами.

Пока они этим занимались, в Грозном было совершено покушение на ельцинского заместителя Олега Лобова. Предчувствия его не обманули. Когда он ехал по городу с председателем марионеточного правительства, по маршруту движения взорвалась заминированная машина. Оба не пострадали, но были ранены и контужены несколько охранников. Все переговоры были прерваны, и открыто пошли разговоры, что военные действия возобновятся.

Лобов тут же улетел в Москву.

Впрочем, генерал Грачев сохранял полный оптимизм, утверждая, что война в Чечне не может возобновиться, поскольку все войска Дудаева давно разбиты.

И в этот момент на русско-чеченской сцене снова появился профессор Хасбулатов. Прослышав о том, что в Чечне будут выбирать главу республики, старый авантюрист в очередной раз сделал попытку стать «отцом чеченской нации» и отправился в Грозный. Опытные люди понимали, что это не к добру. Профессор умел так запутать простейшую обстановку, что из нее невозможно было выпутаться, не пустив в ход целую танковую дивизию.

Президент же Ельцин, подняв свой штандарт на мачте пограничного сторожевика, наблюдал за вы-

садкой десанта в районе Сочи и лично стрелял из 30-мм корабельного орудия, поразив цель на дистанции 3 километра.

Вообще столица России временно переместилась в Сочи, где Президент проявляет кипучую активность во всех стихиях. На море он стреляет из корабельных орудий, а на суше предается своему любимому занятию — игре в теннис. Эти теннисные баталии молва уже метко назвала турнирами «Большой Шляпы», на которых попутно решаются государственные дела с тайными и явными визитерами. Интересен и подбор партнеров Президента по теннису. Это — и неизменный генерал Коржаков, и литературный обработчик написанных Ельциным книг Леонид Юмашев, и владелец московского ночного клуба «Арлекино» Алексей Гусев, и президент республики Беларусь Александр Лукашенко, прибывший в Сочи из Киева, где вел тайные переговоры с президентом Кучмой об «интеграции».

А на российском телеканале в программе «Вести» появился сбежавший из Грузии и пригретый ФСБ в Москве бывший генерал-лейтенант КГБ и бывший шеф грузинской госбезопасности Игорь Георгадзе. Беглый чекист обвинил, как водится, Эдуарда Шеварднадзе в торговле оружием и наркотиками, а также в инсценировке покушения на самого себя. «Если бы я готовил покушение,— не без гордости заявил Георгадзе,— он был бы на кладбище». При этом заместитель министра внутренних дел России генерал Колесников добавил, что «Георгадзе будет выдан только тогда, когда Шеварднадзе представит доказательства его вины». В голосе замминистра звучало некоторое удивление: как это в Грузии смогли

так крупно поссориться два бывших генерала КГБ — Шеварднадзе и Георгадзе? Помиритесь, товарищи!

А в Петербурге бригада ФСБ ворвалась во всемирно известный Мариинский театр оперы и балета и увела оттуда в наручниках художественного руководителя и главного балетмейстера Виноградова и директора театра Малькова за получение взятки от канадского импрессарио в 10 тысяч долларов. Пачки «зеленых» были обнаружены в столе директора Малькова, который немедленно сдал и балетмейстера.

До того как стать директором театра, Мальков много лет проработал начальником отдела пропаганды и агитации Ленинградского обкома КПСС и дело свое знал не хуже, чем его легендарный дед, занимавший еще при Ленине должность коменданта Кремля и лично расстрелявший Фани Каплан, «чтоб с дуру много не болтала». Знаменитый генерал Черкесов доказал, что умеет искать не только книги Солженицына.

Однако интерес публики к этому весьма неординарному событию быстро погас. Вернее погас на следующий же день, 6 октября, когда из Грозного пришло сообщение о покушении на генерал-лейтенанта Романова.

Генерал ехал из своего штаба на встречу с профессором Хасбулатовым. Когда генеральский кортеж проезжал в подземном переходе вблизи площади «Минутка», прогремел сильный взрыв. Кто-то умудрился разместить под асфальтом в центре набитого войсками и сотрудниками ФСБ Грозного мощную радиоуправляемую мину. В отличие от предыдущих покушений на Шеварднадзе в Тбилиси и на Лобова в том же Грозном, в этом случае последствия были

ужасны. Все находящиеся в машине, кроме самого генерала Романова, были убиты на месте. Сам генерал с тяжелейшими травмами головного мозга и грудной клетки в бессознательном состоянии был эвакуирован во Владикавказ, а оттуда на имеющейся в единственном экземпляре воздушной реанимационной лаборатории — в госпиталь имени Бурденко в Москве. Долгие месяцы ему предстояло пролежать, не приходя в сознание.

Сразу же после покушения Аркадий Вольский сообщил, что Романов, выезжая на встречу с профессором Хасбулатовым, согласовал с тем маршрут и время своей поездки за полчаса до выезда.

«Генерал Романов заплатил по счетам генерала Антонова»,— сухо сообщила газета «Московские новости», напоминая о роли генерала в трагедии Самашек и тем самым автоматически списав все на чеченских диверсантов, хотя министр информации Ичкерии Мавлади Удугов категорически опроверг причастность бойцов сопротивления к этому покушению.

Его, разумеется, никто и не думал слушать. Поднятая в воздух авиация немедленно нанесла удар возмездия по селам и аулам Чечни, тысячами убивая мирных жителей. Геноцид маленького и гордого народа продолжался при гробовом молчании всего остального мира, декларировавшего бойню как «внутреннее дело России». Военные действия возобновились с прежним ожесточением. Десятки цинковых гробов в день с русскими офицерами и солдатами шли в разные концы России. Большую часть сбрасывали в братские могилы, предпочитая о них забыть. «Война пропавших без вести» — так нарекли чеченскую бойню в российской армии.

Между тем, президент Ельцин, отдохнув в Сочи, вернулся в Москву, успел снять с должности исполняющего обязанности генпрокурора Ильюшенко и отправился в Париж, а оттуда — в Нью-Йорк к другу Биллу. Кроме того, президенту Ельцину предстояло выступить на Генеральной ассамблее ООН.

Президент вернулся в Москву, которую уже трясло в предвыборной лихорадке. В столице творились вещи доселе невиданные.

Министр обороны Грачев судился с журналистом Пэгли из газеты «Московский комсомолец», который обвинил генерала в растрате казенных средств, предназначенных для строительства жилья для военнослужащих, на покупку шести «мерседесов» для собственного удовольствия. Как заметил один великий американец, «в демократическом обществе не дерутся, а подают в суд», что министр и сделал, потребовав, чтобы против журналиста возбудили уголовное дело. Этим самым министр сделал собственную явку в суд обязательной, но, естественно, совершенно не желал этого делать. Судья обычного московского райсуда Говорова трижды откладывала по этой причине слушание дела, а затем неожиданно вынесла постановление доставить министра обороны в суд принудительно с помощью участкового. Вся страна затаила дыхание, ожидая, как милиционеры поволокут в суд генерала армии. Но тот явился в суд самостоятельно и даже, обращаясь к судье, назвал ее «Ваша честь». Кто бы подобное мог представить даже во сне всего года три назад.

Никто не мог представить и того, что творилось в Государственной Думе. Владимир Жириновский, одержав блистательную победу над Тишковской,

ходил героем и в очень приподнятом настроении. Обсуждая вопрос о том, что все депутаты должны пройти перед выборами медицинское освидетельствование на предмет вменяемости, Жириновский похвастался: «Меня это не беспокоит. Я очень здоровый человек... Моча у меня такая, что пить можно». Тут же верный Марычев стал пить что-то из трехлитровой банки, на которую была наклеена этикетка с надписью «Моча Вовы».

Демократическую часть Думы тревожило и другое. В парламент страны шеренгами рвались коммунисты, блокируясь по пути с явными и тайными уголовниками.

В МВД страны был сделан запрос, кто из кандидатов в депутаты на будущих выборах ранее был судим и находился в местах лишения свободы. МВД проявило редкую оперативность.

Начальник Центра Общественных Связей МВД, наш старый знакомый по Буденновску, полковник Ворожцов, глумливо ухмыляясь, зачитал список депутатов-уголовников. Открывал список ранее неоднократно судимый Сергей Адамович Ковалев, которого коммунисты морили в концлагере, а ныне травили в Думе. Следующим шел священник Глеб Якунин, также отбывший долгие годы в коммунистических концлагерях, над которым совсем недавно прямо на заседании Думы глумились фашисты. Потом следовал Юлий Рыбаков и т.д.— все, проходившие до 91-го года по знаменитой 70-й статье Уголовного Кодекса.

А на аэропорт в станице Слепцовой на территории Ингушетии совершил налет десантный спецназ, высаженный с вертолетов. Десантники похити-

ли из кассы аэропорта 7 миллионов рублей, избили швейцарских рабочих, работавших над модернизацией аэропорта, и улетели так же быстро, как и появились. Президент Ингушетии Руслан Аушев пытался поставить этот вопрос на Совете Федерации, но никому подобные мелочи уже были не интересны.

Ибо 26 октября всю страну взбудоражило известие о том, что президент Ельцин второй раз за последние четыре месяца госпитализирован с резким обострением ишемической болезни сердца.

Когда же у Президента Ельцина случился первый сердечный приступ, те, кто пока не очень умело манипулировали Зюгановым и кучкой сбившихся вокруг него бывших функционеров средней руки от КПСС, поняли, что есть шанс захватить власть в стране вполне легальным путем, протащив в президенты на выборах 1996-го года своего человека.

Претендентов на этот пост было много, и, как обычно, в комфортабельном коммунистическом «подполье» в лучших старых традициях плелись византийские интриги. На пост президента претендовали: Петр Романов — директор химического комбината в Красноярске, всю жизнь занимавшийся, помимо боевых отравляющих веществ, изготовлением дешевой водки, а потому очень популярный в народе; бывший генерал КГБ Стерлигов, готовый уложить всю Россию в яму великой борьбы с сионизмом, и даже Александр Баркашов, превосходящий генерала по лихости. Но это были совершенно откровенные нацисты, не знающие наизусть ни одного из коммунистических заклинаний и, что самое главное, никогда, как Зюганов, не варившиеся в

номенклатурном аппарате. Пусть даже на самом дне.

Поэтому о Зюганове заговорили как о едином кандидате от всех «патриотических сил». Это тоже был риск. Однако, все, исповедующие голый нацизм на зыбкой платформе антисемитизма, так лихо провалились на выборах самых различных уровней, что для воплощения в жизнь задуманной схемы совершенно не годились. Достаточно вспомнить, как поэт-патриот Станислав Куняев, главный редактор откровенно фашистского журнала «Наш современник», умудрился проиграть выборы в самой гуще православной Москвы еврею Заславскому. И подобные примеры практически не знали исключений.

Поэтому решили остановиться на кандидатуре Зюганова, который еще умел кое-как разговаривать на новоречи партийных инструкторов старых времен, от которой пенсионеры приходили в экстаз, как от мистического откровения. «Грядет революция старух!» — отметил один циник из зюгановского окружения.

Кроме того, огромным преимуществом Зюганова считалась его полная безликость и умение разговаривать с изяществом робота первого поколения. То есть абсолютно не слушая и не слыша собеседника.

Спросят его, скажем, журналисты: «Какова ваша будущая экономическая программа?», а он отвечает: «У России особый путь: социализм, православие и народность». Те: «Будут ли национализированы банки?», а Зюганов в ответ: «Русский народ всегда отличали соборность и тяга к социализму». И так далее.

Существовал, правда, риск иного толка. Еще никогда и нигде коммунистам не удавалось приходиться к власти путем свободных выборов. Вообще

коммунисты без своих карательных органов были (да и чувствовали себя) также неудобно, как младенцы в джунглях.

Уже вечером 26 октября Зюганов получил из Службы Безопасности Президента кассету с видеоматериалом на две минуты времени. Этих двух минут было достаточно, чтобы и сам Зюганов поверил в то, что история, возможно, впервые дает коммунистам шанс взять власть демократическим путем, как это удалось Гитлеру, а затем, как и он, эту ненавистную демократию растоптать и уничтожить.

Экран телевизора высветил страшную картину. Несколько человек в белых халатах толкали по больничному коридору каталку, на которой без памяти лежал президент Ельцин. Лицо Президента было мертвенно-желтым. Над ним держали капельницу. В кадре мелькнуло растерянное лицо верного Коржакова. Таким его еще не приходилось видеть никогда.

Растерянные лица помощников Президента, замелькавшие на государственных телеканалах, подтвердили опасения, что дело худо. Второй инфаркт. Менее, чем за полгода.

Президент Ельцин, собравший вокруг себя всю высшую партноменклатуру и армейскую верхушку, сломавший большинство старых властных структур, был той силой, с которой после событий октября 1993 года никто не осмелился бы бороться. Но если после первого сердечного приступа появился шанс, то второй приступ делал поражение Ельцина предрешенным.

Президенту США Бушу достаточно было упасть в обморок на 10 секунд, чтобы он проиграл выборы Клинтону, которого до этого никто всерьез не вос-

принимал. Народ любит не столько умных, сколько пышущих здоровьем вождей. Это во-первых. А во-вторых, просмотренная кассета говорила о том, что Ельцин, даже если выживет, не только не сможет участвовать в предвыборной борьбе, но и выполнять президентские обязанности в оставшийся ему срок.

История один раз в тысячу лет предоставляет вышедшим из подвалов крысам подобный шанс. Но в России это уже был второй случай всего за 75 лет. Смешно было бы им не воспользоваться!

Слова же, сказанные Сергеем Медведевым о том, что «скоро вы снова увидите здорового и сильного нашего президента-бойца» все пропустили мимо ушей. Казалось, что даже и сам Медведев.

Как бы то ни было, но обстановка для «красного прорыва» к власти считалась полностью созревшей, и Зюганову было приказано начать наступление.

Программа была проста как «ленинская правда». Ликвидация поста президента как «неоправдавшего себя» и переход к коллегиальному руководству. Это тоже было старо: безликая группа аппаратчиков укрывалась за спиной карманного Верховного Совета, в которой должна была преобразоваться Дума, и получала возможность бесконтрольно обделывать свои делишки как в стране, так и в мире. Таким образом, Зюганов официально объявил, что намерен бороться за пост президента с единственной целью этот пост ликвидировать. Подобное говорилось не на закрытых секретных пленумах КПрФ, а в открытую с телеэкрана.

Зюганов и его главный подручный Геннадий Селезнев, вечно полупьяный и ухмыляющийся, в течение сорока минут вещали на всю страну, как они

будут ликвидировать нынешние правительственные структуры. Селезнев, в прошлом редактор коммунистической «Правды», с садистским удовольствием рассказывал, что партия совершит с разными частными банками и приватизированными предприятиями. Но при этом строил свои разглагольствования так, что слушателю было не до конца ясно, просто ли по доброй коммунистической традиции у людей отберут собственность или их еще заодно и расстреляют, что было также доброй коммунистической традицией. «Увидите,— ухмылялся Селезнев, блестя хмельными глазами,— после июньских выборов».

А Конституция?

Коммунисты совершенно не намерены были признавать эту Конституцию.

Мы уже упоминали, что у товарища Зюганова были повадки робота первого поколения. Абсолютно не думая, он озвучивал все, что в него вводили. Так, он неожиданно объявил на всю страну, что в нынешних школьных учебниках по литературе отсутствует даже упоминание о Пушкине, Достоевском и Толстом. Кто дал Зюганову подобную информацию и что заставило Зюганова ее повторить, до сих пор остается тайной. Но прокол получился очень серьезным. «Я крупный ученый!» — с безапелляционностью робота повторял шеф КПРФ, невольно напоминая популярную в прошлом песенку: «Товарищ Сталин, вы большой ученый!»

Что же касается Конституции, то Зюганов заявил следующее: «У меня огромные сомнения, что новая Конституция прошла. Я недавно видел данные американской электронной разведки (! — И.Б.). По этим

данным, приписано 9,2 миллиона голосов. Итоги референдума фальсифицированы. Но так как все документы уничтожили, то проверить уже невозможно». Апелляция лидера коммунистов к авторитету американской разведки выглядела весьма странной, чтобы не сказать большего. С какой стати ЦРУ снабжала информацией фюрера 5-й компартии? Не играют ли они в одну игру под названием «Как нам уничтожить Россию?»

Но «святая святых» из декларированной коммунистами программы был пункт «о незамедлительном и повсеместном восстановлении парткомов на предприятиях всех видов собственности». Огромная изголодавшаяся армия бывших освобожденных парторгов, которых Зюганов ласково назвал «истинным золотом партии», рвалась на свои старые сытные места и в этом была основная суть коммунистического ренессанса.

События в России так вдохновили президента Белоруссии Александра Лукашенко, что он вообще разогнал свой парламент, а в интервью немецкой газете «Хандельсблат» заявил буквально следующее: «История Германии — это слепок истории Белоруссии. Общество Германии было поднято благодаря сильной власти, благодаря Гитлеру. Германия — это пример, когда общество консолидируется вокруг одного лидера, и это идет на пользу государства».

На протяжении пятидесяти послевоенных лет, пожалуй, ни один президент не позволил себе так любовно отозваться о фюрере немецкого нацизма. А уж тем более никто этого не ожидал от лидера Белоруссии, потерявшей почти половину населения из-за того, что немецкий народ так тесно сплотился

вокруг своего любимого фюрера. Впрочем, никто не мог серьезно спрашивать с президента Лукашенко, глупость которого сочилась прямо из ушей. Все гадали, где Лукашенко нахватался подобных идей: общаясь с Зюгановым или играя в теннис с Президентом?

Самому Ельцину было уже не до тенниса. 27 ноября, в тот день, когда Александр Лукашенко сделал свое историческое заявление, Президента выписали из больницы и отправили на реабилитацию в Барвиху. Все события шли как бы мимо него. Предвыборная кампания в Думу выходила на финишную прямую. Разобщенные демократы и новорожденная партия власти явно не могли противостоять железным фалангам национал-коммунистов, пользовавшихся молчаливой поддержкой всех силовых структур и даже огромного числа чиновников из администрации Президента и правительства.

5 декабря Дума официально закончила свою работу. На прощание в кабинете Николая Лысенко, прославившегося публичным надругательством над украинским флагом и священником Глебом Якуниным, прогремел взрыв. Самого Лысенко в кабинете, разумеется, в тот момент не оказалось. Осколками стекла повредило автомобиль «вольво», принадлежавший депутату Вячеславу Никонову — внуку знаменитого Вячеслава Молотова.

Раздраженный Никонов высказал предположение, что Лысенко сам организовал этот взрыв, чтобы набрать очков на предстоящих выборах. Сам Лысенко обвинил в теракте «кавказскую мафию», которая хочет ликвидировать всех истинных вождей русско-

го народа.

Как бы в подтверждение его слов некий Юрий Кондаков — осетин по происхождению — захватил во Владикавказе детский сад с 16-ю детьми и тремя воспитательницами. Пока милиция вела с ним переговоры, террорист бросил в детей гранату, убив троих и ранив 6 малышей.

В Москве в подъезде собственного дома трое убийц исполосовали ножами начальника транспортного департамента правительства Москвы.

6 декабря умер генерал-полковник Волкогонов, верный сторонник Ельцина, известный писатель и историк, делавший первые робкие шаги в осмыслении преступлений коммунистического режима.

Буквально отовсюду поступали погребальные новости.

Под Архангельском разбился самолет Ан-2, погибли 11 человек.

Под Нахичеванью разбился Ту-154, погибли более 40 человек.

Над Приморьем пропал без вести еще один Ту-154, направлявшийся из Южносахалинска в Хабаровск.

В Таджикистане русские пограничники ведут ожесточенные бои с исламским сопротивлением прокоммунистическому режиму Рахмонова.

А в Барвихе врачи объявили карантин, снова отрезав Президента от всей страны. Анонимный источник из администрации Президента, поставляющий информацию Зюганову, охарактеризовал Ельцина как «уставшего, больного и спившегося человека».

9 декабря мрачно отмечалась четвертая годовщина крушения СССР, совпавшая с похоронами гене-

рала Волкогонова. В почетном карауле стоял сам генерал Коржаков и его новый любимец — известный комик Хазанов.

Зюганов заявил, что в случае победы на выборах в Думу, коммунисты денонсируют Беловежское соглашение. «Мы все были одурачены», — ответил робот.

Предвыборная борьба накалялась. Владимир Жириновский публично сделал великое открытие. Он выяснил, что лидер «Яблока» Явлинский — еврей, а его партия — «сборище евреев». Главный «либерал» страны призвал с лица земли чеченские села с поголовным истреблением населения.

Слова Жириновского никто никогда особенно всерьез не воспринимал. И напрасно.

ИБО УСТАМИ ШУТА КОРОЛЬ ПРОВЕРЯЕТ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ. Запомните их!

В Петербурге в весьма странной автомобильной катастрофе погиб лидер Христианско-демократической партии Виталий Савицкий. Возможно, самый порядочный из всех депутатов Думы.

11 декабря отмечалась еще одна мрачная годовщина. Исполнился ровно год войне, которую генерал Грачев обещал закончить за два часа. Силовые ведомства опубликовали потери, уменьшив их в три раза.

Но и официальные цифры были страшными. Армия признала потерю 2636 человек убитыми и 5587 ранеными по положению на 1 декабря. Генерал Масхадов уверял, что бойцы сопротивления уничтожили не менее 30 тысяч оккупантов. Страшная правда лежала, как обычно, посередине, окруженная кровавым гарниром лжи.

Годовщину войны отметил и генерал Дудаев, выразив уверенность в победе своего народа и назвав режим в Москве «преступно-уголовным».

И как будто всего этого было недостаточно, 13 декабря вся Россия была потрясена новой трагедией. Три самолета Су-27, принадлежавшие элитному авиационному подразделению «Русские витязи», разбились, врезавшись в гору на подлете к авиабазе Даланг во Вьетнаме. Самолеты возвращались домой из Малайзии, где участвовали в авиасалоне. Четыре пилота погибли.

А 14 декабря крупный отряд чеченских повстанцев выбил российский гарнизон из второго по величине чеченского города Гудермес и закрепился там. «Мы будем воевать до полного истощения России», — объявил генерал Дудаев.

Над городом немедленно появилась российская авиация, заговорила тяжелая артиллерия. На такой фактор, как мирное население, войска давно уже не обращали никакого внимания. Брошенные на штурм города войска были вдребезги разбиты в ночном бою и откатились, потеряв, по официальным данным, 25 человек убитыми, 38 пропавшими без вести и 60 ранеными.

Но это почти никого не заинтересовало, поскольку к Чечне относились уже не как к территории России, а как к далекой заморской колонии.

Гораздо больше всех заинтересовало неожиданное появление на телеэкране могущественного генерала Коржакова, который дал 15-минутное интервью Владимиру Познеру.

Представившись скромным госслужащим, жена у которого работает в церкви, а дочери учатся в ме-

дучилище, Коржаков заявил, что его роль сильно преувеличена. Он всего лишь хочет, чтобы Иосиф Кобзон пел, а не занимался политикой, чтобы Лужков оставался мэром Москвы, а не лез в президенты. К всеобщему удивлению, досталось и генералу Грачеву, которого главный телохранитель охарактеризовал как специалиста организовывать и принимать парады, но никуда не годного военачальника.

«А вы подумали, что будет с вами,— спросил Познер,— если Борис Николаевич откажется баллотироваться на второй срок?»

На лице генерала появилась одна из его многочисленных скромных улыбок, говорящая о том, что все уже схвачено.

На предвыборном ролике Жириновский лобызался с маршалом Язовым. «Благослови тебя Господь!» — напутствовал Жириновского последний министр обороны СССР.

В Москву были введены войска и бронетехника «для обеспечения порядка в период выборов». Для придания обстановке большей солидности, ФСБ распространил очередную дезинформацию: отряд Басаева пересек границу Чечни и исчез. Ждите второго Буденновска. В Москве стали хватать на улицах всех брюнетов.

17 декабря состоялись, наконец, долгожданные выборы в Думу. Как и ожидалось, больше всех голосов набрали коммунисты — 22%. Это было не так много, как они рассчитывали. А рассчитывали они аж на 50%. Второе и третье места поделили Черномырдин с Жириновским. Первый рассчитывал на 25%, но получил 10, второй клялся, что получит 40%,

но получил тоже 10. Явлинский, который наотрез отказался блокироваться с Гайдаром, получил 8% и попал в Думе в совершенно идиотское положение, поскольку не желал блока ни с коммунистами, ни с фракцией премьера, а самостоятельно мог только показывать фигу в кармане. «Выбор России» в Думу вообще не попал. Результаты показывали, что коммунистам удалось осуществить первый этап своего наступления. Дума была практически захвачена.

20 декабря президент Ельцин появился в Кремле, где вручил маршальские звезды генералам Барсукову, Куликову и Николаеву. Он заявил, что полностью «восстановился», но еще не решил, будет ли выставлять свою кандидатуру на второй срок.

Маршальские звезды трем представителям КГБ были вручены 20 декабря, когда традиционно отмечался так называемый «День Чекиста». Ныне этот день был дипломатично назван «Днем Внешней Разведки», к которой вся награжденная троица никакого отношения не имела. Россия запуталась в датах, праздниках и символике. Поэтому Президент издал специальный указ отныне считать день 20 декабря «Днем работников Службы Безопасности». И никуда не деться от этого светлого праздника, который считается, если послушать некоторых генералов ФСБ, чуть ли не русским национальным. Можно было подумать, что вся Россия с колокольным звоном и крестными ходами веками отмечала «День охраны» или «День Тайгой Канцелярии».

Разумеется, в такой день не обошлось без хвастливых заявлений.

Центр Общественных Связей ФСБ заявил, что

«разумеется, мы знаем, где находится Дудаев, как к нему поступает оружие, как боевики отдыхают за границей и возвращаются». На вопрос: почему же тогда до сих пор Дудаева не арестовали и не убили, а пути поступления оружия и живой силы не блокировали, «чекисты» делали таинственные лица, но отвечали непереводаемыми междометиями.

А, между тем, прошло уже больше года после того, как был запущен в действие механизм оперативно-разыскных мероприятий по поимке экс-генерала авиации. И полгода с момента объявления в федеральный розыск Шамиля Басаева.

Еще в середине марта начальник территориального управления ФСБ пообещал тогдашнему своему шефу Сергею Степашину поймать Дудаева в течение нескольких дней. Недели две Степашин терпеливо ждал, но, естественно, ничего не дождался, кроме сообщения, что целая опергруппа территориального ФСБ была уничтожена при попытке приблизиться к району нахождения мятежного генерала. В апреле в Чечню отправилась специальная группа центрального аппарата ФСБ, состоявшая из работников Управления контрразведывательных операций и Управления военной контрразведки. Обе группы были почти полностью уничтожены, а те, кому повезло вернуться, доложили Степашину, что в нынешней ситуации поимка Дудаева невозможна. Изнеженная ФСБ впадала в истерику и от дальнейшего проведения операции отказалась. В мае, а затем в июле начальник Управления специальных операций генерал Герасимов, ранее командовавший диверсионным подразделением «Вымпел», обзванивал некоторых из своих бывших подчиненных, предлагая им выполнить ра-

зовую операцию в южном регионе России. Однако все полулегальные попытки лубянских генералов призвать на «подвиг» своих подчиненных наталкивались либо на отказ, либо на просьбу написать письменный приказ в двух экземплярах.

В начале сентября Министерство Обороны попыталось набрать офицеров и солдат-контрактников из частей специального назначения, которые бы выполнили захват Дудаева, получив на это только устный приказ. Однако ГРУ так и не нашло специалистов по так называемому «живому задержанию». Ибо, как отмечалось в докладной, задержание такого рода, а именно арест главы другого государства на контролируемой им территории, сродни диверсионной акции по аресту президента Франции в Елисейском Дворце. Даже сложнее, поскольку передвижение главы любой другой страны отследить легче, чем передвижение Дудаева или Басаева. Система же шифров и паролей, применяемых в Чечне, разработанная еще во времена Афганской войны, была настолько примитивной, что ее легко понимали все командиры повстанческих отрядов. Бессилие российских спецслужб приводило к разработке совершенно экзотических планов вроде ареста Аслана Масхадова прямо за столом переговоров.

После прихода в ФСБ нового шефа, генерала Барсукова, об аресте Дудаева уже никто даже не заикался. Речь теперь шла исключительно о его ликвидации. Теперь, получив сообщение о нахождении мятежного генерала в каком-нибудь населенном пункте Чечни, в воздух немедленно поднималась авиация, и на это село обрушивался ливень авиабомб. Метод, возможно, был излишне дорогостоящим и

представлял из себя весьма сомнительную лотерею, но зато был практически безопасным. А вдруг повезет? Ведь должно же когда-нибудь повезти, если постоянно удваивать ставки.

Уровень квалификации спецслужб был прекрасно продемонстрирован и при внезапном захвате Гудермеса бойцами сопротивления. Командование федеральной группировкой, возглавляемое после покушения на Романова генералом Шкирко, было полностью захвачено врасплох, хотя все спецслужбы подняли свой обычный плач на тему: «Мы предупреждали». Город пришлось брать заново обычным методом: путем сравнения его с землей снарядами дальнобойной артиллерии и системами залпового огня. Потеряв более 300 человек убитыми и ранеными, город удалось условно отбить к 26 декабря.

Театр абсурда чеченской войны заключался в полной безответственности командования за все тактические и стратегические провалы. Гибли солдаты и офицеры, гибли мирные жители, а генералы получали исключительно повышения и ордена. Так произошло и в случае с Гудермесом. Генерал Шкирко, проспавший выдвижение крупных сил противника к Гудермесу через систему блок-постов, не только не был разжалован и отдан под суд, а, напротив, был произведен в генерал-полковники и назначен командующим всеми внутренними войсками России, число которых уже перевалило за миллион.

На следующий день, 29 декабря, в Кубинке хоронили погибших во Вьетнаме пилотов из авиаотряда «Русские витязи». Склоненные знамена с озлобленными профилями Ленина и православные священ-

ники, читающие отходную молитву, заплаканные лица родных, угрюмые лица сослуживцев.

А в Грозном готовятся встретить годовщину сокрушительного разгрома российских войск в так называемом «новогоднем штурме» города, предпринятого генералом Грачевым. Никто никогда не узнает, сколько русских солдат, сброшенных без счета в братские могилы, погибло в ту предновогоднюю ночь. А уже тем более, сколько погибло мирных жителей. Их никто никогда не считал и не считает до сих пор.

В таком ореоле Россия вошла в 1996 год, считающийся по восточному календарю годом Красной Крысы.

* * *

Чеченская война, которая подобно гнойному фурункулу разъедала и лихорадила Россию, накануне выборов президента на свой лад использовалась всеми политическими партиями. Одни обвиняли власти за излишнюю жестокость, другие — за мягкость, но выхода из создавшейся ситуации не видел никто. Вывод войск не только бы стал официальным подтверждением унизительного поражения России в войне с одной из своих собственных провинций, но мог послужить началом отторжения от и так развалившейся страны ее остальных национальных автономий. Продолжение войны, которой не видно было конца, сулило непрогнозируемые катаклизмы России как раз в тот момент, когда она более всего нуждалась в покое и стабильности.

Более всего выгод из ситуации извлекли коммунисты. Их триумфальный прорыв в Государственную

Думу послужил сигналом для мощного отката всей страны назад (или вперед), но в прошлое.

Президент Ельцин все еще не оправился от второго приступа, хотя позволял себе работать часа по два в день, главным образом выполняя разные церемониальные функции и по докладам помощников пытаясь вникнуть в царящую в стране обстановку. Президент открыто жаловался премьеру Черномырдину, когда возобновились их еженедельные встречи: «Час переработаю и уже чувствую», — держа при этом руку на сердце.

Популярная сатирическая программа «Куклы», в своей манере, предсказала будущее многих ведущих политиков в свете нового наступления красных. Президент Ельцин и генерал Коржаков доживали свои дни на ранчо в дремучих южноамериканских джунглях. Гайдар и Явлинский в бушлатах заключенных пилили деревья на лесоповале. Больше всех повезло Михаилу Горбачеву. Он стал советологом и профессором Гарвардского университета.

Коммунистический накат и начавшаяся на всех углах трескучая демагогия коммуно-фашистов не могла не подействовать и на слабого, больного Президента.

Президент Ельцин, что бы он сам о себе не говорил, никогда не был ни демократом, ни коммунистом, ни либералом, ни консерватором, ни левым, ни правым. Он всегда был и остается популистом, прекрасно умея приспособливаться то к одной, то к другой общественно-политической группировке, набирающей силу на конкретном этапе. В 1989 году нужен был герой, способный похоронить издыхаю-

щую коммунистическую партию. И Ельцин стал таким, демонстративно швырнув свой партбилет прямо в лицо старым друзьям по Политбюро. А в 1991 году нужен был нестигаемый символ свободы и демократии, и Ельцин стал им, а окрыленный народ сплотился вокруг него, отстояв молодую свободную Россию.

Декабрьские выборы в Думу показали Ельцину, что падкость народа на пустую коммунистическую демагогию говорит о том, что народу надоели демократия и общий бардак на кровавом фоне чеченской войны, и он хочет обратно в «красный рай». А раз народ захотел обратно, Ельцин, имеющий гениальное чутье, пошел навстречу пожеланиям трудящихся и стал на глазах превращаться в «истинного ленинца» наподобие товарища Зюганова. Другими словами, в преддверии выборов Президент стал бороться за прокоммунистический электорат. Кого народ не любит? Приватизаторов. Гнать их поганой метлой. И верный Чубайс отправляется сперва в бессрочный отпуск, а затем с треском изгоняется вообще.

«Именно из-за него,— рычит Президент,— “Наш Дом Россия” получил так мало голосов. Не было бы Чубайса — блок Черномырдина получил бы все 40%». На что газеты сразу же ответили, что «если бы в НДР не было и самого Черномырдина, правительственный блок мог получить и 50% голосов».

Коммунисты считают, что министр иностранных дел Козырев предает интересы «Великой России» Америке и Европе? Пожалуйста: Ельцин, повытирав публично о Козырева ноги и фактически заменив его генералом Грачевым, выгнал в итоге бедолагу в от-

ставку, предоставив ему возможность тихо заседать в Думе, не открывая рта.

Затем настала очередь чрезмерно интеллигентного и вечно сюсюкающего Филатова — начальника президентской администрации. Сам Филатов уже несколько раз намекал журналистам, что дни его сочтены, поскольку всемогущий генерал Коржаков довел аппарат администрации до такого состояния, что никто уже, включая самого Филатова, не осмеливался произнести ни единого слова вслух, общаясь друг с другом с помощью жестов и записок. У Президента созрело решение заменить Филатова, назначив на его место не кого-нибудь другого, а самого Николая Егорова — одного из зачинщиков чеченской войны, особенно прославившегося своим бездарным руководством в Буденновске. Тогда Президент был вынужден на волне общественного возмущения снять Егорова с поста министра национальностей, превращенного его усилиями в четвертое силовое ведомство. Сейчас же лучшего человека на должность главы президентской администрации просто трудно было придумать.

Пока Ельцин мудрствовал над кадровыми перестановками, 9 января произошло очередное ЧП. В этот день крупный отряд чеченского сопротивления под командованием бывшего секретаря грозненского горкома ВЛКСМ Салмана Радуева, пройдя все блок-посты на территории Чечни, пересек границу с Дагестаном и, «сметая по пути блок-посты федеральных войск», напал на военный аэродром под Кизляром, откуда боевые вертолеты вылетали на варварские бомбардировки чеченских сел.

Уничтожив несколько вертолетов, отряд Радуева, наткнувшись на ожесточенное сопротивление частей прикрытия авиабазы, отступил в сторону Кизляра, временно захватил город, а затем, следуя тактике Шамиля Басаева, укрылся с городской больнице, взяв ее пациентов и схваченных на улицах горожан в качестве заложников.

В очередной раз оскандалившиеся «силовики» предстали перед гневно сверкающими глазами президента Ельцина. Только недавно удостоенный маршальской звезды генерал Барсуков уверял Президента, что принятые им «антитеррористические меры» совершенно исключают повторение какого-либо инцидента наподобие Буденновска. Совсем недавно генерал Грачев в очередной раз уверил своего Верховного Главнокомандующего, что война в Чечне закончена, и противник прекратил организованное сопротивление. В то же время «диктатор» пограничной службы, новопроизведенный в генералы армии Николаев, заверял Ельцина, что по всему периметру Чечни, через Ингушетию, Дагестан и Грузию сплошная линия застав не даст возможности проскочить и мыши, не то что крупному отряду на тяжелых КАМАЗах. Генерал армии Куликов, сделавший ослепительную карьеру после падения его предшественника Ерина, оскандалившегося в Буденновске, клялся главе государства, что его ОМОНЫ и СОБРы полностью контролируют обстановку в Чечне, преследуя и рассеивая по местности остатки разбитых бандформирований.

Президент был бледен, губы его подрагивали.

Маршалы сидели хмуро, придав своим холеным лицам предельно скорбное выражение и опустив

глаза в почтительно раскрытые блокноты, дабы записать туда указания главы государства.

— Генералы! — зарычал Ельцин. — Вы что, в игрушки играете?!!

Маршалы угрюмо молчали.

Уж очень они напоминали военных преступников, сидящих на скамье подсудимых военного трибунала. Стали ли они ими в силу своего советского военно-политического воспитания, в результате Афганской войны или из-за вопиющей некомпетентности, не позволяющей им контролировать вверенные им ведомства-монстры — это был вопрос.

Не дождавшись ответа, Президент продолжал:

— Опять пропустили удар! Как они прошли? Через две границы, через тысячи военнослужащих, через такое количество блок-постов?!

Это была первая всенародная порка, которую Ельцин устроил своим «силовикам» на 395-м дне Чеченской войны. Руководителем операции по ликвидации Радуева был назначен лично шеф ФСБ генерал армии Барсуков.

Но пока ему ничего другого не оставалось, как начать с Радуевым длинные и унижительные переговоры, ибо засевший в городской больнице за спинами двух тысяч заложников бывший комсомольский секретарь был практически неуязвим.

Все это происходило на территории Дагестана — самой близкой к Чечне по родству республике Северного Кавказа, смотревшую с ужасом на то, что российские войска вытворяют на соседней территории. И у Дудаева, разумеется, был план втянуть и Дагестан в войну против России. Поэтому вся операция требовала высокого искусства и деликатнос-

ти. А потсму она была поручена не армии, ни МВД, а ФСБ.

Видимо, и президент Ельцин знал о способностях этой службы лишь по художественным фильмам и романам Юлиана Семенова. Тем более, что сам Барсуков заверил своего начальника и благодетеля, что сейчас он может не беспокоиться. Радуеву не дадут уйти из Дагестана!

Успокоенный Президент занялся текущими государственными делами. Уже несколько дней газеты извивались от слухов и кривотолков, кого Ельцин назначит на пост министра иностранных дел взамен выгнанного Андрея Козырева? Назывались разные кандидатуры: от представителя России в ООН Воронцова, старого советского дипломата громыкинской школы, до фрондирующего в Думе Лукина, постоянно стремящегося вверх наподобие гриба-мухомора. Но Президент, который в своей кадровой политике всегда применял старый советский метод «обратного естественного отбора», снова удивил всех. На пост министра иностранных дел был назначен Евгений Примаков, занимавший пост начальника Внешней разведки.

Назначение академика Примакова на пост министра иностранных дел было столь же неожиданным, как и его предыдущее назначение на пост главного разведчика страны, поскольку он никогда не был ни дипломатом, ни тем более разведчиком. Востоковед по образованию, Примаков долгие годы работал корреспондентом газеты «Правда» в странах Ближнего Востока, выполняя, как и всякий советский журналист, мелкие задания КГБ. Вернувшись в СССР, Примаков длительное время крутился в раз-

ных идеологических структурах партийной печати, а затем вынырнул на посту директора Института мировой экономики. На этом посту его присмотрел Михаил Горбачев, перетащив на заре перестройки в свой Верховный Совет, где последний генсек тогда был председателем. Затем, став президентом СССР, Горбачев внедрил понравившегося ему Примакова во вновь созданный президентский совет, откуда он и достался по наследству президенту Ельцину. Все бывшее окружение Михаила Горбачева было безжалостно разогнано, однако Примаков, ко всеобщему удивлению, не только уцелел, но напротив, был назначен Ельциным на пост начальника Внешней разведки, только что отколупленной от КГБ. Видимо, на Ельцина, как и на многих других, положительно повлияла знаменитая поездка Примакова накануне «Бури в пустыне» к Саддаму Хуссейну, где тот якобы предсказал иракскому диктатору его неминуемое поражение в грядущей войне, хотя для этого не надо было быть большим пророком.

Назначение Примакова на пост начальника Внешней разведки все-таки можно было понять. Президент Ельцин, отлично понимая какую опасность для его власти представляет монстр КГБ, начал с того, что отсек чудовищу несколько щупальцев: части специального назначения, погранвойск и ПГУ, ставшее Внешней разведкой. На пост начальника последнего нужен был прежде всего верный человек.

Каким образом Примакову, вчерашнему соратнику Горбачева, удалось доказать свою преданность Ельцину — нам не известно. Но как-то удалось доказать. Но вот нынешнее назначение Примакова министром иностранных дел вызвало всеобщее изум-

ление. Даже в самой разведке все были смущены и растеряны.

Утонченная дипломатическая практика всегда диктовала необходимость размежевания Министерства Иностранных Дел и разведки. Даже Сталин и Гитлер придерживались этого старого правила. Наркомы и министры иностранных дел в сталинскую и послесталинскую эпоху нарочито никогда не пропускались через аппараты НКВД или КГБ. Достаточно вспомнить Литвинова, Молотова и Громыко. Это правило соблюдалось даже тогда, когда монстр КГБ фактически полностью сожрал МИД, а остатки подбело ГРУ.

Назначение вчерашнего шефа разведки главой дипломатического ведомства вызвало недоумение на Западе, но особенного шума не было. Какое в данной обстановке имело значение, кто будет возглавлять российский МИД: разведчик или гинеколог? Шум подняли только коммунистические газеты. Не на Западе, конечно, а в Москве. Памятуя ленинский завет говорить с народом на простом, понятном широком массам языке, «Правда», «Советская Россия» и «Завтра» хором разоблачили Примакова в том, что он еврей и в доказательство приводили какую-то сложную фамилию, которую они считали еврейской. Коммунисты настолько погрязли в борьбе с сионизмом, что шарахались от собственной тени, как обезумевшая лошадь.

Назначение Примакова, прошедшее на фоне захвата Радуевым Кизляра, осталось почти незамеченным. Все средства массовой информации переключились на события в этом, ранее мало кому известном, дагестанском городе. Там в результате перегово-

воров властей с Салманом Радуевым стороны пришли к соглашению, что отряд чеченского сопротивления будет выпущен обратно в родные горы в обмен на освобождение заложников. Как и в свое время Басаев, Радуев со своими бойцами разместился в предоставленных властями автобусах, обложился примерно 150-ю заложниками, и колонна, сопровождаемая машинами ГАИ, покатила в Чечню.

Проехав пограничное село Первомайское, автобусы подъехали к мосту через Терек, за которым начиналась территория Чечни. В этот момент боевые вертолеты, висевшие над колонной в течение всего пути от Кизляра, снизились и дали залп неуправляемыми ракетами. Неизвестно, в кого они целились, но попали, как водится, в машину ГАИ.

Радуев приказал развернуть колонну и вернулся в село Первомайское, состоявшее примерно из трехсот домов. Там он разоружил и захватил в плен 36 милиционеров новосибирского ОМОНа, охранявших въезд и выезд из села на бетонированных блок-постах, захватил село и приказал занять круговую оборону. Все взятые в Кизляре заложники, естественно, остались при нем.

Бывший командующий 14-й армией, а ныне независимый кандидат Думы, генерал Лебедь, комментируя ситуацию, заявил, что после публичной порки, которой Президент подверг своих силовых министров, Радуев и его отряд обречены на уничтожение. Лихой генерал был еще полон иллюзий.

В Москве же в обстановке неопишуемой торжественности VII съезд ЛДПР выдвигал кандидатом в президенты своего фюрера Владимира Жириновского. Сам вождь «либералов» выступил с длиннющей

речью, суть которой сводилась к простой формуле: «Голосуйте за меня, и вам не придется больше ходить на выборы!» Время от времени Жириновский прерывал свою речь и начинал декламировать слова из старых советских песен: «Но врагу никогда не добиться, чтоб склонилась твоя голова, дорогая моя столица, золотая моя Москва». Всегда смешно, когда песню не поют, а декламируют. Но среди талантов, которыми Создатель наградил Владимира Вольфовича, к сожалению, не было дара пения.

11 января агентство РИА распространило сообщение, что отряд Шамиля Басаева вышел из Чечни и движется по направлению к Моздоку, где находились основные тылы группировки федеральных войск, второй год воюющей в Чечне. Комендант Моздока сделал паническое заявление, что у него нет боеспособных частей для отражения нападения.

По каналам телевидения показывают кадры празднования генералом Дудаевым Нового года. Праздник проходит в окрестностях Грозного. Богато сервированный стол, бросается в глаза большое количество детей. Дудаев и его ближайшие соратники. Жена Дудаева, Алла, читает свои стихи. Сам генерал в приподнятом настроении. Он заявляет, что принял решение стать президентом России и ввести в России ислам в качестве государственной религии.

ФСБ сделала новое заявление о том, что по последним данным Шамиль Басаев решил не идти на Моздок, а собирается захватить подмосковный город Видное.

В городе немедленно началась паника. Закрылись школы. Люди перестали появляться на улицах, все

наличные силы милиции брошены на охрану городской больницы.

А под Первомайской продолжался торг. Село было взято в плотное кольцо войск и бронетехники, и Радуеву было предложено освободить заложников и сдать оружие под угрозой немедленного уничтожения. Радуев ответил, что для него и его людей самой заветной мечтой является смерть за генерала Дудаева.

15 января, как раз в тот день, когда президент Ельцин утвердил Николая Егорова на должность главы своей администрации, генерал Барсуков, лично появившись под Первомайской, отдал приказ о начале штурма села. Журналистов давно уже не подпускали в село даже на пушечный выстрел. Информацию они получали от генерала Михайлова, привезенного Барсуковым с Лубянки. Попавший в непривычные условия, генерал врал грубо и неумело. Помпезная обстановка его лубянского кабинета в прошлом сглаживала ту «чернуху», которую он гнал корреспондентам с небывалым апломбом. Здесь же, на глухом проселке, потеряв всю свою вальяжность, начальник ЦОС ФСБ выглядел в высшей степени неуверенно и даже жалко. Не глядя в камеру, он заявил представителям прессы, что войска были вынуждены начать штурм, поскольку в воскресенье, то есть вчера, Радуев начал расстрел заложников.

Генерал знал, что лжет, но так было приказано. При этом, как обычно, ссылались на «радиоперехват», как в канун войны с Финляндией. Для удобства властей Дудаев и Радуев общались на радио на русском языке с обязательными матерными ругательствами. Так вот, вчера генерал Дудаев приказал Ра-

дуеву «расстрелять всех заложников к е... матери!» На что Радуев ответил: «Не извольте беспокоиться, Ваше превосходительство, уже расстреливаю».

Накануне президент Ельцин, прогуливаясь по территории Кремля, неожиданно попал в окружение группы граждан, якобы находящихся там на экскурсии. Злые газеты потом утверждали, что все они — мужчины и женщины — являлись сотрудниками президентской службы безопасности, а дети были взяты напрокат из ближайшего детприемника МВД. Народ главным образом интересовала не обстановка под Первомайской, а будет ли Ельцин выдвигать свою кандидатуру в президенты на второй срок.

— Я выдвинусь,— обиженно заметил Ельцин,— а вы коммуниста выберете!

— Не выберем! Не выберем! — хором заверил народ.

— Значит, выдвигаться? — подобрел Президент.

— Выдвигаться, выдвигаться! — также хором запрочитал народ.

Примерно такой же разговор почти 400 лет назад вел с москвичами будущий царь Борис.

Поговорили и о положении под Первомайской.

— Операция подготовлена очень тщательно,— объяснил Президент.— Настолько тщательно, что никаких потерь не будет. А если и будут, то очень незначительные. Операция кончится сегодня, и все заложники будут освобождены.

Это как-то не вязалось с заявлением генерала Михайлова, что половина заложников уже расстреляна.

— Вот, скажем,— продолжал Ельцин,— 38 снайперов. Они постоянно следят, понимаешь, за 38-ю

целями, а если те двигаются, то и те глазами двигаются за ними и ждут приказа.

По поводу столь гениальной тактики возразить было нечего.

Между тем, в Первомайской события развивались в лучших традициях чеченской войны. Сначала по селу, где находились заложники, ударила артиллерия.

«Артиллерия ведет ювелирную работу,— покрываясь красными пятнами пояснял генерал Михайлов.— Вы не думайте, что мы бьем по площадям, мы бьем точно по тем местам, где находятся боевики».

Затем ювелирную работу продолжила авиация. Село запылало.

И тогда на приступ пошел спецназ. На подходе к селу солдаты наткнулись на пулеметный огонь и залегли, тут же попав под удар собственных вертолетов. Никто на передовых позициях не знал той частоты, на которых работают вертолетные радиостанции и не мог связаться с ними, чтобы они не били по своим. Вертолеты методично делали заход за заходом на залегшие цепи спецназа. Вдали артиллерийские наблюдатели засекли место, над которым трудились вертолеты непосредственной поддержки и решили помочь им. На цепи спецназа обрушился с тыла шквал снарядов. Солдаты поняли, что единственным спасением является движение вперед и, встав под огнем, ринулись в атаку на село, тут же попав под кинжальный пулеметно-автоматный огонь чеченцев.

Потеряв 100 человек убитыми, спецназовцы, дождавшись наступления темноты, отошли.

На следующий день новый глава президентской администрации Николай Егоров дал свою первую

пресс-конференцию, заявив, что в Чечне возможно лишь силовое решение. Главный виновник чеченской авантюры желал ее завершения в ореоле блистательных побед.

«После выборов,— пояснил Егоров,— Дудаев осознал свое поражение и теперь находится в агонии». Егоров упомянул о выборах. Но это были вовсе не выборы в Думу, которые дали столь интересные результаты. Он имел в виду выборы так называемого «главы Чечни», организованные Москвой в лучших традициях советских времен. Когда стало ясно, что марионеточное правительство Хаджиева и Автурханова не пользуются авторитетом даже у собственных сообщников, президент Ельцин, видимо, поддавшись ветрам времени, вытащил из своего президентского сундука бывшего 1-го секретаря рескома КПСС Чечено-Ингушетии старого партийного аппаратчика Доку Завгаева и, сдув с него нафталин, отправил в Грозный главой нового марионеточного правительства. Используя бесценный партийный опыт, Завгаев организовал выборы самого себя с помощью оккупационных войск, ибо, согласно российским законам, личный состав вооруженных сил принимает участие в выборах по месту своей дислокации. Завгаев не только обеспечил себе, как в добрые старые времена, 99,9% голосов (правда, позднее эту цифру было приказано уменьшить до 80%), но и создал великолепный прецедент для будущего демократического захвата любых территорий. Прекрасная схема: войска сначала вторгаются, а потом голосуют за кого прикажут. До таких высот не мог додуматься и сам товарищ Сталин.

Сам Завгаев предпочитал руководить Чечней из

своего кабинета в Москве, с нетерпением ожидая, когда через его руки потекут вожделенные триллионы рублей «на восстановление народного хозяйства Чечни», уничтоженного российскими бомбами.

Между тем, под Первомайской войска еще два раза ходили на штурм поселка, оба раза откатываясь с тяжелыми потерями.

Только на окраинах села обнаружили более 200 трупов российских солдат и офицеров. Среди них — начальник спецотдела СОБРа подполковник Андрей Крестьянинов. Именно в этот момент с Барсуковым произошла истерика, и он чуть было сам не повел войска на очередной штурм.

В такой обстановке в Москве начала заседать вновь избранная Дума, где более трети мест получили коммунисты. В итоге новым спикером Думы стал дружок Зюганова Геннадий Селезнев, а председателем думского Комитета по безопасности еще один коммунист — Виктор Ильюхин, бывший советский прокурор, возбудивший уголовное дело еще против Михаила Горбачева за принятие нового закона о печати, гарантировавшего свободу слова в стране. Это, по мнению Ильюхина, было равно государственной измене. Ретивого прокурора, объявившего войну генсеку партии, тогда, в условиях нарождающейся свободы, не только не расстреляли, но даже и не выгнали с работы. После этого он стал чрезвычайно смелым. Его способности профессионального плакальщика и провокатора могли поставить под угрозу безопасность кого угодно и чего угодно, что он вскоре, возглавляя Комитет по безопасности, с блеском доказал.

А под Первомайской войска снова предприняли

два штурма. Оба были отбиты. «Потоки крови и лжи»,— передавал с места событий собственный корреспондент «Известий» Яков.

И тогда к Первомайскому придвинулись системы «Град». Реактивные минометы залпового огня типа «Град» и «Ураган» считались системами оружия массового поражения и запрещались к применению в густонаселенных районах международными конвенциями. Но конвенции предусматривали использование этого варварского оружия только в войнах на чужой территории. В них ни слова не говорилось об использовании этих систем массового поражения на собственной территории против своего взбунтовавшегося народа.

Генерал Михайлов объяснил прибытие «Градов» к селу тем, что все заложники уже расстреляны Радуевым и чикаться с бандитами больше нечего. В действительности же все заложники (кроме четырех, погибших под российскими авиабомбами) были еще живы. И генерал знал это. Потому и бегали его номенклатурные очи.

Президент Ельцин оправдывал действия нового великого полководца генерала Барсукова и возмущенно говорил: «Басаева упустили тогда! Хотите, чтоб и Радуева упустили? На этот раз мы его поймем или уничтожим!»

«Упустили Басаева» — это был явный камень в огород Черномырдина, который ныне сидел тише воды и ниже травы, делая вид, что его ничего не заботит, кроме тех постов, которые его фракции НДР удастся получить в Думе.

В ночь с 17 на 18 января всех ждал новый сюрприз. Этой ночью Радуев, прорвав кольцо окруже-

ния, вывел свой отряд со всеми заложниками в Чечню, потеряв в ночном бою 15 человек и оставив 17 раненых на милость федерального командования. В итоге, хотя Президент и очень возмущался, что в Буденновске упустили Басаева, в Первомайской упустили и Радуева.

В очередной раз оскандалившиеся «маршалы» стали рассказывать Президенту такие сказки, в сравнении с которыми сказки Шехерезады выглядели архивными документами. Оказывается, в Первомайской Салман Радуев соорудил что-то среднее между линией Мажино и линией Маннергейма. Потому так долго пришлось топтаться армии под селом и потерять столько людей. Президент поверил в каждое слово своих любимых силовиков и не постеснялся повторить эти слова на весь мир, сказав в очередном телеинтервью: «Мы-то думали закончить в один день. Мы-то думали, что там соломенные домики! А там доты, дзоты, специальные сооружения, горы оружия, тяжелая техника! Там под землей огромная опорная база Дудаева! Горы оружия!» И Президент показал рукой, какой размер у этих гор оружия.

Всем было ясно, однако, что операция провалилась. Комментируя слова Президента о дотах, дзотах и горах оружия, газеты писали: «Если чеченцы соорудили в Дагестане огромную подземную базу, то куда смотрели все наши ФСБ и ГРУ, все эти Барсуковы, Степашины, Грачевы, Шахраи, Егоровы? Боевики, оказывается, не только ездят по России сквозь армии Грачева и Куликова, сквозь границы Николаева. Боевики еще и строят, где хотят».

Никто уже не понимал, то ли Дудаев еще раз посмеялся над полным бессилием российских сило-

вых ведомств, то ли эти самые ведомства, возглавляемые ФСБ еще раз посмеялись над своими руководителями и подставили их в надежде на новую смену своего руководства.

«Вся операция прорыва Радуева настолько незадейлива, что просто поразительно, как наши командиры не предугадали такого развития событий,— сообщала с места событий журналистка Юлия Калинина.— Как будто они хотели выпустить Радуева. Какая же запредельная беспомощность во всем: и в планировании операции, и в практическом воплощении. Неужели наши федеральные силы действительно ничего не могут, кроме как послушно погибать по приказу высокого командования».

Все это, однако, не помешало генералам Барсукову и Куликову появиться 20 января перед журналистами с важным видом спасителей отечества. Объявив, что операция по захвату села Первомайское проходила туго из-за нерадивости и неопрятного внешнего вида генерала Михайлова, который отстранен от должности начальника Центра Общественных Связей ФСБ, Барсуков заметил: «Чеченец может только убивать. Если не способен убивать, то он грабит. Если и это не способен делать, то он ворует, а другого чеченца нет. Таким образом,— подвел итог директор ФСБ,— чеченцы либо убийцы, либо бандиты, либо воры!» Таких характеристик российским национальным меньшинствам не рисковали давать ни Александр Баркашов, ни Анатолий Иванов, ни Владимир Жириновский, которых открыто считали фашистами. Журналисты оцепенели. Ведь перед ними был не какой-нибудь умалишенный в камуфляже со свастикой, а шеф ФСБ!

Что касается оперативной части, то Барсуков, тонко улыбаясь, заметил, что боевикам удалось уйти, поскольку он не ожидал, «как быстро они способны бегать босиком по снегу».

«Особо опасный государственный преступник, особо глупый государственный деятель», — охарактеризовал Барсукова известный столичный публицист Александр Минкин, опубликовав на страницах газеты «Московский комсомолец» заявление на имя генерального прокурора России.

«Господин генеральный прокурор! — писал Минкин. — Конституция России в ст. 29 говорит: “Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду”. Уголовный кодекс РФ в разделе “Государственные преступления” в ст. 74 говорит: “Умышленные действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, на унижение национальной чести и достоинства, пропаганду... неполноценности граждан по признаку... национальной или расовой принадлежности... совершенные должностным лицом, наказываются лишением свободы до 5 лет... А в случае, если эти действия повлекли гибель людей или иные тяжкие последствия, — до 10 лет”.

Директор ФСБ генерал армии Барсуков заявил: “Чеченцы либо убийцы, либо бандиты, либо воры”. Таким образом, генерал Барсуков совершил государственное преступление. Поскольку он не частное лицо, а один из силовых министров, в его подчинении десятки тысяч вооруженных людей, обязанных беспрекословно выполнять приказы своего командира. Если, как утверждает Барсуков, все живые чечен-

цы — убийцы, бандиты или воры, то хорошие чеченцы — это мертвые. Эти кремлевские взгляды, очевидно, и есть идеологическое обоснование бомбежек городов и ювелирного применения установок залпового огня.

Мы никогда не обольщались по поводу интеллекта генерала армии Барсукова. Но его детское объяснение, что боевики прорвались и ушли в Чечню, потому что слишком быстро бегают босиком, поставило точку в вопросе об умственных способностях шефа ФСБ. Если Федеральная Служба Безопасности в руках такого человека, то, уважаемый генеральный прокурор, нет сомнений — **ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ!**»

Почувствовав себя сильными, как никогда с 1986 года, красные, уже не стесняясь, открыто говорили, как они собираются отомстить всему населению России, которое даже не подумало защитить своими телами родную партию от демократов в 1991 году. «Все отправятся в лагеря и на трудовое перевоспитание!» — грозили на митингах провокатор Анпилов и генерал Варенников. Опубликованная Зюгановым программа, где невнятно говорилось о том, что коммунисты сохранят в стране все виды собственности, вызвало яростный визг собравшихся за его спиной безработных партторгов и обвинение в предательстве «интересов народа». Партторги, оставшиеся без должностей, стали пролетариатом конца XX столетия. Они хором вопили, что Зюганов скаптался в социал-демократическое болото. Сам Зюганов успокаивал их тем, что парткомы будут восстановлены на всех предприятиях независимо от форм собственности.

«Вздор и утопия!» — сказал бы по этому поводу товарищ Ленин.

«Товарищи! — скрипучим голосом вещал перед разволновавшимися парторганами генерал Варенников.— Ошибается тот, кто считает, что Геннадий Андреевич Зюганов склонился в сторону социал-демократии. Это ошибка, товарищи! У нас есть еще программа-максимум, которую мы еще не опубликовали!»

Зюганов был спрошен, что это еще за программа-максимум, которую коммунисты держат в секрете. Зюганов ответил, что генерал Варенников уже впал в старческий маразм и нечего слушать, что он несет.

Но и программа-минимум у Зюганова была замечательной: повсеместное увеличение зарплат, пенсии, восстановление вкладов, резкое увеличение производительности труда и уровня жизни населения. На вопрос, где он возьмет на все это деньги, лидер коммунистов делал загадочное лицо и говорил о каких-то 300.000.000.000 долларов, которые российские граждане держат от греха подальше в западных банках. Как он намерен их вернуть? Путем возбуждения уголовных дел. Как в старые времена: будем держать в заключении и бить до тех пор, пока сам не вернешь. А потом расстреляем.

В своих теоретических выкладках вождь коммунистов шел еще дальше. Он сам, будучи крупным ученым, и его ближайшие политические и экономические соратники предвидят, что поток западных субсидий после их прихода к власти может прекратиться, и коммунистическая власть может столкнуться с «голодными бунтами». Но мы готовы и к это-

му, не вдаваясь в подробности пояснил Зюганов. Он мог бы добавить: «Всегда готовы!» Как поступали коммунисты во время голодных бунтов, все еще хорошо помнили.

«Страна,— вещал далее вождь-робот,— теряет продовольственную независимость благодаря широкому импорту продовольствия из-за границы. Там, где теряется продовольственная независимость, там теряется и политическая! Мы прекратим импорт продовольствия из-за границы и поддержим отечественного сельхозпроизводителя».

Без сомнения, коммунистам было невыносимо больно смотреть на заставленные товарами магазины, как когда-то в партийных спецраспределителях. Еще большее было видеть полное отсутствие очередей, которые во времена их правления были основным признаком покойного СССР. Очереди за всем: за колбасой, за мукой, за сахаром, за носками, за колготками. Народ должен всю жизнь проводить в очередях, борясь за выживание, а не умничать! Другими словами, товарищ Зюганов снова подтвердил, что не боится голодных бунтов.

Что же касается «продовольственной независимости», то ее потерял в незапамятные времена еще Советский Союз, а вовсе не ельцинская Россия. Всех часто беспокоил вопрос, как мог Ленин, как-никак человек с высшим образованием и весьма начитанный, проводить такую странную политику по отношению к российскому крестьянству. Вождь, как известно, объявил крестьянство «мелкобуржуазной стихией», разделил их на кулаков, середняков и бедняков и в итоге привел русское крестьянство почти к поголовному истреблению. Благодаря ленинскому

гению русских крестьян было уничтожено больше, чем Гитлеру удалось уничтожить евреев. На что же рассчитывал вождь мирового пролетариата? Разве он не понимал, что страна, лишившись «сельхозпроизводителя», неминуемо потеряет продовольственную независимость, а потом, естественно, и политическую. Вождь все это прекрасно понимал, но несколько подобного развития событий не страшился. Главное было обеспечить сытную жизнь сплотившейся вокруг него номенклатуре и кое-какому «активу». А остальные могли подыхать с голоду или стоять в очередях всю ночь с обязательной явкой на работу на следующее утро.

КПРФ Зюганова объявила себя наследницей не только КПСС, но и ВКП(б), а следовательно и наследницей ленинско-сталинских методов прихода к власти и ее удержания. Хотя Зюганов, чей рейтинг еще неофициального кандидата в будущие президенты во много раз опережал всех других потенциальных кандидатов, включая и впавшего в инфантильность Ельцина, успокаивал своих сторонников, не устанно повторяя, что коммунисты придут к власти исключительно парламентским путем, и он, и его сообщники отлично понимали, что путем выборов власть можно получить чисто формально. А для того, чтобы полученную власть реализовать, нужна сила. Несмотря на большое количество сторонников в ФСБ, МВД и армии, Зюганов знал, что силовые действия нужно будет предпринимать стремительно, и для этого на первых порах нужно иметь собственные боевые вооруженные отряды, пусть даже в небольшом количестве. Часть подобных отрядов уже была создана, часть — стремительно создавалась. Причем

ФСБ, погрязшая в боях с Дудаевым и Новодворской, упорно делала вид, что ничего не замечает.

Отряды красных штурмовиков делились на три категории подразделений. Первая категория — «Группа объединенных отрядов» — состояла из сотрудников органов внутренних дел, потерявших работу после 1991 года, бывших молодых сотрудников райкомов, тогда же оставшихся не у дел, и членов так называемых «комсомольских оперативных отрядов», откуда в свое время черпал свои кадры КГБ.

«Объединенные отряды» существовали при двух почти фиктивных компартиях — «Обновленная КПСС» и «Левые коммунисты», чтобы на всякий случай вывести из-под удара властей зюгановскую КПРФ.

«Искусственные» партии специально создавались Зюгановым как запасные структуры. Если Ельцин, вдруг потеряв терпение, запретил бы деятельность КПРФ, зюгановцам достаточно будет, как меняющим кожу змеям, сменить опальную оболочку на новую, заранее зарегистрированную минюстом. Кроме того, «искусственные» партии играли роль крыши, занимаясь полукриминальной и полуполюгальной коммерческой деятельностью вроде содержания казино и подпольных борделей, что могло бы подпортить светлый образ самого товарища Зюганова и его партии, а вместе с тем богато снабжало нового вождя нового пролетариата деньгами.

Подобная коммерческая активность коммунистов была не только средством добывания денег, но и логовом второй категории «революционных матросов». На деньги коммунистов уже было создано около десятка фирм, рекламирующих «обучение тело-

хранителей, охрану офисов, сопровождение грузов и т.п.» Все работники подобных фирм представляли личный состав для подпольных «красных бригад». Это была совершенно легальная структура, имевшая подтвержденное лицензией право на радиотелефонную связь и владение оружием. «Красными бригадами» они были, перефразируя знаменитое изречение апостола Павла, пока только в сердце своем.

«Третья категория» партийных борцов состояла из разношерстных и политически неустойчивых юношей, собранных при муниципалитетах под видом «народных дружин» и руководимых компартией. Всей этой боевой деятельностью занимался наш старый знакомый генерал Ачалов, создавший для этой цели так называемый «Ачаловский фонд» на деньги Садама Хуссейна.

Помимо столичных вооруженных формирований, численность которых уже оценивалась примерно в 3000 человек, у коммунистов существовали и резервы за пределами Москвы. Золотым фондом партии считались приднестровские боевики, уже призванные партией на подвиг в октябре 1993 года, и, как ни странно, боевые отряды Конфедерации народов Кавказа, руководство которых состоит сплошь из первых и вторых секретарей бывших рескомов и обкомов КПСС.

От партии не отставал и новый комсомол, поскольку партия сказала «надо». Перед смертью «мама-КПСС» сумела наделить из своих несметных сокровищ всех: и маоистов, и чучхеистов, и гвардейцев-большевиков. Но наиболее крупными «близнецами» получились Российский коммунистический союз молодежи и старый добрый ВЛКСМ.

Газеты по этому поводу ехидничали: «Один из близнецов удался в папу — прожигает задорные годы в застольях и Сандунах. Другой — странный ребенок, ручки-ножки тоненькие, как у младенца, но голова огромная, мамина. Прожигатель жизни весь на виду. Митингует на пару с Анпиловым, пьет из одного графина с Зюгановым и со всеми вместе распевает: «Вставай, страна огромная!» Другой ведет уединенный образ жизни. Спрятавшись в подмосковных лесах, он настойчиво овладевает навыками партизанской войны...»

В подмосковном Наро-Фоминске совершенно официально развернут «Военно-спортивный лагерь ВЛКСМ», где изучают азы диверсионной деятельности: подрыв мостов и железнодорожного полотна, учатся «как надо связывать врага, чтобы он не дернулся». Занятия проводит лично секретарь МГК ВЛКСМ Вячеслав Скворцов.

Скворцов, бывший некогда спецназовцем ГРУ, отколовшись от «разложенца» Малярова, превратил новый ВЛКСМ в настоящий боевой отряд партии. В основанном им учебном центре обучаются не только москвичи, но и посланцы из всех регионов страны. Огромную помощь им оказывает расквартированный поблизости 119-й полк ВДВ.

Один из ближайших помощников Зюганова, уже упоминаемый экс-прокурор Виктор Ильюхин, захватив пост председателя думского Комитета по безопасности (чего? кого?), тут же сделал заявление в лучших коммунистических традициях: «Власти собираются оклеветать КПРФ. Для этого будет сфальсифицировано обвинение в том, что коммунисты готовят специальные боевые структуры». По словам

Ильюхина, соответствующие инструкции уже переданы в спецслужбы «оккупационного режима».

Заявление Ильюхина, желающего отстирать свою партию, совпало по времени с обнаружением в самом центре Москвы еще одного логова «коммунистических боевиков» из так называемых «красных бригад». Не подумайте, что их обнаружил ФСБ, возглавляемый безгранично преданным Президенту генералом Барсуковым. Вовсе нет! Как всегда это сделала пресса. Боевики тренировались, как обычно, в навыках рукопашного боя и стрельбы. Тренировка в стрельбе велась исключительно на портретах президента Ельцина, Гайдара, Явлинского и Ковалева. Зарядили винтовки, легли на землю. Прозвучала команда: «По предателям Родины, огонь!» Началась стрельба. Больше всех досталось самому президенту Ельцину, меньше всех — Явлинскому. После тренировок «краснобригадовцы» любят помечтать, как они будут жить после свержения «оккупационного режима»: «Когда мы победим, у нас будут все машины-иномарки, огромные дачи, красивые женщины, дорогая техника... Все, кто сейчас смеется над нами, будут очень скоро лизать нам сапоги, чтобы мы их не поставили к стенке. Даже при коммунистах есть господа и рабы. Многие из нас будут руководить концлагерями, мы к этому готовы».

Руководил «бригадовцами» Василий Дубинин, а патронировал некий офицер из бывшего КГБ. Посещал бригады и генерал Макашов. Денег не дал, приказал ждать сигнала к выступлению, а чтобы до этого не соскучиться, рекомендовал прокалывать шины иномаркам и избивать распространителей демократических газет. Очень в духе Макашова.

Кроме грубых солдатских наставлений отца-командира существовала и более серьезная идеологическая обработка. Среди боевиков распространялась новая большевистская литература, которую, по заявленному Зюгановым правопреемству, можно было считать наследницей ленинской «Искры». Названия книг новой марксистской литературы говорят сами за себя: «Умучение от жидов», «Трупные пятна ожидовления», «Завещание Гитлера», «Чеченцы — евреи Кавказа», «Сталин-воитель», «Ленин — наше знамя».

Специальная брошюрка дает настоящие фамилии засевшей в Кремле «сионистской банды».

И эта, как и прочие группировки коммунистического толка, не имеет никакого отношения к баркашовским отрядам и прочим коричневым. Такую трансформацию прошла партия, созданная некогда евреями. «Таков наш век — слепых ведут безумцы!» — как выразился однажды Юрий Кашин.

Напротив, сами баркашовцы присматриваются к «красным бригадам»: не перейти ли туда от поддерживающего Ельцина Баркашова. «Эти, похоже, неплохо подготовлены к войне», — заметил один из коричневых, наблюдая за красными. У бригады много оружия. По их словам, они покупают «стволы». Им наплевать, «мокрые» это стволы или чистые. «Скоро в Москве все стволы станут “мокрыми”, особенно если Зюганов проиграет», — считает Дубинин. Бригады ждут сигнала к выступлению, имея уже вполне конкретную задачу: захватить все оружейные магазины и обменные пункты валюты.

Все продумано, как в октябре 1917 года.

Все это делалось совершенно открыто. «Красные бригады», пренебрегая ленинскими заветами о кон-

спирации и еще раз о конспирации, группами по 5-6 человек патрулировали улицы города, красуясь своим камуфляжем и нарукавными повязками с изображением серпа и молота. Они проверяли документы у кого вздумается, брали дань с ларечников, приставали к прохожим. Милиция ничего не замечала. Ничего не замечала и Служба Безопасности президента Ельцина, лик которого использовался в качестве мишени на пока еще учебных стрельбах.

На более высоком уровне наступление коммунистов продолжалось широким фронтом. Робкое предложение горстки демократических депутатов Думы новому спикеру Геннадию Селезневу приостановить на время своего председательства членство в партии вызвало громкий и злорадный смех Селезнева, поддержанный столь же злорадным смехом его соратников по партии. Ваше время кончилось, трепещите!

Зюганов снова подтвердил, что главной целью его партии после прихода к власти будут: денонсация Беловежского соглашения и восстановление СССР (каким образом — вождь КПРФ не объяснял) и, разумеется, национализация: банков, промышленных предприятий, а, если будет целесообразно, то даже мелких лавочек и квартир.

Неожиданно коммунистов поддержал не кто-нибудь другой, а сам министр внутренних дел генерал армии Куликов, который, помимо всего прочего, был еще и доктором экономических наук. Чтобы покончить с государственными долгами по зарплате, в том числе и его ведомству, генерал предложил национализировать ряд крупных банков и компаний, включая «ЛУКойл», «Юкос», «Газпром», «Автоваз» и ЗИЛ. Национализация по-генеральски имела все при-

знаки конфискации, что противоречило нынешнему закону о неременной компенсации владельцам национализированных предприятий.

В это же время Зюганов, войдя в раж, стал одну за другой выпускать теоретические работы по эволюции марксизма-ленинизма. Какой же вождь партии без теоретических работ? Такого не бывает!

Если бы покойный Ленин имел возможность прочесть любую из зюгановских работ, то немедленно бы приказал Феликсу Эдмундовичу расстрелять Зюганова как «могильщика мировой революции». Отбросив интернациональную сущность марксизма-ленинизма, партия Зюганова усохла до примитивного нацизма. Коммунистического в классическом понимании этого термина в работах Зюганова почти ничего и не осталось. Но зато везде проступали: типичная националистическая имперская риторика, антисемитизм, ксенофобия, воинствующее неприятие Запада. Даже хрущевскую «оттепель», открывшую для миллионов узников ворота ГУЛАГа, Зюганов считал первой стадией заговора против Советского Союза. За всем этим, по твердому убеждению нового вождя, стоит мировое еврейство, попортившее столько нервов товарищам Гитлеру и Сталину.

К этому времени подоспела и новая программа КПРФ. Программа была богата пересыпана давно забытой лексикой: «...ликвидация эксплуатации человека человеком», «коммунизм как историческое будущее человечества», «развивающееся марксистско-ленинское учение», «передовой отряд, ядро современного рабочего класса» и тому подобные вкусности.

Программа, правда, не планировала строительство коммунизма, а предполагала всего лишь строитель-

ство социализма. Строительство социализма делилось на «три этапа». На третьем этапе должен был наступить «полный социализм», когда «будут закладываться и развиваться необходимые предпосылки для коммунизма». Главной опасностью для социализма, уверяла программа, является «бацилла мелкобуржуазности». Поскольку ее не вытравили вовремя, она и погубила дело социализма, тем самым подтвердив гениальное предвидение товарища Сталина о том, что классовая борьба усиливается по мере успехов в построении социализма.

Из программы хорошо было видно, что ждет страну в случае прорыва Зюганова в президенты. Страну ждет начало строительства социализма, то есть новый незабываемый 1919 год. Резко изменится политический режим, будет введена цензура, закрыты границы, начнется систематическая охота за опасными для дела строительства социализма «носителями бациллы мелкобуржуазности». У России появлялась заманчивая перспектива откатиться лет на 70 назад в свое дремучее и кровавое прошлое.

Такова была обстановка, когда 15 февраля в Екатеринбурге простуженный Ельцин хриплым, севшим голосом объявил о своем намерении баллотироваться в президенты на второй срок. Объявив об этом, Президент, как в старые времена, когда он катался по Москве в троллейбусе, прокатился в вагоне екатеринбургского метро в сопровождении верного Коржакова.

Однако, это, как и следовало ожидать, нисколько не повысило президентский рейтинг. Зюганов по-прежнему шел впереди с огромным отрывом.

Ельцин, за которого потенциально соглашались проголосовать не более 5% избирателей, мелькал в задних рядах кандидатов в кандидаты, где-то между Говорухиным и Мавроди.

А новое триумфальное шествие «советской власти» продолжалось.

На предприятиях и в учреждениях явочным порядком и без лишнего шума начали восстанавливать парткомы. В провинциальных городах коммунисты стали захватывать бывшие здания райкомов и требовать возвращения всего конфискованного у КПСС в 1991 году имущества.

По радио и телевидению все более настойчиво звучали песни типа «Артиллеристы, Сталин дал приказ!», рассказы советских писателей и телесериалы о подвигах чекистов.

А война в Чечне, между тем, продолжалась, принимая небывалые по жестокости формы. Этим валом президента Ельцина отбросило влево, и он стал просто подыгрывать коммунистам. Восстанавливались старые связи с Пхеньяном, Багдадом, Гаваной и Триполи. Сначала туда посылали Жириновского, потом самого Примакова. Газеты поместили фотошарж, изображающий Ельцина и Примакова, ищущих что-то на полу. «Нашел!» — кричал Примаков. «Что нашел?» — интересовался Ельцин. «Государственные интересы России!» — с торжеством отвечал министр иностранных дел и уезжал либо к Фиделю Кастро, либо раздувать очередной ближневосточный кризис.

Тем временем Россию приняли в Совет Европы, куда на торжество по этому случаю отправилась

весьма странная компания: Зюганов, Жириновский, Селезнев и Сергей Ковалев.

Международный Валютный Фонд предоставил России очередной заем в несколько миллиардов долларов, видимо, на строительство социализма. Но корм был явно не в коня.

«Что это мы так озабочены состоянием российской экономики,— начали задавать вопрос американские и западноевропейские газеты.— С какой стати мы все думаем, как ей лучше помочь? Они, похоже, собираются проводить ренационализацию, усилить капиталовложения в обанкротившиеся предприятия и отрасли промышленности, отвести в сторону саму идею собственности на землю, зафиксировать стоимость рубля, то есть отпустить фактическую инфляцию, задавить свой едва родившийся рынок, иными словами, опять затолкать самих себя в социалистический тупик.

Ну и что? Давно пора понять, что Россия нам вовсе не союзник, отнюдь не член содружества свободных стран, она отталкивает от себя Запад, помощь-то берет, но с кривой физиономией, ее больше идея собственного величия беспокоит, чем идея демократии. Так что пускай снова себя загоняет в свой дурацкий порочный круг: чем пуще развалится это государство, которое, очевидно, неспособно честно войти в мировое сообщество, тем лучше для США и для всего Запада».

15 марта 1996 года коммунисты в Думе выполнили свои предвыборные обещания и денонсировали Беловежское соглашение, объявив о восстанов-

лении СССР, поставив этим самым Россию и все страны СНГ вне закона.

Отныне на пространстве бывшего СССР не существовало больше ни легитимных границ, ни правительств, а страны Балтии лишались своей независимости.

Судя по всему, сами коммунисты решили просто в очередной раз похулиганить, только поставив этот вопрос в повестку на голосование. Как бы много их ни засело в Думе, одних коммунистических голосов было бы все-таки недостаточно, чтобы решение было принято. Тем более, никто больше голосовать «за» не собирался. Даже Владимир Жириновский накануне сообщил, что его фракция голосовать за эту глупость не собирается. Но «царский шут» был далеко не так глуп, как товарищ Зюганов, хотя столь же хитер.

На следующий день без всяких объяснений фракция Жириновского проголосовала за денонсацию Беловежского соглашения вместе с коммунистами. Причем на «либералов» Жириновского никто не обратил внимания, а все возмущение общественного мнения России, СНГ и мира обрушилось на головы коммунистов и персонально на товарища Зюганова. На общественное мнение страны и мира коммунистам-зюгановцам было, по традиции, глубоко наплевать.

Но на них вдруг обрушился гнев Президента Ельцина.

Подобно медведю, пробуждающемуся от зимней спячки, Президент издал грозный рык, показав свои старые боевые клыки, о которых с октября 1993 года все успели забыть. Какие могут быть клыки после двух сердечных приступов, размытой политической позиции и явной измены делу демократии, на волне

которой он и пришел к власти?

Для начала Президент назвал решение Думы скандальным. Затем оценил это решение как гнусную «политическую провокацию», намекнув (только намекнув!), что его терпение может лопнуть, и он примет к коммунистам «адекватные» меры.

Зюганов тут же впал в истерику, заявив, что имеет точные сведения (от американской разведки?) о подготовке в Кремле силового решения против Думы (читай — компартии). Все его сообщники начали хором оправдываться. Мелькали растерянные и испуганные лица обычно наглого Селезнева, Ильюхина и Лукьянова, сбивчиво объясняющих, что Президент-де не так понял их решение, что речь идет вовсе не о том, что...

Ельцин не так давно заметил, что Лукьянову, Варенникову и Рыжкову сидеть надо не в Думе, а на нарах в «Матросской тишине». Двое из трех уже там побывали и возвращаться даже на комфортабельные «нары» совсем не хотелось.

Всем вдруг стало предельно ясно, что коммунисты способны взорвать страну даже не по злему умыслу, а просто по слабоумию и непониманию реальной обстановки.

Но всё обратили внимание и на другое: как быстро, от одного президентского рыка, коммунисты превратились из грозных триумфаторов в толпу перепуганных и оправдывающихся мелких пакостников.

Упоенный победами Зюганов совершил с денонсацией Беловежского соглашения вопиющую глупость, фактически потеряв шансы стать президентом и предоставив президенту Ельцину трамплин для

невероятного рывка вперед. Подобно разъяренному медведю Ельцин стал драть своими клыками коммунистические сказки и мифы. Наконец все увидели Ельцина образца 1991 года: кипучую энергию в сочетании со здравым смыслом.

Зюганов же, как по заказу, продолжал совершать одну глупость за другой. То в разговоре с западными корреспондентами он заявит: «Я предоставлю вам сказочные условия для инвестиций. Только не вмешивайтесь в наши внутренние дела». То, выступая перед отечественными ветеранами ляпнет, что в нынешних школьных учебниках по литературе нет Пушкина.

Кто мог приподнести Зюганову такую «дезу» — это один вопрос. Но как сам Зюганов мог поверить, что в России возможен учебник русской литературы без Пушкина? Где он жил последние 50 лет?

Пока президент Ельцин и лидер воскресших, как вампиры, коммунистов Зюганов вели друг с другом предвыборную пристрелку, ни на секунду не прекращались ожесточенные бои в Чечне, к которым в стране уже начали привыкать как к чему-то совершенно обычному. Прекратились даже робкие протесты, исчезли куда-то далеко за кулисы Комитета солдатских матерей. Соответственно росли и потери. После срыва в сентябре мирного соглашения эти потери стали предметом скупых ежедневных сводок во всех средствах массовой информации. О них говорили теми же бесстрастными голосами, как и при передаче прогноза погоды.

К Новому, 1996 году, по официальным сообщениям они (потери) уже составляли 252 убитых и 706

раненых. После Кизляра и Первомайской — 304 убитых и 917 раненых, после штурма Новогрозненского — 368 убитых и 1036 раненых, а после штурма Грозного к середине марта потери уже составляли 567 убитых и 1580 раненых, продолжая постоянно расти. Когда же президент Ельцин 31 марта, наконец, обнародовал свой план мирного урегулирования Чеченской бойни, цифры потерь примерно за полгода уже составляли 649 убитых и 1950 раненых.

О плане президента давно уже ходило много самых разнообразных слухов. Политические обозреватели извивались ужами, пытаясь эти планы прогнозировать. Из кругов, близких к Кремлю, шли самые невероятные слухи. Разработано 7 (семь) вариантов мирного урегулирования, президент склонен вывести войска из Чечни и «даровать» мятежной республике независимость. Нет, утверждал другой источник, напротив, президент склонен принять еще более решительные меры против «незаконных бандформирований Дудаева», ибо убежден, что мира в Чечне добиться невозможно без их поголовного истребления. Нет, говорили третьи, президент будет использовать гибкую тактику кнута и пряника.

Кнутом считался снос с лица земли с помощью артиллерии, авиации и танков очередного чеченского села (как правило, вместе с населением), а пряником — передача денег на «восстановление народного хозяйства Чеченской республики», которые вручались московскому ставленнику Завгаеву и разворовывались совместно с его московскими друзьями, сообщниками и покровителями, официально называемыми «законно выбранным правительством Чеченской республики». Методы, которые покойный

Советский Союз применял на чужих территориях, свободная Россия с тем же успехом использовала на собственной территории.

31 марта ведущие обозреватели разных средств массовой информации были вызваны к президенту. Он объявил им, что отдал приказ прекратить огонь в Чечне и начать вывод оттуда войск, для начала — из «спокойных» районов. Какие районы Чечни он считает «спокойными», Ельцин не пояснил, но добавил, что готов вести переговоры с Дудаевым, правда, через посредников. В качестве таковых президент назвал своего коллегу президента Казахстана, одного из арабских шейхов и известного в прошлом правозащитника Юрия Орлова. Ельцин признал, что Дудаев пользуется «известным авторитетом» у части чеченского народа, но посетовал на «слишком жесткую» позицию чеченского генерала, выразив надежду, что эта позиция смягчится, поскольку и речи быть не может о предоставлении Чечне независимости. Ельцин с горечью заявил также, что война, к сожалению, была неизбежна, так как амбиции генерала Дудаева распространялись на захват огромной территории от иранской границы до Ставропольского края.

Журналисты молча съели эту ахинею, а президент продолжал, заметив, что Дудаев ждет прихода к власти коммунистов, чьим агентом он, в сущности, и является.

В то время, когда президент философствовал о мире вечном вообще и о мире в Чечне в частности, в самой Чечне боевые действия продолжались, поскольку, как заметил генерал Тихомиров, войну точно в полночь 1 апреля, как повелел президент, кон-

чить невозможно. Тем более, отметил генерал, что если Ельцин приказал начать переговоры, то он это понимает как переговоры о сдаче оружия. А о чем еще можно разговаривать с бандитами?!

Логичные рассуждения генерала были прерваны сообщением, что очередная российская бронеколонна попала в очередную засаду и была полностью уничтожена бойцами сопротивления, потеряв, по официальным сообщениям, 28 человек убитыми, 75 ранеными и 40 — пропавшими без вести.

Но Чеченская война была весьма странной и в том отношении, что генералы на ней делали карьеру не благодаря победам, а благодаря поражениям. Так, генерал Романов, которого охранял целый батальон спецназа и отдельная команда ФСБ, был взорван в своей машине прямо в центре города, явно продемонстрировав на весь свет, насколько он контролирует обстановку. Находящийся в коме генерал-лейтенант Романов был произведен в генерал-полковники, а охранявший его спецназ получил эпитет «легендарного». О них до сих пор говорят почти с мистическим уважением: «Это те парни, что охраняли генерала Романова».

Сменивший Романова генерал Шкирко сдал повстанцам Гудермес, за что немедленно был также произведен в генерал-полковники и переведен в Москву со значительным повышением, став командующим внутренними войсками. Заступивший на его место генерал Тихомиров, видимо, решил делать карьеру по методу своих предшественников.

Когда в марте повстанцы захватили Грозный, многие уже думали, что вот теперь Тихомирова произведут в генералы армии и назначат министром

обороны на место всем надоевшего генерала Грачева. Как выяснилось, оптимисты ошибались. Генерала всего лишь прочили на место командующего Московским военным округом, но для этого просто сдать Грозный было мало.

Как и следовало ожидать, приказ президента прекратить огонь с «ноля часов» 1 апреля привел к невероятному ожесточению боевых действий в Чечне. Как в разгар сражения на Курской дуге, сотни стволов дальнебойной артиллерии вели огонь по чеченским кишлакам и аулам, звено за звеном заходили в атаку суперсовременные бомбардировщики, чьи бомбы и ракеты были во много раз дороже бомбардируемых крестьянских домиков. Чтобы мирное население не могло найти спасения в подвалах своих домов, авиация начала использовать специальные бетонобойные и глубинные бомбы, секретно разработанные для ударов по бетонным бункерам американских и натовских штабов.

Горели танки и бронетранспортеры. Несмотря на столь эффектную демонстрацию огневой мощи и всесокрушающего вида боевой техники, транспортные самолеты не успевали вывозить раненых из зоны боевых действий. Ранеными были забиты все окружающие госпитали от Смоленска до Хабаровска. То, что это безумие творится на собственной территории, уже не думал практически никто. Старый марш «Истребим, уничтожим врага!» гремел при фактическом самоистреблении.

Таков был фон, когда 3 апреля 1996 года президент Ельцин официально зарегистрировался в качестве кандидата на второй президентский срок.

Сделав это, президент направился в Белгородскую область, где, со свойственным ему восприятием реальности, заявил, что «в Чечне уже мир».

К великому своему изумлению (и радости) Ельцин обнаружил, что собравшийся на «стихийный» митинг «простой народ» интересуется не столько положением в Чечне, сколько судьба Черноморского флота. Президент был очень тронут. Почувствовав доверительную обстановку, глава государства признался, что таким «народным депутатам», как Рыжков, Лукьянов и Варенников, надо не в Думе сидеть, а в «Матросской тишине». Так в народе любовно называли следственную тюрьму бывшего КГБ в Лефортово.

Слушавший президента народ воспринял шутку президента смехом и аплодисментами, ибо речь президента произносилась именно в том избирательном округе, откуда совсем недавно был выбран в Думу Рыжков.

Нижегородский губернатор Борис Немцов, ярый сторонник Ельцина, прославившийся на всю страну дракой с Жириновским во время прямого выступления по телевизору, призвал всех голосовать на предстоящих выборах за нынешнего президента, заявив: «Мы не только выбираем между плохим и ужасным, а выбираем между тремя войнами: чеченской, гражданской и мировой». Я предпочитаю, уточнил губернатор, Чеченскую войну. Пусть себе Ельцин ведет эту войну. А вот Зюганов — тот сразу же развяжет Гражданскую, поскольку начнет переделывать собственность методами своего бессмертного учителя, то есть методами, которыми «великий учитель» уже однажды подобную войну и разжег. А если, упаси Бог, президентом станет главный либерал страны, то тут,

как говорится, «туши лампы», поскольку вождь либералов давно поклялся, что еще до собственной инаугурации прикажет обрушить на США всю мощь термоядерного потенциала, накопленного некогда Советским Союзом.

Поэтому пусть лучше продолжается Чеченская война.

И она продолжается!

На поле, под никому не известным селом Гойское, лежат 200 трупов русских солдат, в очередной раз пытавшихся взять это село штурмом. Командующий местными силами сопротивления Руслан Га-лаев закликает Федеральное командование убрать трупы, отправить их родным или похоронить по православному обряду.

Подобных призывов Федеральное командование не желает слушать с декабря 1994 года, когда бродячие собаки поедали на улицах Грозного трупы русских солдат. Не желает оно это слышать и сейчас.

Волна за волной солдаты идут на штурм затерянного в Предгорье никому неведомого кишлака. Ревут артиллерия, вертолеты с бреющего полета расстреливают дом за домом, авиация забрасывает руины шариковыми и игольчатыми бомбами. Новая волна бомбардировщиков использует напалм. Но штурм отбит. Войска откатываются, потеряв 65 человек убитыми, 168 ранеными и 32 пропавшими без вести.

И так каждый день по всей Чечне.

Армия истекает кровью, истребляя в бессильной злости мирное население. Любая попытка вмешательства извне вызывает злобную реакцию о вмешательстве во внутренние дела России. Массовое истреб-

ление собственного населения и у Советского Союза, и у России всегда считалось делом внутренним, чисто семейным, поскольку управляли геноцидом «отцы» нации, скромно именуемые вождями, как в племенах африканских и полинезийских людоедов. Но там, по крайней мере, никого не ели из собственного племени.

«30% военнослужащих в Чечне готовы повернуть оружие против тех, кто их туда послал,— со свойственной ему солдатской прямоотой заявил один из кандидатов в новые президенты России генерал Лебедь.— Еще 10% думают также, но молчат. Войну нужно убивать жестоко, и я знаю, как это сделать».

Лебедя еще плохо видно и слышно, он еще теряется на фоне высокодержавных ликов Ельцина и Зюганова, к нему еще относятся не очень серьезно, особенно после того, как возглавляемый генералом Конгресс Русских Общин с треском проиграл выборы в Думу. Тем более, что и слова эти были сказаны бывшим командующим 14-й армии на каком-то совершенно несолидном митинге, где рядом с генералом на трибуне стояли Михаил Горбачев, Григорий Явлинский и Валерия Новодворская.

А над Чечней проносятся самолеты без опознавательных знаков, продолжая бомбить кишлаки и поселки. Они всегда появляются в чеченском небе, как только делается робкая попытка заговорить о мире. И всякий раз главком ВВС страны генерала Дейнекин собирает по этому случаю пресс-конференции, уверяя журналистов, что он понятия не имеет чьи это самолеты, но может твердо заявить, что они не принадлежат к военно-воздушным силам России. Журналисты недоумевают: чьи же это самолеты так

вольготно чувствуют себя в российском небе. Мало того, они еще и бомбят российскую территорию! Как это все понимать? Чеченская война давно уже превратила некогда мужественного и интеллигентного генерала Дейнекина в неумело оправдывающегося преступника. Еще до вторжения войск в Чечню в 1994 году ему приходилось врать и изворачиваться, уверяя всех, что он не знает, чьи самолеты бомбят жилые кварталы Грозного. Тогда они вместе с Сосковцом не постеснялись публично озвучить версию о взрыве домов в Грозном по приказу генерала Дудаева с единственной целью свалить это преступление на федеральную авиацию.

Сейчас же главком ВВС, сделав таинственное лицо, сообщил журналистам жуткую военную тайну: у Дудаева есть своя авиация. Именно она и бомбит чеченские аулы, чтобы вызвать у простого народа чувство ненависти к России. Все, кто хоть немножко понимает, что представляет из себя современная авиация и какого она требует обслуживания, недоверчиво смотрят на лихо врущего главкома. Но тот даже не краснеет и не отводит глаз, как зимой 1994 года. Самолеты Дудаева, разъясняет генерал, базируются в Азербайджане. Там у них тайные базы, где развернуты все сложнейшие современные системы аэродромного обслуживания. Не забывайте, уважаемые, что Дудаев — летчик. Он знает толк в подобных делах, а в Азербайджане у него полно сторонников, особенно среди военных.

Однако, на главный вопрос главком ВВС так и не смог ответить. Если у Дудаева есть авиация, то почему она бомбит собственную территорию, а не нанесет удар по базам федеральной авиации на тер-

ритории Ставропольского края, Северной Осетии и Дагестана?

Если в небе свирепствовали «неопознанные» самолеты, то на земле мало стеснялись в выборе методов. Генералы слали победные реляции, уверяя Москву, что с «бандитами» будет покончено к началу мая.

О приказе президента прекратить огонь никто даже не вспоминал, будто его и не было. В крупное чеченское село Шали, всего через 10 дней после этого указа, ворвалась пьяная банда мародеров, именующая себя казачьим добровольческим полком имени генерала Ермолова. «Это русские «непримиримые», — мягко прокомментировали событие официальные источники. Казаки просто продолжают дело своих предков.

А в Москве по городским автобусам и троллейбусам ходят улыбочивые пареньки и девчата, продавая всем желающим наставление в виде хорошо изданной брошюры «Как убить Ельцина». В брошюре подробно описаны все маршруты движения президентских кортежей по Москве и дорогам области, приводятся планы президентских резиденций и окон, за которыми глава государства находится лично. Огромная служба безопасности президента хранит гробовое молчание, видимо, участвуя в доле по реализации брошюры, чтобы заплатить зарплату своим сотрудникам.

Продолжаются страшные в своей бессмысленности бои под чеченскими селами предгорья. С момента выхода президентского указа о прекращении огня с 1 апреля, за 10 последующих дней в спецморг

Ростова-на-Дону доставлено 83 солдатских трупа, которые невозможно было опознать. Трупы, которые опознать было возможно, направлялись во Владикавказ — их было 116. В госпитали поступило 332 раненых. В русских городах уже подрастало новое поколение молодых парней, которые, не зная названий ни одного города на территории России, включая и Москву, знали наизусть не отмеченные на картах, забытые Богом чеченские кишлаки: Шатой, Ведено, Гойское, Бамут...

13 апреля перед журналистами снова возник главком ВВС.

Оказывается, за это время, по его приказу, было проведено тщательнейшее расследование полетов над территорией Чечни «неопознанных» самолетов, бомбящих населенные пункты России, ибо Чечня, как известно, неотъемлемая часть Российской Федерации. Следствием установлено, пояснил главком, что никаких самолетов не было вообще. Чеченцы сами взрывали дома в своих селах, выбирая дома победнее, где жили семьи, за которых не могли заступиться влиятельные родственники. Взрывы производились с помощью авиационных «глубинных» бомб, украденных с федеральных складов. В доказательство генерал, как водится, предъявил «радиоперехват», в котором какой-то анонимный чеченский командир приказывал (по-русски, разумеется!) своим подчиненным доставить «глубинную» бомбу в такое-то село, выбрать там соответствующий дом и взорвать. Генерал был вынужден сделать подобное заявление, поскольку его предыдущие разглагольствования о наличии тайных дудаевских авиабаз на территории

Азербайджана вызвали резкий протест Баку, ссора с которым грозила резко уменьшить долю России в реализации бакинской нефти.

Чтобы как-то сгладить возникшее с Баку недо-
разумение, в Москве арестовали бывшего президен-
та Азербайджана Муталибова и бывшего министра
обороны Газиева, изъявив готовность немедленно
выдать обоих режиму Гейдара Алиева.

Заодно в Москве праздновали Светлое Пасхаль-
ное Воскресенье. В возрождающемся Храме Хрис-
та-Спасителя вел службу сам Патриарх. Президент
Ельцин с супругой молча слушал службу. Как обыч-
но, держа свечку в правой руке, он не крестился, в
то время как Наина Иосифовна осеняла себя крест-
ным знаменем уже довольно непринужденно. На
куполах строящегося храма и на крышах соседних
домов откровенно расположились снайперы, разгля-
дывая прилегающую к президенту местность в оп-
тические прицелы своих автоматических винтовок.

16 апреля президент Ельцин прибыл в Красно-
дар, дабы заручиться поддержкой местного населе-
ния на предстоящих выборах. Казачьи офицеры в
самой разнообразной форме, с шашками и нагайка-
ми, напоминающие большой фольклорный ансамбль,
заполнили центральную площадь города, где распо-
ряжался глава президентской администрации Нико-
лай Егоров — один из главных виновников (и глав-
ных преступников) Чеченской войны. Свою новую
ослепительную карьеру Егоров сделал после Буден-
новского позора, когда Ельцин вынужден был снять
своего фаворита с поста министра по делам нацио-
нальностей и региональной политики.

Собравшимся президент заявил, что война в Чечне практически закончена, добавив при этом, что никогда не сядет за стол переговоров с Дудаевым, в очередной раз обозвав чеченского генерала бандитом. Впрочем, президент не отказывался вести переговоры через посредника в лице короля Марокко Хасана II. Хотя казаки вопили «любо», один из ветеранов, которого президент удостоил личным разговором, неожиданно для организаторов всего мероприятия «по общению с народом» предложил Ельцину мирно закончить свой президентский срок и уйти в отставку.

Президент довольно сбивчиво стал объяснять ветерану, что продолжение реформ в России зависит от того, останется он у власти или нет. Ветерану, судя по всему, именно эти реформы были ножом по горлу, и он мечтал о реставрации коммунизма в случае победы Зюганова на предстоящих выборах.

Пока Ельцин препирался с ветераном, обнаглевшим от свободы и демократии, в Москву доставили тело корреспондентки газеты «Сегодня» Надежды Чайковой, погибшей в Чечне. Чайкова была, конечно, далеко не первым представителем средств массовой информации, погибшей в Чечне. Однако, все предыдущие гибли, как правило, случайно попав под огонь противоборствующих сторон. Чайкова же погибла иначе. Кто-то поставил ее на колени и хладнокровно убил выстрелом в затылок.

Правоохранительным «органам» такими событиями заниматься было некогда. У них были более важные задачи. ФСБ и Генпрокуратура возбудили новое уголовное дело против Новодворцевой за «раз-

жигание межнациональной розни» и призывы к уклонению от военной службы. Отважная вечная диссидентка открыто стояла на стороне доблестных бойцов чеченского сопротивления и призывала русских матерей не отдавать своих сыновей на убой в армию, где их превратили в самый дешевый расходный материал.

Но времена уже все-таки были другими. 17 апреля Новодворская появилась на экране телевизоров в программе «Герой дня» и предупредила, что на случай грядущей победы Зюганова на президентских выборах, воспрянувшая ФСБ уже заранее готовит уголовные дела. Так, в Петербурге арестован отставной капитан 1-го ранга Никитин — сотрудник международной экологической организации. Поводом для ареста послужило то, что Никитин передал норвежцам фотографии гниющих в бухтах Кольского полуострова десятков списанных атомных подводных лодок, ежеминутно грозящих новым Чернобылем. За это против него выдвинуто обвинение в шпионаже. В Москве ФСБ возбудила дело против молодых антифашистов, демонстративно вытиравших ноги о коммунистические и фашистские флаги. Председатель комитета Думы по безопасности Виктор Ильюхин уже отдает распоряжения ФСБ и прокуратуре возбуждать уголовные дела за антикоммунистическую пропаганду. Но поскольку подобной статьи сейчас в уголовном кодексе нет, любое выступление против коммунистов «органь» квалифицируют как разжигание межнациональной розни. Коммунист — это теперь национальность.

В тот же день Москва прощалась с Надеждой Чайковой. На похоронах была зачитана записка уби-

той, где она просила в случае ее смерти винить в этом российские спецслужбы. Пока шли похороны, неизвестные без ордера пытались провести обыск на квартире убитой журналистки.

И в довершение богатого событиями дня, 17 апреля 1996 года, пришло известие о гибели в Чечне бронемеханизированной колонны сводного 104-го полка. Колонна попала в засаду под Шатоем и была полностью уничтожена. Погибло 93 военнослужащих федеральных войск, более 80 — ранено, около 70 пропали без вести или были захвачены в плен.

Президент Ельцин, узнав о новой «победе» в Чечне, заявил, что потрясен этой трагедией и намерен жестко спросить с военных, что происходит? Никто не мог ответить президенту, кроме генерала Тихомирова, который, обвинив прессу в грубом искажении фактов, предъявил доказательство того, что колонна под Шатоем не была уничтожена полностью. Спаслось 13 человек. Нечего врать!

На 20 апреля в Москву стали съезжаться главы стран так называемой «большой семерки», давая понять, что США и Большая Европа полностью поддерживают президента Ельцина и его политику. Выступая в этот день в Думе, Владимир Жириновский, в свойственной ему балаганной манере, назвал президентов и премьеров «большой семерки» жуликами, приехавшими грабить Россию.

Но особое возмущение Владимира Вольфовича вызвал тот факт, что в день гибели в Чечне очередной российской бронекolonны, по телевидению демонстрировалась очередная серия знаменитого порнофильма «Эммануэль».

С этим трудно не согласиться. Если бы русское общество реагировало на каждого убитого в Чечне ребенка как, скажем, на убийство известного журналиста Листьева, то сплошная череда траурных дней, возможно, быстро бы привела к окончанию кровавого безумия.

Что же касается «семи жуликов», которые, по словам Жириновского, «приехали грабить Россию», то они в тот же день были приняты президентом Ельциным в его только что отреставрированной кремлевской резиденции. Средневековая роскошь, в которой стиль 1-й Империи сочетался с московской купеческой безвкусицей начала века, настолько поразила западных руководителей, что даже привыкший к Лувру и Версалию президент Франции Ширак, ошалело оглянувшись по сторонам, только развел руками и характерной мимикой лица дал понять, что у него нет слов, чтобы высказать свои впечатления.

Глаза президента Ельцина горели законной гордостью, отражая позолоту мебели и стен. «Семь жуликов» могли убедиться, что предоставляемые России кредиты не только расходуются на ведение войны в Чечне, а используются и в мирных целях повышения благосостояния.

Как раз к этому времени армия официально заявила, что за последние 3 месяца через морг Грозного прошли 496 трупов русских солдат, подчеркнув, что морг в Грозном далеко не единственный, куда из зоны боевых действий поступают убитые.

Шел уже 500-й день Чеченской бойни, которую генерал Грачев некогда обещал президенту закончить за два часа с одним полком десантников.

Только по официальным данным получилось, что за эти 500 дней было убито 4000 военнослужащих и ранено около 9500 человек. А если учесть, что официальные данные всегда были в два-три раза ниже реальных, то картина получалась совсем кошмарная. Генерал Грачев был затребован в Думу для отчета по случаю столь печального юбилея. Тем более, что конца войны, продолжающейся уже 1,5 года, видно не было.

Министр обороны держался спокойно, правда, уже не столь воинственно, как полтора года назад. Выразив сожаление, что ему не дали «добить противника» летом прошлого года (после Буденновска), он добавил, что «если личность министра обороны способна повлиять на ведение войны в Чечне, он готов прямо сейчас уйти в отставку». Разумеется, его попросили остаться.

Гораздо более воинственно был настроен командующий группировкой Федеральных войск в Чечне генерал-лейтенант Тихомиров. У многих уже сложилось впечатление, что генерал Тихомиров сидит в Грозном, мягко говоря, как носовое украшение корабля: ничего не делая и ни за что не отвечая. Повстанцы брали то один, то другой населенный пункт, войска неделями топтались у населенных пунктов, неся чудовищные потери, налицо был саботаж прямых приказов Верховного Главнокомандующего, повелевшего прекратить огонь, а генерал Тихомиров продолжал оставаться на должности, время от времени удивляя журналистов сенсационными заявлениями. То он неожиданно вещал, что в Чечне уже не с кем воевать, поскольку все бандформирования уже уничтожены, рассеяны и загнаны в горы. Не с кем

и вести переговоры. Он вообще не понимает, что за переговоры он должен вести? Он может вести переговоры с бандитами только на одну тему — о сдаче оружия. Альтернатива этому — поголовное истребление бандитов, а поскольку, как недавно заявил шеф ФСБ генерал армии Барсуков, бандитами является все население Чечни, то и делайте соответствующие выводы.

Выводы делались и не только в Москве и Грозном. Столь беспомощное поведение армии вчерашней сверхдержавы в ничтожном, честно говоря, конфликте, который даже локальным можно было назвать с большой натяжкой, удивило весь мир. Уже тот факт, что иррегулярные «бандформирования», столкнувшись с частями регулярной армии, сумели повернуть конфликт в русло кровавой мясорубки с применением всех средств обычных вооружений, включая и запрещенные, вызвал всеобщее недоумение.

Разведки многих стран — от знаменитого ЦРУ до почти неизвестной украинской разведки — внимательно отслеживали каждый день войны, приходя к весьма интересным выводам.

По мере продолжения боевых действий боевая и оперативная подготовка чеченских подразделений постоянно росли, а у федеральных войск, напротив, падали с угрожающей быстротой. Базируясь на оценках участия Российской армии в Чеченской войне, американские специалисты отметили устойчивую тенденцию к снижению боеготовности и тот факт, что эта тенденция полностью игнорируется правительством. Было отмечено, что Вооруженные силы России уже не в состоянии проводить операции стратегического масштаба, осуществлять оперативную

переброску войск и боевой техники для ведения крупномасштабных боевых действий в Европе и других регионах мира. В случае оборонительной войны, подчеркивалось в отчете, Вооруженные силы России смогут обеспечить защиту национальных границ лишь в случае непродолжительных военных действий. Даже для достижения внутривнутриполитических целей возможности армии можно считать весьма ограниченными.

Продолжающаяся уже скоро 2 года война в Чечне наглядно высветила все последствия быстрой деградации Вооруженных сил: недоукомплектованность частей и подразделений и невероятно низкий уровень боевой подготовки. Высший командный состав при этом демонстрирует полную некомпетентность в сфере тактического и оперативного искусства. Даже элитные подразделения, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением чеченских повстанцев, прибегают к устаревшему способу «давления огнем и массой». На самом низком уровне находится управление войсками и организация взаимодействия различных родов войск. Использование личным составом современных систем оружия в условиях реального боя делает эти системы более опасными для собственных сил, чем для противника.

Впрочем, военные аналитики в самой России все это знали. Они неоднократно пытались информировать власти, что уровень оперативной и боевой подготовки войск низок и продолжает падать, и что при этом руководство Министерства обороны РФ тотально дезинформирует президента о реальном состоянии дел в армии. Они отмечали также все возрастающее влияние криминогенных элементов на военных

руководителей разного масштаба, выражающееся в том числе и в утечке оружия с армейских складов, подчеркивая, что российская армия становится главным поставщиком боевых средств международным мафиозным кланам и террористическим организациям. Более того, аналитики делали вывод, что «разлагающаяся, нищая, голодная и озлобленная на власть армия» неминуемо в конце концов превратится в движущую силу сползания страны к фашизму или коммунизму, что одно и то же.

Однако, подобные мелочи давно не интересовали ни президента, ни правительство, ни даже Министерство обороны. Генералы завязли в строительстве роскошных особняков, используя бесплатную рабочую силу в лице собственных солдат, готовых покрыть любое генеральское преступление, лишь бы не попасть в Чечню. Банки давали генералам щедрые подачки, оформленные под кредиты, за лихое разворовывание армейских складов с накопленным там оружием на три мировых войны.

А президента и подавно ничего не интересовало, кроме предстоящих выборов.

На вопрос какого-то бестактного журналиста, что он, Ельцин, будет делать, если коммунисты вернутся к власти, президент громогласно объявил: «Этого никогда не произойдет! Я уверен в своей победе!»

И его рейтинг немедленно поднялся на три пункта. В то время как рейтинг Зюганова падал, поскольку после «беловежского хулиганства» Геннадий Андреевич вел себя как-то робко и неуверенно. На то были свои причины.

Во-первых, «старина Зюг», как его называли

склонные к фамильярности газеты, отлично знал, что президентом уже заготовлен указ о запрещении Компартии Российской Федерации как экстремистской организации, не признающей Конституции, с последующим аннулированием депутатских мандатов и всеми вытекающими отсюда последствиями. Никто не сомневался, что в случае крайней необходимости Ельцин, не колеблясь, прибегнет к этому методу.

В тюрьме «старине Зюгу» еще сидеть не приходилось, поскольку всю жизнь он просидел в президиумах. Но его новые дружки, такие, например, как Лукьянов и Варенников, в тюрьме уже первый срок отсидели и искренне не советовали своему новому генсеку идти по их стопам.

Однако, всевозможные хулиганские выходки в Думе и на уличных митингах были для Зюганова далеко не единственными способами угодить за решетку. Министерство финансов уже несколько раз намекало, что не прочь выяснить — на какие деньги живет ныне Компартия России, не очень веря заверениям Зюганова, что живет она, как и покойная КПСС, на членские взносы рядовых коммунистов. Это уже не говоря о том, что Компартия, оперируя астрономическими суммами, не платила никаких налогов в казну.

Впрочем, выяснять тут особенно было нечего. Одним из финансистов партии был последний премьер-министр СССР Валентин Павлов, о котором мы много и интересно писали еще в «Золоте Партии», когда он был одной из основных фигур перекачки национальных богатств страны на секретные счета в западных банках.

Отсидев немного в тюрьме по делу ГКЧП, Пав-

лов после выхода на свободу быстро встал под привычные красные знамена зюгановской партии, став главным «кассиром» коммунистов. Навыки и рефлекс у Павлова остались старыми, а место работы — новым. Бывший премьер устроился консультантом в не очень большой и не слишком известный Часпромбанк, а после победы коммунистов на выборах в Думу перешел в одно из самых серьезных финансовых учреждений — Промстройбанк РФ, где председателем правления был не менее известный Яков Дубенецкий, не один год ходивший в кандидатах на пост председателя Центробанка РФ. Банк имел многочисленные филиалы, которые Павлов быстро подключил к каким-то таинственным израильским и ливийским банкам, начавшим перекачку законной доли «Золота Партии», завещанной покойной КПСС своей дитяте — зюгановской партии.

Другим финансистом КПрФ стал предпоследний премьер-министр СССР Рыжков, помогавший некогда Павлову обобрать нашу страну до нитки и расколоть ее, чтобы спрятать концы в воду. Озаботившись депутатским мандатом, дабы избежать возможных неприятностей с правосудием, Николай Рыжков основал Тверьуниверсалбанк и даже стал там председателем правления, подключив его все к той же доле покойной родительницы КПСС. (Забегая вперед, скажем, что сразу после выборов мгновенно обанкротились и «филиалы» Павлова, и Тверьуниверсалбанк Рыжкова, но на них лично это никак не отразилось.)

Поэтому Зюганов никак не отреагировал на словесный вызов Ельцина, а со скорбным лицом во главе «группы товарищей» направился 22 апреля к

мавзолею, где уже без всякой охраны возлежал основатель обанкротившегося учения, которое Зюганов старался реанимировать.

И в этот момент молнией сверкнул возможный просвет в темном и бесконечном тоннеле Чеченской войны. 23 апреля, на 500-й день боевых действий, из Чечни пришло сообщение о гибели генерала Дудаева.

Сначала никто не поверил. Сообщения о гибели Дудаева приходили уже неоднократно и на проверку все оказывались дезинформацией, запуганной, как правило, из ФСБ. Совсем недавно просочились сообщения, что ФСБ направила в чеченские горы одну за другой четыре специально подготовленные группы с целью ликвидации мятежного генерала.

Все четыре группы были уничтожены до единого человека. Тем более, что и сейчас, вслед за сообщением о гибели Дудаева, немедленно посыпались опровержения. Кто-то всего пять минут назад говорил с президентом Ичкерии по телефону, кто-то даже видел его после сообщенной даты гибели, кто-то пообещал, что генерал, как он обычно поступал в таких случаях, выступит по президентскому каналу чеченского телевидения и сам опровергнет известие о своей гибели.

Но 24 апреля на экранах Чеченского телевидения появился Шамиль Басаев, подтвердивший сообщение о гибели своего президента.

Затем факт гибели Дудаева подтвердил Ахмед Закаев — один из ближайших сотрудников Дудаева. Он заявил, что генерал погиб и похоронен в секретном месте, добавив, что если при Дудаеве еще можно было заключить мир, то теперь чеченцы будут

сражаться до полного сокрушения России. Закаев пообещал, что позднее, когда республика Ичкерия обретет свою независимость, останки генерала Дудаева будут помещены в мавзолей.

В заключение Закаев сообщил, что в соответствии с Конституцией Ичкерии, обязанности президента будет выполнять вице-президент Яндарбиев.

В принципе, это не сулило Москве ничего хорошего. Именно Яндарбиев был главным идеологом чеченской независимости, и поговаривали, что он и увлек романтически настроенного советского генерала Дудаева на этот путь.

О прошлом Яндарбиева знали только то, что он когда-то был поэтом и даже членом Союза писателей, то есть человеком гораздо опаснее любого генерала.

Но в Москве, еще не осознавшей новой опасности, царило открытое ликование. Многие известные деятели, пытавшиеся сделать себе имя на чеченской войне, вроде Вольского, Степашина и Жириновского, не скрывали своей радости.

Поначалу все это дело преподали как очередную блистательную победу легендарных российских спецслужб. Вкратце обстоятельства гибели Дудаева выглядели следующим образом: он-де говорил по спутниковому телефону с Константином Боровым в Москве. В этот момент специальный самолет, вылетевший из Ингушетии, пустил по лучу радиотелефона ракету, которая, попав в Дудаева, разорвала его на куски. В доказательство этой версии демонстрировался стабилизатор от 250-килограммовой фугасной авиабомбы свободного падения.

Знающие люди понимали, что это все ерунда. Если бы наша ФСБ действительно взялась за осуществление столь сложной операции, то по крайней мере первая ракета попала бы не в Дудаева, а в здание Краевой администрации Ставрополя. Впрочем, поскольку гибель Дудаева очень напоминала политическое убийство, ФСБ не только не настаивала на своем авторстве, но и распространила сообщение, что не имеет к этому делу никакого отношения, поскольку Дудаев убит своими сообщниками, не поделившими с главарем «преступные миллиарды долларов».

Депутаты Евросовета почтили память Дудаева минутой молчания.

Премьер Черномырдин с возмущением отверг саму возможность, что убийство Дудаева планировалось кем-то в Москве. Черномырдину было не до Дудаева.

Только что в Москве у парадной собственного дома был убит личный врач Черномырдина Дмитрий Нечаев, которому премьер подарил квартиру. Он был точно мертв. Что же касается Дудаева, то, поскольку Генпрокуратура России заявила, что пока ей не предоставят тело чеченского лидера, она не поверит в факт его гибели, ответственность за которую не взял на себя никто, то стало преобладать мнение о хитрости и коварстве чеченцев вообще и самого Дудаева в частности. Он-де просто решил временно выйти из игры, чтобы изменить военно-политическую ситуацию.

И она действительно изменилась, но не совсем так, как ожидали в Кремле.

Примечание автора

Вдумчивый читатель, если он знакомился с историей своей страны не только по одобренным цензорами России, Советского Союза и Российской Федерации учебникам, статьям в официозных журналах и ура-патриотическим фильмам, нисколько не удивился тому СВЕРШИВШЕМУСЯ Факту, что Советский Союз распался окончательно и бесповоротно, грозя похоронить под своими обломками остатки российской государственности.

СССР распался, но война не закончилась. Подсознательное стремление народа к «доваряжскому самовластию» оказалось сильнее всех идей о государственности Руси, Российской Империи, Советского Союза и Свободной России.

Трудно мчаться за событиями и, тем более, их вовремя описывать и публиковать. Но, как вы поняли, это отнюдь не конец, ибо ПЯТИСОТЛЕТНЯЯ ВОЙНА и ее маленькая составляющая — война в Чечне — далеко еще не окончены, давая нам возможность мчаться от времен Рюрика в бесконечность.

Игорь Бунич
Санкт-Петербург
1996 год

СОДЕРЖАНИЕ

Меч Президента	4
Лом Президента	265
Предисловие	265
Глава 1. Пролог или бикфордов шнур	266
Глава 2. Цитаты	334
Глава 3. Детонатор	366
Глава 4. Взрыв	422
Клыки Президента	496

Игорь Бунич

ПЯТИСОТЛЕТНЯЯ ВОЙНА В РОССИИ

**МЕЧ ПРЕЗИДЕНТА
ЛОМ ПРЕЗИДЕНТА
КЛЫКИ ПРЕЗИДЕНТА**

«ОБЛИК»

Лицензия ЛР 040556
от 16 декабря 1992 г.

Подписано к печати 26.11.96 г. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,6.
Доп. тираж 10 000 от 21.02.1997 г. Заказ № 525.

Издательство НПП «Облик». г. Павловск, ул. Люксембург, 11/16.

Отпечатано с готовых монтажей в типографии им. Володарского
Лениздата. 191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 57.
OCR - Давид Титиевский, февраль 2017 г., Хайфа

Жестокая борьба номенклатурно-мафиозных кланов, отчаянные попытки любыми способами вернуть страну в коммунистическое прошлое, противостояние региональных «баронов» центру, смертельные схватки в Чечне и за кремлевскими стенами,— все это является ничем иным, как новыми событиями Пятисотлетней войны, продолжающей пылать на огромной территории России.

